

Е. П. Спангенберг

ВСТРЕЧИ С ЖИВОТНЫМИ

*. . . Главный герой этой книги –
нечто трудноуловимое и трудноопределимое,
что вбирает в себя и людей,
и природу, и животных,
то бесконечно дорогое каждому,
что можно назвать духом родной страны,
духом Родины.*

ВСТРЕЧИ С ЖИВОТНЫМИ

Е. П. Спангенберг

ВСТРЕЧИ С ЖИВОТНЫМИ

Под редакцией профессора В. Е. Филита

TIGER ELECTRONICS

Москва „Высшая школа“ 1987

ББК 28.68
С 71

Рецензент:

доктор биологических наук *Р.Л. Бёме*

Научный редактор:

доктор биологических наук, профессор *В.Е. Флинт*

Спангенберг Е.П.

С 71 Встречи с животными / Под ред. В.Е. Флинта. 4-е изд., стереотип. — М.: Высш. шк. 1987. — 287 с.

Книга "Встречи с животными" построена в виде серии очерков, которые сгруппированы по географическому принципу. Автор, замечательный советский зоолог, рассказывает о своих поездках в различные районы нашей страны, о встречах с животными и попутно дает описания биологии этих животных. Книга безупречна по своему научному материалу и вместе с тем необыкновенно живо вводит читателя в атмосферу научного поиска, знакомит его с тончайшими нюансами природы Средней Азии, Дальнего Востока, Крайнего Севера, Кавказа и Закавказья. Каждый очерк в книге Е.П. Спангенберга — это своего рода жемчужина, которую нельзя забыть с годами. Неудивительно, что на его книгах воспитывалось не одно поколение зоологов, а популярность их у читателя очень высока. Книга иллюстрирована рисунками, выполненными известным художником-анималистом А.Н. Комаровым.

Для студентов зоологов и широкого круга читателей.

С 2005000000-556 149-87 по темплану МГУ
001 (01) - 87

ББК 28.68

По Уссурийскому краю

НА БОЛЬШОЙ УССУРКЕ

Когда меня спрашивали, почему я стремлюсь в Уссурийский край, я не мог обстоятельно ответить на этот вопрос.

— Право, не знаю,— отвечал я.— Мечтаю увидеть своими глазами природу страны, побродить по ее лесам.

— Ведь там отвратительный климат. Зимой трескучие морозы, летом дожди, сырость, от комаров и мошки распухает лицо — в лес невозможно войти,— говорили мне.

Но чем больше я знакомился с краем по книгам, чем больше слышал о нем от своих товарищей, тем сильнее тянуло туда. Посетить Уссурийский край мне хотелось больше всего на свете.

Наконец это желание осуществилось. Как-то весной после десяти суток езды в скором поезде мы с Гаудиком высадились на железнодорожной станции в устье реки Большой Уссурки.

Большая Уссурка — типичная река Уссурийского края. Полноводная и могучая, она берет начало на невысоком хребте Сихотэ-Алинь и стремительно несет воды в реку Уссури.

Как все здесь непривычно, непохоже на среднерусскую природу! Вот перед вами небольшая рощица с какой-то особенной желтовато-зеленой листвой. Бесчисленные острова реки поросли сказочно красивым субтропическим лесом. Под лучами солнца издали он кажется ярко-зеленым пятном, но войдите в него, и вас охватит сумрак, сырость; травы нет, почва покрыта гниющей листвой; выше пояса поднимается папоротник.

Кончился лес. Перед вами обширный луг. Несколько шагов вперед — и вы тонете в море зелени. Густая трава поднимается

намного выше человеческого роста. Только в субтропиках можно встретить такую природу.

А сколько здесь всевозможных птиц! Незнакомое пение, свист, писк слышатся почти непрерывно. Многие из птиц окрашены непривычно ярко. Вот на сухую вершину дерева уселась довольно крупная птица темно-синей окраски. Это широкогорот. Его родина — далекая Юго-Восточная Азия. В тальнике над водой мелькает оранжево-желтый огонек. Это перепархивает птичка — желтоспинная мухоловка, радуя глаз яркой окраской.

Что может быть красочнее маленькой древесной утки-мандаринки?! Как разукрашенный поплавок, плавает она под нависшими ветвями в тихом речном затоне. Ее оперение — все цвета радуги.

Однако пусть не подумает читатель, что такова природа всего Уссурийского края. Напротив, роскошная южная растительность с ее своеобразным животным населением занимает сравнительно небольшую площадь. Широколиственные леса лентами протянулись по речным долинам, взбежали на невысокие сопки. Но поднимитесь чуть выше в горы — и вы в ином мире, мире суровой хвои, тишины и молчания. К шумливым, веселым лесам примыкает хвойная тайга Севера. Дикое и мрачное впечатление производит она на человека, впервые попавшего туда.

Великаны кедр и пихты высоко поднимают к небу вершины. В глубине темнохвойного леса вас охватывает сырой полумрак, стволы покрыты лишайником, с ветвей клочьями свисает седой мох. Отжившие, упавшие на землю деревья, их вывороченные корни делают лес труднопроходимым, ноги вязнут в болотистой почве. Особенно же поражает мертвая тишина тайги. Разве изредка пискнет маленькая птичка, застучит по стволу дятел, взлетит с земли рябчик. Смешение северной и южной природы — вот особенности Уссурийского края. Кедр и лиственница растут здесь рядом с пробковым деревом — бархатом и с маньчжурским грецким орехом. Жители тайги — соболь и каменный глухарь — обитают по соседству с тигром, широкогоротом и райской мухоловкой.

Субтропическая растительность и животные, свойственные Южной Азии, — это остатки глубокой древности. Оледенение, охватившее некогда Сибирь, не достигло Уссурийского края. Его растительность и животный мир и поныне сохранили следы былого великолепия. В то далекое время климат был более теплым. Однако общее похолодание в Сибири сказалось и на Уссурийском крае. На широколиственные леса постепенно надвигалась тайга Севера.

Разве не интересна такая страна? Конечно, интересна. Не случайно я стремился увидеть ее природу, ознакомиться с ее четвероногими и пернатыми обитателями.

Маленькое удэгейское селение Островной расположено в 200 километрах от железнодорожной станции. Леса, сопки и луговые пространства окружают его со всех сторон. В этом поселке

я и решил поселиться на первое время.

Сборы зоологических коллекций, наблюдения за малоизвестными животными занимали все время. Бывало, только забрезжит ранний летний рассвет, а я уже на ногах и спешу выбраться из сонного поселка, боясь потерять дорогие минуты. За короткое время мы с Гаудиком успели исследовать окрестности, познакомиться со всем, что казалось интересным. Изо дня в день мы бродили по сопкам, по речным лесистым долинам, не раз побывали в угрюмой тайге, пробирались по травянистым зарослям.

Однажды, когда мы шли по возвышенности среди болота, я заметил на дереве гнездо китайской иволги и заинтересовался: обитаемо оно или нет? Положив ружье, я снял сумку и полез на дерево. Гаудик тем временем наткнулся на сибирского хоря — колонка. Зверек этот небольшой, но смелый и невероятно злой. Колонок из норы на Гаудика как сорока стрекочет, пес лает, но схватить его не может: кинется на зверька, тот мигом скроется в узкой норе. Отойдет пес от норы, а смелый колонок опять из норы выберется.

Сверху все хорошо видно. Пока я спускался с дерева, колонок, улучив удобную минуту, вцепился в нос Гаудика острыми зубами. Трясет Гаудик головой, шелкает зубами, но не может ни схватить, ни сбросить с себя ловкого хищника.

Однако, завидя мое приближение, колонок сам отпустил собачий нос, опять забился в нору и уж больше не показался наружу.

Я науськивал Гаудика, чтобы он лаем выманил колонка из норы, но пес не подходил близко, обидчиво лаял издали, будто хотел сказать: «Сам с колонком расправляйся, а я не хочу больше рисковать носом — видишь, как он искусан».

Осмотрел я нору — она под корень уходит; ни топора, ни лопаты у меня не было. Ничего не выйдет, надо бросить бесполезное дело. Зашагал я опять по болоту, с километр уже прошел, оглянулся и с удивлением заметил, что Гаудика нет сзади. Но вот появился и он, забежал вперед, не дает мне идти, вертится под ногами, все свой искусанный нос показывает. В ответ я только руками развел: хотел объяснить собаке, что ничем помочь не могу. Вскоре Гаудик снова исчез.

Ждал я его, ждал и повернул назад. Прошел немного, вдруг вижу — навстречу мне бежит Гаудик. Морда у него довольная, на лбу упрямая складка. Завидев меня, пес весело залаял и побежал обратно. Я за ним. Опять вернулись мы на старое место, и Гаудик привел меня к задавленному колонку. Я рассматриваю мертвого зверька, а Гаудик на меня лает: «Не хотел колонку за

меня отомстить, так я и без тебя обошелся — сам с ним расправился».

В напряженной работе незаметно летело время. Наконец настал день, когда мы должны были расстаться с Островным и спустились вниз по реке Большая Уссурка. Дальнейшие сборы я предполагал проводить в окрестностях небольшого поселка Вербовка.

Но как туда перебраться? После обильных дождей в верховьях вода в реке прибывала с каждым часом. Она вышла из берегов, подмывала корни растущих по берегу кедров и, когда дерево валилось в воду, ревя и пенясь, несла его вниз по течению.

— Вас никто сейчас не повезет в Вербовку,— сказал мне хозяин.— Ведь обратно против такого течения невозможно подняться. Значит, бросай лодку. Лучше купите лодку и поезжайте сами. Это обойдется много дешевле, а внизу она вам пригодится.

На другой же день я купил лодку. Но что это была за лодка! Выдолбленная из толстого тополя, узкая и длинная, она была настолько легка, что, взвалив на плечи, я мог без особого напряжения пройти с ней 2—3 километра. Все это, конечно, можно было отнести к ее положительным качествам. Однако на воде лодка напоминала полудикого жеребца, пытающегося всеми средствами сбросить с себя седока.

— Как же мы доплывем на такой лодке? — жаловался я хозяину.— Она действительно оправдывает свое название — морочка.

— Да вы поплавайте на ней денечек, поучитесь.

— Чего там учиться, умею управлять лодкой,— перебил я его с раздражением.— А в этой вертушке за час я уже успел два раза выкупаться в одежде. Мало того, перевернувшись, она ударила меня по голове так, что я едва из воды выбрался.

— Уверяю вас,— успокаивал меня хозяин,— как только уложите в нее ваш багаж, лодка перестанет вертеться.

И действительно, разложенные на дне лодки тяжелые вещи сделали ее более устойчивой и послушной. Несмотря на это, наученный горьким опытом, я на всякий случай снял сапоги, прикрепил к лодке веревками наиболее ценный багаж и, признаюсь, с чувством недоверия и даже страха отчалил от берега и пустился в далекий путь. В течение всего переезда жизнь наша была интересна и полна впечатлений.

— Гаудик, смотри, какой замечательный остров! — обращался я иной раз к собаке. Мы сворачивали с пути, проникали в один из тихих лесных затонов и, разбив на берегу палатку, оставались здесь на несколько дней. Каждая остановка позволяла делать интересные наблюдения над животными и пополнять коллекцию новыми экземплярами.

Жаркая погода и обилие пищи согнали сюда оленей, иногда встречалась группа кабанов, но особенно много было птиц. В затомах плавали яркие утки-мандаринки, по отмелям бродили черные аисты, лес звенел от голосов мелких птиц.

Уссурийские большеклювые вороны доставляли нам много хлопот и беспокойства. Бывало, сидишь в лагере и не предполагаешь о близости этой умной и осторожной птицы. А она зорко следит за нами с вершины кедра, растущего на ближайшей сопке. Не успеешь отойти в сторону и сотни метров, как несколько этих ворюшек слетятся к лагерю. Любопытные птицы суют свои носы в ящики, сбрасывают с котелка крышку и тащат все съедобное и несъедобное. Гаудик не выносил бесцеремонности большеклювых ворон и, не ожидая приказа, пускался к палатке. Собака старалась отогнать ворон, а птицы не теряли надежды поживиться съестными припасами. Это прекращалось лишь при моем возвращении.

Наступал вечер. Поужинав, мы еще долго сидели у затухающего костра, отдыхали от жаркого дня. Вот постепенно, один за другим, умолкают голоса дневных обитателей леса. На смену им рождаются новые звуки. Где-то в хвойной тайге кричит маленькая ошейниковая совка, отчетливо, то усиливаясь, то стихая, журчит река, иногда с плеском обваливается подмытый водой берег или со скрипом падает с дерева отжившая ветка.

Однажды на рассвете меня разбудил Гаудик. Он то осторожно кусал, то горячим языком энергично облизывал мое ухо. Я приподнялся и услышал звуки, заставившие меня выбраться из палатки.

Вот что я увидел.

По засыпанному галькой берегу шли три медведя. Один из них — крупная медведица — в этот момент переходил вброд неширокую, но быструю, впадающую в Большую Уссурку реку. Шлепая по мелкой воде широкими лапами, медведица достигла середины реки, затем резко погрузилась, так что вода перекатилась через спину, и вышла на противоположный берег. С ее шкуры с журчанием стекала вода.

Примеру медведицы последовал второй, небольшой, медведь, видимо, двухгодовалого возраста.

На правой стороне речушки остался маленький медвежонок. Он также было побрел по воде, но, достигнув глубокого места и не решаясь идти дальше, остановился и жалобно рывкнул.

В тот же момент произошла, вероятно, обычная для этих четвероногих семейная сцена. Медведица в одно мгновение очутилась около среднего медвежонка и дала ему такую затрешину, что тот полетел на отмель. Перевернувшись и схватившись обеими лапами за левое ухо, он заорал диким голосом. Затем, продолжая держаться лапой за ушибленное место, стремительно кинулся через речку, схватил маленького братишку за шиворот и, все еще вскрикивая, переволок его через глубокое место.

Вся группа исчезла в чаще, но еще долго в тишине утра до нас доносились жалобные вопли наказанного медвежонка.

Быть может, читатель не знает, что семейная жизнь у этих животных более сложна, чем мы обычно предполагаем. Уже подросший медвежонок долго остается при матери. Когда же у медведицы рождается новый детеныш, в обязанность медведю-подростку, так называемому пестуну, вменяется нянченье младшего

братишки или сестренки. Как видите, нарушение этих звериных правил или небрежное выполнение обязанностей иной раз дорого обходится легкомысленному пестуну.

Сидя в лагере и наблюдая семейную сцену, я смеялся от всего сердца. Иначе воспринял это Гаудик. Видимо, близкое присутствие медведей ему не нравилось, и он с явным беспокойством и недоверием вертелся около нашего лагеря. Я отлично знал, что мой четвероногий друг не боится медведя. Не один раз, столкнувшись с животным в тайге, он с ожесточенным лаем преследовал его и однажды сумел загнать гималайского черного медведя на дерево. Но лаял пес на него не как на дичь, а как на человека, и я, вслушавшись в интонацию голоса собаки, заранее знал, с кем придется встретиться. Мне кажется, что умный пес относился к косолапым обитателям леса иначе, чем к другим животным, и не доверял им, как не доверял и незнакомым людям. Это сказало-сь на его поведении.

Наш лагерь был довольно далеко от берега. Я волоком дотащил к воде лодку с легкими ящиками и отправился за другими вещами. На полпути встретил Гаудика. Он деловито и поспешно отправился к лодке. Когда я с чемоданом на плече шел к лодке, пес встретил меня на том же месте и убежал к лагерю. Это повторялось до тех пор, пока все вещи не были перенесены из лагеря в лодку. И тут мне стало ясно поведение собаки: пес боялся за наше имущество. Когда я был около лодки, он находился у лагеря, когда я возвращался к лагерю, Гаудик считал необходимым следить за лодкой.

«Но почему он продолжает оставаться на том месте, где мы ночевали, когда все вещи перенесены на берег?» — подумал я. — Гаудик! — крикнул я, но пес не появлялся. — Гаудик! — вторично позвал я собаку.

Пес на одно мгновение мелькнул среди кустарника и вновь исчез из виду.

Я вернулся к месту ночевки, где застал трогательную картину. Гаудик сидел под деревом, на ветви которого висела моя портянка, и показывал на нее глазами. Портянка пришла в негодность и вчера, отброшенная мной, случайно повисла на ветке. Но, конечно, об этом не знал Гаудик. Ведь для него и изношенная портянка была нашим имуществом. Я сорвал ее с дерева и на глазах Гаудика бросил в сторону. Этого было достаточно, чтобы пес поспешно убежал к лодке, которая оставалась без хозяйского глаза.

Вскоре мы достигли большого лесистого острова Пещерного. На нем жили четыре семьи русских и удэгейцев, обслуживающих маленький конный совхоз.

Сильные дожди задержали нас в этом месте. Они начались страшной грозой и лили без перерыва в течение нескольких суток. Река вздулась и несла массу подмытых и упавших в воду громадных деревьев. Продолжать путь на легкой лодчонке было небезопасно, и я решил переждать неблагоприятное время. Но сидеть в комнате было обидно. Из-за дождей в течение дня я мог выходить из дому только по одному разу.

Однако даже в комнате воздух был насыщен сыростью. Костюм высыхал медленно, и только на следующий день я решился продолжать сборы и поневоле вновь выкупаться в одежде в мокрой траве.

Но и при таких условиях мне не приходилось скучать. Как и во время других поездок, вскоре вокруг меня сгруппировались местные ребята. Любопытный народ сначала молча наблюдал, как я снимал шкурки с добытых птиц, как заносил в дневник наблюдения. Когда же ребята несколько привыкли ко мне, возникло множество всевозможных вопросов. Я отвечал на них как умел.

— Дядя, а живых зверей и птиц вы не берете?

— Пока не беру. Держать их сейчас негде. Вот приеду в Вербовку, устроюсь там, сделаю клетки, тогда и начну собирать всякую живность.

— До Вербовки близко, 60 километров, по такому течению за один день проехать можно.

— Это верно, я собрал бы и здесь, да видишь, погода какая.

— Дядя, а вы не ходите сами, нам скажите. Хотите, я вам сейчас голубых сорочат достану?

Голубые сороки — интересные птицы, о них я расскажу в дальнейшем. Я давно хотел привезти их в Москву живыми, но до этого времени они не попадали мне в руки.

— Перед отъездом достань, когда погода будет лучше,— отвечал я,— а то под дождем вымокнешь.

Но мальчик быстро снял рубашку и, оставшись в одних трусах, выскочил из комнаты и зашлепал во дворе по лужам. Вскоре он возвратился мокрый и довольный. В его картузе лежали уже сильно подросшие птенцы голубой сороки. Это было началом. С каждым днем мое живое хозяйство возрастало.

— А знаете, дядя, Колька у нас настоящий охотник,— сказал мне хозяйский сынишка.— Он всю зиму хорей-колонков по островам капканами и давилками ловил, а сейчас деньги копит, собаку охотничью купить собирается.

— А какую собаку? — обратился я к черноволосому Коле.

— Не знаю, какая она,— ответил тот,— но только на колонка хорошо ходит. Хозяин ее помер. Вот я и коплю на нее деньги. У нас,— продолжал Колька,— хорошие собаки у отца есть, только отец их не дает мне, говорит — испортишь.

— Как это испортишь? — не уловив смысла в словах мальчишки, спросил я.

— Да у нас, дядя, собаки зверовые — на тигра ходят. Вот отец и не позволяет приучать их на колонка. Если собака колонка будет искать, с ней тигра не возьмешь.

— А что, твой отец стреляет тигров?

— Нет, не стреляет, разве тигра можно стрелять! Отец и старший брат живых тигров ловят, ведь они очень дорого стоят.

— Как же они их ловят?

— Да просто ловят, собаками загоняют и ловят.

Я неоднократно слышал и читал в книгах, как наши русские охотники ловят тигров в Уссурийском крае. Селение Вострецово, расположенное неподалеку от острова Пещерного, давно славится тигровыми ловцами. Но мне хочется услышать об этом из уст мальчика.

— Коля, расскажи мне о тиграх,— попросил я его.

И юный охотник рассказал о том, как русские богатыри справляются с могучим и опасным хищником. Мне представилась такая картина.

Поздняя осень, выпал снег. Белой пеленой он покрыл болота, долины и лесистые сопки. Лиственный лес поредел, сквозь оголенные деревья видно далеко. Только местами на ветвях монгольского дуба еще держатся побагровевшие от мороза листья

да на сопках темнеют кедры. На гребне сопки стоят три человека. На них легкие полушубки, меховые шапки, рукавицы, за плечами ружья. Несколько крупных собак различной масти привязано к дереву. Это звероловы, вышедшие в тайгу в поисках тигрового следа. Однако не всякий след интересует их в равной степени. Задача охотников — найти семью тигров. До трех лет тигрята, достигающие иной раз семи пудов веса, остаются при матери. Следы молодого тигра, еще не отделившегося от семьи, опытный зверолов умеет отличать от следов взрослого животного.

После многих безрезультатных выходов в тайгу, наконец, цель достигнута: след семьи тигров найден и звероловы приступают к делу. Надо разбить выводок, возможно дальше отогнать тигрицу от детенышей. И молчаливая тайга наполняется чуждыми ей звуками. Злобно лают собаки, перекликаются люди, гремят ружейные выстрелы. Потревоженная тигрица вначале пытается увести тигрят в глубину тайги, но те отстают, прячутся в зарослях, и, наконец, мать вынуждена покинуть потомство. С этого момента и начинается настоящая охота.

Собаки спущены на след молодого тигра. С лаем и завыванием они бросаются за зверем. Тигр редко идет по прямой линии. Слыша за собой погоню, он ищет, где бы укрыться, мечется из стороны в сторону. Собачий лай, перемещающийся вначале, наконец доносится из одного места. Туда и спешат звероловы. Мало надеясь на быстроту своих ног, тигр забивается в чашу, под сваленное бурей дерево. Собаки со злобным лаем то теснят зверя, то, умолкая на мгновение, рассыпаются в сторону: это раздраженный зверь кинулся на ближайшего противника, пытаясь смять его могучими лапами. Пользуясь царящей в лесу суматохой, к месту приближаются звероловы. Один из них, наиболее опытный, вооружившись крепкой и тяжелой палкой, спокойно идет к зарослям, откуда доносится злобное рычание зверя. Подбодряемые человеком, собаки подступают все ближе и ближе. Остальные охотники, отбросив ружья в сторону, несколько отставая, следуют за первым. Загнанный в тупик, тигр теряет терпение, бросается на человека и валит его на землю. Но как странно ведет себя после этого хищник. Он испуган, растерян, глаза блуждают по сторонам, и он никогда не пускает в ход ни зубов, ни когтей. Пользуясь этим замешательством, охотники наваливаются на зверя, палкой прижимают его шею к земле, связывают лапы. Тигр пойман. Веревками его привязывают к наскоро сооруженным саням и везут в селение. Трудно поверить всему этому, однако это не сказка, не выдумка.

— Коля, а старого тигра так поймать можно? — спрашиваю я мальчика.

— Ой, нет, дядя, старого нельзя; он или уйдет далеко, или, если его прижмут крепко, сразу задерет человека.

— А знаешь, Коля, я, кажется, твоего старшего брата знаю. Он как-то меня вверх по Большой Уссурке в лодке вез и тоже о тиграх рассказывал, широкоплечий такой.

— Он и есть. Летом он товар из Вострецова в поселок Островной в кооперацию возит, — ответил Колька.

— А зимой тигров руками ловит? — улыбнувшись, добавил я.

— Ага, ловит, — кивнул головой мальчик.

— А ведь, кажется, сейчас очень поздно, — спохватился я.

Мы вышли на крыльцо. Дождь прекратился. В темноте ночи в воздухе то и дело вспыхивали и потухали огоньки. Это летали маленькие жучки, во множестве населяющие Уссурийский край. Во время полета через короткие промежутки они то загораются ярким фосфорическим светом, то потухают.

На следующее утро я проснулся поздно и, открыв глаза, тотчас зажмурился. Комната была залита ярким солнечным светом. Я оделся и вышел во двор. После дождя воздух был как-то особенно душист и прозрачен. Я решил, не откладывая, ехать в Вербовку. Наскоро позавтракав, перенес вещи и с помощью ребят разместил их в лодке. В передней ее части помещалась сплетенная из лозы клетка с живыми птицами. Я столкнул лодку и взял в руки весло.

Прощай, гостеприимный остров Пещерный!

На берегу, босоногие и загорелые, в светлых ситцевых рубахах, стояли ребята и следили за удалявшейся лодкой.

— Дядя, приезжай к нам еще! — кричали они.

— Приеду, обязательно приеду! — отозвался я.

Быстрое течение вскоре вынесло меня из узкой, закрытой лесом протоки на широкий простор основного русла. Спустя полчаса я миновал большое селение Вострецово и, обогнув подступающую к реке сопку, быстро заскользил вниз по течению.

К вечеру того же дня мы с Гаудиком благополучно добрались до Вербовки, где удобно устроились в доме одного охотника.

Природа в низовьях реки несколько иная. Лиственные леса покрывают многочисленные острова, но среди них нет хвойных деревьев. Лесистые сопки отодвинуты далеко в стороны, и, чтобы добраться до них, нужно пересечь поля, болотистые луга и перелески. В окрестностях Вербовки я собрал большую коллекцию птиц.

Многие редкие экземпляры попали мне в руки только благодаря собаке. Как-то пес выгнал из травы неизвестную мне птицу вроде перепелки. Погорячившись, я выстрелил и промахнулся. Птица исчезла в густых зарослях, однако настойчивый Гаудик вновь нашел ее и заставил взлететь. Я выстрелил вторично, но и на этот раз только поранил птицу. Пролетев метров сто, она свалилась в густую траву.

Спешно пошел я в замеченном направлении, но, как только вступил в высокие травянистые заросли, сразу потерял ориентировку. Где тут найти птицу, когда сам не знаешь, куда идешь. Видишь лишь верхушки высоких стеблей да голубое небо.

День жаркий, в траве духота несносная. Однако надо искать. Мне казалось, что раненая птица обязательно окажется редкостью. Искали мы с Гаудиком, искали и так замучились, что сил

больше не было продолжать поиски. Тогда мы вышли к реке, я выкупал Гаудика, сам выкупался, отдохнули оба. После передышки взял я Гаудика на руки, донес до места, где упала незнакомка, и пустил в траву.

— Ну, чернолобый, найди мне птицу, век тебе этого не забуду!

Через несколько минут слышу в зарослях призывный собачий лай.

— Гаудинька, где ты?

Пес отвечает лаем, и по звуку я могу судить, что собака не сходит с места. Пошел на голос, раздвигаю траву, смотрю — сидит Гаудик, а рядом лежит мертвая птица — трехперстка. Редка эта птица у нас. В Советский Союз проникает она с юга и только в восточные части страны. Распространение трехперстки до сих пор плохо изучено. Мне удалось установить, что Большая Уссурка — наиболее северная точка гнездования этой птицы в Уссурийском крае. Интересна трехперстка и в другом отношении.

У многих пернатых высиживает яйца и ухаживает за потомством только самка. Например, у уток селезень в отличие от самки имеет яркое оперение; самке необходима такая окраска, чтобы при высиживании скрыть гнездо, сохранить яйца.

Иначе обстоит дело у трехперстки. Оперение самцов окрашено скромней, чем оперение самок. Как только самка отложит яйца, она уходит от гнезда и не заботится о потомстве. Самец высиживает яйца и сам выводит цыплят. Такое различие между самцом и самкой называется обратным половым диморфизмом.

Много труда потратил Гаудик, чтобы найти трехперстку в травянистых зарослях, но в рот взять ее боится. Незадолго перед тем он меня сильно рассердил — вырвал хвост у добытой птицы. Я целую нотацию прочел псу.

— Зачем ты птицу за хвост хватаешь, куда она, бесхвостая, годится! — и на глазах у Гаудика бросил ее в сторону. Пес был ужасно сконфужен и, видимо, принял это к сведению. Вот почему он решил лучше не брать трехперстку зубами, а вызвать меня: «Бери сам, а то потом будешь браниться!»

Но иногда мой четвероногий приятель вследствие своей старательности оказывал мне медвежью услугу. Я не забуду одного случая с селезнем.

В тот день я хотел пройти через большое болото к сопкам. Они протянулись километрах в пяти от поселка. Вышли мы в поход спозаранку, чтобы к вечеру успеть возвратиться домой. Но на беду Гаудик наткнулся на озере близ селения на крякового селезня-подранка, еще весной раненного в крыло, и давай гонять его по озеру. То по камышам за ним лазают, то выгонит на чистую воду. Наконец, поймал пес птицу, слышу — в траве хлопает она крыльями. Взял я селезня в руки, осмотрел его, вижу — раненое крыло совсем зажило: вот-вот птица снова сможет летать. Мне этот селезень был совершенно не нужен, и я решил выпустить птицу на свободу, только при Гаудике не хотел этого делать — еще обидится пес. Подождал я, когда Гаудик убежал, и выпустил селезня в прибрежные заросли.

Но глупая птица вместо того, чтобы сидеть смирно, кинулась в воду, с шумом хлопая крыльями. Хотя и далеко был Гаудик, но, заслышав хлопанье, мигом примчался, и опять началась погоня за селезнем по всему озеру. То оба, пес и птица, плавают по середине озера, то скроются в камышах. Звал я Гаудика и ругал его, но пес никак не соглашался бросить селезня.

Я ждал около часа, пока Гаудик вновь не поймал птицу. За это время солнце поднялось высоко, стало жарко. В досаде, что столько времени потеряно зря, я сунул за пазуху пойманную птицу и, пройдя с полкилометра, незаметно положил злополучного

селезня в густую траву между высоких кочек. Я думал, что Гаудик увлечется новыми поисками и забудет про селезня. Однако провести пса оказалось не так-то просто. Рыская по сторонам, он время от времени забегал сзади меня и, поставив нос по ветру, проверял, здесь ли селезень. Ну и, конечно, обнаружил, что селезня у меня и в помине нет.

Пес как волчок завертелся около меня, морда недовольная, обиженная. Кинулся Гаудик назад по нашему следу и исчез из виду. Долго ждал я его возвращения и, не дождавшись, должен был вернуться. На это, видимо, и рассчитывал Гаудик. Он опять разыскал несчастного селезня и, придавив птицу передними лапами, лаял, чтобы привлечь внимание.

Пришлось мне тащиться с селезнем через болото домой. Дома я запер Гаудика, а сам отнес селезня на реку подальше от селения, чтобы больше эта птица ко мне не возвращалась. Выпущенный Гаудик, помчался на берег реки, долго рыскал по моему следу. Но на этот раз ему не удалось отыскать птицу. Уплыл селезень по реке — следа за собой не оставил.

Наступило жаркое время. Я ночевал не в избе, а на открытом воздухе, растянув палатку в саду, на берегу пруда. В одну душную ночь я долго не мог уснуть. Тяжелые тучи заволокли небо, закрыли звезды. Время от времени темноту ночи прорезали молнии, доносились глухие раскаты грома. И вторя им, в пруду то стихало, то усиливалось кваканье лягушек. Надвигалась гроза. Вот где-то далеко, на краю селения, залаяла собака, за ней другая, третья, и вскоре все селение наполнилось собачьим лаем. Сначала лай был злобный, потом в нем появились нотки страха, собаки взвизгивали, жалобно завывали.

Опершись на локти, я лежал в палатке и чутко вслушивался в эти странные и непривычные звуки. Почему так лают собаки? Но вот на краю селения лай стал приглушенный, едва слышный. Волна глухого лая докатилась до меня и ушла далеко назад, в другой конец селения. Казалось, что лай доносился не со дворов, а из подпольев строений. «Что это может быть такое?» — ломал я голову.

В этот момент лягушачий концерт оборвался, пруд наполнился невообразимым шумом. В страхе вскрикивали и хлопали крыльями домашние гуси. Очевидно, непрошенный гость хозяйничал в поселке. Я достал ружье, сунул в него патроны и выстрелил. Прошла минута, и все стихло. С противоположной стороны пруда до меня донесся голос человека: кто-то возбужденно что-то объяснял другому. Из отрывков летающих фраз я понял, что в селении были волки и утащили домашнего гуся.

Но вот в соседнем дворе неуверенно и как-то виновато тявкнула собака, ей отозвались другие. Волки ушли, опасность миновала, и собаки выбирались наружу из убежищ.

По крыше палатки все чаще и чаще застучали редкие тяжелые капли дождя.

После беспокойной ночи я проснулся поздно. Солнце поднялось высоко, играя в лужах, блестя в обмытой дождем листве деревьев.

Но где же Гаудик? Его нигде не было. Волнуясь, я обыскал двор, сад, звал его, сбегал домой, но и там его не видели. Куда он делся?

После долгих поисков мы, наконец, нашли беглеца. И где вы думаете? Виноватый и весь мокрый, он лежал в дождевой луже под перевернутой старой лодкой.

Оказывается, мой смелый четвероногий приятель боится своих серых родственников. Вероятно, в молодости он встречался с волками, которых умный пес не мог забыть в течение всей жизни.

ГОЛУБЫЕ КРАСАВИЦЫ

Перед тем как поехать в Уссурийский край и увидеть голубую сороку в природе, я хорошо ознакомился с этой птицей по книгам. Мало того, я извлек в музее большую коробку и тщательно осмотрел серию шкурок. Однако на свободе птица произвела на меня такое впечатление, как будто я видел ее впервые.

Было прохладное утро первого мая. Накануне мы с возчиком выехали из города, и покрыв по скверной дороге 42 километра, к 7 часам утра остановились на зеленой лужайке в центре маленького селения. Хотя при езде по рытвинам и ухабам я сильно устал, но непрерывно следил за сменяющимися видами. Все для меня было ново и интересно.

От лужайки, где возница решил сделать передышку, к югу уходила широкая канава. Одна из ее сторон была обсажена высокими ветлами. Ветви их еще не успели покрыться листьями, но каждое дерево издали казалось окутанным нежно-зеленой дымкой. Порой набегал ветер, и под его порывами покачивались вершины деревьев. Голубое небо, белые перистые облака, нежная зелень и даже порывы ветра — все это было необыкновенно хорошо! Во всем ощущалась весна.

Я слез с телеги и только хотел размять затекшие члены, как застыл от изумления. Над самой моей головой, с трудом справляясь с порывами ветра, пролетели четыре длиннохвостые птицы и опустились на ближайшее дерево. Конечно, я сразу узнал в них голубых сорок, но как они были красивы в этот яркий весенний день! Их нежная голубая окраска гармонировала с голубым небом. Когда же птицы уселись на ветлы, сквозь качающиеся ветви которых виднелась голубая даль, их контуры стали неясными. Я поспешил к деревьям, чтобы поближе рассмотреть этих красавиц, но непоседливые веселые птицы то и дело перелетали с места на место и несколько секунд спустя исчезли. Я же, как зачарованный, продолжал стоять на месте и смотреть в том направлении, куда улетели сороки.

Как хороши! Ведь по красоте они не уступят чрезмерно ярким

тропическим птицам. И я решил собрать и привезти в Москву не только шкурки голубых сорок, но и живых длиннохвостых красавиц.

— Пора ехать! — услышал я оклик возницы и оглянулся. Он приводил в порядок упряжь. Но вместо того чтобы забраться в телегу и продолжать путь, я извлек из-под сена свои вещи, поставил их на землю и сообщил спутнику, что остаюсь в этой деревне. Неожиданное решение, безусловно, было вызвано встречей с голубыми сороками. В дальнейшем я не пожалел о своем поступке. В окрестностях встречалось множество интересных птиц, и мои наблюдения и коллекции с каждым днем пополнялись. Время от времени я сталкивался и с голубыми сороками. Интересно, что до двадцатых чисел мая они продолжали держаться кочующими стайками: то среди густого леса, то по окраинам лесистых сопок, то в кустарниках безлесных болот. Видимо, они еще не гнездились и в поисках пищи спешили обследовать возможно большую территорию.

Однажды, когда я плыл по реке на лодке, на меня налетела стайка голубых сорок. Я схватил ружье и выстрелил. Одна из сорок, раненная в крыло, неловко спланировала на песчаную косу и поскакала к ближайшему ивняку. Спешно причалив лодку, я кинулся за ней. Хотелось взять сороку живой. Но в тот момент, когда я догнал птицу и готов был схватить ее руками, она достигла спасительных ивовых порослей. Еще мгновение, и проворная птица, пользуясь своими цепкими ногами, взобралась на вершину ивы. Я ринулся вперед. С ожесточением ломая сушняк и тресая гибкие ветви, я пытался стряхнуть птицу на землю. После долгих усилий, наконец, удалось это сделать. Но когда я бросился к месту падения птицы, она снова успела забраться на недоступную высоту.

«В воду стряхнуть», — мелькнуло в голове. И спустя короткое время под моим натиском сорока переместилась на другой участок и скакала по ивам, нависшим над глубокой протокой. Я вскакивал то на один, то на другой стволик, пригибал вершину почти к самой воде, бросал в сороку сухие сучья или тряс тонкие ветви. Вскоре напуганная птица переместилась на тонкие вершины и каким-то чудом удерживалась от падения в воду. Я уже торжествовал победу, как вдруг раздался предательский треск ветки, и вместо птицы я сам полетел в холодную воду.

Я не поймал сороку. Когда, весь в царапинах и ссадинах, я выжимал промокшую одежду, успокоившаяся бойкая птица, вертя голубым хвостом, продолжала перескакивать с ветки на ветку. Ружье было недалеко, и я мог добить сороку — мне нужна была и ее шкурка. Но эта мысль даже не пришла мне в голову. Ведь сорока выдержала жестокую борьбу и вышла победительницей. Раненое крыло подживет, и птица снова сможет летать.

«Надо отыскать гнездо с птенцами», — решил я, сталкивая с берега лодку. Мне казалось это совсем простым делом: сорок было много.

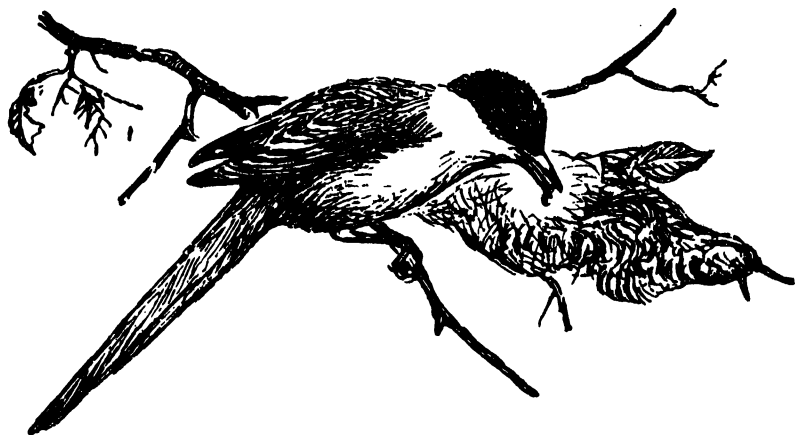
«Хоть бы одно гнездо найти», — мечтал я спустя неделю, бесптолку исколесив по лесным тропам с сотню километров. В то время я и понятия не имел, что если удастся найти одно гнездо, то можно найти их целый десяток. Позднее мне стало известно, что зимние и весенние стайки голубых сорок и в период размножения не теряют между собой связи. И если сороки не образуют колониальных гнездований, то отдельные пары обязательно гнездятся близко друг от друга, и все зимнее общество заселяет один небольшой участок леса.

Побеспокоить у гнезда сороку, и на ее тревожный крик явится не только самец, но и три-четыре сороки, гнездящиеся по соседству. Не буду описывать, как нашел первое гнездо голубой сороки, а лучше расскажу об одном интересном случае, происшедшем со мной на следующее лето.

В один душный дождливый день, какие нередки в Уссурийском крае, я нашел гнездо голубой сороки. Гнездо помещалось не очень высоко, но залезть туда оказалось довольно трудно. Толстый и гладкий ствол монгольского дуба в нижней части был лишен сучьев и из-за сырой погоды и мха, покрывающего его кору, оказался чрезвычайно скользким. Сбросив с себя все, что могло мешать, я стал карабкаться по дереву. Это было тяжело, но я лез все выше и выше. До гнезда оставалось, так сказать, рукой подать. Нужно было крепко обхватить ствол обеими руками, сжать его коленями и приподняться несколько выше, и тогда гнездо будет на уровне лица. Все это я рассчитал и, отдохнув, приступил к выполнению намеченного плана. Вот я, обхватив ствол руками, медленно поднимаюсь и, наконец, достигая гнезда, готов заглянуть в него.

Однако в этот момент обе взрослые голубые сороки подлетают к лицу и безнаказанно дергают меня за волосы, больно клюют в щеку, в уши. Боясь за свои глаза, я жмурюсь, встряхиваю головой, пытаюсь отогнать птиц, но ничего не могу поделать. Ясно, что, если я хоть на мгновение отпущу руку, я тотчас же

слечу на землю. С другой же стороны, пока я держусь обеими руками — я беззащитен. И вот я медленно отступаю до сука, на который можно опереться ногой. Одновременно отступают и сороки. Они поднимаются выше в крону дерева и сзывают своих соседей. Тогда, пользуясь отсутствием птиц, я вновь повторяю свой прием, но на этот раз встречаю еще более сильное и смелое сопротивление хозяев. Вокруг гнезда вертится уже не пара сорок, а штук восемь.

После нескольких неудачных попыток я предпочел забраться на соседнее дерево и, на этот раз не подвергаясь нападению голубых сорок, сверху и издали заглянул в гнездо. Там, наклонив набок большие головы, лежало пять или шесть голых уродливых сорочат.

К концу июня у меня собралось около двух десятков живых птенцов голубой сороки. Пока они были малы, я держал их в большой корзине, затянутой сверху сеткой. Когда же они подросли, я поместил их в просторном, наскоро сооруженном вольере.

Однако, пользуясь образовавшимся в гнилой сетке отверстием, одна за другой птицы оказались на свободе. К счастью, сорочата не улетели. Привыкнув получать корм из рук человека, они целые дни проводили в саду дома и, увидев меня, доверчиво подлетали на близкое расстояние и просили пищи. Кусочки сырого мяса, мелкие рыбки, пшенная каша и творог охотно поедались ими. Но кормил я сорочат не часто, и они были вынуждены сами отыскивать пропитание.

В поисках пищи особенно охотно птицы посещали яблони. Фруктовые деревья в том году были сильно поражены гусеницей и многие ветви сплошь затянуты паутиной. И вот мои голубые сороки, подвешиваясь на ветвях пораженного дерева, вылавливали вредителей. Спустя неделю деревья нашего сада были очищены от гусениц, и голубые сороки стали посещать сады соседей.

Перед отъездом я выбрал десяток наиболее ручных сорочат и посадил их в транспортную клетку. Однако им не суждено было попасть в зоопарк столицы. Во время долгого пути не хватило корма. Опасаясь за жизнь пленниц, скрепя сердце, я выпустил длиннохвостых красавиц в окно поезда, не доезжая до Иркутска.

Но зато как я обрадовался, когда, приехав в Москву, посетил зоопарк. Я узнал, что четыре маленьких птенца голубой сороки, привезенные мной в прошлое лето, не только превратились в прекрасных взрослых птиц, но свили гнездо и вырастили потомство.

СПРАВОЧНОЕ БЮРО В ПРИРОДЕ

— Что подавляющее большинство птиц приносит пользу человеку — это старая и неоспоримая истина. Однако далеко не все знают, как разнообразна эта помощь. Например, стервятник — дневной хищник, питающийся падалью и всевозможными отбросами, — во многих населенных пунктах Средней Азии выполняет санитарную службу. Даже ястреб-тетеревятник — вредная птица — и тот приносит некоторую пользу. В охотничьих хозяйствах он часто ловит больных промысловых птиц, чем сокращает распространение заразных заболеваний. Большую пользу приносят насекомоядные птицы. Они помогают человеку бороться с насекомыми — вредителями сельского хозяйства.

Но кто из читателей слышал, что птицы могут оказать пользу человеку при изучении фауны самих птиц или фауны местных млекопитающих?

А в некоторых случаях это бывает.

Велик и разнообразен животный мир нашей Родины. В хвойной тайге Севера обитают таежные звери и птицы, в пустынях — животные, свойственные пескам и глинистым равнинам, каких не встретишь в иной обстановке, а в Уссурийском крае вследствие смешения северной и южной растительности обитают животные тайги и широколиственного субтропического леса.

Интересно приехать в новый, не знакомый тебе край и выяснить, какие птицы и звери здесь водятся. Только нелегкое это дело. Одни животные, населяющие край в большом количестве, встречаются уже в первые дни; другие, ведущие скрытый образ жизни, напротив, попадают на глаза очень редко. Иной раз пройдут месяцы, пока выяснишь, что по соседству с вами живет то или другое животное. Для выяснения состава местных птиц или млекопитающих и приходится изо дня в день бродить по лесам, болотам с биноклем и ружьем.

Перед поездкой в экспедицию задолго начинаешь готовиться к ней, перечитываешь книги, где дано описание местности, которую будешь исследовать. Но этого еще мало. Надо уметь по-следопытски зорко читать живую книгу природы.

Много раз приходилось мне вести «перепись» звериного и птичьего населения. И за годы путешествий я выработал свои методы, которые облегчают и ускоряют мою полевую работу.

Об этом я и хочу рассказать.

Приехал в Уссурийский край. Иду по молодому дубовому лесу и вдруг слышу — зяблик тенькает! Что за диковина! Ведь я отлично знаю, что в Уссурийском крае зяблики не водятся. Вскоре я разоблачил об-

манщицу: оказалось, что кричала древесная трясогузка, но ее крик очень похож на крик зяблика. И чем больше я прислушивался к весенней мелодии уссурийского леса, тем яснее становилось, что точных сведений о птичьем населении этих мест на слух я не соберу. Кажется, что чижи перекликаются, а оказывается — это птичка-белоглазка; китайская зеленушка кричит, как щегол. Голоса многих других птиц и вовсе были неизвестны. Ведь в Уссурийском крае водится немало таких птиц, каких в другом месте не встретишь.

Запутался я совершенно и решил обратиться за помощью к самим птицам, к китайским серым скворцам.

Китайских скворцов в Уссурийском крае — великое множество. Гнездятся они в дуплах деревьев и до отказа набивают их сухими стебельками трав и птичьими перьями, чтобы у скворчат была мягкая подстилка. Собирают скворцы птичьи перья повсюду: в лесах, на полях, по берегам рек и озер. Этим скворчиным обычаем я воспользовался. Подождал, когда скворчата вылетели из гнезд (они вылетают рано), вынул из дупел несколько опустевших гнезд, разобрал их по перышку и сразу получил нужные сведения: какие птицы обитают в этой местности в летнее время. Среди скворчиной коллекции редко попадались перья, оброненные пролетными птицами, чаще — перья местных птиц, которые здесь жили лето. Так, на основании «справок», полученных от серых китайских скворцов, я составил большой список обитающих в этих местах птиц.

«Справки» о четвероногих обитателях леса помогла навести другая веселая и красивая птица — уже знакомая нам голубая сорока. Гнезда голубая сорока строит или на деревьях, или в дуплах и внутри выстилает их толстым слоем шерсти различных зверей. Осмотрел я ее гнездо. Какой только шерсти в нем не нашел! Здесь оказалась шерсть различных оленей, медведей (бурого и черного), енотовидной собаки, волка, лисицы, белки и колонка.

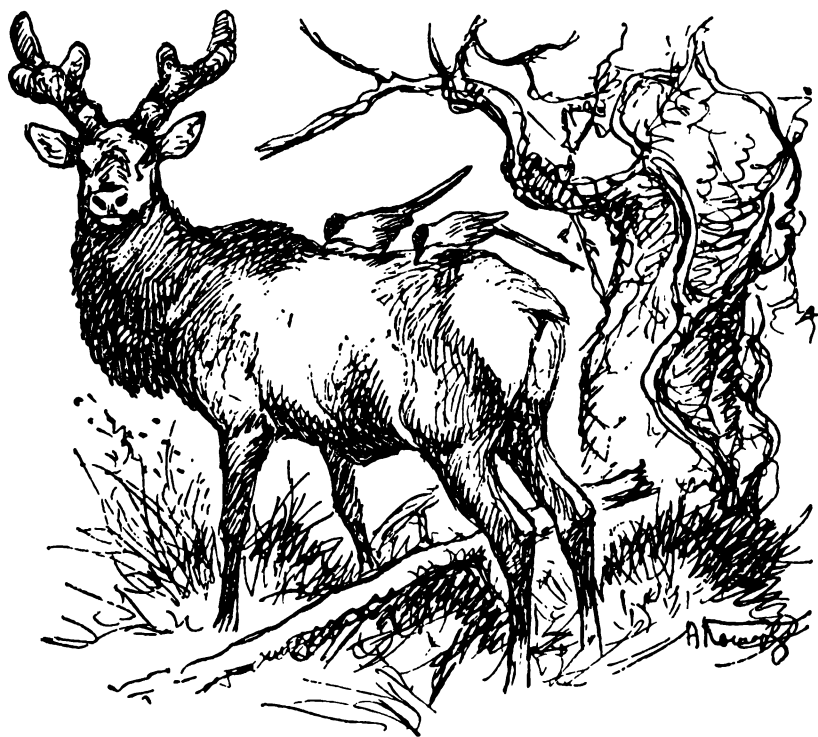
Сорока пользуется каждым удобным случаем, чтобы собрать нужную для гнезда шерсть. Найдет в ловушке-давилке, куда позабыл наведаться охотник, погибшего колонка и давай из него шерсть выщипывать и в свое гнездо таскать. Попадается сороке

клочок беличьей шерсти, утерянной зверьком во время линьки, заботливая птица и этот клочок не упустит.

Словом, хлопот у сороки по устройству гнезда по горло: шерсти нужно собрать много, да и сорока в лесу не одна. Другие сороки — такие же сборщицы шерсти — соперничают между собой. Вот и старается голубая сорока, чтобы дело у нее шло быстрее, выщипывать шерсть у живых животных, особенно у тех, которые не отличаются проворством. Большинство зверей рано начинает линять. Уже в марте шерсть на них плохо держится. Для сороки это срок как раз подходящий — она сравнительно поздно приступает к гнездованию.

Случалось мне несколько раз видеть, как голубые сороки занимаются заготовкой шерсти для гнезд.

Помню, однажды забрался я в лес и сел отдохнуть на полянке. День выдался жаркий. Ветра нет, солнце палит нещадно. Окунешься в высокую луговую траву — дышать нечем. А здесь, в лесу, в тени — хорошо и прохладно. Отдыхаю, а сам по сторонам посматриваю. Вдруг слышу в чаще тихое потрескивание валежника: должно быть, осторожный зверь идет. Смотрю: выходят на полянку из чащи три оленя. Остановились. Один потянул ноздрями воздух, но слабый ветер дул ко мне, и зверь меня не учуял.

Стали олени щипать на полянке сочную траву. Щиплют и порой от мошки отряхиваются — уж очень она им в глаза лезет. А я сижу, не шелохнусь, глазом моргнуть не решаюсь, хотя и меня мошка ест безжалостно. В этот момент, бесшумно промелькнув в воздухе, на спину к одному из оленей смело опустилась проворная птица. Хвост у нее голубой, шапочка на голове черная — как не узнать голубую сороку!

Попрыгала она по спине оленя так уверено, точно это не живой зверь, а ствол дерева, нашла удобное местечко и давай выщипывать целые клочья линяющей шерсти. Надергала полный клюв и улетела с ношей в чащу. Но не прошло и трех минут, смотрю — длиннохвостая сборщица шерсти тут как тут, опять по оленьей спине прыгает. Видимо, обрадовалась сорока, что подвернулся удобный случай, и спешила вернуться, боясь, чтобы олени не ушли далеко. Но, видно, оленю это было совершенно безразлично; он не обращал на сороку никакого внимания.

В другой раз я видел, как сорока выщипывала шерсть у домашней собаки. Погода в то утро была плохая, и мне пришлось остаться дома. Сидя у окна, я с тоской поглядывал на серое небо: когда же, наконец, перестанет лить дождь и выглянет солнышко? Вдруг среди построек мелькнула голубая сорока и исчезла в саду. Вышел я осторожно на крыльцо и вижу: сидит сорока на плетне и внимательно заглядывает под навес сарая. А там, укрывшись от дождя, спит соседский пес, большой, кудлатый; клочьями висит на нем линяющая шерсть. Нырнула сорока под навес, на лету вырвала у собаки клочок шерсти и уселась на

дерево — поудобнее уложить шерсть в клюве. Проснулся пес, недовольно огляделся кругом, но понять не может, кто это ему спать не дает. А тем временем сзади подлетела другая сорока и опять клочок шерсти вырвала у собаки.

Видит пес — надо искать убежище понадежнее, и понуро зашагал к дому, хотел залезть под крыльцо. Но сорока не теряла времени и успела-таки вырвать еще клочок шерсти. Вздрыгнул пес, весь подобрался, даже зубы оскалил, но головы не повернул. Знал, видно, что ничего ему не сделать с назойливой и ловкой птицей.

Я рассказал эту историю не случайно. Любители природы могут сделать полезные для себя выводы. Конечно, не каждому удастся увидеть гнездо голубой сороки или китайского скворца. Но каждый натуралист, собирая сведения о пернатом и четвероногом населении своего края, может пользоваться услугами «местного справочного бюро» в природе.

Очень верные справки дают нам обыкновенный скворец, полевой воробей и многие другие птицы.

АМУРСКИЙ ПОЛОЗ

Во время пребывания в Уссурийском крае меня интересовали не только млекопитающие и птицы, к которым я питаю особую любовь, но и другие животные. В долине реки Большой Уссурки я столкнулся впервые с амурским полозом. Эта неядовитая змея в некоторых случаях достигает около 2 метров в длину и бывает чуть тоньше руки взрослого человека. Амурский полоз настолько великолепен по изяществу рисунка и яркости окраски, состоящей из узких желтых полос по темному основному фону, что нельзя им не восхищаться.

«Какая замечательная змея,— подумал я, увидев в первый раз полоза.— Недаром змеиная кожа высоко ценится и идет на изготовление дорогих дамских сумочек. Обязательно нужно привезти в Московский зоопарк несколько экземпляров».

Ловить змей не очень трудно, а перевозить даже на дальнее расстояние много легче, чем других животных. В дороге их можно не кормить и не поить.

Для перевозки пойманных в Уссурийском крае змей я взял обычную старую вещевую корзину, набил ее наполовину сеном, сунул туда походные сапоги, сумку, патронташ и выпустил в корзину двенадцать полозов. Обшил корзину мешковиной и сдал в багаж по железнодорожному билету как домашние вещи. «Домашние вещи» прекрасно перенесли одиннадцатидневный переезд по железной дороге, благополучно прибыли в Москву и долго жили в террариумах зоопарка.

В том году в районе, где я путешествовал, змей было особенно много — настоящая змеиная напасть. Куда ни пойдешь — всюду змей встретишь. Внесет хозяйка охапку сена в избу, а в сене —

змея. Поднимется суматоха, крик! Пойдут деревенские ребята на лодке кататься — и в лодке под лавкой, свернувшись кольцом, лежит крупная змея. Мне это было на руку. Как только услышу крик, бегу на место происшествия в полной уверенности, что найду легкую добычу. При этом обилии я решил оставлять для себя только самые интересные, крупные экземпляры.

Но особенно часто встречались мне змеи во время охоты. Иду я однажды по окраине болотистого мелкого леса и вдруг вижу, как под нависшими кустами медленно извивается длинное тело крупной змеи. Это оказался крупный амурский полоз. Добравшись до гнезда дикой утки, он схватил в пасть яйцо и давай его заглатывать. Яйцо большое, скользкое — никак в глотку не лезет.

Несчастливая утка, отойдя от гнезда в сторону, прижалась к земле и тихо шипела. Я подошел совсем близко, но утка не обращала на меня внимания. Она не сводила глаз со змеи.

Мне стало жаль бедную птицу, и, осторожно срезав гибкий прут, я что было силы стегнул им полоза. Змея свернулась, как стальная пружина, и с молниеносной быстротой исчезла в траве.

Амурские полозы сильно вредят птицам, поедая птенцов и яйца. От змей страдают не только те птицы, которые гнездятся на земле, но и те, которые вьют гнезда на высоких деревьях.

Как-то раз, пробиваясь сквозь чашу уссурийского леса, я остановился передохнуть на краю старой гари. Оставалось пройти небольшой участок, но и этот короткий путь был нелегок. Густая трава поднималась выше человеческого роста, скрывая обгоревшие стволы деревьев, поваленные ветром после пожарища. Споткнешься о такое невидимое препятствие и падаешь ничком, а ружье, висящее за спиной, так стукнет тебя по затылку, что искры из глаз посыплются.

В травяных зарослях душно и жарко, как в бане. Тучи бесчисленных мошек и комаров наполняют воздух, с назойливым гудением лезут в глаза, рот, уши.

Я предвидел все эти удовольствия и решил немного отдохнуть, издали наблюдая за странным поведением птиц, которые и привлекли меня в этот уголок леса.

Вокруг старого дерева, поднимающего к небу свою засохшую вершину, возбужденно крича, летали ярко окрашенные птицы-широкороты. Им вторили, тревожно посвистывая, желтоспинные мухоловки. На ветвях беспокойно суетились серые китайские скворцы. Все птичье население, гнездившееся в дуплах и трещинах коры отжившего дерева-великана, было чем-то сильно взволновано. И мне хотелось узнать, кто виновник этого переполоха.

Внимательно наблюдая за птицами, я пришел к убеждению, что непрошенный гость находится где-то на стволе дерева. По-видимому, он перемещался с места на место, и в такие минуты поднимался невообразимый шум, затем на короткое время шум стихал и снова возобновлялся с особенной силой.

Я навел бинокль на ствол дерева и вскоре увидел медленно передвигающееся по стволу тело крупной змеи. Пользуясь неровностями коры и трещинами, полоз, извиваясь и блестя на солнце, настойчиво взбирался на дерево. Может, ему хотелось поскорее позавтракать птенцами, а может, он заметил мое приближение и хотел укрыться от опасности.

Сбросив с себя ружье и бинокль, я тоже полез на дерево вслед за полозом. Человеку трудно соперничать со змеей. Полоз достиг вершины дерева и забрался на самый конец сухой ветки. Последовать за ним туда я не мог: сухая ветка не выдержала бы моей тяжести.

«Ведь не достанешь, вот досада!» — думал я и смотрел, как змея, обвившая сук своим длинным телом, четко выделяется на фоне голубого неба.

Но не все еще было потеряно. Срезав длинную гибкую палку, я постарался взобраться возможно выше и начал дразнить змею, осторожно ударяя ее тупым концом своего оружия. Такое обращение не могло понравиться полозу. Он шипел и в бессильной злобе кусал палку. Чем сильнее я дразнил змею, тем больше она

теряла терпение. Заметив, что шея змеи обвилась вокруг палки, я перестал наносить удары. Это и обмануло полоза. Он стал переползать на палку, видимо, приняв ее за сухую и более безопасную ветку. Подождав, пока длинное тело змеи целиком переместилось на фальшивую ветку, я быстро подтянул к себе палку и, схватив змею за шею, сунул ее в заплечный мешок.

Хотя полоз не ядовит, но обращаться с ним нужно умючи, потому что кусается он очень больно. Я это испытал на себе.

Однажды шел я по узкой, протоптанной в густой и высокой траве тропинке и увидел, как через нее медленно переползает змея. Она, видимо, меня не заметила. Голова змеи уже скрылась в траве, и мне было видно только скользившее по земле длинное тело. Я подошел вплотную и поднял ногу, чтобы придавить хвост, когда он покажется. (Я всегда таким способом ловлю крупных

ядовитых змей. Наступлю на хвост, а когда змея начнет извиваться и биться, хватаю ее за голову).

Приготовился таким образом и жду появления хвоста. А длинное тело медленно тянется и тянется по земле, и кажется мне, что конца ему не будет.

Но вот, наконец, появился долгожданный хвост. Я наступил на него и сразу почувствовал, с какой силой рванулась, пытаюсь освободиться змея.

Я сильнее придавил хвост и стал ожидать благоприятной минуты, когда змея совется в клубок. Но полоз оказался хитрым. Он не показывал голову из травы и, дергаясь сильным телом, старался вытащить хвост из-под ноги.

Вдруг полоз вцепился в мою до локтя оголенную руку. Кровь так и брызнула и струйками побежала к кисти.

Схватив полоза за шею у самой головы, я старался раскрыть змеиную пасть, освободиться от ее хватки. Делать это одной рукой было очень неудобно, тем более что острые и длинные зубы полоза направлены своими концами по косой линии внутрь глотки.

Много боли причинил я себе и полозу. Часть зубов у змеи пришлось изломать, так глубоко они вонзились в руку. А когда полоз был посажен в мешок, при помощи иглы и скальпеля я извлек из своей кожи обломки змеиных зубов.

Кусала меня и ядовитая змея, и, хотя это произошло не в Уссурийском крае, а в пустыне Кызылкум, в Казахстане, я расскажу и об этом случае.

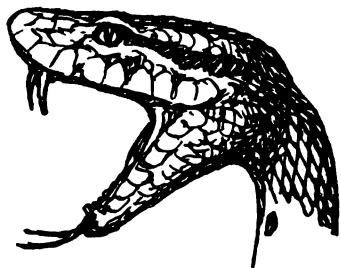
Представьте себе палящий полдень в пустыне, очертания высоких песчаных холмов, караван верблюдов, медленно шагающих по раскаленному песку. Я шел сбоку каравана с ружьем в руках: не выскочит ли где песчаный заяц, не взлетит ли птица?

Вдруг что-то мелькнуло среди полыни и исчезло в ближайшем кустике баялыча. Я наклонился к кусту, вглядываясь в его спутанные ветки, и в тот же момент почувствовал быстрое легкое прикосновение к своему лицу и укол в губу. Тронул губу — на руке осталось пятнышко крови. Что такое? Недолго думая, стал топтать кустик ногами, и оттуда выскользнула змея — стрелка. Названа она так за необычайную быстроту движений. Трудно уследить глазами за скользящей по глинистой почве змейкой, тем более что окрашенное в серый цвет тонкое тело стрелки совершенно сливается с окружающей ее средой.

Однако мне все же удалось нагнать стрелку, наступить ей на хвост и поймать за голову. Спрятав пойманную змейку в привязанный к поясу мешок, я зашагал дальше.

Может, вам покажется странным, что человек мог так легко перенести укус ядовитой змеи? Но дело в том, что ядовитые зубы у стрелки помещаются глубоко в пасти. Поймав ящерицу передними зубами, змейка начинает заглатывать добычу, и только когда уколет ядовитым зубом, ящерица перестанет биться. Укусить человека своими ядовитыми зубами стрелка не может, а укус передних ее зубов не опасен. Так что хотя и укусила меня ядовитая

змея, но укушенная губа даже не опухла, и ранка быстро зажила.

У многих людей змеи вызывают страх и отвращение. Но для меня, натуралиста, каждое животное по-своему интересно. Я змей не боюсь, так как хорошо знаю, что змея редко сама бросается на человека. Не трогай ее, и она тебя не тронет. Если же змея испугана или раздражена, она смело защищает свою жизнь или нападает сама.

«Змеиное жало», «ужалила змея» — очень распространенные выражения в быту. Только это неверно. Как раз жала-то у змей и нет. Длинный, раздвоенный язычок, который змея высовывает в минуту раздражения, не опасен. Страшны ядовитые зубы змей. Что же они собой представляют?

Обычно очень длинные и острые по сравнению с другими зубами, они помещаются по одному по сторонам верхней челюсти. Рядом с ядовитым зубом находятся от одного до семи зубов-заместителей; их назначение — заменять сломанный ядовитый зуб. Основания ядовитых зубов, имеющих особые каналцы, соединены с железами, выделяющими ядовитую жидкость. При укусе, который обычно малоблезнен и напоминает укол тонкой иглой, яд по каналцу стекает из железы в ранку укушенного животного.

За исключением гюрзы и кобры, достигающих больших размеров, крупные змеи нашей страны не имеют ядовитых зубов. Напротив, надо быть очень осторожным с маленькой змеей, особенно, если заметишь, что хвост у нее тупой, словно обрубленный, скулы широкие, а голова по форме похожа на треугольник. Это признаки ядовитой змеи.

МЯГКОТЕЛЫЕ ЧЕРЕПАХИ

У большинства видов черепах все мягкие части тела, за исключением головы, ног и хвоста, постоянно скрыты в панцире. Испуганная или потревоженная, черепаха тотчас же спрячет голову, ноги и хвост под края панциря и, защищенная им, как броней, для многих животных становится недоступной.

Плоский снизу и выпуклый со спинной стороны панцирь состоит из костных образований — щитков, сросшихся между собой, с ребрами и позвонками животного. Он настолько прочен, что его трудно раскусить хищнику, а иначе до мягких частей черепахи не доберешься.

В нашей стране есть и сухопутные черепахи, есть и такие, которые обитают в озерах и реках. Сухопутные питаются главным образом растениями (в хлопковых районах они могут вредить посевам). Водяные черепахи — хищники. Поедают они водяных

животных, рыб, лягушек и личинки насекомых. Черепахи откладывают яйца. Зароет их черепаха в песок на отмели, пролежат яйца там известное время, и выведутся из них маленькие черепашата.

Встречаются у нас и такие черепахи, которые по внешности и строению отличаются от обычных. Их панцирь не такой крепкий, как у других черепах. Кости панциря не срастаются между собой, и весь он сверху покрыт мягкой темной кожей. Называется эта черепаха «мягкотелой». Обитает она в озерах и реках Уссурийского края. Думаю я, что эту черепаху знают очень немногие. Вот об этой своеобразной черепахе я и хочу рассказать читателям.

Еще задолго до выезда в Уссурийский край, куда я направлялся не только для изучения местной фауны, но и для того, чтобы привезти в Московский зоопарк редких животных, составил я для себя список. В него вошли птицы, млекопитающие, а также мягкотелые черепахи.

Перед отъездом ко мне несколько раз приходил заведующий террариумом и все просил привезти ему мягкотелых черепах, заверяя, что это совсем нетрудно. На поиски их много времени не потратишь — в Уссурийском крае мягкотелых черепах великое множество.хлопот в дороге они не доставят, кормить их не нужно: и голодные до Москвы отлично доедут.

На словах выходило все очень гладко, а на деле... Но буду рассказывать все по порядку.

Приехал я на место, поселился в маленьком поселке на берегу реки и, как всегда делаю, собрал местных ребят и заказал поймать для меня различных животных. Ребята охотно обещали помочь, но, как дошло дело до мягкотелых черепах, замахали руками, даже слушать меня не хотят. «Лови,— говорят,— сам, а мы не будем ни за какие деньги».

Обратился я тогда к местным рыбакам. Думаю, эти согласятся — люди бывалые. Но и рыбаки наотрез отказались ловить черепах. Пришлось заняться ловлей самому.

Поймать мягкотелую черепаху оказалось трудно. Большую часть времени она сидит на дне водоема. Зароется в ил или песок, только кончик носа высунет и следит своими выпуклыми глазами — не проплывет ли мимо рыба.

В глотке черепахи на слизистой оболочке есть особые выросты — ворсинки, обильно снабженные кровеносными сосудами. Они выполняют роль жабер, и благодаря им черепаха может сидеть в воде до пятнадцати часов не показываясь на поверхности. Вот и попробуй найти такую черепаху.

На мое счастье, дни стояли чудесные, а в жаркую погоду черепахи охотно выходят из воды, чтобы погреться на солнце. Однако и при этих условиях не так-то просто было поймать черепаху. Заметит она лодку, и бросается в воду — только и увидишь, как круги по воде пошли. Потерпев не одну неудачу, я стал издали в бинокль разыскивать черепах на отмелях, а высмотрев, старался тихонько спуститься с лодки на воду и подплыть как можно ближе,

чтобы, выскочив на берег, отрезать животному отступление к воде.

Этот стратегический план я и осуществил в один прекрасный день. Но, застигнутая мной на отмели, черепаха не растерялась. Вытянув свою длинную шею, широко раскрыв пасть, она сама кинулась мне навстречу. Я схватил черепаху за бок, бросил ее на песок спиной вниз. Однако, не в пример другим черепахам, она тут же перевернулась и, разинув пасть, снова бросилась на меня.

Тогда я схватил ее за щит сзади у самого хвоста и стал звать своего спутника-рыбака: «Давай сюда лодку, мешок, да скорей!»

Моя пленница повернула назад голову, вытянула длинную шею, того и гляди до моих пальцев достанет — укусит, а сама ногами гребет в воздухе — вот-вот вырвется.

Рыбак пригнал лодку, мешок мне бросил, а подойти ближе боится. Я его и просил, и стыдил, трусом назвал, ничего не подействовало.

Пришлось самому управляться. Толкаю я черепаху в мешок, а она уцепилась за край мешка пастью — не оторвешь. Наконец впихнул я свою живую добычу в мешок, положил в лодку, и мы поплыли дальше по мелкому затону. Я сидел спереди, рыбак сзади на корме правил веслом, с опаской поглядывая на шевелящийся мешок.

Вдруг вижу, две черепахи сбежали в воду с отмели и плывут к лодке. Вода прозрачная как стекло, видно все дно, усыпанное крупной галькой, а под лодкой — тень: здесь они по глупости и решили укрыться. Спрыгнул я в воду по самую грудь, схватил одну черепаху и швырнул ее в лодку, признаться, забыв сгоряча о присутствии своего спутника. Только он тотчас же о себе напомнил: чуть лодку не перевернул, шлепнулся в воду и скорей вброд к берегу.

Черепаха тем временем старается из лодки выбраться. Я ее шапкой осаживаю, назад толкаю, а она знай кусает шапку и карабкается на борт. Кое-как я придавил ее мешком, рубаху снял и завернул в нее свою новую добычу. Пока я возился с черепахой, мой спутник, стоя на берегу, ругал меня отборными словечками. Дескать, документы у него промокли, а главное — спички и махорка, курить теперь нечего. Уж как только он меня ни честил:

— Чтоб тебе с твоими черепахами пусто было! Век прорыбачил, а в одежде не купался. Хорошо, что на мелком месте в воду попал, а то утонул бы, может. Знал бы, ни за что не поехал! Я его зову:

— Старик, успокойся, влезай в лодку, домой поедем.

Но рыбак и слушать не хочет:

— Лучше десять верст пешком пойду, чем с окаянными тварями в лодке плыть.

Разделся старик догола, развесил мокрую одежду на кустах, разложил на гальке документы, придавил их камешками, сидит на берегу голый и все меня и моих черепах ругает. Самое главное, курить ему нечего, от этого еще пуше его злость разбирает.

Пришлось одному добираться домой. Вечером пришла старуха — жена рыбака — и тоже на меня напустилась:

— Что ж ты деда-то чуть не потопил, нешто так можно!

После этой истории никто больше со мной ездить за черепахами не соглашался. Но я от своего решения не отступился, и один сумел изловить десяток крупных черепах. Посадил пленниц в ящики, поставил в сарай и успокоился. Думаю, доживут до отъезда без особого ухода, как и другие черепахи, с которыми приходилось сталкиваться раньше. Однако я ошибся. Спустя четыре дня заглянул в ящики, да так и обмер. Все черепахи погибли без воды, даже успели высохнуть! Столько труда, хлопот — и все напрасно.

Опять начинай все сначала. Правда, к этому времени я научился ловить черепах при помощи особого, специально для этой цели изготовленного треугольного сачка.

Поймать новых черепах я поймаю. Но как довести их до Москвы? Путь далекий, целых десять дней ехать надо, а они и два дня без воды вряд ли выдержат.

Вскоре опять я собрал десять черепах, а среди них одна большая, как сковородка. Длина ее — 30 сантиметров. Каждую черепаху я сажал в отдельный ящик со щелями и наполовину погружал в воду речного затона. Сидит моя черепаха целыми днями, как в ванне, и рыбу ловит, которая нет-нет, да и зайдет в ящик через щели.

Собрал я, кроме того, более сотни черепаших яиц, думаю: авось удастся вывести из них черепах. Интересно было отыски-

вать яйца. Подъедешь к песчаной косе, выследишь, куда черепаши следы ведут. Они наверняка приведут к тому месту, где песчаные бугорки насыпаны. Какой ни раскопаешь — найдешь 30—40 яиц. Одним словом, с черепахами все было в порядке, и я занялся ловлей других животных.

В ежедневных походах — то по реке на лодке, то пешком по сопкам или по высокотравным уссурийским лугам — время пролетало незаметно и быстро.

Подошел срок возвращаться в Москву. Перевозка живого груза — ответственное дело. Все надо предусмотреть, рассчитать, обдумать, обо всем позаботиться. Малейшую оплошность допустить — трудно ее в дороге исправить.

Из Москвы я захватил два ящика, разгороженных на ячейки. Туда и посадил черепах. Достал большое ведро, чтобы купать своих пассажиров во время дороги. Только одна, самая большая, черепаха в ведро не помещалась. Но достать ведро еще шире было невозможно.

На другое утро я со своей живностью прибыл подводой на железнодорожную станцию. Погрузил животных в багажный вагон скорого поезда. С этой минуты и начались мои мучения.

Багажный вагон помещался впереди состава — сразу за паровозом, а я ехал в пассажирском вагоне почти в хвосте поезда. Животных нельзя оставлять без присмотра (мало ли что в дороге случится!), и покормить их надо. Но никто не доставлял мне столько хлопот, как черепахи. Каждую из них надо в течение дня поддерживать в воде, чтобы они не высохли, не погибли, а черепах десять. Вот и бегаю я на каждой остановке вдоль всего состава к багажному вагону и обратно. Говорят, моцион полезен, но все же никому не пожелал бы я таких прогулок.

В багаже находилось и ведро с водой. Прибегу, вытащу из ящика черепаху и посажу в ведро. К этому времени я научился обращаться с пленницами и умел так взять черепаху, что она при всем старании не могла достать моей руки. Сидит черепаха в воде до первой большой остановки, а там на смену ей другую сажаю.

Так, в течение дня каждая черепаха могла побыть часа полтора-два в своей родной стихии. Только одну, самую большую, черепаху купать я не мог: не помещалась в ведре и приходилось мне заворачивать ее в мокрый мешок. Только эти «примочки» не помогли: мешок быстро высыхал. Доехала черепаха до Читы и погибла. Пришлось ее выбросить. Много времени прошло с тех пор, но и сейчас не могу вспомнить об этом без досады. Такие крупные черепахи — редкость. В музей бы ее надо, а я выбросил.

У Байкала произошло неожиданное приключение. Я знал, что здесь поезд не будет стоять долго, нервничаю, пересаживаю черепаху из ведра в ящик, тороплюсь, а она как вцепится в рукав куртки, хорошо еще, что не в руку. Попытался ее оторвать от рукава, ничего не выходит.

А тут уже два звонка поезду дали, багажный раздатчик спешит закрыть вагон. Что делать? Выскочил из вагона на платформу

и бегом к своему вагону с черепахой на руках. Едва успел вскочить на площадку на ходу поезда. В вагоне публика так от меня и шарахнулась. Прошу помочь мне отцепить черепаху, но соседи видят, что это черепаха необыкновенная, кусачая, и все в сторону, никто помогать не хочет.

Целых два перегона провозился я с черепахой, пока, наконец, отделался от ее мертвой хватки.

Спокойно вздохнул я только на московском вокзале. Передал живой багаж сотруднику зоопарка, а сам — скорей домой отсыпаться после дороги. В спешке забыл предупредить, что с черепахами нужно обращаться осторожно.

Стала служительница в зоопарке черепах в ящик пересаживать. Она привыкла иметь дело с другими черепахами и вновь прибывших не знала. Ну, и одна черепаха вцепилась ей в руку так крепко, что более часа не могли развести ее челюсти. Пришлось ветеринарным врачам зоопарка вмешаться.

Чем же, собственно говоря, страшны мягкотелые черепахи, почему их так боятся в Уссурийском крае? Да, вероятно, потому, что они действительно кусаются больно и иной раз схватывают за ногу купающегося, случайно наступившего на них человека. Как и у других черепах, зубов у них нет, но они крепко сжимают челюсти и долго не отпускают своей жертвы.

Скажу еще несколько слов о черепаших яйцах, которые я привез в Москву. Положили их в банку, наполненную песком, поддерживали нужную влажность и температуру, и спустя некоторое время из яиц вывелись черепашата. Маленькие, смешные, но шустрые и злющие, как их родители.

Но сохранить в зоопарке их не удалось. Посадили черепашат в широкий низкий аквариум, где вода едва прикрывала дно, и выставили на воздух, чтобы погреть на солнце. День выдался жаркий и ветреный, вода быстро высохла, и все черепашата погибли.

С тех пор прошло немало времени. Несколько раз я просил знакомых, едущих в Уссурийский край, привезти мне живую мягкотелую черепашку. Однако каждый раз попытка выполнить мою просьбу оканчивалась неудачей: то убежит пойманная черепашка, то погибнет, то вообще поймать ее не удастся. Наконец, в 1949 году я получил драгоценный подарок — крошечную, с пятак величиной, мягкотелую черепашку. В течение трех лет она благополучно жила в моем аквариуме.

Вначале я поместил ее в низкую банку, дно которой покрыл толстым слоем песка и очень тонким слоем воды. Мне казалось рискованным помещать животное в глубокий аквариум — вдруг задохнется. Однако вскоре я убедился, что черепаха часами сидит, зарывшись в песок под водой, и очень редко пользуется внешним воздухом. Тогда я пересадил черепашку в большой глубокий аквариум, где находились различные рыбки. Интересно было наблюдать, как черепашка быстро плавала среди растений, схватывала на дне красного червяка мотыля, а потом закапывалась

в песок. Однако я боялся за рыбок — вдруг поймает? — ведь мягкотелая черепаха — большой хищник. Опасения вскоре оправдались: черепашка поймала и съела меченосца.

После этого случая я считал необходимым хотя бы временно содержать ее отдельно от рыбок и устроил специально для черепашки просторный аквариум. Туда же я посадил бойцовую рыбку — макропода. Самцы макроподов смелы и драчливы, в некоторых случаях они дают отпор даже крупным и сильным животным. Мне казалось, что макропод может отучить черепашку гоняться за рыбками, и я не ошибся.

При первой же попытке схватить макропода черепашка потерпела поражение. Несколько ударов смелой рыбки заставили ее спасаться бегством и зарыться в песок. Вскоре между рыбкой и черепахой установились прочные отношения: черепашка боится макропода и не решается на нападение, макропод не замечает труса-черепашку. Оба животных едят одну и ту же пищу — красных червячков мотыля. Макропод даже научился извлекать пользу от своего сожителя. Он поедает тех червячков, которых выкапывает черепашка, зарываясь в песок.

Мягкотелая черепаха — животное съедобное. Японцы издавна занимались разведением этих черепах. В последнее время их стали разводить и у нас в Уссурийском крае.

ТОЛЬКА

Во второй половине июня уровень воды в Большой Уссурке сильно понизился. С каждым днем на поверхности все больше выступали новые островки и узкие косы. Река перестала реветь и пениться.

Начался сплав строевого леса. Множество бревен кедров, пихт и елей плыло вниз по течению по крупным протокам реки. Как и в других случаях, начало лесосплава привлекло внимание местных жителей. В это утро все население Вербовки от мала до велика высыпало на берег. А бревна плывут, как живые, обгоняя друг друга, порой сталкиваются между собой; на мелких перекатах глухо скребут каменистое дно. Одни плывут по несколько штук

вместе — как будто компаний, другие в одиночку, но все в одном направлении, к Уссуре, уплывая с каждой минутой все дальше от родной тайги.

— Ну, теперь сидеть и ждать у моря погоды, пожалуй, довольно. Посмотри-ка, какое течение. Куда угодно, даже против воды, в верховье, можно проехать,— с этими словами я обратился к худенькому мальчугану, подростку лет четырнадцати. Оба мы стояли на берегу и провожали глазами плывущие бревна.

Большой подъем воды за последнюю неделю и очень сильное течение все это время мешали нашим выездам на лодке по протокам Большой Уссурики, и, естественно, мы с нетерпением ждали, когда, наконец, уровень в реке понизится. Хотелось еще несколько раз посетить лесистые острова реки, в изобилии заселенные всевозможными птицами.

— Так как, Толька, поедем на острова? Давай сейчас закусим как следует — и на лодке в поход по протокам.

— Ладно, поедем,— ответил мой собеседник.

Однако по интонации его голоса я улавливаю, что предложение не по душе мальчугану. Почему же? Ведь Толя всегда охотно выезжал со мной на острова реки, где я отстреливал интересных для меня птиц и частенько передавал ружье юному спутнику. Я замолчал и насторожился. Мне стало ясно, что Толе не хочется сегодня ехать на лодке.

— Смотрите, смотрите, Евгений Павлович, как поддаст сейчас! — показал мальчуган на быстро плывущий ствол кедра.

Толстое бревно секунду спустя настигло и, действительно, «поддало» бревно, плывущее боком и несколько впереди.

— Вот двинет так по борту лодки — и лодка в щепки! А люди куда, а ружья? Все в воду, а вода-то хоть бы чуть согрелась! Как зимой, холодная.

— Значит, по-твоему, ехать не стоит? Что же ты тогда говоришь: «Поедем»?

— Ехать можно, только лучше переждать немного, пока первая партия бревен пройдет. Самое большое дня два-три, и бревен будет плыть мало. Тогда куда захотим, туда и поедем.

Я не стал настаивать.

— Пожалуй, ты прав, но только сидеть и напрасно время терять — ну просто сил больше нет. Ведь потерянных дней не воротить. А впрочем, знаешь, что я придумал? Давай-ка на эти дни заберемся в самую таежную глушь, туда, где рубят эти кедры и пихты. Если дед и бабка тебя отпустят, поедем со мной. Хочешь?

Толя кивнул головой, и мы, не теряя времени, направились к белой хатке, где жила семья Евченко.

Недолги наши сборы. Уложив в заплечные мешки несколько десятков заряженных патронов и прочее самое необходимое снаряжение, захватив пару дробовых ружей, усаживаемся на бревна, сложенные у шоссе на дороге, и терпеливо ожидаем попутной машины. А потом долгая, мучительная езда по плохой

дороге. Грузовая трехтонка со скрипом качается из стороны в сторону, ныряет в рытвины, а шофер, вероятно, забыв, что в кузове не щебень, не мешки с известкой, а живые люди, не сбавляет скорости. И тяжелый грузовик быстро катится прямо к востоку, туда, где на далеком горизонте темнеет полоска хвойного леса хребта Сихотэ-Алиня.

К вечеру того же дня уставшие от тяжелой езды, но довольные, что мучения, наконец, кончились, мы достигаем селения Вострецово, расположенного в сотне километров от железнодорожной магистрали. Отсюда в глубину тайги к лесным разработкам в последние годы проложена узкоколейка. По ней мы надеемся проникнуть в таежные дебри Приморья. Но перед тем как рассказать о дальнейшем пути, о тайге, о людях, о населяющих тайгу животных, хотя бы в общих чертах познакомлю читателей с Толей.

Когда мне удастся выезжать в Приморье, каждый раз я подолгу останавливаюсь в селении Вербовка. Этот небольшой поселок,

протянувшийся по левому берегу Большой Уссурки, служит мне, так сказать, базой. Отсюда я совершаю то близкие, то далекие поездки в сопки, на острова реки и в глухие уголки хребта Сихотэ-Алиня. Но где бы я ни устроился с квартирой и питанием, я всегда бываю тесно связан с семьей Евченко. По их адресу шлют для меня письма, в этой радушной семье я провожу все свободное время, делюсь впечатлениями, радостями и неудачами. И в этом нет ничего удивительного: все мужское население небольшой белой хатки, стоящей в молодом фруктовом садочке на берегу тихого речного затона, — прирожденные рыбаки и охотники. На берегу, под плакучими ивами, стоят плоскодонные лодки, у большой клуни вы всегда найдете шесты и весла различных размеров, на кольях висят рыболовные снасти. Именно здесь, в семье Евченко, я и столкнулся впервые с мальчуганом Толей.

Это было в первых числах мая 1954 года. Я только что приехал в Вербовку и, сойдя с попутной машины, зашел в знакомую хатку.

— А это что за парнишка? — кивнул я головой на Толю.

— Наш внук. Рыбак хороший, но лентяй здоровый, учится плохо, — ответил дед.

Дальнейшее знакомство состоялось в лодке. Оставив неразобранные чемоданы, пятнадцать минут спустя мы уже бесшумно скользили на плоскодонке по протокам и затонам Большой Уссурки. Толя отталкивался длинным шестом, а я держал наготове ружье в надежде, что парочка самых красивых во всем мире уток мандаринок, или, как их здесь называют, «японок», взлетит от лодки достаточно близко.

В постоянных экскурсиях то по островам и протокам Большой Уссурки, то по болотам и сопкам в окрестностях Вербовки протекло дней десять. За это время, внимательно наблюдая за парнишкой, я убедился, что Толя не только хороший рыбак, но и превосходный охотник.

— Евгений Павлович, дядя Женя, дайте скорей ружье! Смотрите, вон туда утки-клоктуны сели.

Я внимательно смотрю на залив, где опустилась стайка, и с первого взгляда, как охотник, оцениваю положение.

— Брось, Толя, зачем зря время терять. Посмотри сам — берег открыт, все равно они тебя не подпустят на выстрел.

Но для Тольки мои доводы неубедительны. Он продолжает скулить до тех пор, пока, наконец, я не отдаю ему свое ружье. «Как же, однако, настойчив этот юный охотник!» — думаю я и в ожидании его возвращения усаживаюсь под тенистое дерево.

— Смотри, больше пяти минут ждать не стану! — кричу я ему вслед.

Медленно тянутся минуты ожидания. Слепляют яркие лучи солнца, а комаров сколько!.. Пользуясь тем, что я остаюсь на одном месте, они собираются целой тучей и бесцеременно лезут в глаза и уши. Смешит меня нелепый прием мальчугана: получив ружье, он вдруг как-то втягивает в плечи шею и, вероятно, убежден, что с этого момента утки его уже не могут заметить. «Вот

наивность!» — качаю я головой и, не желая наблюдать за бесполезной затеей, поворачиваюсь спиной к заливу. Вскоре гремит выстрел, и весь в грязи, тине и в водорослях появляется Толька. В правой руке у него ружье, а в левой осторожно, за клюв, он держит красавца селезня чирка-клоктуна.

— Как ты к ним подобрался? — удивляюсь я.

— Между кочек, прямо водой, — отвечает довольный Толька.

— Какая это птичка так поет громко? — в другой раз задает вопрос Толя. — О, это замечательная птица! — отвечаю я. — Ее таежным сверчком называют.

— А почему раньше она не пела?

— Поет потому, что скоро гнездиться начнет, а не пела раньше потому, что ее здесь не было, только что прилетела, это одна из самых поздних прилетных птичек. Не ходи за мной, здесь посиди! — с этими словами я осторожно углубляюсь в темную чащу леса, откуда время от времени доносится громкое соловьиное шелканье интересующей меня птицы.

А потом около часа настоящего мучения. Неподвижно стою, прислонившись к дереву, с ружьем наготове, ожидая, когда таежный сверчок хоть на одну секундочку появится на открытом месте. Но, увы, бесполезно. Меня едят комары, вспотевшее лицо обжигает мошка, а сверчок-невидимка продолжает оставаться в самых густых и темных зарослях черемухи. Оттуда доносится его голосистая короткая песня. Наконец, я теряю терпение.

— Пойдем отсюда! — кричу я своему спутнику. — Все равно не добыть этой птицы.

Но неожиданно Толя оказывается рядом. Он бесшумно подполз к дереву, к которому я прислонился. Вся его маленькая фигурка — сама просьба.

— Дайте мне ружье, — чуть не плачет он, протягивая руки.

— На, бери, — охотно передаю я ружье. — Только не очень долго.

С этими словами я выбираюсь из чащи, спешу к берегу протоки, где холодной водой долго обмываю искусанные насекомыми физиономию, руки и шею. В чаще раздаются выстрелы. Вскоре на отмели появляется и Толя. В его руках не какая-то случайно попавшая под выстрел птица, а тот самый таежный сверчок, добыча которого всегда бывает сопряжена с большими трудностями.

«Эге, да ведь из этого парнишки, пожалуй, настоящий охотник выйдет!» — рассматриваю я шупленькую фигурку мальчугана с большим ружьем в руках, рассчитанным не на подростка, а на взрослого человека. Мы разводим небольшой костер и, когда дымок отгоняет от нас назойливых комаров, усаживаемся на гальку. Я достаю сумочку с инструментами, не спеша снимаю шкурку с редкой птицы и рассказываю мальчугану о сверчках, о том, как они живут и почему их так называют. Конечно, эти птички на настоящих сверчков совсем не похожи, но зато некоторые из них поют так, как будто сверчок трещит.

— Вот подожди, будем по болотам бродить, я тебе пятнистого сверчка покажу. Когда услышишь, как он поет, пожалуй, сам его сверчком назовешь.

После этого случая с таежным сверчком я решил купить Тольке ружье.

— Ружье я тебе куплю, а ты — как это тебе объяснить? — ну, отработаешь его, то есть будешь помогать мне, пока я буду в Вербовке, до отъезда в Москву. Понятно тебе?..

— Понятно, — кивнул головой мальчик.

Купленная одностволка «ижевка» двадцать четвертого калибра оказалась достаточно легка и, к нашему счастью, обладала превосходным боем. Одна беда — для купленного ружья удалось с трудом достать только пять старых патронов. Но и при этих обстоятельствах, получив настоящее ружье, Толька был в восторге. Однако счастье его продолжалось недолго. Дня три спустя он умудрился утопить ружье в таком месте, где река бушевала как лютой зверь: ревела, пенилась, стремительно неся мутную воду сквозь груды занесенных сюда бревен и корчей.

— Ну скажи, наконец, где и как ты его утопил? Видел ты, как оно в воду упало, или не видел? Может быть, оставил где-нибудь на берегу, когда подходил к уткам? — пытался я добиться толку от ревушего мальчугана.

— Нигде не оставлял, где-то здесь оно утонуло. На том берегу на корме лежало, а когда на этот берег приехали, уже не было: я шестом сильно толкался и, наверное, его в воду сбросил.

Такой ответ затруднял поиски. Протока в этом месте достигала метров пятидесяти, а место падения ружья не было установлено. Я бессильно развел руками. Где искать, как искать? Почти бесполезно.

— Утопить такое ружье! Эх ты, разиня!..

— Как я теперь буду жить?! — пуше прежнего заголосил мальчуган.

— Довольно реветь! — прикрикнул я на Тольку. — Ревом не поможешь. Вода спадет, посветлеет, тогда и искать будем, а сейчас молчи, чтоб никто не узнал, где ты ружье утопил. Поедем домой, и, смотри, никому ни слова, как будто ничего не случилось!

Обычно, возвращаясь домой с охоты вниз по реке, мы предоставляли лодку течению и болтали о всякой всячине. Любопытный Толька расспрашивал о других уголках нашей страны, о жизни животных, а я охотно отвечал на вопросы. Весь обратный переезд был для нас настоящим отдыхом после долгих часов иной раз крайне трудного передвижения на лодке и напряженной охоты.

В этот же несчастливый день, возвращаясь в Вербовку, мы оба молчали. Каждый думал свою невеселую думу. А тут еще изменилась погода: за низкими тучами скрылось солнце, по-осеннему вдруг заморосил мелкий дождь, неприветливо зашумел ветер. А после этого — ряд бесполезных попыток отыскать и из-

влечь из воды одностволку. Ружье как будто провалилось сквозь землю. Но надо же его отыскать!

— Это что за крючок? — спросил я однажды Тольку, рассматривая метровую палку с привязанным железным крючком на конце.

— Это для рыбы, рыбу этим крючком ловят, когда по Большой Уссурке кета идет.

И Толька рассказал мне о давно известном способе лова.

Чтобы отметить икру в верховьях реки, много рыбы иной раз поднимается вверх по течению. Сколько ее идет, представить трудно. Куда ни глянешь — везде рыбы спины. Вся вода как будто наполнена ею.

— Ударишь по воде этой палкой, всадишь крючок в рыбину и выбросишь ее на берег,— показал Толька, зайдя в неглубокую воду протоки.

— А знаешь, Толя, пожалуй, этот крючок и для ружья пригодится. Привяжем его на длинную палку и будем дно ощупывать. Вдруг за ремень зацепим.

И верно, неделю спустя мне, наконец, удалось зацепить и извлечь из воды одностволку. К радости, она не пострадала от долгого пребывания в воде, а, по словам Толи, будто бы стала бить еще лучше.

Но уже на другой день несносный Толька доставил мне своим ружьем большое огорчение. На моих глазах он умудрился вдребезги разбить выстрелом интереснейшую птицу — трехперстку. Об этой птице я уже писал и не стану сейчас рассказывать, чем она замечательна.

— Разве можно стрелять на таком расстоянии?! Ведь здесь десяти шагов не было, а ты целишься прямо в птицу. Стреляй мимо, чтобы боковыми дробинами задеть, или отпускай дальше. Ведь этот выстрел — настоящее варварство, разбил-то, посмотри, как — вдребезги!

— Дядя Женя, правду говорю вам, я не мог удержаться,— оправдывался Толя.— Забросьте ее подальше, я вам другую добычу.

— Нет, выбросить ее я не могу. Ведь трехперстка — редкая птица. За три года мне в руки второй экземпляр попадает.

С этими словами я подобрал разбитую птицу и поспешил с ней домой. Много труда и терпения — и из отдельных клочков шкурки удалось изготовить сносную тушку трехперстки, которая и сейчас хранится в коллекции Зоологического музея Московского университета.

Ну, а теперь скажу о семье Толи. Эта семья помимо стариков состояла из детей, внуков и правнуков. Они то переполняли небольшие две комнаты, то разъезжались от стариков по домам

к своим родителям. И тогда наступало временное затишье. Однако народу в доме всегда было достаточно. Во время моего посещения Вербовки Толя безвыездно жил в семье Евченко. Старшим по возрасту членом семьи был симпатичный, веселый и разговорчивый дед. Деду, или, вернее, прадеду, пошел уже семьдесят девятый год. Старый солдат, георгиевский кавалер, участник японской и германской войн, несмотря на преклонный возраст, не желал оставаться без дела. Целыми днями он бродил по усадьбе, прибавал какие-то доски, поправлял плетень или обкладывал соломой и засыпал землей погреб. Однажды я застал деда за странным занятием: пытаюсь перебраться через невысокий заборчик, он обеими руками старался поднять правую ногу, что ему никак не удавалось.

— Дедушка, да ведь вам уже поздновато такими делами заниматься, лет много! — убеждал я его, помогая преодолеть препятствие.

— Лет-то еще не так много, да вот нога шалит, слушаться перестала, — оправдывался старик. — Вы говорите, работать не надо, — начал дед, перебравшись с моей помощью через плетень. — А кто же делать будет? Вот, посмотрите, какая дыра в заборе. Ведь через нее в огород стадо загнать можно. Я уже неделю Тольку прошу одну лодку лозы привезти. Так на то, чтоб деду помочь, времени у лентяя никак не найдется. И получается, что сам делать ничего не желает и меня заставляет бездельничать. Посудите, чем я эту дыру заделаю, если у меня ни одной лозины во дворе нет?

Надо сказать, что внук в семье уже давно приобрел плохую репутацию: «Огорода не копает, полоть не заставишь. Все норовит на лодке со двора «смыться». Как вы его еще назовете? Лентяй настоящий!» С таким взглядом я не мог полностью согласиться. Каждый день утром, к обеду и к ужину на стол подавали большую сковороду свежей жареной рыбы. Она так хорошо пахла, так была подрумянена, что все члены семьи уничтожали ее с большим аппетитом, к сожалению, забывая, что эту вкусную рыбу ловил лентяй Толька, ловил с увлечением, в любую погоду, без перебоев обеспечивая большую семью свежей рыбой.

Однако бразды правления в семье не принадлежали деду. Они всецело находились в крепких руках мудрой, властной и, несмотря на преклонный возраст, бодрой, а на вид — еще и молодой прабабки. Более полусотни лет назад прабабка переселилась с Украины в Уссурийский край и здесь, на берегу беспокойной реки, сумела создать уголок своей далекой родины. И белая хатка, и фруктовый садик, и широкая клуня с соломенной крышей — все так напоминало усадьбу украинской деревеньки! Вот только китайские белые аисты, населяющие Уссурийский край, не пожелали до настоящего времени воспользоваться гостеприимной соломенной крышей клуни и упорно продолжали гнездиться на старых деревьях среди обширного топкого болота.

Но пора возвратиться к поездке. Как уже знает читатель, поздним вечером мы с Толькой добрались, наконец, до селения

Вострещово и остановились на ночь в семье нашего шофера. Отсюда в глубину тайги к лесным разработкам идет узкоколейная железная дорога. Ею мы и решили воспользоваться, чтобы без трудностей и быстро проникнуть в тайгу, где совсем недавно появился небольшой поселок Тимохин Ключ.

Утро. Над лесом поднялось солнце; его лучи искрятся в неподвижной воде речного затона. Усевшись в один из вагонов поезда, мы сначала пересекаем широколиственные леса речной долины, потом смешанную и хвойную тайгу невысоких сопок. Стучат колеса. Маленький паровозик-«кукушка» выбрасывает клубы дыма и пара, порой его пронзительный свист прорезает воздух; далеко в горной тайге откликается эхо.

Вот и конечный пункт нашей поездки. Но вместо того чтобы осмотреть новый поселок, отдохнуть и позавтракать, мы захватываем с собой кусок хлеба с жареным мясом и спешим в тайгу, туда, где работают лесорубы.

В полукилометре от последних домиков, в глубокой котловине среди сопок, залегла лесная прогалина. Груды свежечищенных пахучих бревен покрывают вырубленную площадку. По каткам, наскоро изготовленным из тех же бревен, несколько женщин перекатывают тяжелые стволы к узкоколейке. Здесь постепенно растет гряда заготовленного леса. К концу рабочего дня сюда подадут вагонетки и на них перебросят лес к далеким протокам Большой Уссурки. По реке, вниз по течению, деревья поплывут сами. На краю прогалины струится сизый дымок небольшого костра.

— Можно вашим дымком воспользоваться? — обращаюсь к одной из женщин.

— Можно, сюда садитесь, ближе к огню, — отвечает она, закрывая пламя зелеными ветвями кедра.

Огненные языки лижут смолистую хвою, столб непроницаемого дыма поднимается в тихом воздухе, отгоняя в стороны тучи назойливой мошки, сопровождающей в этих местах каждого человека.

Мы с Толькой удобно усаживаемся на широкие пни, извлекаем из заплечного мешка и за обе щеки уплетаем захваченный завтрак. Потом я достаю сумочку с инструментами и начинаю снимать шкуру с добытого по пути большого китайского дубоноса. Меня окружают рабочие.

— Значит, операцию с птицами производите? — шутливым тоном говорит молодой голос.

— Ну да, операцию! — в тон отвечаю я.

— А потом что?

— А потом мясо на огоньке поджарим, закусим, а шкуру вот сюда. — И с этими словами я укладываю снятую шкуру в небольшую деревянную коробочку. — Много она проедет, всю Сибирь пересечет по железной дороге и, наконец, в Москву в музей попадет. Понятно?

— Понятно. Значит, там показывать будете, какие у нас птицы живут?

— Сначала сами их посмотрим, потом напишем об этом и другим покажем.

— А вы из самой Москвы, в городе живете?

— Я из Москвы, а вот он, Толька, близко отсюда, в Вербовке живет. Вербовку-то знаете, проезжали ее, когда на машине из города в Вострецово ехали?

— Может, и проезжали, только не знаем. Ведь мы в чашобе живем, дальше Вострецова не ездим. Да и недавно, в этом году сюда приехали.

— Откуда же? — спрашиваю я одну из женщин.

— Издалека, с Украины, из-под Полтавы. Там весной яблони, вишни цветут — все сады белыми станут, у реки в кустах соловьи. А здесь тайга молчит, мошка в глаза лезет — жить не дает!

Мне не видно лица собеседницы: как и у других женщин, оно завязано толстым бумажным платком. Мошки так много, и она так назойлива, что иначе невозможно работать. Видны только большие глаза. Они задумчиво смотрят на зеленую лесную завесу, но, вероятно, видят не тайгу Приморья, а другие, далекие и в то же время близкие сердцу картины — Украину.

— Значит, не нравится здесь, к родным местам тянет? И песни, наверное, на Украине оставила?

— Ничего, понравится! — уже другим, задорным тоном отвечает собеседница. — Везде люди живут. Порубаем тайгу, белую хатку зроби́м, вишни посадим — весной тоже цвести будут.

— Як хорошо зроби́шь, хорошо и жить будет, — добавляет ее соседка.

— А далеко эта узкоколейка идет?

— Нет, недалеко, с километр будет. Слышите, там кедру валят.

— Ну, спасибо за все, — поднимаемся мы и идем на шум падающих деревьев.

— Еще заходите в гости, дымком угощаться! — смеются работницы.

— Обязательно зайдем, если этой дорогой возвращаться будем!

Позади нас слышится негромкая песня. «Де ты бродишь, моя доля?» — вполголоса поет вкрадчивый молодой голос. За сердце берет знакомый мотив.

Песня Украины, девчата Украины и где же — в далекой тайге, в дебрях Приморья!

Вот и то место, где, проникнув в тайгу, работают лесорубы. Человек сорок мужчин, русских и корейцев, с лицами, закрытыми полотенцами, и в больших шоферских очках, здесь и там копошатся у машин на обширном вырубленном участке.

В центре, у самой узкоколейки, гора нарезанных бревен. Лебедка, производя массу шума, поднимает их в воздух и одно за другим грузит на площадку вагонетки. Пахнет дымом и сырой

древесиной. В стороне, на крутом склоне сопки, среди уже поредевшего леса, кипит работа, наполняя тайгу необычным хаосом звуков. Гудят, режут тракторы; под их напором ломаются молодые деревья, невыносимо визжат электрические пилы, с грохотом ломая ветви, валятся на землю вековые кедры.

— Пойдем-ка отсюда,— обращаюсь я к мальчугану,— ведь ни помочь лесорубам, ни помешать рубке тайги мы с тобой не сумеем.

И мы, минуя сваленные деревья, поднимаемся по склону до вершины сопки. Впереди, где-то за чашей леса, опять лесная долина, а за ней новая сопка. Медленно мы достигаем и этой вершины.

«Неужели так прекрасна Украина и так плохо здесь, в дебрях Приморья? — невольно думаю я, вспоминая слова работницы.— Отойдите подальше от жилья человека, поднимитесь на вершину сопки, взгляните оттуда, и тайга представится вам совсем иной, в другом виде».

До самого горизонта, насколько хватает глаз, раскинулось море роскошной кудрявой зелени. Обширные широколиственные леса образуют в Приморье почти непроницаемый полог. Над ним то сплошной зубчатой стеной, то как одинокие великаны к небу поднимаются темные пихты и кедры. Блестит ли солнце, закрылось ли небо тучами и моросит дождь — все равно хороша тайга. А загляните в глубину девственного леса. Там царят сумрак, сырость и тишина. Пахнет сгнившей листвой, на ветвях повис седой мох, нога топчет тенелюбивый папоротник.

И разве молчалива тайга? Вот на сухую вершину великана кедра уселась глухая кукушка. «Ду-ду, ду-ду, ду-ду», — разносится по лесу ее своеобразное кукование. В зеленых кронах, напоминая флейту, звучно свистит китайский большой дубонос, да в гряде переломанных засохших ветвей когда-то упавшего дерева настойчиво поет крошечная птичка приморской тайги — короткохвостая камышевка. «Цы-сы-сы-сы-сы-сы», — нестерпимо резко звенит ее песенка.

Разве молчалива тайга?!

— Дядя Женя, сюда идите! — зовет меня Толя из лесной чащи.— Здесь не то дорога, не то какая-то тропа проходит.

— Чего ты на весь лес кричишь? Сейчас иду,— отвечаю я. «Какую-то там еще дорогу в тайге отыскал,— пытаюсь сообразить я, нехотя продираясь сквозь бурелом и папоротники.— Наверное, олени к солонцам ходят, ну и пробили тропу». Но вскоре и я останавливаюсь в недоумении. Среди девственного леса вижу совершенно прямую дорогу; постепенно сужаясь, она идет сквозь лесную чашу.

«Что за дорога, кто проложил ее в этой глуши?» — растерянно смотрю я вперед, ошупываю дорогу руками. Однако мое недоумение длится недолго.

— Ты чего меня путаешь? — с иронией смотрю я на Тольку.— В звериных следах разобраться умеешь, чуть ли ни нюхом нахо-

дишь зверя, а тут все перепутал и меня с панталыку сбил. Ну разве это дорога? Эх ты, охотник!.. Давай-ка отдохнем, посидим немного, и я расскажу тебе, что это за тропа такая.

Мы усаживаемся на землю.

— Пошупай-ка дорогу, мягкая какая,— испытующе смотрю я на мальчика.— Сколько лет тому назад это случилось, я точно не знаю, вероятно, очень давно. Вырос вон там великан-кедр, к самому небу поднял он свою вершину. Долог век дерева. И этот кедр дожил до глубокой старости. Засохли, упали на землю ветви, отошла от ствола, клочьями повисла кора. Голый, ободранный, простоял он еще лет десять и, наконец, закончил свой век. Ломая ветви соседних деревьев, рухнул на землю. Много лет пролежало и постепенно совсем истлело упавшее дерево. Остался, как видишь, след на земле, тень далекого прошлого. Разве это не так, Толя?

— Правда, так,— кивает головой мальчик.— Вон смотрите, дядя Женя, там толстая ветка в сторону отходила — тоже потом сгнила. Только это не кедр был, а большой тополь: у кедра таких толстых боковых ветвей не бывает,— оживленно рассуждает мальчик.— Чудно: словно, как в книге, все прочитать и разгадать можно.— И шупленький мальчуган с моим большим ружьем на коленях, не обращая внимания на переключку таежных птиц и забыв об охоте, долго остается на том месте, где когда-то истлело упавшее дерево.

— Толя, Толя, иди сюда! — кричу я, выбравшись из чаши леса на небольшую полянку.— Видишь ту каменную березу? Смотри, какая она большая и растет не совсем обычно. Вершина давно засохла, ветви тоже погибли, только одна ветвь вон в какую высь поднялась. А ведь здесь настоящая война разыгралась когда-то, и эта береза, как ее ни угнетали деревья-соседи, осталась цела и борьбу с честью вынесла. Правильно я говорю, как ты думаешь?

— Наверно, правильно,— нерешительно отвечает мальчик.

— Да ты подумай, а потом говори. Ясно тебе, что произошло здесь, или не ясно?

— Да не знаю, не больно ясно,— отвечает Толя.

— Ну ладно, сегодня я тебе расскажу, как свой век прожила эта береза, а потом ты будешь рассказывать мне, если увидишь что-нибудь интересное, а я слушать буду.

И, опустившись на землю, я не спеша рассказываю, как упорно боролась за источник жизни, за свет необычная по своей форме каменная береза.

— Трудно мне, Толя, разбираться в жизни деревьев. Это моя специальность. Однако и мне ясно, что одни деревья, например тополь, растут быстро, а каменная береза — медленно. Вот березе и невыгодно среди тополей расти. Тополя вырастут быстро, широко густые ветви раскинут и такую тень создадут, что березе-соседке света и не хватает. Вероятно, такая история и с этой березой когда-то случилась. Выросла она громадная, чудная — таких берез в другом месте днем с огнем не отыщешь. Да не повезло дереву. Сначала ударила молния и расщепила вершину. Потом

переросли ее тополя-соседи, лишили света и солнца. И совсем было зачахла береза. Только одна, вон та, ветвь не захотела сдаваться. Потянулась она к солнцу из глухой чащи, поднялась над вековым лесом и, смотри, как будто длинной рукой свет и солнечные лучи с неба хватает.

— А ведь жалко, что у Вербовки такого леса не стало. Дедушка мне говорил, что, когда он с бабкой на Большую Уссурку с Украины приехал, большой лес от самого города начинался. А там, где сейчас Вербовка стоит, медведи бродили.

— Да, я тоже слышал, что в то время вся долина глухим лесом покрыта была. Потом лес пожарами да рубкой почти весь свели. Жалко, что сейчас он так далеко отступил. Ведь хороший лес только в глубине сопки да на островах сохранился. И понятно. Не каждый ведь через бешеную реку на лодке за дровами решится ехать, да и пожары вода к лесным островам не подпускает. Как будто лес и вода живые, между собой сговорились помогать друг другу. Река от пожаров и рубки лес сберегает, а деревья широкими ветвями воду от солнца прячут. Иной раз посмотришь на лес, и кажется, что под защитой реки безмятежно дремлют вековые тополя и дубы. А рядом, в лесном полумраке, пенясь, бежит в Уссури вода по узким тенистым протокам. Но это не все, конечно. Река защищает лес, но и человек его сохранить старается. Разве не правду я говорю? Запрещено ведь лес на островах вырубать?

— Конечно, запрещено, но все равно рубят. Правда, рубят не все и немного: лесника боятся.

— Значит, если бы лесника не было, лес недолго бы на островах сохранился?

— Конечно, недолго. Ребята первые туда бы нагрянули.

— И верно: вот такие мальчишки, как ты, например, ни с чем не хотят считаться. В лес заберутся, костер такой разведут, что смотреть страшно, а потом, не погасив его, идут себе дальше. Там, смотришь, целый лесной массив из-за небрежности выгорел. Ну, скажи мне по совести, куда это годится? Как-то я твоего приятеля Витьку с собой в сопки взял. Дал ему походный топорик, чтобы он под руками был. Дуплистые деревья на каждом шагу встречаются — и не хочется проходить мимо них. А топорик в руках — ударишь обухом по пустому стволу, глядишь, из дупла совка вылетит или летяга выскочит. Но Витька, как попал в лес, сразу же превратил топорик в какое-то дурацкое развлечение. Идет он сзади меня по лесу и чуть ли не каждое дерево клеймом метит — со всего размаха топорик в него всаживает. Терпел я, терпел и, наконец, не смог выдержать: вырвал топорик у него из рук.

— Ну зачем ты без всякого смысла деревья калечишь?

— А что их жалеть-то! — отвечает Витька. — Все равно скоро и до них сюда доберутся, подчистую вырубят.

— Да знаешь ли ты, что каждая метка в тайге свое значение имеет? Одна покажет, как к роднику или к солонцам добраться, другая — как из тайги выйти. А после твоей дурацкой работы

не только охотник, но и ты сам без посторонней помощи из тайги не вылезешь!

— Одним словом, изругал я твоего приятеля Витьку и никогда больше его с собой не возьму.

Впрочем, что Витька! Витька мальчишка, ему двенадцати лет нет. Иной раз почти так же ведут себя и взрослые. Как-то под Москвой в конце апреля добрался я до знакомого лесника. Его сторожка стояла на самом берегу старых торфяных разработок, где нередко встречались утки. На селезней я и рассчитывал поохотиться ранним утром. Да вот досада: у лесника застал незнакомого охотника. Он приехал сюда на машине, привез всевозможные закуски и всю ночь кричал, рассказывая о своих охотничьих подвигах. Плохо я спал эту ночь. До зари поднялся на ноги и, ежась от холода, в темноте добрался до засадки.

Незавидная под Москвой за последнее время стала охота. В то утро добыл я только одного крякового селезня, но и этим остался доволен. Когда совсем рассвело и, преодолев туман, наконец, глянуло солнце, выбрался я из шалаша. Хотел уже к леснику направиться, но вдруг услышал несколько выстрелов. Присмотрелся — и увидел охотника, с которым провел ночь в лесной сторожке. В сопровождении лесника он шел по бровке среди карьеров и стрелял то вверх, то в сторону. Во что стрелял, издали разобрать было трудно, и я решил подойти ближе. Вскоре я понял, что охотник палит по бекасам. То по взлетающему бекасу выстрелит, то по токующему в воздухе. А сзади идет лесник тоже с ружьем, но с плеча его не снимает: знает, что весной эту птицу стрелять запрещают. Дошли оба до большого открытого плеса, и охотник на нем подранил нашу обыкновенную чайку. Упала она в воду и все пытается с воды подняться, неповрежденным крылом машет. Видя это и не понимая, в чем дело, к ней подлетело еще несколько птиц, и вскоре над подранком с криками закружилась целая стая. Вот по этим чайкам и начал стрелять охотник. Наверное, раз тридцать подряд выстрелил и много птиц убил и подранил. Однако лишь несколько чаек попало охотнику в руки, остальные упали на труднодоступные участки торфяного озера.

— Зачем вы так много чаек набили? — спросил я, подойдя к охотнику

— А вам-то, товарищ, какое дело!

— Ведь чайка — не дичь!

— Я спортсмен, хочу отвлечься от служебных забот, пострелять немного, и, прошу вас, оставьте меня в покое.

И всем своим видом подчеркивая, что не желает продолжать объяснения, он вполголоса обратился к сопровождавшему его леснику:

— Этот товарищ, наверное, в любой день на охоту имеет возможность поехать. А тут раз в два месяца вырвешься, и вот, извольте радоваться, на какого-то чудака нарвешься. Не обязан я каждому ответ давать о своих поступках.

С этими словами «охотник-спортсмен» повернул обратно. Следом за ним пошел и лесник, неся в руках связку убитых чаек. Потом издали я видел, как у легковой машины, провожая гостя, суетились лесник и его жена. Когда все утихло и машина скрылась за сосновым мелколесьем, мне поневоле пришлось исправлять небрежность постороннего человека. Я вынужден был добить шесть подраненных чаек: с перебитыми крыльями они безуспешно пытались подняться в воздух.

Не заходя в сторожку, я направился к станции. Мне не хотелось встречать знакомого лесника. Можно охотиться ради промысла, можно и со спортивными целями, и лес рубить тоже можно, но все надо делать с умом, по-хозяйски. Из родной страны гнать огнем и мечом нужно врага, а не родную природу.

На другой день незадолго до захода солнца мы возвращались с Толей обратно. «Кукушка», выбрасывая клубы белого дыма, опять то медленно вползала на крутые подъемы, то с грохотом скатывалась в лесные лощины. Уходила назад тайга; местами здесь и там дымились лесные пожары.

Прошел год. В следующую весну я вновь посетил Вербовку и продолжал изучать птиц в бассейне Большой Уссурки. К сожалению, на этот раз мне пришлось совершать экскурсии в одиночку. Толька подрос, работал в колхозе на тракторе, и ему было трудно вырываться на охоту даже по воскресеньям. Но вот однажды у моего юного приятеля выдался целый свободный день. Еще с вечера уложили пожитки, привели в порядок ружья и на рассвете отправились через болото к ближайшим сопкам. Хотелось глубже проникнуть в тайгу, пересечь водораздельный хребет и выйти к притоку Большой Уссурки реке Малиновке.

Долгий день в летнее время, кажется, не будет ему конца. Пользуясь этим, мы шли не спеша, останавливались, подолгу вслушиваясь в лесные звуки. И вот на одном глухом участке тайги я услышал голос какой-то незнакомой небольшой птицы и невольно насторожился. Казалось, что за все время моих странствий я слышу его впервые.

— Кто же это может пищать? — шепотом обратился я к своему спутнику. — Чей это голос?

Но Толя в недоумении пожал плечами.

— Первый раз слышу, — так же шепнул он мне на ухо.

Проверив ружье, я медленно и осторожно пошел на звуки. Но они стали доноситься из двух точек. Безусловно, здесь была не одна, а по меньшей мере две птицы, и они перекликались между собой. Раздался выстрел, потом долго продолжались поиски, и, наконец, в моих руках оказалась небольшая коричневая птичка. «Что же это такое? Неужели таежная овсянка?» — осматривал я со всех сторон ее оперение. Впервые я встретил ее на Большой Уссурке, причем не в хвойной тайге, где наблюдали ее предыдущие исследователи, а среди старого широколиственного леса.

— Толя! Необходимо добыть вторую овсянку, — обратился я к мальчугану, передавая ему ружье. Вторая птица где-то поблизости.

Я уже говорил, что Толя, несмотря на возраст, был настоящим охотником. Каждый шаг на охоте он делал обдуманно, осторожно и почти всегда точно выполнял мои поручения. И сейчас парнишка деловито обошел небольшой участок леса, внимательно всматриваясь в густую листву деревьев, потом подошел ближе ко мне и, прижавшись к стволу развесистой липы, стал слушать.

Тихо было в тайге. Только на вершинах великанов деревьев, напоминая звон серебряных колокольчиков, перекликались подвижные птички-личинкоеды да где-то внизу, на склоне сопки, деловито стучал по пустому стволу беспокойный дятел. Я стал снимать шкурку с добытой птички и краем глаза следил за Толей.

Вдруг грянул неожиданный выстрел. Волна воздуха полыхнула в лицо, ударила в уши. Шкурка убитой овсянки, ланцет и ножницы полетели куда-то на землю, в валежник.

— Во что ты стреляешь? Ведь ты меня оглушил! — зажав правое ухо, как ужаленный, вскочил я с лежащего дерева. На одно

мгновение позади себя увидел какого-то длинного гибкого зверя, он мелькнул меж деревьев.

— Обезьяна!.. — не своим голосом закричал Толька и выпалил второй раз. Прыгая через валежины и размахивая ружьем, парнишка пытался нагнать ускользящую добычу.

Я выхватил из сумки пару патронов и кинулся следом.

— Во что ты стрелял? — нагнав мальчугана и перезаряжая ружье, спросил я возбужденного Тольку.

— Говорю, в обезьяну! — гаркнул он мне в ответ.

— Ты, братец, все перепутал сегодня! Здесь обезьян и в помине нет, а ты заладил «в обезьяну!» — передразнил я мальчишку.

— Говорю, в обезьяну, в зеленую обезьяну! — в ответ опять заорал Толька.

— Чего ты кричишь? И это не обезьяна, а харза, куница такая. Я ее тоже видел одну секунду.

— Зеленая, — повторил Толя и вдруг захныкал.

— Вот еще новости: распустил нюни. Вот так охотник! Лучше давай-ка посмотрим, куда она делась.

— В это дупло вскочила, потом через ту дыру выскочила и опять куда-то сюда залезла.

Мы тщательно осмотрели старые дуплистые тополя, стучали по ним обухом топора, исследовали лежащие на земле гнилые деревья, но все бесполезно. Харзы нигде не было видно. Напуганный зверь, вероятно, успел далеко убежать от места, где мы находились.

— Не беда, Толя, искать больше нечего. Расскажи лучше, как это ты сумел промахнуться?

Неоднократно я замечал, что выстрел в глухой тайге и высоко в горах часто не пугает животных. Напротив, непонятный звук привлекает их внимание и вызывает явное любопытство. И особенно это свойственно хищникам. Вероятно, и в данном случае куница-харза подошла к нам, привлеченная моим выстрелом по таежной овсянке. В этот момент мы с Толей соблюдали полную тишину и ничем не выдали своего присутствия. Вот почему осторожная и хитрая, но бесконечно любопытная харза подошла ко мне сзади буквально на несколько метров. В этот момент ее и заметил мой спутник.

ДЯДЯ ВАСЯ

В одно майское утро Толька пришел ко мне ранее обыкновенного.

— Что это ты спозаранку явился? — спросил я, с трудом открывая глаза. — Ведь говорил я тебе, что мне надо, наконец, выспаться, а ты опять чуть свет разбудил!

— Дядя Вася приехал! — не реагируя на замечания, каким-то таинственным шепотом сообщил Толька.

— Какой еще дядя Вася? — не сразу спросонья сообразил я. — А-а, Вася! — дошло, наконец, до сознания. — Вот хорошо!

Желание подремать еще хоть полчаса и досаду на Тольку за то, что он опять разбудил меня спозаранку, как рукой сняло. Я быстро оделся, уложил в заплечный мешок необходимые принадлежности, взял патроны, ружье и, выйдя вместе с Толей на улицу, направился вдоль поселка.

Дорогой я мысленно заглянул в прошлое и вспомнил Васю. Собственно говоря, и вспоминать было почти нечего. Маленький пузырь был он в то время. Иногда за ручку приводила его ко мне старшая сестра Настя. Часами он внимательно осматривал собранные мной коллекции, следил, как я обдираю шкурки. Мальчугана интересовало также и охотничье ружье, висевшее на стене вниз стволом. В то время оно было много длиннее мальчика. С отцом Васи, Мироном Евченко, несколько раз ездил я на охоту или на рыбалку вверх по Большой Уссурке; Мирон брал с собой и сынишку. Помнится, что и тогда маленький Вася проявлял большой интерес к охоте и рыбной ловле.

С тех пор прошло много времени, и мне было трудно представить Васю. Вырос, конечно, стал большим, взрослым. Дальше этого не шло мое воображение. Да, впрочем, и воображать было некогда. Дом Евченко стоял недалеко от моей квартиры, и минут через пять мы были уже на месте. Когда же я переступил порог комнаты, меня обнял высоченный парень в форме с гвардейским значком и сжал с такой силой, что захватило дыхание.

— Здоровенный-то какой! Ну и вымахал!.. — все, что я смог сказать, освободившись от медвежьих объятий и с удовольствием рассматривая широкоплечего красивого парня.

— Поохотимся, значит, Евгений Павлович?

— Ну, конечно, поохотимся! — отвечаю я.

— Я, Евгений Павлович, так по охоте, по Большой Уссурке соскучился, что дожидаться не мог, когда сюда доберусь. Дорогой не только километры — телеграфные столбы считал. И непросто тянет дичь пострелять: хочется погонять лодку, по знакомым проточкам проехать, старые места увидеть.

— Вот это нам на руку! — смеясь, отвечаю я. — За последнее время мы с Толей совсем замучились. Вода уж очень сейчас сильная, не справишься с ней, гонять лодку почти невозможно. У меня не хватает сноровки, а у Толи — силенки. Вот мы и мучаемся, когда вверх по реке приходится подниматься. А знаешь, как нужно?! Сейчас у нас с Толькой очередная задача — достать гнездо с яйцами «японки» и добыть с пяток селезней-«японцев», пока они одеты в яркое весеннее перо.

— Так поедемте сейчас, — оживляется Вася. — Позавтракаем и поедем!

— Ну да, сейчас, я так и думал: видишь, ружье, патроны — все захватил, в любую минуту выезжать можно.

И пока мы с Васей, болтая о всякой всячине, уплетали жареную рыбу, Толька несколько раз сбегал на берег и, наконец, сообщил, что лодка в полной исправности.

Под плакучими ивами в тенистом затоне стоит длинная, но, как пушинка, легкая плоскодонка. По форме она не похожа на наши обычные лодки. Сразу и не сообразишь, где корма, где нос плоскодонки: нос и корма одинаковы. Правда, в нос вбита скоба, от которой отходит обрывок заржавевшей цепи; других отличий нет.

С ружьем в руках я удобно усаживаюсь на низкую среднюю лавочку, Толька с длинным шестом становится на самом носу, а Вася — на корме плоскодонки. Мы пересекаем тенистый затон и выходим в русло реки.

Здесь яркое солнце искрится, дрожат, качаются прибрежные ивы. На одно мгновение течение овладевает нами. Но длинные шесты в умелых и сильных руках вновь выправляют лодку и толкают, вернее, бросают ее вверх против речного потока.

— Куда же поедем? — продолжая работать шестом, спрашивает Вася.

— Тебе виднее. Куда хочешь, туда и поедем, лишь бы «японцев» было побольше да на обратном пути на один остров успеть заехать, — отвечаю я. — Там мы в прошлый раз «японку» из дупла выгнали, а добраться не удалось. Громадное дерево, ствол почти голый, и дупло высоко, метрах в шестнадцать от земли.

Мандаринка, или «японка», как ее называют жители Уссурийского края, — небольшая красивая утка.

— Чудо природы! — восхищенно срывается с языка каждого человека, кому посчастливится близко увидеть ярко разукрашенного весной селезня.

И действительно, окраска оперения мандаринки поражает красотой и яркостью. Длинный широкий разноцветный хохол на голове, веерообразные золотисто-желтые зеркальца на крыльях и кораллово-красный маленький клювик дополняют необычайную красоту самца мандаринки. Скромно, но в то же время нарядно оперены и самочки этой замечательной утки.

Сказочно красивые уголки населяет птица-сказка на своей родине. Мандаринка не только водяная, но и лесная птица. Где нет среди водоемов старого широколиственного леса, где нет дуплистых деревьев, нет и мандаринки. Как прихотливо разукрашенный поплавочек, плавает она по зеркальной воде лесного затона или спокойно сидит на толстой ветви старого дерева, склонившейся к бурному речному потоку. Необычайная красавица утка — настоящая райская птица нашей Родины. Кто видел ее на свободе в девственных лесах Уссурийского края, тот никогда не забудет.

Много мы изъездили в день приезда Васи. Сначала, не жалея сил, поднялись вверх по Большой Уссурке, потом, лавируя среди занесенных корчей, пробрались в Бешеную протоку. Стремительная вода подхватила плоскодонку и понесла вниз по узкому руслу сквозь чащу величавого старого леса. В зеленых кронах нависших над водой деревьев порой перекликались голубые сороки, с береговых отмелей поднимались кулики-перевозчики и, как бы вздра-

гивая над самой водой узкими крыльями и наполняя воздух мелодичным свистом, перелетали на противоположную сторону. Несколько раз попадались и парочки мандаринок, но охота за ними не удалась.

— Не пора ли, ребята, на остров к гнезду мандаринки? Солнце уже за полдень перевалило. Там дичинки поджарим, позавтракаем, решим, как до дупла добираться будем, и, охотясь, поедем к дому.

Наша лодка скользнула в узкую боковую проточку, затем вышла в тенистый затон и, наконец, причалила к берегу.

— Неужели это тот самый остров? — спрашиваю я.

— Ну да, тот, — отвечает Вася. — Только мы с другой стороны к нему подъехали.

— А где же дупло?

— С полкилометра отсюда, — отвечает Толя.

Не могу понять, как можно разобраться в этом лабиринте воды и леса. Полсотни шагов не пройдешь, как на новую проточку наткнешься. В одной вода вправо бежит, в другой, хоть она и близко совсем, — в противоположную сторону. Где вверх по течению, где вниз — ничего не пойму!

— Так ведь эти места, Евгений Павлович, мы за зиму хорошо изучили, когда на охоту за колонком ходили, ловушки на него ставили. Каждую ловушку надо заметить, чтобы, когда проверяешь, найти сразу. А если не ходить в этот лес раза два в неделю целую зиму, то, пожалуй, верно — разобраться трудно.

Мы пересекаем остров и, выйдя к новой бурной протоке, направляемся вдоль берега вверх по течению. Щупленький босоногий Толька идет впереди, указывая дорогу; за ним шагаю я с Васей.

— Теперь совсем рядом, — останавливается наш проводник и, обернувшись назад, смотрит на меня испытующим взглядом. «Неужели и теперь не сумеешь найти?» — смеются его глаза.

Ну что можно найти? Настоящая лесная трущоба. Вверху деревья образовали зеленый полог: не видно ни неба, ни солнца. Земли тоже не видно — все заросло папоротником. Не знаешь, куда идешь. Поминутно спотыкаешься о какие-то валежины, проваливаешься в заполненные прелой листвой ямы, путаешься в винограднике. Ну и местечки, есть чем похвастаться!

— Нет, легче мест, чем у нас под Москвой, нет на свете. Куда захочешь, туда и пойдешь. В хорошую погоду хоть в белых туфляках! — говорю я спутникам. — Однако где же дупло, Толя? Я ничего разобрать не могу.

Именно в этот момент меня выручает несложная песенка маленькой птички. Это поет крошечная синичка — белая лазаревка. Она пела и в прошлый раз, когда, пробираясь через лесную чашу и производя массу шума, мы случайно спугнули

с гнезда утку-мандаринку. Значит, то дерево и дупло действительно недалеко, как говорит Толя. Зажмурив глаза и ориентируясь по пению лазаревки, я продираюсь сквозь чащу. Вот и сухой повалившийся тополь, вот и полусгнивший сучок, где лазаревка строит свое гнездо. А под деревом небольшая кучка светлых опилок, выщипанных птичкой.

Еще несколько шагов — и я выбираюсь на лесную прогалину. Вся она залита ярким светом. Несколько старых больших деревьев, пропуская солнечные лучи, стоят поодаль одно от другого. Остальные отжили свой век, упали на землю, обросли мхом.

Вон и знакомое дерево. Нижняя часть этого великана скрыта черемухой. Ее ветви покрыты цветами, издающими в душной атмосфере глухого леса особенно сильный горьковатый запах. Над черемухой голый ствол с темным дуплом в средней части, а еще выше, на фоне голубого неба, — могучая зеленая крона. Не просто красивое дерево, а дерево-чудо. С восхищением смотрю на его прямой ствол, на его вершину.

Впрочем, от этого не легче. Каким-то особенно недоступным кажется мне этот великан сегодня.

— Сюда идите! — кричу я.

— Ну и выбрала место для гнезда! — всматриваясь в темнее-шее дупло, качает головой Вася. — Трудно добираться будет.

Пробравшись сквозь густые ветви черемухи, обухом топора бью по стволу дерева-великана. Глухо раздаются удары по лесу, но я не достигаю цели: утка не появляется наружу.

— Как твое мнение, Вася, можно туда добраться? Как ты думаешь? Раньше, когда я был помоложе, хорошо по деревьям лазал, влез бы, пожалуй, и на это дерево. А сейчас даже обидно становится, и пробовать нечего: все равно ничего не выйдет.

— Добраться, конечно, можно, но вдруг без толку? Влезешь на ту махину, а там окажется, что никакого гнезда и в помине нет. Ведь не видели вы, что утка именно из этого дупла вылетела?

— Как тебе сказать? Почти что видели. Что из дупла вылетела, не видали, но что с этого дерева слетела — точно определили.

— Может, просто на суку у дупла сидела? — возражает Вася.

— Нет, не просто сидела, а с гнезда сорвалась и не улетела сразу, а пока мы гнездо искали, долго летала над нами. Впрочем, спорить нечего, скажи — залезть не можешь!

С этими словами я разочарованно отхожу в сторону. Там Толя уже расчистил клочок почвы и развел огонек. Сизая струйка дыма поднимается вверх, дрожит и колеблется в воздухе.

— Вот видишь, Толька, и дядька твой спасовал. А вспомни, что ты говорил утром. Он, мол, гвардеец, он все достанет. Вот и достал! Ну что же молчишь? Как видишь, этот великан не по плечу и твоему здоровенному дядьке. Давай-ка лучше завтрак готовить.

Бросаю на землю походный топор, снимаю заплечный мешок и пытаюсь усесться на толстый ствол когда-то упавшего дерева. Но предательский ствол не выдерживает моей тяжести. С хрустом

ломается его кора, а я проваливаюсь в середину. Облако удушливой коричневой пыли скрывает от меня окружающее. Где-то рядом свистит перепуганный бурундук, пытаюсь выбраться из своего жилища, да смеются, хохочут над моей неудачей ребята. Чтобы не наглотаться удушливой пыли, весь в паутине и древесной трухе, на потеху ребятам, я с трудом выбираюсь наружу. Но... они не обращают на меня внимания.

— Вылетела, вылетела!.. — кричит Толька, указывая вверх и в сторону.

«Откуда что вылетело? А... наверное, утка из дупла», — доходит до моего сознания.

— Видишь, значит, есть гнездо, значит, ничего мы не напутали! — наступаю я на Васю.

— Теперь достанем, Евгений Павлович, — уверенно заявляет он.

— Достанем теперь! — потирая руки, петушится и Толька.

— А сейчас домой, — командуя я. — Надо достать веревку, соорудить лестницу и в первый сухой день нагрязнуть сюда.

Мы оставляем прогалину и, выбравшись на берег протоки, усаживаемся в лодку.

Но почему гнездо мандаринки, ее яйца интересуют меня в такой степени?

Попав в Уссурийский край весной 1938 года, я впервые увидел мандаринку в естественной обстановке. Она поразила меня не только замечательной красотой, но и своими повадками. Вот, представьте себе, парочка уток, громко крикая, летит сквозь лесную чащу. Как настоящие лесные птицы, они лавируют между деревьями и, миновав лес, опускаются на проточку.

— Смотрите, «японки» сидят, — в другой раз указывает едущий со мной мальчик на большое нависшее дерево.

Я поднимаю голову и вижу парочку мандаринок. Селезень и уточка спокойно отдыхают, сидя на раскидистой ветви тенистого дерева. Кругом журчит, струится вода, цветет черемуха, гудят пчелы. И хотя мы на охоте и мандаринка в моих глазах драгоценность, я откладываю ружье в сторону и, не сводя глаз с отдыхающей парочки, медленно проплываю под деревом.

Как уже знает читатель, мандаринки гнездятся в древесных дуплах. Как же спускаются оттуда маленькие утята, если дупло находится на большой высоте?

— Наверное, утка их на воду переносит, — обычно отвечали рыбаки и охотники, когда я задавал этот вопрос.

— Утята сами из дупла на землю прыгают, — не вступая в спор, позднее поясняет мой давний юный приятель, ныне погибший на войне Ваня Евченко. — С высоких деревьев прыгают и целы остаются.

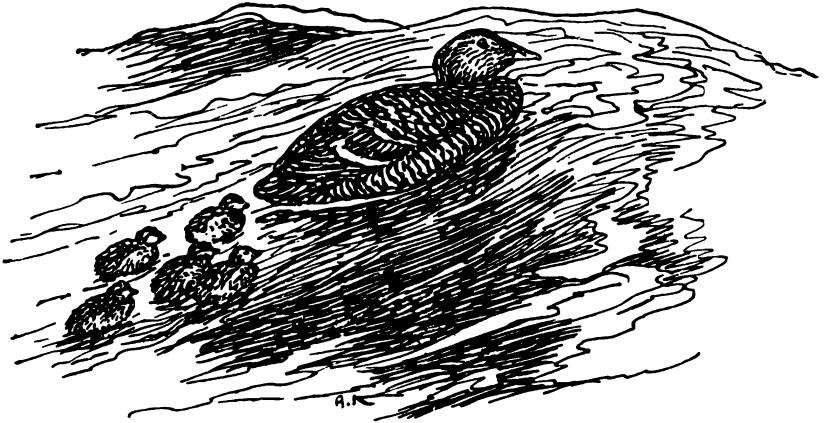
Много я побродил по лесным островам Большой Уссурки, не раз часами сидел под дуплистым деревом, пока убедился, что Ваня говорит правду. Сейчас мне хорошо известно, что мандаринка криком выманивает утят из дупла наружу и те прыгают —

вернее, падают с большой высоты на землю и бегут к воде. Только единственный раз мне привелось сделать необычное наблюдение. Взрослая мандаринка вылетела из дупла, и, как только коснулась воды, с ней рядом появился утенок. Обе птицы поплыли к затопленному тальнику, где к ним присоединились другие утята. В редких случаях, вероятно, утка переносит из дупла на воду слабенького утенка. Впрочем, нет ничего особенного, если утята безболезненно совершают прыжки с высоких деревьев. Маленькие утята не только от холода, но и от ушибов, как броней, защищены пышным пуховым покровом.

Я невольно мысленно переношусь на Север, в холодное Баренцево море. В памяти воскресает большой остров. Его высокая часть занята однообразной тундрой: скудная почва, озера, камни, шапки лишайника. Отвесной стеной тундра обрывается к морю. На скалах бесчисленные птицы — белые, черные. Сплошной массой сидят они на карнизах, заполняют воздух, а ниже медленно вздымаются тяжелые волны, катятся к острову и, достигнув прибрежных камней, превращаются в белую пену. Издали глухо шумит море, кричат птицы. Это один из птичьих базаров нашего Севера.

Я иду по тундре. Неожиданно в двух шагах впереди меня появляется гага. Большая темная утка вперевалку бежит к обрыву; следом за ней бегут пять маленьких пуховичков. Что же будет дальше?

Добежав до края, гага слетает в море, гагачата исчезают в обрыве. Несколько минут спустя с помощью бинокля я нахожу гагу. Преодолевая волны, она отплывает от берега, за ней следом, собравшись в тесную кучку, плывут пять пуховичков: гагачата благополучно спустились к морю.

Если однодневные гагачата способны прыгать с высоких скал, почему бы не прыгать утятам мандаринки с высоких деревьев?

В первом случае внизу голые камни, а здесь земля покрыта травой и валежником.

Знакомясь с образом жизни мандаринки, выясняя, как ее утята спускаются с высоких гнезд на землю, я пропустил время и не собрался взять кладку яиц мандаринки для своей коллекции.

Впрочем, еще не все было потеряно. Рассчитывая найти запоздавшую кладку утки, я с большим увлечением приступил к поискам. И мне улыбнулось счастье. Несколько дней спустя я нашел дупло, куда утка-мандаринка откладывала яйца. Это произошло так интересно, что я не могу умолчать об этом случае.

Однажды в надежде поймать мягкотелую черепаху я осторожно выбрался из чащи к берегу лесного затона и осмотрел его отмели. Черепах на отмели не было видно. В прозрачной воде кружились на одном месте какие-то мелкие рыбешки. Но меня больше интересуют птицы — я орнитолог. И повернув обратно, я только намеревался уйти от затона, как увидел парочку мандаринок. Утка и селезень плавали под нависшей лозой противоположного берега. Осторожно присев на первую кочку, я застыл на месте и стал наблюдать за утками.

Сначала мандаринки вели себя так, как и прочие утки. Они плавали, время от времени проглатывали пищу. Но вдруг утка, громко крикнув, нырнула. Потом, появившись на одно мгновение, опять скрылась под водой. Испуганный селезень почти повторил движение своей подруги, однако, когда он появился вновь, утки уже не было видно.

Издавая мелодичную трель, селезень беспокойно побегал по занесенным сюда в половодье корчам, но потом успокоился. Видимо, он привык к подобным выходкам своей подруги. Еще раз издав призывную трель, селезень перелетел на соседнюю проточку.

Только после этого появилась утка. Она бесшумно поднялась в воздух и, молча пролетев метров сорок, исчезла в дупле старого тополя.

«Так вот в чем дело: значит, несется!» — сообразил я, но все же решил проверить свое предположение. Минут через двадцать утка с шумом и кряканьем вырвалась из дупла, в ту же секунду к ней присоединился селезень, и обе птицы улетели вверх по течению проточки.

Дерево оказалось вполне доступным. Нижнюю часть тополя когда-то расщепило ударом молнии. Несколько выше образовавшейся трещины помещалось дупло, куда залетела утка. «Ну, вот и хорошо, — потирал я руки, — гнездо теперь обеспечено! Остается выждать время, когда утка отложит полную кладку».

Но мои надежды не оправдались. «Не говори гоп, пока не перескочишь», — вспомнил я словицу, когда неделю спустя пришел к гнезду мандаринки. Оно оказалось под грозной защитой. В расщепленном тополе поселились крупные осы — шершни.

Прошло много времени. И сколько раз за этот период я упрекнул себя за мягкотелость! Иметь возможность и не достать гнездо мандаринки! Удастся ли еще раз побывать на Дальнем Востоке? А если даже удастся, найду ли опять гнездо этой утки?

Когда четырнадцать лет спустя я вновь посетил Большую Уссурку, я дал слово осуществить свое давнишнее желание. Вот почему кладка яиц мандаринки в моих глазах, да и в глазах моего юного приятеля Толи, приобрела особенную ценность.

Необходимая нам длинная восьмиметровая лестница была обнаружена в Вербовке, во дворе местной учительницы. Она вела на чердак дома. Но разве здравомыслящий человек решится даже на короткий срок отдать пожарную лестницу? А с другой стороны, пожалуй, трудно устоять против такого бравого гвардейца, как Вася. Так или иначе, но восьмиметровая лестница на другой день появилась на берегу затона. Мы укрепили ее, уложив поверх лодки, уселись между ее ступеньками и отчалили от берега.

Вот и остров, знакомая лесная прогалина, старое дерево, снизу оплетенное цветущей черемухой. Я, Вася и Толька общими силами поднимаем лестницу и пытаемся прижать ее к стволу старого дерева. Но и эта, казалось бы, простенькая затея удается не сразу. Как бы защищая великана соседа, а вместе с ним и гнездо утки, упругие ветви цветущей черемухи отталкивают в сторону нашу лестницу. Но настойчивость — залог победы. После ряда неудачных попыток наше сооружение уже прочно стоит на месте. И теперь, захватив длинный и легкий шест, тонкую бечевку и походный топорик, Вася осторожно поднимается вверх

до последней ступеньки. Выше забраться нет возможности, трудно и стоять на ступеньке, держась за ненадежные, гибкие ветви черемухи. Что же делать дальше?

На конце шеста укреплен топорик, от него до земли тянется бечевка. Прижавшись спиной к стволу дерева, Вася осторожно начинает поднимать шест вверх. Его задача — дотянуться и как-нибудь перебросить топорик через единственный толстый сук, отходящий в сторону несколько выше дупла, занятого гнездом мандаринки. Но как это нелегко сделать! Длинный шест дрожит в сильных руках Васи, его вершина качается из стороны в сторону. А мы с Толькой, затаив дыхание, издали следим за топориком, за каждым движением Васи. Вот топорик почти у заветного сука, вот он касается его основания... Резким толчком шеста Вася подбрасывает его вверх. Но перекинуть его на противоположную сторону не удастся. Топорик ударяется о сук дерева и, сорвавшись, летит на землю, пробиваясь сквозь густую чащу перепутанных ветвей черемухи. Все сделанное приходится начинать сначала.

Раз пять упрямо повторяет Вася задуманную операцию и, наконец, добивается цели. Переброшенный топорик, качаясь в воздухе, быстро спускается вниз, втягивая за собой бечевку. К свободному ее концу привязана толстая веревка, а ее конец закреплен за верхнюю ступеньку лестницы. Ну, теперь все достигнуто. Мы тянем веревку. Медленно, но верно лестница начинает ползти сначала по ветвям черемухи, потом по толстому стволу дерева и, наконец, достигает дупла мандаринки. Толя поднимается вверх по лестнице.

— Пусто, яиц нет! — минут десять спустя кричит он сверху.

— Как нет? — в один голос восклицаем мы с Васей.

— Есть, есть! Они пухом закрыты, — доносится с дерева.

Час спустя, предоставив лодку течению, мы скользим по протокам к дому. Тем временем я с интересом рассматриваю взятую кладку, крупные яйца мандаринки. Они цвета слоновой кости. Еще больше интересует меня гнездовая подстилка. Она открывает нам, кто жил в этом дупле за последние годы.

Вот среди древесной трухи маленький череп когда-то погибшего грызуна. А вот и помет животных. Значит, дупло заселяла семья. Но чья? «Да ведь это летяга!» — догадываюсь, наконец, я, рассматривая резцы и большие глазницы ночного животного.

Вот мягкое длинное перышко; отряхиваю его от приставших частиц древесины. По струйчатому поперечному рисунку узнаем, что перо принадлежит крошечной азиатской совке. Значит, и она гнездилась в этом дупле когда-то. Выше, в слежавшемся слое, много утиного пуха и яичная скорлупа. Видимо, в прошлом или позапрошлом году мандаринка благополучно вывела свое потомство. Вот только нашей утке не повезло в эту весну. Приехал какой-то москвич, отыскал лестницу, забрал яйца, разорил гнездо...

И хотя мне больно вспоминать свой поступок, жалко гнездо мандаринки, но, как всякий виновный, я пытаюсь найти себе оправдание.

Сколько?.. Тысячи, десятки тысяч мандаринок ежегодно гнездятся в Уссурийском крае, а сколько их убивают на мясо? И мне хорошо известно, что в ведре, укрепленном в нашей лодке между ступеньками лестницы, лежит первая кладка мандаринки, взятая не ради прихоти, а по всем правилам научного коллекционирования. Могут ли упрекнуть меня спортсмены-охотники, может ли упрекнуть каждый, кто с любовью относится к окружающим нас животным, к нашей природе?

— Евгений Павлович, теперь какое будет задание? — спрашивает Вася за вечерним чаем.— Что еще вам нужно достать в первую очередь?

— Хватит и этого, Вася. И за гнездо мандаринки большое тебе спасибо.

— А черепах, а рыбного филина?

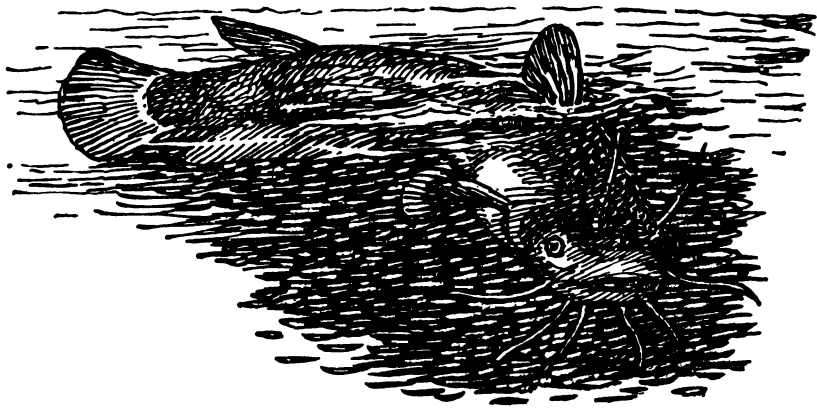
— Необязательно. Хоть и нужно, но только если у тебя время и охота будет. Если время найдешь, в Гнилую протоку с тобой съездим. Там раньше всегда рыбные филины жили, там и Ваня когда-то большую самку рыбного филина для меня добыл.

— Значит, завтра за черепахами, а потом за рыбным филином,— вытянувшись по-военному и улыбаясь, рапортует Вася.— Значит, есть задание.

Но не удался наш замысел. Три неудачи потерпел Вася, и все случилось они за один день.

Раннее утро. Над горизонтом поднялось солнце. Оно бросает косые лучи на речные протоки, на прибрежные ивы. Оттолкнув от берега лодку, мы скользим по неподвижной воде залива, чтобы выбраться на Большую Уссурку и подняться вверх по его течению. Всплеск большой рыбы привлекает внимание Васи.

— Сом, здоровенный сом! Давайте скорей ружье,— обращается он ко мне едва слышным шепотом и, не спуская глаз с рыбы, протягивает руку.

Минут пять длится полная тишина. Неподвижна вода, неподвижна лодка, молчат люди. С ружьем наготове Вася стоит на корме, пристально смотрит в глубокую темную воду, ожидая появления рыбы.

Пять минут напряженного ожидания — это немало времени. Когда же он, наконец, выстрелит? Осторожно я поднимаюсь в лодке, чтоб взглянуть туда, куда смотрит Вася.

«Бум», — гремит выстрел. Столб воды взлетает на воздух.

— Есть! — торжествуя, кричит Вася.

— Есть, есть. — На одно мгновение вижу и я белое брюхо большой рыбы и спешу подогнать лодку к добыче... Но на наших глазах рыба медленно погружается в воду и исчезает из виду. Схватив весло и с большой силой работая им в воде, Вася пытается отыскать и поднять на поверхность утонувшую рыбу. Но тщетно. Большая глубина затона и тень развесистых ив мешают этому.

— Пропала, — сокрушенно роняет он, выпрямившись во весь рост и утирая вспотевший лоб. — Пропал сом!

— Ну и шут с ним, какая беда! Сома не видали? — стараюсь успокоить я приятеля.

— Дане в соме дело, Евгений Павлович! Из рук ушел, вот что обидно.

— Не говори об этом, я и сам знаю. Поехали лучше дальше.

Вася неохотно берется за шест и, еще раз окинув безмятежную поверхность затона, направляет лодку к выходу из него. Зря пропала рыба.

Много объездили мы в это утро. Побывали на песчаных косах Большой Уссурки, где в прошлые годы устраивали гнезда мягкотелые черепахи, посетили тихие лесные затоны и родники лесистых островов реки.

Но день не был удачным. Мы не нашли гнезд черепахи, не встретили и самих животных. Солнце перевалило за полдень. Утомленные тяжелой ездой по быстрым речным протокам, мы решили причалить к берегу, отдохнуть и позавтракать.

— Дайте мне ружье, Евгений Павлович, я немного по острову похожу, — обратился ко мне Вася.

— На, бери, только не стреляй все без разбору. Если попадутся, вот таких трясогузок добудь, — показал я ему одну снятую шкуру. — Эти птички для меня особенно интересны: они только во время пролетов, весной, эти места посещают. Запомни, Вася: хвост длинный, брюшко желтоватое.

Взяв ружье и патроны, Вася отправился бродить по острову, а я остался в лодке. И пока Толя разводил костер и на медленном огоньке поджаривал куски мяса, я, усевшись на лавочку в лодке, снимал шкурки с добытых птиц.

«Бум...» — вскоре раздался выстрел. «Бум, бум...» — вновь донеслось издали. Это, конечно, стрелял Вася.

— Долго ли он там будет возиться. Есть отчаянно хочется.

— Вон он идет,— прервал меня Толька.— Смотрите, каких-то птиц тащит.

Я обернулся и увидел Васю, в левой руке он держал двух застреленных птичек. Минуту спустя он был рядом с нами.

— Что это ты убил? — как ужаленный подскочил я.— Вася, голубчик, ведь я же тебе говорил, показал даже, что стрелять нужно! А ты что наделал, посмотри, что убил? Длиннохвостую синицу у гнезда убил? Я этих птиц давно берегу, за этим гнездом уже неделю веду наблюдения. А ты по ней выпалил! Ни с того ни с сего взял да и убил самку. Эх ты, охотник!.. — сокрушенно махнул я рукой.

Вася стоял растерянный и смущенный.

— Разве я виноват, разве я знал, Евгений Павлович? Ведь вы мне сами сказали, что хвост длинный и брюхо...

— Что брюхо? — перебил я парня.— Говорил я, брюхо желтое, а это какое?

— Да, может, это другая птица и вовсе не от гнезда вашего,— оправдывался Вася.

День для меня был испорчен. Расстроился и Вася. Глядя на нас, молчал и Толька. В плохом настроении мы возвратились домой.

— Вася, Андрей к тебе приходил, ругался,— встретил нас дед Евченко.— Говорит, ты ему сома изуродовал. Он большого сома поймал, на кукан вон туда посадил, а ты в него из ружья выстрелил, всю спину дробью разбил.

— Черт с ним, с сомом этим! — огрызнулся Вася.— Я-то откуда знаю, что он сома на кукане держит. Выстрелил — и только.

Я разыскал Тольку. Он на берегу затона чинил перемет.

— Толя, скажи, пожалуйста, почему Вася ко мне не заходит, на охоту ездить не хочет. Что случилось?

— Ничего я не знаю, Евгений Павлович,— потупился мальчуган.

— Нет, знаешь, говори, в чем дело! Обиделся, что я его за убитую синицу ругал, так, что ли?

— Нет, другое,— уронил и опять замолчал Толька.— А вы Васе не скажете?

— Ну да, не скажу! — успокоил я мальчугана.

— Помните, вы ружье Васе дали, на озеро вечером он ходил? В тот вечер он двух домашних уток, то есть селезней, убил. Видит утки около берега плавают. Подкрался, дал из ружья, две и перевернулись. Он к ним в воду, а это домашние, да еще и дядькины. А дядька сердитый. Если узнает, не спустит. Вот теперь дядя Вася и не хочет, чтобы его кто с ружьем увидел. Каждый день к своему дядьке ходит и сидит там целыми днями, будто на охоту и не ходил никогда. Боится, что дядька про уток узнает.

— Так вот оно что! Теперь все понятно! Чего же ты раньше молчал, я бы поговорил с Васей.

— Нет, говорить не надо,— решительно запротестовал Толька.— Все равно поздно уже, послезавтра дядя Вася к матери, а потом в часть уезжает, отпуск кончается.

— Ладно, не буду,— успокоил я мальчугана.— А ведь здорово отличился твой дядька. Надо суметь в один день столько бед сразу наделать! Передай дядьке, чтоб он проститься зашел, когда уезжать будет, слышишь?

— Ладно, передам,— кивнул головой Толька.

И я, успокоенный тем, что узнал, наконец, истину, зашагал домой.

Все в жизни бывает. Отличился со своей страстью к охоте и мой юный приятель. Да только не беда это. Весело вспомним об этом, когда время пройдет. Не тужи, дядя Вася!

По Закавказью

ОДИН ДЕНЬ В ЛЕНКОРАНИ

Живописный портовый городок Ленкорань расположен в Закавказье, на юго-западном берегу Каспийского моря. В прошлом до Ленкорани добраться было не так легко, как в наше время: Баку и Ленкорань не соединялись железной дорогой, а переезд морским путем, и особенно в штормовую зимнюю погоду, был сопряжен со многими трудностями.

Новый, 1925 год мы встречали на палубе парохода. Ночь была темная и холодная, как у нас на Севере поздней осенью. Над широким Каспием гулял ветер, за бортом парохода неприветливо шумели и плескались волны. В эту ночь мы заснули под тоскливый вой ветра и монотонное гудение пароходного винта. Зато на другой день, когда пароход остановился на Ленкоранском рейде, а громкий свисток поднял всех пассажиров на ноги, нас встретило чудное утро. По-весеннему светило яркое солнце. Было тепло и как-то особенно тихо. Но недолго пришлось спокойно любоваться голубым небом и тихим морем. Нас ожидала такая высадка на берег, какой мы не предвидели.

По свистку парохода от берега отделилось около десяти больших лодок. Быстро приблизившись, они окружили пароход, на палубу со всех сторон полезли загорелые мускулистые носильщики. Поднялась страшная суматоха. Носильщики хватали и тащили с палубы вещи и пассажиров, причем каждый старался захватить в свою лодку как можно больше груза. Это соревновались между собой артели. Все делалось с такой ошеломляющей поспешностью, с таким неистовым криком, что высадка

напоминала сцену нападения пиратов из какого-нибудь приключенческого фильма.

Через две-три минуты до отказа нагруженные лодки отчалили от борта парохода и направились к берегу. Но вскоре лодки одна за другой сели на мель. Опять началась кутерьма. Носильщики бесцеремонно хватали пассажиров, взваливали их себе на плечи и, вброд достигнув берега, как куль с мукой, сбрасывали людей на землю, но так умело, что пассажир всегда становился на ноги. Вряд ли такая высадка могла кому-нибудь понравиться. В настоящее время все это только далекие воспоминания.

Но вот мы на твердой почве. Однако вместо того чтобы заняться своим багажом, позаботиться о подыскании квартиры, мы стоим на морском берегу, растерянно осматриваясь вокруг.

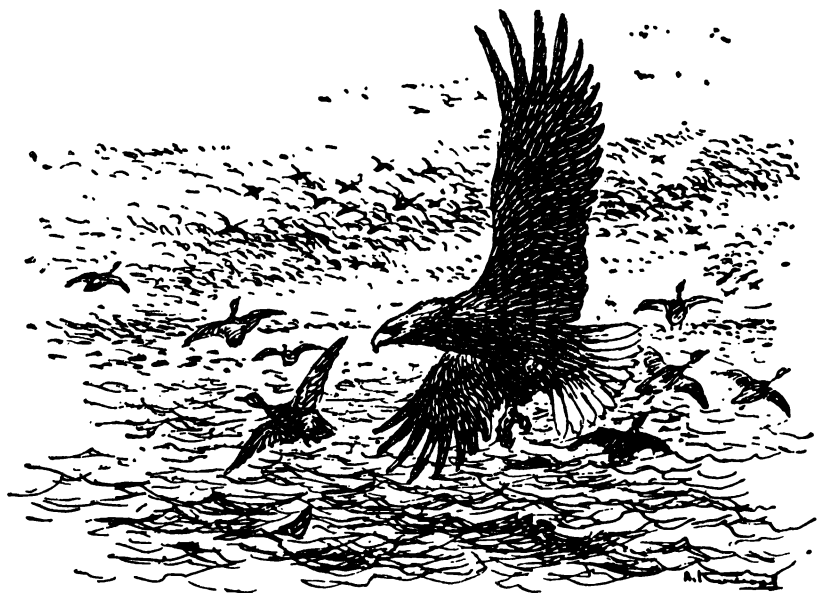
Какой невероятный контраст с предыдущей холодной и неприветливой ночью! В то время, когда у нас под Москвой трещат морозы, бушуют метели, под Ленкоранью выдаются такие деньки, какими не так уж часто и летом балует нас Север. Первое января, а перед нами тихое, безмятежное море, мягкие очертания лесистых гор и душистый воздух, напоенный ароматом фруктов, вялых листьев и выброшенных на берег морских водорослей. На зеркальной морской поверхности масса плавающих уток. Вот на них бросается крупный хищник орлан-белохвост. Спасаясь от него, часть уток ныряет, другие поднимаются в воздух и шумной стаей, описав большой полукруг, вновь садятся на воду.

Вот далеко на морском горизонте появляются неясные вереницы гусей и фламинго. Живая лента колеблется в воздухе, растет по мере приближения — ближе, ближе. Вот она над самыми нашими головами. Видны крупные розовые фламинго и серые темнобрюхие гуси, их глаза, ноги, перья. Воздух наполняется звонкими высокими выкриками, протяжным гоготом. Птицы так близко, звуков так много, что вы невольно сжимаетесь перед надвигающейся лавиной. Но это только одно мгновение. Близость человека заставляет дикие стаи нарушить строй, сбиться в тесный клубок, круто подняться выше. Крик возрастает, порывисто шумят и свистят сильные крылья. Несколько секунд — и, вновь образовав шеренгу, птицы далеко позади, очертания движущейся линии становятся неясными, голоса слабеют, и, наконец, крикливая вереница, как бы тая в воздухе, сливается с далью.

А вместо них с противоположной стороны уже приближаются новые разноголосые полчища.

Муганская степь и морской залив Кирова, расположенные несколько севернее Ленкорани, — коренные места зимовок различных уток, гусей и длинноногих, ярко окрашенных птиц — фламинго. Из Западной Сибири, северных частей Казахстана и с Волги бесчисленное количество водяных птиц собирается сюда, на степные озера и морские побережья, чтобы провести зиму.

Но в том году резкое похолодание в декабре и выпавший глубокий снег заставили птиц покинуть коренные места зимовок

и отлететь далеко к югу, за границы Ирана. Борясь с неблагоприятными условиями, масса зимующих птиц погибла от бескормицы, другие, обессиленные жестоким голодом, отдались живыми в руки местных жителей. Но как только прекратились холода и бураны и стаял снег, обнажив зеленые травы, отлетевшие в Иран стаи вновь потянулись к северу, на свои обжитые места зимовок — в Муганскую степь. Это как раз и совпало с нашим приездом.

Не замечая времени, мы с восхищением следили за летевшими вереницами. Нового человека особенно поражают фламинго. Кажется, ярко-красная лента извивается, медленно ползет в голубом небе. Но наше восторженное настроение самым бесцеремонным образом было нарушено носильщиками. Им, видимо, надоело ждать, когда приезжие прекратят топтаться на одном месте, следя за пролетающими птицами. Не видя этому конца, они взяли на плечи наш экспедиционный багаж и направились к ближайшему строению — ленкоранской гостинице. Пришлось идти и нам.

Получив номер, наскоро разобрав вещи и достав ружья, мы вышли за черту города, на берег маленькой речки Ленкоранки. После прошедшего бурана на ее правом высоком и крутом берегу еще лежал снег. Под действием тепла и солнца он осел, слежался и сплошной обледеневшей массой обрывался к воде.

Фламинго — птица интересная во многих отношениях. Она является как бы связующим звеном, соединяющим птиц голенастых с пластинчатоклювыми. К первым относятся длинноногие птицы: цапли, ибисы, аисты, ко вторым — гуси, лебеди,

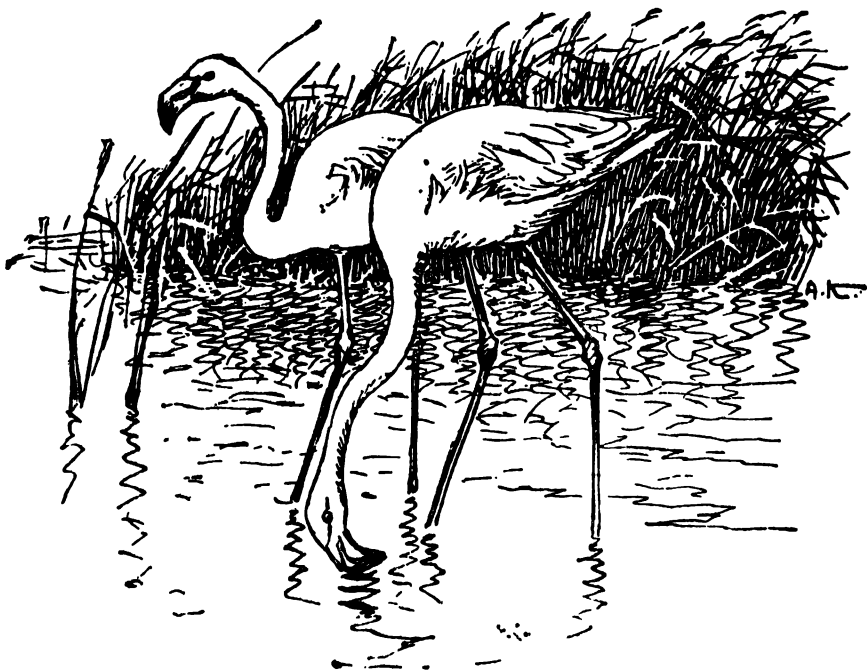
утки. Большими колониями фламинго гнездятся на мелководных участках восточного побережья Каспийского моря и на недоступных для человека соленых озерах северных частей Казахстана. С наступлением поздней осени гнездящиеся в Казахстане фламинго на зиму скопляются под Ленкоранью в заливе Кирова и на противоположном, юго-восточном, берегу Каспия, в районе Гасан-Кули.

Приведение в порядок экспедиционного багажа и подготовка к выезду поглотили все наше время до позднего вечера. Наверное, было около полуночи, когда я вышел на крыльцо гостиницы. То, что я увидел, заставило меня насторожиться.

При ярком свете луны метрах в пятидесяти от крыльца я увидел странную группу животных. Они копались в мусорной яме. Присмотревшись внимательно, я обнаружил среди них домашнюю свинью, трех собак и шесть шакалов. В отличие от домашних животных шакалы вели себя как-то иначе. Проворные звери, привлеченные трупом телят, приближались к яме, улучив минутку, схватывали кусок и поспешно отбегали в сторону.

Для нас Ленкорань была только промежуточным пунктом. После многолюдной столицы мы стремились к настоящей природе, подальше от населенных мест.

Утром, наняв подводу, запряженную парой буйволов, и погрузив экспедиционную утварь, мы, по совету местного лесничего, выехали в селение Вель.

КОЛЮЧИЙ ШАКАЛ

В 8 километрах к югу от городка Ленкорани, в маленьком селении Вель, расположенном на берегу моря, жил замечательный зверовой охотник — лесной объездчик Макар Потягаев. Ему и было адресовано письмо из Ленкоранского лесничества, лежавшее в моем кармане. Но в письме, видимо, и не было большой нужды, так как, отложив его в сторону, чтобы прочесть на досуге, Макар встретил нас так приветливо, словно мы были старые знакомые. За ужином он с жаром рассказывал о замечательных местных собаках, об охоте на кабанов, но особенно нас заинтересовали рассказы про дикобразов.

Дикобраз — самый крупный грызун нашей фауны. Его иглы — видоизмененные волосы — надежное орудие защиты против врагов. Он населяет предгорья, овраги и сады большей части Средней Азии и отсюда проникает в юго-восточное Закавказье.

По словам Макара, получалось, что достаточно выйти ночью на крыльцо и постоять минут двадцать, чтобы обязательно услышать, как в садах дикобраз тарыхтит своими хвостовыми иглами. Эту музыку за полкилометра слышно. Дикобраз здесь самый обычный зверь, и увидеть его нетрудно. Он не очень пуглив и чуток, когда копает коренья в огородах. Однако поймать дикобраза живым — нелегкое дело. Капкан для этого мало пригоден. Если капкан слабый, его дуги не могут удержать ногу зверя, покрытую жестким и скользким волосом. Сильный капкан не дает выдернуть ногу, но зато повредит ее обязательно, а зверь с пораненной ногой не выживает. Значит, надо ловить руками, но попробуй схватить зверя, когда он весь покрыт иглами. Схватишь за загривок — толку мало. В руке останется пучок вырванных игл, а дикобраз уйдет. За переднюю ногу ловить дикобраза опасно — он может укусить огромными передними зубами — резами.

— За заднюю ногу надо дикобраза хватать — только так его поймать можно, — закончил свой рассказ Макар, — но зверь свое слабое место хорошо знает: подойди к нему сзади — он так тебя иглами угостит!

Время для ловли было самое подходящее. Недавно выпал большой снег и весь растаял, так что норы дикобраза теперь затопило водой, и зверям приходилось отсиживаться в колючих кустарниках.

Нас так раззадорили рассказы старого охотника, что мы решили, не откладывая, попытаться поймать колючего зверя. В то время в Московском зоопарке дикобразов не было, и такая добыча была бы весьма ценна.

Ночь, которую мы выбрали для охоты, была теплая и тихая. Яркая луна освещала спящий поселок, сады, леса и горы. В стороне чуть слышно плескалось море. Вчетвером мы пробрались в глубь сада по узкой тропинке, идущей вдоль шпалерных виноградников. Было ли это счастливое стечение обстоятельств или

действительно дикобразов в садах водилось множество, но не успели мы пройти и сотни шагов, как натолкнулись на зверя. Дикобраз так был увлечен выкапыванием кореньев на полянке, что заметил нас слишком поздно. Он помчался скачками к колючим зарослям, но мы со всех ног бросились за ним вдогонку, и через несколько секунд зверь был окружен четырьмя ловцами. Почувствовав, что уйти невозможно, дикобраз приготовился защищаться. Весь взъерошенный, он ловко поворачивался, выставлял толстые, покрывающие его спину иглы в ту сторону, откуда грозила опасность.

Добыча была близко, почти что в руках, но как взять так хорошо вооруженного зверя? Сгоряча один из ловцов попытался схватить зверя за ногу, но дикобраз, быстро повернувшись, с такой силой ударил преследователя острыми иглами, что они глубоко вонзились в руку и из многочисленных ранок брызнула кровь. Тут мы на горьком опыте убедились, что дикобраз, подпустив преследователя поближе, бьет его своей колючей массой. Иглы настолько слабо держатся в коже зверя, что, вонзившись, остаются в теле врага.

— За заднюю ногу хватай! — неистово кричал Макар, стараясь ударом ноги свалить зверя набок. Но как только нога его коснулась дикобраза, зверь сделал резкий толчок всем телом по направлению нападающего и добрый десяток толстых игл насквозь проколол сапог и глубоко застрял в ноге.

Так же безуспешны были и новые отчаянные попытки овладеть зверем. Руки и ноги у большинства ловцов были сильно поранены. Но нельзя же было упускать зверя.

Не щадя себя, мы дружно все вчетвером снова ринулись на дикобраза, сдавили его ногами со всех сторон, и одному из нас, наконец, удалось схватить зверя за заднюю ногу. Так за ногу мы и приволокли своего пленника к жилью Макара.

В избе дикобраз сумел вырваться и стал метаться из угла в угол, опрокидывая по пути домашнюю утварь. Проснувшись от шума, сынишка Макара в страхе полез под кровать. Туда же через несколько секунд забился и дикобраз, тарахтя своими иглами.

Мы быстро вытащили из-под кровати перепуганного мальчишку, а дикобраза загнали в угол и, «охраняя» себя, как щитами, скамейками, прижали колючего зверя к стенке. Опять пришлось заплатить новыми ранениями, чтобы схватить дикобраза за заднюю ногу. Наконец, зверь был пойман и за неимением клетки посажен в пустую винную бочку.

На другой день участники ночного похождения вышли из строя: пораненные руки и ноги опухли и сильно болели.

Но мы все же не отказались от намерения продолжать ловлю, так как одного дикобраза было недостаточно.

Решили только изменить способ ловли. Мы были уверены, что, как только земля просохнет, норы в садах (а их было немало) вновь заселят животные. Не хотелось больше подвергать себя болезненным уколам. Казалось, легче и безопаснее взять дикобраза в их подземных жилищах, раскапывая норы при помощи вертикальных колодцев. Раскопка нор была крайне тяжелой работой.

Настал февраль. Пришла ранняя закавказская весна. Среди колючих зарослей и лоз винограда зазеленела свежая травка, на деревьях набухли почки. Влажная дымка испарений поднималась от быстро просыхавшей земли. Просыхали и норы дикобразов.

Мы же со дня на день все откладывали раскопку. Уж очень много хлопот и беспокойства причинял нам сидевший в бочке дикобраз. На отсутствие аппетита у пленника мы не могли пожаловаться. Капуста, свекла, морковь и другие овощи поедались им охотно и в изобилии. Но, когда дикобраз не был занят едой, он начинал грызть стенки бочки. Мы забивали дыры кусками жести, но и это не помогало. Могучими резцами зверь отдирал жестяные заплатки и расширял отверстия.

Ни одной ночи мы не знали покоя. Нас будил треск разгрызаемого дерева. Приходилось вставать с постели и что есть силы стучать в стенки бочки. На короткий срок дикобраз утихал, но затем вновь упрямо возобновлял свою разрушительную работу. Мы так измучились, что один вид бочки с дикобразом приводил нас в плохое настроение. Вот почему мы и откладывали отлов новых дикобразов на самые последние дни своего пребывания в селении Вель.

Наконец, оттягивать было уже нельзя, и мы, выбрав нору, казав-

шуюся более доступной, ранним утром принялись за работу. Раскопать целиком длинную и сильно разветвленную нору дикобраза — непосильный труд, и мы поступали так. Сунем в нору длинный ивовый прут, определим направление хода и копаем над ним вертикальный колодец, пока не докопаемся до норы. Потом залезаем в яму, при помощи того же прута определяем дальнейшее направление хода и копаем новый колодец.

Сначала ход шел прямо, затем стал ветвиться — от норы отходили ответвления то влево, то вправо. Мы совершенно запутались в подземных коридорах зверя и, откровенно говоря, повесили носы. Сколько сил потратили, а дикобраза все нет.

Но наш труд не пропал даром. Во второй половине дня нам удалось прутком нащупать дикобраза. Почувствовав прикосновение прута, зверь стал выталкивать его из норы. Тут мы сразу повеселели и с новым жаром взялись за работу. Прокопали колодец над дикобразом, загнали зверя в тупик и, нащупав заднюю ногу, торжественно извлекли наружу. А тут еще оказалось, что в подземном коридоре скрывается не один, а два дикобраза. Пока мы возились с первым, второй вырвался из тупика и укрывлся в другой части подземного жилища.

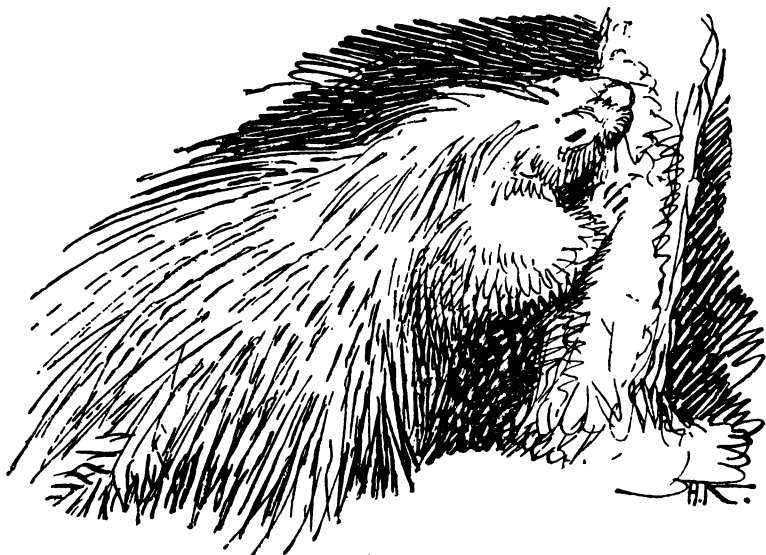
На помощь нам прибежали местные ребята и давай гонять зверя по отноркам. Завидят через колодец пестрые иглы и поднимают крик, а напуганный дикобраз мечется по подземным коридорам. Выбраться наружу через глубокий колодец с отвесными стенками он не может. А у главного выхода норы, откуда зверю легче всего выскочить, был поставлен на страже один из ловцов.

Однако, к несчастью, зверь оказался бывалый. Он умело избегал тупиков, никак не давался в руки. Провозившись без толку более получаса, мы снова взялись за раскопку. Подземные коридоры уходили все дальше, под шпалерные виноградники.

Пришла моя очередь сторожить главный выход. Сел я над норой, опустил ноги вниз. Незаметно сгустились сумерки. Взошла луна, большая и ясная. Загляделся я на луну, заслушался тихого рокота морского прибоя и размечтался. Я думал о том, какая огромная наша страна: сейчас в Москве февральская стужа, метели, а здесь весенняя теплынь. Но мечтания прервались самым неожиданным образом.

Сильный толчок вышиб мои ноги из норы: крупный дикобраз, звеня иглами, выскочил наружу и галопом поскакал по виноградникам. Опомившись, я бросился за ним. С разбегу налетел на соединяющую виноградные стойки проволоку — шпалеру — и, отброшенный ею назад, упал на землю. Однако в ту же минуту я вскочил на ноги и, несмотря на режущую боль в шее, побежал дальше. Одна мысль заполняла сознание: где дикобраз? Неужели ушел?

Но вот на полянке, освещенной луной, мелькнула тень зверя. Тут он! Я мчусь, перепрыгивая через рытвины и колючий кустарник, и с бьющимся сердцем слежу, как сокращается расстояние

между мной и беглецом. Только бы не допустить его добраться до колючих зарослей — тогда пропала добыча!

Вот я уже настигаю дикобраза, но тут зверь неожиданно резко остановился. Не удержавшись, я с разбегу налетел на него и тут же почувствовал сильный удар в правую ногу. Острые иглы пробили голенище сапога. Я не упустил добычи и, схватив дикобраза за ногу, стал громко звать товарищей. Они поспешили мне на помощь. Пойманного зверя посадили в мешок и понесли в селение, а я, с трудом передвигая ноги, поплелся следом.

Шел я медленно и намного отстал от приятелей. Подхожу к нашей хате и слышу шум и возбужденные голоса. Что-то случилось. Превозмогая сильную боль, я на здоровой ноге поскакал к калитке. При ярком лунном свете посреди двора метались человеческие фигуры: три темные и одна белая; они подпрыгивали, точно танцуя какой-то дикий танец. Среди них вертелся выскочивший из мешка дикобраз, блестя пестрыми иглами.

Белая фигура принадлежала Макару. Разбуженный поднявшейся на дворе суматохой, он выскочил на помощь прямо с постели в одном нижнем белье. Ловцы то наступали на зверя, то отскакивали от него. Белая фигура постепенно становилась все более пестрой от многочисленных пятен выступившей крови. Когда же, наконец, зверя схватили и потащили к крыльцу, ноги Макара, окровавленные до самых колен, казались одетыми в высокие сапоги.

С большим трудом поднялся я на другой день на ноги — все тело болело. Однако я не мог отказать себе в удовольствии осмотреть место вчерашней ловли. Среди потоптанной молодой травы я нашел свою шапку и много игл, утерянных дикобразом. Из одной иглы я сделал себе ручку. Ею я пишу рассказы о своих былых похождениях.

ИСТОРИЯ ПЕРВОЙ КРАСНОЗОБОЙ КАЗАРКИ

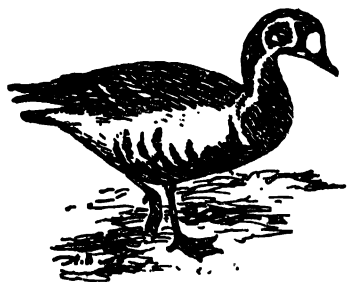
Среди фламинго, всевозможных уток и гусей, проводящих зиму в Закавказье, под Ленкоранью регулярно зимует замечательный маленький гусь — краснозобая казарка. Родина этой птицы — далекая приенисейская тундра Сибири. Здесь она выводит свое потомство, а когда короткое северное лето кончается и наступает холод, пересекает нашу страну и проводит зиму в юго-восточном Закавказье. Таким образом, поймать живой краснозобую казарку или достать ее шкурку можно только в нашей стране. Лишь в очень редкие зимы, когда на местах зимовок выпадает обильный снег, эти птицы улетают в северную часть Ирана. Краснозобая казарка представляет большую ценность для зоопарков всего мира. Вот с этой-то замечательной птицей, так сказать эндемиком нашей страны, лет двадцать пять тому назад у меня случилось маленькое происшествие.

Во второй половине января со своим товарищем, ныне профессором, Сергеем Павловичем Наумовым я охотился на обширных лугах близ устья маленькой речушки Камышовки.

На берегу моря стояли три крохотных домика и маленькая чайхана под открытым небом. В ней мы частьенко пили чай, наблюдая в то же время за стаями кормившихся по соседству гусей, стрепетов и других птиц. Помню, в тот день мое внимание привлекли крупные соколы-балобаны. Они охотились за водяными птицами. Как только в воздух поднимались утки или мелкие гуси-казарки, один из соколов, поднявшись выше стаи, стремительно бросался на свою добычу. Часто он промахивался, но иной раз ударял птицу задним когтем лап и, когда та перевертывалась в воздухе, схватывал ее и с трудом тащил тяжелую жертву в стору.

Мне очень хотелось добыть сокола для своей коллекции, но они держались очень осторожно и при моем приближении перемещались с места на место. Вот один хищник уселся на телеграфный столб у самых строений. Пользуясь этим, я подкрался к нему из-за домика, хотел уже поднять ружье и выстрелить, но вместо этого остановился как вкопанный. У самого человеческого жилья я увидел разгуливавшую на свободе великолепную краснозобую казарку. Она вела себя так же, как домашняя птица. Не обращая внимания на стаи диких гусей, пасшихся неподалеку на прибрежных лугах, казарка держалась близ строений. Надо сказать, что я никогда не видел живой эту птицу так близко.

Краснозобая казарка еще не попадала на пруды Московского зоопарка, и в моих глазах эта жемчужина среди пернатых нашей страны представляла очень большую ценность. В тот же момент охота за соколами была забыта, и я, отыскав хозяина, попросил продать мне его ручную казарку. Но он заупрямился. Как я ни старался убедить его, приводя всевозможные доводы, как ни просил, предлагая за птицу значительную сумму, ничего не действовало на этого упрянца.

— Зарежу, а не продам,— с сердцем заявил он наконец и, поймав казарку, скрылся с нею в дверях своего жилища.

Конечно, я не мог примириться, что такая редкая птица будет зарезана из-за глупого каприза упрямого человека, но в то же время видел, что дальнейшая попытка разрешить вопрос мирным путем не приведет к желанным результатам.

Не зная, что предпринять, на что решиться, я отыскал моего спутника и рассказал ему о случившемся.

— Отдаст,— успокоил меня приятель.— Ведь если он зарежет казарку, ему придется заплатить большой штраф. Будь уверен — он знает о постановлении, что ловить и стрелять дичь запрещено охотничьим законодательством. Ему надо об этом напомнить, а уж если он тут заупрямится, то придется вызвать ближайшего объездчика и забрать птицу силой.

— Или сейчас же продавай казарку, или мы сами возьмем ее у тебя,— решительно заявил мой приятель вышедшему навстречу хозяину.

— Никакой казарки у меня нет,— ответил тот.

— Как нет, куда ты ее дел? — наступали мы на него оба.

— Нет, и только,— я ее в море пустил, а если не веришь, сам посмотреть можешь.

Мы воспользовались последними словами хозяина и в поисках птицы обыскали все пристройки и печку, поставленную на открытом воздухе, то есть все, куда, по нашему мнению, было можно спрятать живую птицу. Хозяин спокойно стоял в стороне и с усмешкой смотрел на нас.

Казарки нигде не было. Неужели он действительно выбросил ее в море? Но в таком случае она должна была находиться поблизости. Однако тщательный осмотр морского побережья и окрестностей также не дал никаких результатов. Краснозобая казарка как будто провалилась сквозь землю.

Неудача так на меня подействовала, что я вдруг почувствовал сильную усталость. На протяжении четырех километров, отделявших нас от дома, ноги мои заплетались, я спотыкался, голова горела. Не приступ ли столь характерной для этих мест тропической малярии? И действительно, добравшись до дому, я забрался на печку и почувствовал себя совершенно больным.

— Что вы расстраииваетесь? — с участием сказал мне хозяин — лесной объездчик.— Дело не пропащее, я сейчас все выясню и уверен, что казарка у нас будет.

— Макар, дорогой,— оживился я,— плати за казарку любые деньги, если не продаст, силой отними, но прими все меры, чтобы не упустить птицу.

— Ладно, сделаем,— с уверенностью сказал Макар и вышел из дому.

И действительно, через несколько часов казарка была доставлена нам. Она была найдена под перевернутым котлом, валявшимся во дворе ее хозяина.

Я торжествовал, но, конечно, ждал больших неприятностей и подготовился к решительному отпору. На следующий день рано утром явился упрямый хозяин птицы.

— Казарка у тебя? — спросил он.

— У меня,— стараясь быть спокойным, ответил я.— Могу предложить за нее хорошую плату, но назад ты ее не получишь.

— Не надо мне денег — я к тебе по другому делу пришел,— без всякого раздражения ответил он.— Вчера оба мы плохо делали. Ты кричи, я тоже кричи — совсем как дурной человек. А потом я подумай — зачем мне эта казарка, когда домашней птицы сколько нужно дома есть, и решил к тебе зайти. У моего брата два такой казарка есть. Если хочешь, принесу их тебе, он их охотно продаст.

— Конечно, неси — куплю с величайшим удовольствием.

Но после вчерашнего столкновения я не ждал такого оборота дела и, естественно, не поверил его словам. Поэтому был приятно удивлен, когда два дня спустя вновь явился мой новый знакомый. В его корзине я нашел двух краснозобых казарок. На этот раз мы расстались настоящими друзьями.

Весть о том, что приезжие москвичи скупают всевозможных животных, широко облетела все селения и дала нам возможность собрать большую и великолепно подобранную партию.

Такова история первых краснозобых казарок, попавших в зоопарк Москвы зимой 1925 года.

ДИКИЕ КОШКИ

Присмотритесь внимательно к домашней кошке, и вам станет ясно, что это высоко специализированный хищник. Сколько в кошке грации, природной осторожности. Походка ее бесшумна, когти скрыты шерстью. При таком положении они не тупятся во время ходьбы. А какое зрение, слух! В дикой кошке все эти черты хищника выражены значительно ярче. Она очень осторожна и обладает не только превосходным слухом и зрением, но в отличие от своей домашней родственницы и сравнительно хорошим чутьем.

В нашей стране дикie кошки представлены различными видами. Одни из них сложением похожи на домашних кошек, другие, как, например, рысь, непохожи. Обитают дикie кошки в самой разнообразной обстановке: в пустынях, зарослях колючих кустарников и тростника, в лесах и безлесных высокогорьях.

Под Ленкоранью во время странствий я постоянно встречал крупных камышовых кошек, и только однажды мне посчастливилось увидеть чрезвычайно редкую для этих мест лесную кошку. Вот как это случилось.

В тот день я вышел в сады, окружающие селение Вель, чтобы поохотиться за фазанами. За этими замечательными птицами под Ленкоранью не нужно ходить далеко. В глухих уголках они в изобилии встречаются у самого жилья человека, рядом с домашними курами.

Не успел я сделать и сотни шагов от дома, как, к моей досаде, сзади меня появились две зверовые охотничьи собаки. Скучно им дома сидеть без дела — охотники не так уж часто ходят на кабанов, — вот они и не упускают случая увязаться за мной на охоту. Конечно, собака в колючих зарослях, где держатся фазаны, — большой помощник: быстро найдет и заставит взлететь птицу. Однако собака собаке рознь, и услуга зверовых псов не всегда была для меня желанной. Застрелишь фазана — и бежишь к нему сломя голову, а иначе разгоряченные четвероногие помощники выдернут из него половину перьев: ведь они не знают, что мне нужно не мясо птицы, а ее целая шкурка.

На этот раз мне жалко было прогонять собак. Вскоре они выгнали превосходного петуха-фазана. После моего выстрела, смертельно раненный, он пролетел метров двести и упал близ густых зарослей ежевики. Но, несмотря на все мои старания, я никак не мог найти птицы. Не помогали и собаки. Они напали на чей-то след и были целиком поглощены поисками. Приготовив на всякий случай ружье, я стоял на большой поляне, поросшей молодым виноградником, и ждал, что будет дальше.

Вдруг на краю ее появилась лесная кошка. Видимо, она, запутав следы, пыталась уйти от собак незаметно. Пригибаясь к земле, кошка осторожно выбралась из зарослей и, осмотревшись по сторонам, галопом пустилась через поляну. Как она была красива в этот момент! Сравнительно небольших размеров, с огромными глазами, зверек был покрыт высоким серым мехом и обладал таким пушистым хвостом, какой можно увидеть разве только у домашней кошки сибирской или ангорской породы.

В тот же момент появилась собака. В несколько прыжков она нагнала кошку — вот-вот схватит. Но маленький хищник, не надеясь на быстроту своих ног, смело кинулся на врага, в несколько раз превосходящего его силой и ростом. Зубами и когтями он вцепился в морду собаки, и сад наполнился отчаянным собачьим визгом. Я поспешил на выручку псу, надеясь каким-нибудь путем завладеть живым хищником.

Завидев меня, кошка оторвалась от собачьей морды, как пружина, отскочила в сторону и вновь исчезла среди зарослей ежевики. Тряся окровавленной мордой и взвизгивая от досады и боли, собака кинулась по ее следам, а за ней и другая.

Вновь начались поиски, отнявшие массу времени. Я искал фазана, а собаки — скрывающуюся кошку. Около часа, повизгивая от нетерпения, они копались среди колючих перепутанных кустарников, а я безнадежно осматривал место, где упал фазан, или стоял поодаль и ждал, чем кончатся поиски.

Наконец, пострадавший пес, утомленный тщетными поисками, вернулся обратно. Кровь запеклась на его израненной и распухшей морде. Как бы извиняясь за свое поражение, помахивая хвостом, он подошел ко мне и вдруг, взвизгнув, поспешно отскочил в сторону. В тот же момент я увидел среди сухой травы того самого фазана, которого застрелил в начале охоты. Собака, наступив на него ногой и, вероятно, не успев сообразить, что под нею не свирепая лесная кошка, а только мертвый фазан, инстинктивно шархнула в сторону.

Крупная камышовая кошка по телосложению несколько напоминает нашу рысь. Под Ленкоранью это животное обитает в камышах водохранилищ и в лесах, устраивая свои логова или в покинутых норах других животных, или в непроходимой чаще кустарников.

При попытке добыть живую камышовую кошку нас упорно преследовала неудача.

Однажды ранним февральским утром меня разбудили мои приятели, сельские ребята. Перебивая друг друга, они спешили сообщить важную новость: «Дикий кот у дяди Прохора в капкан попался! Во какой здоровый и страшный!» Я наскоро оделся и, с трудом поспевая за шустрой компанией, через несколько минут прибыл на место происшествия.

Там уже стояла толпа, наблюдая за лежащим на земле крупным камышовым котом. Лапа хищника была крепко зажата дугами капкана. Как только кто-либо из толпы пробовал приблизиться к злополучному зверю, кот взъерошивал выпачканную в глине шерсть, шипел и прыгал навстречу противнику. Но короткая цепь капкана, прикрепленная к вбитому в землю колу, неизменно валила кота на землю.

Сообразив, что при таких прыжках ценное животное может сломать ногу, я сбросил с себя кожаную куртку и, прикрывая ею лицо, приблизился к зверю. Он с бешенством отчаяния повторил свой неудачный маневр и опять бессильно упал на землю. Тут я мигом набросил на кота куртку и навалился всей своей тяжестью.

Зверь был «обезоружен» и связан. Мы осторожно сняли с его ноги капкан, смазали йодом и перевязали легкую рану на лапе. Пойманного кота поместили в просторную клетку.

Станным было его поведение.

В отличие от других пойманных нами животных кот не пытался освободиться, не искал выхода из своей темницы. Он неподвижно лежал в углу клетки, не прикасаясь к предлагаемой ему пище, и делал вид, что не замечает окружающих его людей.

Так прошло три дня. Опасаясь за жизнь пленника, мы пустили в клетку к коту живую курицу. Эта глупая птица — любимая добыча для вольных камышовых котов. Вначале курица металась по клетке, боясь опасного соседа, но потом успокоилась и даже начала нахально шагать по спине лежащей кошки. Хищник не обращал на нее никакого внимания.

Прожив еще два дня, камышовый кот погиб, а обреченная на съедение курица осталась невредимой. По-видимому, пой-

манный кот был слишком стар, чтобы примириться с потерей свободы.

Однако первая неудача не остановила нас от дальнейших попыток заполучить дикую кошку. Мы каждый вечер расставляли капканы и широко оповестили местных охотников о том, что дорого будем платить за каждую дикую кошку, доставленную нам живой и здоровой.

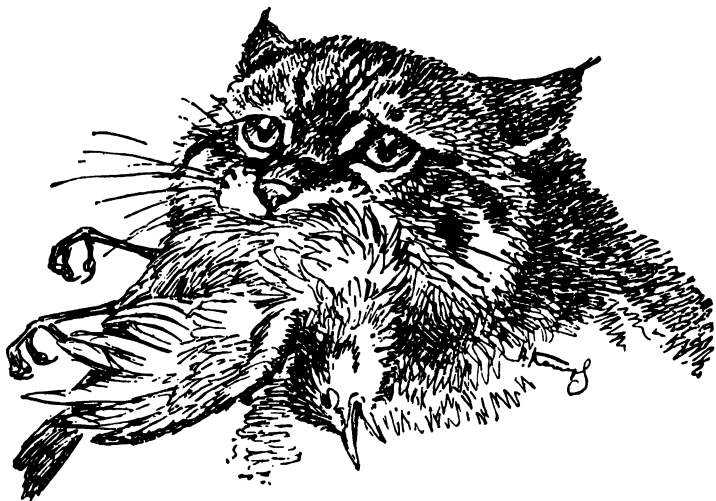
Многие думают, что в противоположность диким собачьим — волку, шакалу, лисице — кошки не обладают чутьем. Это не совсем верно. Расставляя капканы по следам зверя, я неоднократно убеждался в противном. Издали зачуяв капкан, кот сворачивал в сторону и, миновав опасное место, снова выходил на тропу.

Чтобы поймать кота, пришлось прибегнуть к различным хитростям. Я выследил, что одна дикая кошка каждую ночь ходит по тропинке, проложенной между виноградником и старой, заросшей бурьяном пашней. В стороне от тропинки среди бурьяна я протоптал короткую дорожку и посредине установил капкан, тщательно замаскировав его измельченным конским навозом.

Спустя три дня я бросил с тропинки в сторону капкана поджаренную на огне убитую ворону в расчете, что запах жареного мяса отобьет запах железа. На другое утро капкан оказался захлопнутым, но зверя в нем не было. Я только нашел между дуг капкана много кошачьей шерсти. Хищнику удалось вырвать из капкана ногу и благополучно уйти.

Тогда я решился на последнюю хитрость: посадил в маленькую железную клетку живую крысу и вкопал ее в землю среди зарослей колючки. Поверх клетки поставил настроженный капкан, тщательно замаскировав его сухими листьями. Кошки протоптали вокруг клетки хорошо заметную дорожку, они слышали, как крыса грызла решетку, но идущий от капкана запах железа внушал им недоверие. Так, ни одна из кошек и не решилась подойти близко к ловушке.

После многих неудач я потерял надежду приобрести живых камышовых кошек. Но вот однажды утром ко мне явились два юных охотника, ребята-подростки Иван и Марк. Они держались с особенной важностью, и я сразу сообразил, что ребята пришли неспроста. Около них вертелись малыши, которые тоже, видимо, были в курсе дела и изнывали от нетерпения первыми сообщить мне новость, но боялись старших. Наконец, улучив удобную минутку, один из малышей шепнул мне на ухо:

— Дядя! Марк и Иван кота поймали.

Все стало мне ясно. Недаром ребята важничали. Нетерпение передалось мне, возрастая с каждой минутой. Сначала я сдерживался, молчал, делая вид, будто ничего не знаю, но затем решил вызвать юных звероловов на разговор.

— Эх, вы, охотники! С пустыми руками явились. Чего же кота не притащили?

— А чего тащить, — возразил Иван, — дай дробь и пороху — тогда мигом здесь кот будет.

Мне было жалко отдавать последний порох, но досадно было ехать в Москву, не добыв дикую кошку, а до отъезда осталось всего несколько дней. И я ответил ребятам:

— Ладно, если кот хороший и ноги у него не поломаны капканом, и дробь и порох получите, только живей тащите сюда, а то времени нет.

— Кот есть, да не дома, — насупившись, заметил Марк.

— А где же?

— Мы у леса его в нору загнали, а чтоб не выскочил, выход травой и землей забили.

Тут уж я не выдержал.

— Так чего же вы здесь целый час околачиваетесь? Ждете, когда кот из норы выберется и хвост вам на память покажет?

— Не уйдет он, не бойся. Некуда ему уйти.

Ребята захватили лопаты и два мешка и зашагали по направлению к ближайшему перелеску. А я, проводив их глазами, стал приготавливать клетку для зверя.

Поспешишь — людей насмешишь, говорит русская пословица. Иван и Марк были сыновьями опытных звероловов, гордились этим и не хотели ударить в грязь лицом. К работе они приступили вдумчиво и неторопливо: проверили, нет ли из норы запасного выхода, а затем, чуть приоткрыв забитый вход, всунули в него гибкую удочку. Расщепленный конец удилица уперся во что-то мягкое. Повращав удочку несколько раз, ребята вытащили ее обратно: на расщепленном конце оказалась шерсть камышовой кошки.

Убедившись, что животное в норе, юные звероловы принялись за работу. Набив один из мешков сухой травой, ребята вскрыли забитый ход и плотно, как пробкой, заткнули его мешком. Проталкивая толстой палкой эту пробку все глубже и глубже в нору, мальчики начали раскапывать только ту часть хода, которая была расположена между пробкой и выходом. Таким образом, кот все время оставался в полной темноте, и единственный выход из норы для него был надежно закрыт.

После двухчасовой раскопки набитый сеном мешок вплотную приблизился к логову зверя. Ребята сделали передышку и позавтракали.

Закусив, мальчики натянули второй захваченный ими мешок на два деревянных обруча. Кота, зажатого в тупике, можно было взять руками, но дикая кошка очень опасна; особенно болезненны ее укусы. Зная это, ребята хотели поймать кота, не подвергая себя риску.

Наступила самая ответственная минута. Юные звероловы осторожно вытащили из закупоренного хода пробку и, приставив к отверстию норы натянутый на обручи мешок, стали ждать, когда животное, выскочив из своего убежища, попадет в ловушку.

Да не тут-то было! Кот и не собирался делать этой глупости. То ли со страха, то ли из осторожности он предпочитал отсиживаться в тупике. Ребята, утрашая его, топали над выходом из норы ногами — зверь не шевелился. А может, кот сдох в закупоренной норе за долгое время раскопок? Осторожно отодвинув мешок, Иван заглянул в темную глубину хода — и тут же отпрянул назад. Из темноты прямо ему в лицо сверкнули два горящих злобой желтых глаза.

Достаточно было мгновения растерянности юных охотников. Взъерошенный хищник выскочил из норы и, перепрыгнув через Ивана, скрылся в колючих кустарниках. Пораженные случившимся, юные звероловы растерянно смотрели то на опустевшую нору, то на кустарник, в котором исчезла кошка. Пропали даром труды, пропала добыча.

О неудаче ребят я узнал позднее, о ней мне рассказали другие.

Спустя два дня я охотился за гусями, которые большой стаей кормились на лугу неподалеку от селения. Укрываясь за редкими кустиками и клочьями сухой прошлогодней травы, я медленно подползал к птицам и тут-то натолкнулся на Ивана. С огромной дедовской одностволкой, какие сейчас можно увидеть только в музее, мальчик лежал в меже и пристально следил за стаей.

Сначала мы молча переглянулись, но потом я не удержался от желания поддразнить юного зверолова и шепотом спросил его: — Иван, а куда же кот-то делся?

Мальчик только махнул рукой и ничего не ответил. И такая досада и огорчение отразились у него на лице, что, пожалев парнишку, я шепнул ему в утешение:

— А ты все-таки зайди к нам. А то на этих днях в Москву уедем. Хоть кот и ушел, а порох я с собой не повезу — тебе оставлю.

КОТЯТА

Несмотря на частые походы по лесам и садам Ленкоранской низменности, мне как-то не случалось встречать котят дикой кошки. Надо сказать, что найти логово этого зверя довольно трудно. Обычно оно помещается в самых густых и непроходимых зарослях колючего ежевичника, куда человек попадает, разве сбившись с дороги. Пробираясь сквозь колючую чащу, он обязательно изорвет одежду, изранит, испарапает тело и в другой раз предпочтет сделать большой крюк, лишь бы стороной обойти заросли.

Трудно, кроме того, даже предположить, где помещается логово камышовой кошки. Котята, как правило, ведут себя тихо и осторожно: ни голосом, ни появлением на открытых участках не выдают своего присутствия. Вот при этих условиях и попробуй отыскать гнездо кошки с котятками. Благодаря такому умению скрыть логово в большинстве случаев котята вырастают благополучно, и потому, несмотря на истребление камышовых котов всевозможными средствами, их в Ленкоранской низменности всегда много.

Однажды, проснувшись необычно поздно, я никак не мог придумать, куда бы отправиться, как использовать время. Не сидеть же дома в самый разгар экспедиционной работы только потому, что, утомленный вчерашней экскурсией, я проспал лучшую пору — раннее утро!

Положив в сумку десяток патронов и закинув за плечи ружье, я тропинкой направился сквозь виноградник к водохранилищу-истылю. До коллективизации все эти виноградники и фруктовые сады принадлежали индивидуальным хозяйствам и отделялись друг от друга глубокими арыками. Арыки сплошь заросли джидой и колючим ежевичником. Пройти, вернее продрасться, сквозь такую живую изгородь почти невозможно. Вдоль зарослей ежевичника, не зная, как использовать время, я и шел в то позднее утро.

«Мяу-мяу-мяу-вуу», — вдруг услышал я истерический писк котенка и остановился как вкопанный.

«Мяу-мяу-вуу», — вновь донеслось из колючих зарослей ежевики. Эти дикие звуки заставили меня оглянуться. Они показались мне необычными.

«Наверное, котенок камышовой кошки, — мелькнула у меня догадка. — Домашняя кошка так не мяукает».

Безмятежный покой царил кругом. Под южным синим небосклоном, как зачарованные, дремали великаны деревья, фруктовые сады, виноградники, молчали птицы; ни ветерка кругом, ни звука. Почему же так кричал дикий котенок?

«Мя-мяу-мяу-вуу», — вновь раздалось в тишине сада, и мне стало ясно, что в кошачьей семье случилось что-то неладное. Котенок, безусловно, кричал не напрасно — он был голоден и настойчиво требовал пищи. Заметив место, откуда исходили звуки, и стараясь не производить шума, я побежал в селение. А четверть часа спустя несколько поселковых ребят, вооруженных чекменями, граблями и косами, окружили заросли ежевики, где недавно кричал котенок.

— Ну, ребята, прорубай скорей колючку! — подбодрял я помощников, показывая место. Дружно заработали чекмени и косы, и спустя короткое время небольшой участок колючей изгороди оказался отрезанным от прочих зарослей. Окружив его, мы прекратили работу, притихли, чутко вслушиваясь в невнятные шорохи. Но долго молчал котенок.

«Мяу-мяу-вуу», — спустя полчаса, наконец, прозвучал его голос. На этот раз мяуканье раздалось совсем близко.

— Стереги, ребята! — крикнул я и, закрыв голову брезентовой курткой, на четвереньках полез по дну арыка под нависшие ветви ежевики.

Метра три прополз я таким образом и вдруг наткнулся на маленького котенка. Перепуганный появлением человека, он, притаившись, лежал среди густой поросли и встретил меня шипением и фырканьем. Схватив его и сунув за пазуху, я осмотрелся по сторонам. Кругом поднималась густая чаща колючих стеблей. Почву покрывала опавшая в прошлую осень сухая листва, но логова дикой кошки, настоящего гнезда, не было видно. Откуда появился здесь этот котенок, как он сюда попал, для меня осталось загадкой.

«Интересно, сколько ему дней?» — рассматривали мы пойманного зверька дома. Небольшой и толстый, он был покрыт мягким бурым пухом. Массивные лапы с розовыми когтями, широкий лоб с большим темным пятном посередине и длинные усы делали его удивительно привлекательным. Котята домашней кошки, достигнув такого роста, бывают игривы и непоседливы, а их движения вполне уверенны. Наш же котенок казался совсем беспомощным. Он широко расставил лапы и, пытаясь передвигаться, с трудом ползал по полу. Такое его поведение позволяло безошибочно признать в нем крупную камышовую кошку в раннем возрасте.

— Дядя Женя, в колючке еще котенок питит! — ворвался в комнату запыхавшийся мальчуган. Не теряя времени, мы бросились в глубину сада. В той же колючке действительно громко пищал котенок. Много часов сряду рубили мы кустарник, уничтожили значительную часть колючей изгороди, ползали по дну арыка и лишь незадолго до вечера, наконец, отыскали и извлекли второго котенка. Он был как две капли воды похож на первого.

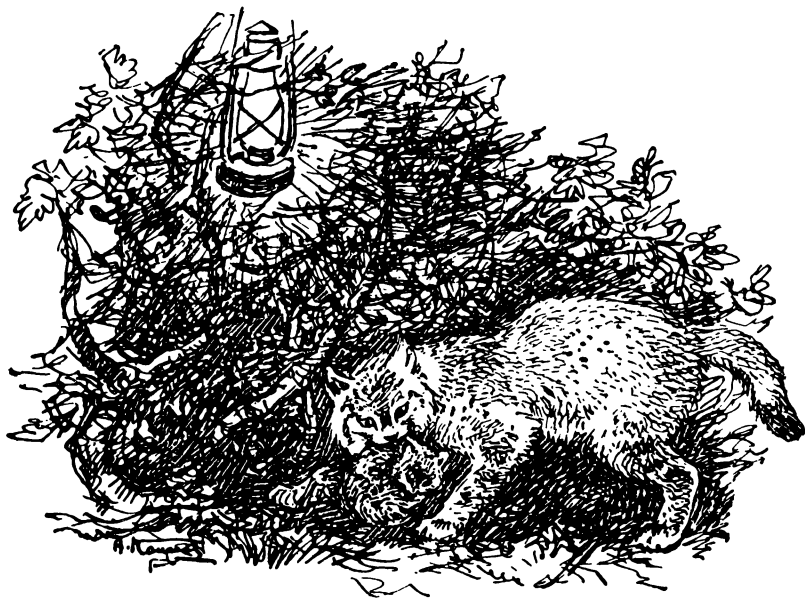
Котята еще не питались самостоятельно, и остаток дня я потратил на отыскание в поселке домашней кошки-кормилицы.

Наступили сумерки. Знойный летний день сменился тихим вечером. В далеком истыле квакали лягушки. Мне не хотелось спозаранку ложиться спать, и я знакомой тропинкой не спеша побрел в глубину сада. На дереве жалобно кричал птенец ушастой совы. «Пиии-пии», — монотонно разносилось в тихом воздухе. Вдруг я услышал иные, хорошо знакомые звуки. Быстро прошел я короткое расстояние и, остановившись, вновь чутко прислушался. В том же ежевичнике, где нами сегодня были пойманы два диких котенка, таким же голосом пищал третий. Найти его в густых зарослях в темноте нечего было и думать.

«Не уйдет никуда, — решил я, — а сейчас повешу над ним зажженный фонарь. Место замечу и отпугну им старую кошку, если она появится ночью».

Так я и сделал. Большой фонарь «летучая мышь», укрепленный среди перевитых колючих ветвей, был помещен мной как раз над тем местом, где пищал котенок.

К утру погода испортилась. Под порывами ветра шелестела листва деревьев, вдали глухо шумело море. Когда ранним утром я пришел к знакомому месту, фонарь продолжал гореть, но котенок долго не подавал голоса. Наконец я услышал знакомый писк, но не в зарослях ежевики, а далеко в стороне. Стараясь поменьше шуметь и часто останавливаясь и вслушиваясь, я пошел на доносившийся голос. Метрах в трехстах от вчерашнего места, среди высокого бурьяна, после кратковременных поисков я обнаружил котенка. Он попал сюда, конечно, не сам. Вероятно, мать-кошка

по каким-то причинам не могла кормить молоком детенышей, и они настойчивым писком требовали пищи. Свет фонаря не испугал старой кошки. Ночью она пыталась утащить своего последнего котенка как можно дальше от фонаря, в более спокойное место.

«Не страшен и огонь», — размышлял я, направляясь с третьим котенком в руках к дому.

Несколько дней спустя после этого случая неожиданно у меня появился четвертый живой экземпляр молодой камышовой кошки.

Был невыносимо жаркий июльский полдень. Влажная жара наших субтропиков заставила все живое замолчать и искать тени, прохлады. Молчали сады, лес, поселок — ни птичьего голоса, ни голоса человека.

С раннего утра я «набродился» по водохранилищам-истылям и тоже решил отдохнуть — посидеть дома. Распахнув настежь двери и окна и устроив в квартире сквозняк, я только хотел почитать книжку, как увидел в конце улицы не совсем обычную группу.

Под тенью крупных деревьев по дороге селения не спеша шел высокий человек в широкополой шляпе. Рядом с ним на тонкой веревке, совсем как воспитанная собака, спокойно шагала молодая камышовая кошка. По сторонам бежали деревенские ребяташки, с удивлением рассматривая хорошо знакомого им зверя, но в столь необычных условиях.

Группа направлялась к домику, где я поселился. Присмотревшись, я узнал своего московского товарища Верещагина и вышел к нему навстречу. Приятель недолго погостил в Велях. Он был здесь проездом. Спустя три дня, подарив мне ручного камышового кота Мишку, он уехал в другие районы Закавказья.

Я не буду здесь подробно рассказывать о содержании в неволе котят. Лето они прожили в Велях, причем ручному Мишке была предоставлена полная свобода. Осенью, возвратившись в Москву, трех уже сильно подросших котят я передал Московскому зоопарку, а Мишку оставил себе. Однако крупный зверь, да к тому же большой хищник, доставлял мне массу хлопот. Одно замечательно — Мишка был совершенно ручным животным, вполне утратившим стремление к свободной жизни. В квартире, среди людей, он чувствовал себя как дома. Сядешь, бывало, за письменный стол заниматься, а из соседней комнаты на своих длинных ногах появляется Мишка. Кот без церемонии вскакивает мне на спину. Несмотря на свой рост, он умело укладывается спать на мои шею и плечи. Зимой в морозные дни это было не только эффектно, но и приятно. Жалко было расстаться с Мишкой, но

настала пора, когда я был вынужден передать кота Московскому зоопарку. Ведь держать крупную дикую кошку в московской квартире действительно почти невозможно.

Совершенно ручной камышовый кот — редкое явление. Поиманный взрослым, он тяжело переносит потерю свободы, взятый маленьким — очень часто остается злым и недоверчивым.

ДВЕ ЗИМЫ

Когда кончается первое полугодие и наступают зимние каникулы у студентов, а у меня выкраиваются две-три недели, свободные от занятий, мне не сидится в Москве.

Настоящая зима под Москвой, стоят морозы. Скованы льдом водоемы, надолго прикрыта снегом земля. «А там, на далеком юге, вероятно, совсем тепло, греет солнце. Как хорошо побывать сейчас в Закавказье! — мечтаю я. — Увидеть зеленую травку, журчащие ручейки, нашу летнюю птичку зорянку, стаи крикливых гусей и уток». И вот уже четыре года подряд, хотя бы на самое короткое время, я прощаюсь с шумной столицей и уезжаю на юг, в Закавказье, где зимуют птицы нашего Севера. Но пусть помнит читатель, что в мечтах все ярче и краше.

Не каждый год природа щедро дарит наш юг теплом и солнцем. Иной раз в Закавказье выдаются на редкость снежные и холодные зимы. Вот мне и хочется сейчас рассказать о двух зимах, проведенных мной в Закавказье, так не похожих одна на другую.

Я вспоминаю зиму 1950 года. 21 января я стою по колено в снегу на берегу знакомой неширокой протоки. Кругом, насколько хватает глаз, болота, поля и прибрежные камыши — все замечено снегом. Необычно крупные снежные хлопья бесшумно падают сверху, толстым слоем ложатся на колючие заросли ежевичника, на мои шапку и плечи. Извиваясь среди снежных сугробов, далеко вперед от меня уходит узкая студеная полынья. Ее тусклая вода на всем протяжении покрыта стаями плавающих лысух и уток, табунами уток насыщен и воздух. Почти непрерывно они летят мимо меня вдоль незамерзшей протоки, быстро скрываясь из виду в мутном горизонте.

Ведь настоящая зима. И где же? В теплом Закавказье, куда улетают зимовать птицы, куда и я стремлюсь в самое холодное время года, чтобы погреться на южном солнце и сократить долгую зиму нашего Севера. Я вновь осматриваюсь кругом, гляжу на белую пелену, на хлопья падающего снега. Но тут мои мысли обрываются самым неожиданным образом. «Что это такое?» — ничего не понимая, смотрю я вперед. Мимо меня в воздухе скользят какие-то странные длинные черные ноги...

«Да это птица, это большая белая цапля!» — соображаю наконец я. Сквозь хлопья падающего снега она спешит от холода, от бескормицы в том направлении, куда летят и утиные стаи. Но в отличие от уток на фоне мутно-белого неба она почти незаметна; видны только ее длинные черные ноги.

Тяжело переживают пернатые странники такие суровые зимы. Мелкие птички становятся необычно доверчивы. В надежде найти тепло и пищу они жмутся к жилью человека, залетают в конюшни. Из водяных птиц те, которые еще не потеряли от бескормицы силы, поднимаются в воздух и летят к югу; ослабевшие остаются на месте.

Вот перед вами небольшая полынья; на ней лысухи и нырковые утки. Вы подходите к самой воде, но истощенные птицы не обращают на вас никакого внимания. Они заняты своим делом и, ныряя, пытаются с большой глубины достать пищу. Мороз крепчает; участок чистой воды с каждым часом становится меньше. Дня два, не больше, продержится здесь птица, и, когда вода сплошь покроется ледяной коркой, хромая и падая, лысухи и утки доберутся до тростников и спрячутся среди снежных сугробов и кочек. Следы дикой кошки или шакала, перья и кровь на снегу расскажут вам о их гибели.

Мало после суровых зим возвращается птиц на свою родину, и в такие годы они нуждаются в бережном отношении со стороны человека, и особенно со стороны наших охотников.

А вот другая зима.

Январь 1951 года. Я вновь в Закавказье в крошечном рыбацком поселке на берегу одного из крупных местных озер. Это озеро и рыбацкий поселок, приютившийся на его берегу, называют Мегман.

Шофер, доставивший меня, торопился обратно. Он помог выгрузить мои вещи, забежал к знакомому рыбаку и, вернувшись оттуда со связкой крупных сазанов, простился со мной и уселся в кабину. «Удачной охоты», — крикнул он мне на прощание. Несколько секунд спустя машина, поднимая за собой веселое облачко дорожной пыли, быстро катилась к лесу. Через час я уже удобно устроился в доме рыбака, достал лодку и, толкаясь длинным веслом, погнал ее по канаве к озеру.

Сколько дней утомительного пути прошло, пока я добрался сюда! Трое суток ушло на переезд от Москвы до Баку, потом вагон местного поезда, бессонная ночь, проводник, выкрикивающий станции. Но вот железнодорожный путь закончен, кажется, цель близка. Еще 70 километров на машине сначала по степным дорогам, потом сквозь тростники и леса, лентой протянувшиеся по берегам Куры. Однако, преодолевая трудности, я рассчитывал ознакомиться с зимовками птиц.

Я понял, что водяные птицы не случайно выбрали это озеро для зимовок. Сотни тысяч всевозможных уток почти круглые сутки держались на открытой обмелевшей воде. Подъехать к ним на лодке оказалось почти невозможно. Теплая безветренная погода и обилие корма позволяли птицам не предпринимать кормовых перелетов. Только гуси, кормясь на отдаленных озимых посевах, не оставались долго на одном месте. На озере они проводили всю ночь и незначительную часть дня, прилетая сюда на водопой.

Когда я на своей лодочке по канаве достиг озера, моим глазам представилась картина, которую я никогда не забуду. На много километров впереди под яркими косыми лучами солнца блестит водная гладь. Зеркальную поверхность со всех сторон окружают тростниковые заросли. На далеком горизонте они маячат едва заметной дрожащей линией, поблизости высоко поднимаются желтой стеной, отражаясь в неподвижной воде.

Множество птиц — то сплошными темными массами, то рассеянными пятнами — покрывают озеро во всех направлениях. Сколько их здесь — представить, сосчитать невозможно. Когда же мой выстрел по случайно налетевшей крупной черноголовой чайке прокатился по озеру, живая громада ответила на него невообразимым шумом. На протяжении двух-трех минут стаи непрерывно поднимаются в воздух, наполняя его свистом крыльев, разноголосым криканьем, гусиным гоготом. Крупные и мелкие стаи уток, вереницы гусей и казарок летят над озером во всех направлениях. Я бросаю весло, поспешно вытаскиваю из патронташа как можно больше патронов, с надеждой беру в руки ружье, жду, затаив дыхание. Вот прямо на меня низко двигается огромная стая уток — ближе, ближе. Но, увы, лодка четко выделяется на водной поверхности, и стая раскалывается на две части, далеко облетая меня справа и слева. Минут двадцать не могут угомониться птицы, носятся в воздухе, а я провожаю их безнадежным взглядом.

— Поедьте сегодня на вечернюю зорю, — сказал мне однажды приехавший в поселок шофер. Я только что успел с ним познакомиться и поделиться своими охотничьими невзгодами. — Километрах в пяти отсюда, — продолжал он, — я нашел небольшой мелководный плес, где ночами кормится много птиц. Вчера за вечернюю зорю я без труда убил там двенадцать уток.

На любезное приглашение нового знакомого я охотно дал согласие. Еще задолго до вечера мы уселись в машину и узкой дорогой, пробитой сквозь высокие тростниковые заросли, поехали к открытому шофером месту.

— У вас много с собой патронов? — сидя за рулем, спросил меня спутник. — Я уверен, что сегодня вы постреляете вволю — только для этого на плесе нужно остаться до наступления настоящей ночи. Хорошая птица, то есть кряква, прилетает на кормежку поздно. Сначала летят стаи сорок, потом чирята и самыми последними кряквы, — пояснил он.

— Как стаи сорок? — переспросил я спутника. — Вы каких сорок имеете в виду?

— Да самых обыкновенных сорок, — подтвердил мой собеседник. — Они ночуют в затопленных тростниках и прилетают к месту ночлега целыми стаями.

Стаи сорок? Как-то это не укладывалось в моем понятии. Я никогда не видел, чтобы сороки держались настоящими стаями. Ну, штук десять, редко двенадцать соберется их иной раз в одном месте, да и то не случайно. Обычно птиц привлекает сюда что-нибудь необыкновенное. Одним словом, сорока и стая не вязались с моим представлением об этой птице. Но я не стал расспрашивать спутника. Зачем это делать, если полчаса спустя я уже буду стоять на зоре и все увижу своими глазами?

— Вот мы и доехали, — весело обратился ко мне шофер, делая невероятно крутой поворот с дороги и с треском врезаясь в густые заросли. От этого места к открытой воде была пробита тропинка; ею мы проникли к заранее подготовленным засадкам и, удобно усевшись на смятый тростник, стали ждать вечера.

Полная тишина и безветрие царят кругом — ни всплеска воды, ни шороха. Как будто дремлют застывшие высокие тростники, отражаясь сплошной желтой стеной в блестящей под лучами заходящего солнца водной поверхности. Лишь изредка над водой пролетит голубой зимородок, в тростниках тонко посвистит крошечная птичка ремез, и опять все надолго затихнет.

Когда солнце стало скрываться за горизонтом, я увидел высоко в воздухе группу сорок. Более десяти птиц, видимо, прилетели сюда издалека. Поравнявшись с тем местом, где я сидел, они вдруг рассыпались в разные стороны и с замечательной быстротой стали спускаться вниз. Каждая сорока, то складывая, то распуская свои короткие крылья, ныряла в воздухе и в несколько приемов пикировала почти до самой воды. Когда все птицы оказались совсем низко, они устремились в одно место и расселись в зарослях, как раз против засадки. Мне было хорошо видно, как под их тяжестью сгибались стебли высокого тростника, как затем птицы, быстро перемещаясь с места на место, наконец, восстанавливали равновесие и усаживались на ночевку.

Спустя несколько секунд следом за первой прилетела новая, более крупная стая. Она в точности повторила все приемы первой и опустилась в те же заросли. Вероятно, на этот раз сорок было

более 30. Я попытался их подсчитать, но тут появилась новая стая птиц, а затем еще и еще. Одни плотными группами летели высоко в воздухе, другие, рассыпавшись поодиночке, стремительно падали вниз, третьи, шелестя в сухом тростнике, усаживались на ночлег. Птиц было так много и они перемещались с такой стремительной быстротой, что я тут же сбился в счете и отказался от этого безнадежного дела. Вероятно, их слетелось штук триста, а может, и вдвое больше. Появление новых стаяк продолжалось около получаса, а затем прекратилось. Все прилетевшие сороки разместились на небольшом участке зарослей, видимо, уже не один раз используемых птицами для ночевки.

К моему удивлению, сороки вели себя в тростниках удивительно тихо. Ведь всем известно, что сорока беспокойная и крикливая птица, а на этот раз... Кончился подлет новых стаяк, разместились в тростниках запоздавшие, коротко прострекотала одна, другая, и вдруг кругом стало опять тихо.

Сгустились краски зари, одинокая яркая звезда загорелась низко над горизонтом, отражаясь в побагровевшей воде, потом вспыхнула вторая... «Где же появится третья?» — подумал я и, взглянув прямо над собой, сразу увидел десятки звезд: они едва мерцали на всем огромном потемневшем небосклоне.

Оглушительный выстрел моего спутника вернул меня к действительности. Наблюдая за сороками, а потом любуясь зарею, я совсем забыл об утках: плохой перелет на этот раз меня несколько не огорчил. Долго еще я стоял в засаде; с каждой минутой становилось все холоднее — ноги и руки зябли. Где-то далеко за плесом трещали заросли, порой резкий крик прорезал тишину ночи. Это пасся в тростниках табун диких свиней, дрались секачки-кабаны. Но вот, шлепая по воде в высоких сапогах, подошел мой спутник.

— Хотел доставить вам удовольствие, да ничего не вышло. Как будто назло, нет лету. Никак не могу понять, почему не летят сегодня утки — ведь вчера их было здесь множество.

Я видел, что он ужасно огорчен неудачей, и пытался убедить его, что для меня не имеет значения, если я возвращусь домой без пары уток, что я и так получил огромное удовольствие, стоя на зóре. Если бы не стрельба по быстро летящей птице, которую, признаться, люблю до страсти, и хорошие ружья, к которым я также неравнодушен, я бы давно бросил охоту и ограничился наблюдением животных в природе. Ведь убьешь дичину, сунет хозяйка ее в котел, и поминай как звали. А вот то, что увидишь интересное и красивое в природе, запомнишь на всю жизнь, а если выберешь время, то напишешь об этом заметку, и ее прочтут сотни людей, которым интересна и дорога наша природа.

Прозябший, я забираюсь в кабину, плотнее запахиваю телогрейку и, когда машина трогается, начинаю дремать, покачиваясь из стороны в сторону.

Возвратившись после зóри домой, я уснул ненадолго. Как только в поселке второй раз прокричал петух, я вновь поднялся

с постели. Еще стояла глухая ночь — никаких признаков рассвета, когда я вышел из домика рыбака.

«Не пойти ли опять на то озеро, где вчера стоял вечернюю збрю, и посмотреть, как будут вести себя сороки утром?» — мелькнула у меня мысль. Если вчера птицы слетались к месту ночлега с разных сторон отдельными стайками, то утром они, вероятно, проснутся одновременно и полетят отсюда одной общей стаей. У меня будет возможность составить представление о их численности — ведь это так интересно.

Я не спеша пошел знакомой дорогой.

После холодной ночи наступило студеное утро. Заросли, прошлогодняя сухая трава, ветви деревьев — все было покрыто инеем; над землей висел густой туман. К моему удивлению, на знакомом плесе я нашел массу уток. Вероятно, они слетелись сюда на кормежку поздней ночью. Когда я, заслышав издали кряканье, осторожно приблизился к воде, то увидел на ее поверхности много неясных пятен — это и были утки. В густом тумане они казались особенно крупными. Утки то сплывались в большие темные массы, то рассеивались по всему плесу.

Вот над тростниками взошло солнце; сквозь густой туман едва глядел его бледный лик. Но потянул слабый ветер, и по водной поверхности закружился, побежал туман, открывая водную гладь, ближайшие тростники, группы белых цапель на отмелях, потом заросли противоположного берега и, наконец, лес. Глянули разорванные клочки голубого неба, и вдруг брызнули ослепительные лучи солнца, заливая воду, заросли — все кругом — живительным светом. На далеком горизонте едва обрисовались неясные очертания снеговых вершин Кавказских гор. Согревая озябшую землю, солнце поднималось все выше и выше. Под влиянием тепла иней, покрывающий высокий тростник, превращается в тяжелые капли. Они блестят на солнце, стекают вниз, с бульканьем падают в воду. Украшенные метелками длинные стебли выше поднимают свои макушки и, хотя нет ветра, раскачиваются из стороны в сторону, шелестя листьями. На смену холодной ночи и туманному утру наступает такой яркий, теплый, почти жаркий день!

Я не спеша пошел к дому. Вот и лес на берегу быстрой мутной Куры. Но как не похож он на лес нашего Севера. Толстые, причудливо изогнутые стволы деревьев стоят поодаль один от другого, кругом масса света, но нет молодой поросли; ее заменяют непролазные колючие заросли ежевики да высокий густой тростник. Я сбрасываю с себя телогрейку и усаживаюсь под дерево, и хотя сегодня 21 января — тепло, как летом. Летают какие-то мотыльки, «дррррр», — стучит по-весеннему сирийский дятел и, перелетев с сухой вершины на ближайший тростник, начинает долбить его стебель.

Да, я совсем забыл о сороках. Мне и утром не удалось установить их численность. Они вылетали из зарослей поодиночке и маленькими группами и тотчас же исчезали в густом тумане.

Но вот с озера поднимаются гуси. Многотысячная стая их широкой, длинной шеренгой растянулась на голубом небе. Издали доносятся грубый голос серого гуся, звонкие голоса краснозобых казарок. Птицы поднимаются все выше и выше. Вот они разбились на десятки стай и, образовав в воздухе живые углы и шеренги, медленно потянули к озимым посевам.

Что-то незабываемое во всей этой картине наших зимовок. Гусиный гогот, курлыканье журавлей, всплеск воды от стаи уток, опустившейся на озеро, и барабанная дробь сирийского дятла наполняют теплый, душистый воздух нашего Закавказья ни с чем не сравнимой чарующей музыкой. И все это — вспомните только! — зимой, в конце января.

У СТРАХА ГЛАЗА ВЕЛИКИ

Однажды в конце ноября, когда в Подмоскowie клочья серых туч, гонимые холодным ветром, бежали по беспросветному небу, раскачиваясь, стонали березы и сосны и хлестал дождь, я воспользовался отпуском, сел в поезд и укатил на юг. Вот и конечный мой пункт — станция Курдомир. Я слез с поезда, сел на попутную машину и опять поехал в неизвестную даль, пока многолюдье и городской шум не остались далеко позади.

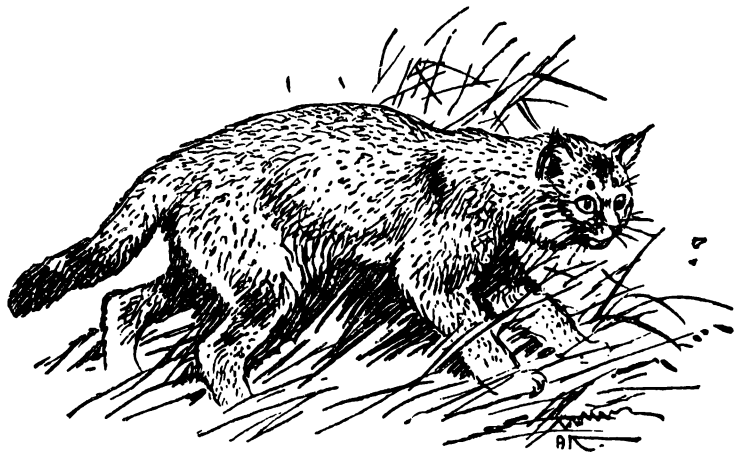
И пока я совершал переезд, настала зима. Но зима без снега, без холода, с ярким голубым небом, с греющим солнцем, с пряным запахом сырой земли, увядающих листьев и прелого тростника.

В легком костюме, с ружьем в руках не спеша бродил я по заросшим берегам извилистой речки, в полдень, когда солнце поднималось высоко над горизонтом и особенно щедро изливало тепло на землю, усаживался отдыхать на берегу в тени развесистых деревьев. Кругом было так хорошо, что я часами просиживал на одном месте. В высоких тростниках речки, шелестя сухими стеблями с чоканьем перепархивали камышевки, иной раз звучала неуверенная песенка нашей лесной птички — зорянки, тревожно кричала водяная курочка. Стая гусей — белолобых казарок — вдруг с шумом поднималась в воздух и, наполняя его звонким гоготом, резкими выкриками, низко тянула над побуревшими бурьянами и вновь рассаживалась на зеленеющие озимые посевы. Я же издали следил глазами за крикливой гусиной стаей, за перепархивающей маленькой птичкой, за облачком вьющихся над водой мошек. И мне хотелось на всю жизнь запечатлеть в памяти окружающие картины, образы, шелест сухих стеблей камыша, запахи — одним словом, все то, что мне пришлось видеть, слышать и ощущать в декабрьские дни на южной окраине моей необъятной, многообразной Родины.

Всего десять дней прожил я в маленьком домике на берегу речки. Но и за этот короткий срок я вволю насмотрелся на зимующую птицу, послушал вечерние крики шакалов и не раз сталкивался с дикими камышовыми кошками. И чем ближе я знакомился с образом жизни этого зверя, тем больше хотелось назвать его иным именем. Уж очень отличается он от своих ближайших родичей.

Другие кошки избегают, даже боятся воды, и если их пушистый мех намокнет — чувствуют себя совсем несчастными. Камышовый же кот — это кот-водолюб. Вы не встретите его вдали от озер и рек. Он живет в прибрежных колючих зарослях ежевики, ловит здесь турачей, фазанов и всевозможных водяных животных, и если иной раз ему приходится спасать свою жизнь от

собак и охотника, он вплавь уходит от них в тростники, разросшиеся вдали от берега.

Водяной кот — вот как мне хочется назвать зверя, покрытого, не в пример другим кошкам, желтовато-серым жестким и низким мехом.

— Не хотите ли сходить за кабанями? — спросил меня как-то охотник, в домике которого я поселился. — В соседнем селении есть неплохие собаки, с ними можно попытаться счастья.

Конечно, я согласился, и не потому, что меня прельщала кабанья охота, а потому, что с собаками всегда удается найти что-нибудь интересное.

В следующее раннее утро мы были уже на месте, и, запустив пеструю стаю разноголосых псов в колючие заросли, сами попытались перехватить кабанов у берега большого озера. Охота не удалась. Сначала кабаны кинулись к нам, но затем круто повернули в сторону. Но я не жалел — мне еще раз удалось увидеть на свободе камышовую кошку.

Крупный кот вышел на меня на самом близком расстоянии. Обеспокоенный собаками, зверь выбрался из зарослей ежевики и, издавая тихое раздраженное порывкивание, зашел в редкий тростник, разросшийся на берегу озера. Здесь он остановился и, повернувшись назад, стал прислушиваться к треску кустарников. Видимо, кот рассчитывал, что собаки не пойдут по его следу, но он ошибся. Из кустарников вскоре появился молодой чернопегий пес. Не замечая меня, он энергично обнюхивал след, повизгивая от азарта, и, наконец, пошел вперед.

В следующую секунду пес был уже рядом с кошкой, но, увидев ее, вместо того чтобы броситься на врага, с визгом шарханул в сторону. Острые зубы и когти крупного зверя, видимо, внушали ему страх и уважение. Однако, услышав визг, сюда с лаем кинулись другие собаки. Выхода не было — коту пришлось спасать свою шкуру бегством.

Он, громко урча, вошел в воду, быстро проплыл открытый участок и, раздвигая тростник, стал все дальше уходить от берега сквозь густые заросли. Только покачивание отдельных высоких стеблей да тревожный крик водяной курочки указывали направление, куда уплывало животное.

Как же вели себя собаки? С лаем всей гурьбой они кинулись в плывь за кошкой. Но густые заросли мешали преследованию. Жалобным визгом и воем выражая досаду, одна за другой собаки возвращались на берег.

В надежде отдохнуть в безопасном месте кабаны частенько ходят в глубь обширных озер. Выбравшись вдали от берега на кучу тростникового валежника, они предаются в дневные часы безмятежному отдыху. По словам охотников, иногда кабаны из тростника сами устраивают на мелкой воде огромные гнезда и отдыхают здесь после ночных странствований.

Но и сюда проникает охотник. Медленно бредет человек среди зарослей и, хотя холодная вода местами достигает пояса, с ружьем наготове зорко высматривает спящего зверя.

Вот впереди на желтом фоне сухих тростников четко виднеется черная туша, медленно шевелятся мохнатые уши. И охотник, затаив дыхание и зайдя против ветра, подходит все ближе и ближе, чтоб без осечки повалить крепкого зверя.

— Убил я на днях кабана,— рассказывает мне молодой парень.— Далеко от берега на лежке его нашел. Хотел сначала зверя волоком по воде тащить, уже губу прорезал и ремень пристроил, да куда там — пудов так на восемь, с места сдвинуть трудно, не только в этукую даль тащить. Прикрыл я его тогда чаканом и отправился домой за лодкой. Пока домой добрался, шей похлебал и на лодке к месту доехал, глядь — уже темнеет, день-то короткий. Стал я подъезжать к лежке — смотрю и глазам не верю. Шевелится мой кабан убитый, то во весь рост поднимется, то опять ляжет, и, что меня особенно удивило, камыш под ним не трещит — будто живая тень двигается. «Как,— думаю,— это может быть, когда пуля навывлет прошла и в шее в кулак дыру сделала?» И вдруг мне боязно стало, хоть назад поворачивай и деру давай. Камыш от ветра шуршит, убитый кабан бесшумно двигается. Вспомнил я тогда, что ружье у меня крупной дробью на гусей заряжено. Тихонько до ружья дотянулся — оно на носу лодки лежало, один курок взвел да как двину шагов этак с двадцати, а сам скорей второй курок взвел и жду, что дальше будет.

Разошелся немного дым, гляжу — кабан не шелохнется. «Убил, значит,— думаю,— хоть и дробью, да близко стрелял». И тихонько одной рукой шестом толкаюсь, а в другой ружье на изготовку держу. Уж очень все чудно и страшно мне показалось.

Ну, а когда подъехал ближе — все ясно стало. Рядом с кабаном здоровенный кот лежит, и там, где пуля моя из кабаньей шеи вышла, кругом все мясо объедено. Значит, кот на

кабане сидел и мясо драл, и потому, когда он двигался, камыш под ним не трещал.

Во как меня кот напугал! В самых озерах он живет, по камышам ходит, лысок ловит, подранков всяких подбирает, — закончил рассказчик.

Спустя два дня после неудачной кабаньей охоты, когда кот на моих глазах уплыл в озеро, я опять столкнулся с котом и сделал новые интересные наблюдения.

Глубокая речка, на берегу которой я жил, глухой протокой соединялась с большим озером. Берега протоки заросли непроходимыми кустарниками ежевики, и к воде можно было подойти только в немногих местах, где колючего ежевичника нет.

То ли из-за того, что на протоку редко приходили охотники, то ли благодаря обилию кормов, но ее охотно посещали утки. К любому плесу подойдешь, обязательно поднимешь уток — чирков или крякв. Я отправился на эту протоку в одно прекрасное воскресное утро. Еще с вечера наехало к нам много городских охотников, все на лодках выехали на плес озера и открыли стрельбу по лыскам. Видя, что при таком скоплении стрелков на озере делать будет нечего, я и отправился на протоку.

Только стал я подходить, как совсем близко вырвалось шесть великолепных крякв и после моего дуплета одна из них упала на чистую воду, а другая — зеленый селезень — застряла на колючем кусте ежевики на противоположном берегу.

Протока была неглубокая, и я знал несколько удобных бродов. Но мне как-то не хотелось с утра лезть в холодную воду. Думаю, осмотрю пока ближайшие части протоки, а когда вода немножко нагреется, достану уток — благо селезень, как хорошая метка, чернеет на высоком кусте и его видно издали. С полчаса, наверное, осматривал протоку, побрел на другой берег к висящему селезню.

Уже близко подошел, вдруг вижу: на тот самый куст камышовый кот лезет, добирается до селезня. Мне бы ружье с плеча сорвать да пальнуть бы по вору, а я совсем растерялся. «Куда, куда лезешь!» — кричу, хотел было закричать, что селезень мой, как будто на куст не кот, а мальчуган лезет. Правда, после ряда случаев я убедился, что камышовые кошки не боятся выстрелов. Напротив, в надежде подобрать потерянных уток они подходят к местам, откуда недавно доносилась стрельба охотников.

Услышав крик, кот поспешил лапой подтянуть селезня к морде, схватил его в зубы и спрыгнул в густую колючую чашу. Побегал я кругом зарослей, сверху и снизу осмотрел их и, убедившись, что кроме нескольких перьев кот мне ничего не оставил, стал пробиваться к воде, где лежала вторая убитая утка. Только и второй утки не оказалось.

И увидел я тут, что весь грязевой заплеск между урезом воды и колючим ежевичником сплошь истоптан бесчисленными мелкими следами круглой формы. «Эге, — думаю, — да тут,

видимо, бойкое место для котов и шакалов. Пожалуй, стоит сюда вечерком прийти и до темноты посидеть в засаде». Приняв это решение, я отправился домой.

Ждать наступления вечера мне показалось скучным. После обеда я дополнил свой патронташ четырьмя патронами не крупной картечи и не спеша зашагал к знакомому месту. Протока была расположена недалеко от дома. Я пришел туда еще задолго до вечера и в ожидании зари решил с подхода пострелять уток.

В одном месте я подошел к самой воде, взглянул вдоль протока и метрах в ста впереди заметил стайку плавающих чирков. Если сделать небольшой обход зарослей и вновь подойти к протоке, можно приблизиться к чиркам на верный выстрел.

Пять минут спустя я осторожно обогнул кусты, нашел проход и вновь подошел к воде. И хотя на этот раз чирки оказались от

меня довольно близко, но они вели себя так странно, что я не выстрелил и, желая выяснить, в чем дело, замер на месте.

Для меня было несомненным, что, когда я вышел из прибрежных кустарников, утки меня заметили, но почему-то не обращали внимания. Высоко подняв головы, они собрались в необычно тесную стайку и продолжали плыть, приближаясь ко мне, причем то быстро, то медленно, то вертясь на одном месте, как будто их кто-то временами подгонял сзади. Их внимание целиком сосредоточилось на противоположном берегу. Как только я взглянул в том направлении, сразу понял, в чем дело.

По заплеску, не сзади чирков, а на одной с ними линии, не торопясь, шагал крупный камышовый кот. Он вел себя так, как будто кроме него, кота, здесь не было никого живого. Он шагал у самого уреза воды, то останавливался и смотрел куда-то вверх и в сторону, то начинал сладко потягиваться. Чирков, вертевшихся в двадцати шагах от него, он не видел, ни разу не взглянул в том направлении; их вообще для него не существовало. Это, конечно, был прием, хитрость хищника, но интересно, что сам он вел себя невероятно глупо.

Стараясь не смотреть на уток, он и меня не замечал, хотя я и стоял на открытом месте. Одним словом, на этот раз кот перестарался, и это было мне на руку. Но вот досада. Я не надеялся на встречу с котом до вечера и зарядил свое ружье самой мелкой утиной дробью. Разве годна она на крупного сильного зверя! Я, конечно, не забыл, что перед выходом из дому сунул в патронташ патроны, заряженные картечью, но не мог шелохнуться. Ничтожным движением я тотчас же выдал бы свое присутствие, и осторожный кот шмыгнул бы в заросли. А кот тем временем шагал вперед; неподалеку от него, все ближе ко мне — охотнику — подплывали чирки. Я был удивлен их поведением.

Но вот ждать больше нечего — зверь не может подойти ближе. Я вскинул ружье и, предвидя, что не застрелю кота мелкой дробью, один за другим нажал оба спуска. Одновременно с резким звуком двух частых выстрелов кот, как стальная пружина, подпрыгнул вверх на отдели и, едва коснувшись земли, исчез в зарослях. «Фры-ко-ко-ко», — услышал я взлет и крик турача в следующую секунду. Это кот, продираясь сквозь колючую чашу, спугнул птицу.

Меня поразило поведение чирков. Когда я выстрелил, они были от меня совсем близко. Но вместо того чтобы отлететь от человека, от огня и грома страшного огнестрельного оружия, они рванулись ко мне и, промелькнув над самой моей головой, исчезли из виду. Прыгнувший кот им был несравненно страшнее стреляющего человека. Впрочем, что ж тут особенного. Вероятно, чирки в Закавказье чаще подвергаются нападению камышовых кошек, нежели стрельбе охотников. У страха глаза велики.

ВСПЫШКА ГНЕВА

Однажды зимой, в теплый, почти жаркий день, какие нередко выдаются у нас в Закавказье, я набродился по болоту за бекасами и решил отдохнуть и позавтракать. После недавно прошедших сильных дождей почва была настолько насыщена влагой, что для отдыха я вынужден был взобраться на стог соломы. Он одиноко стоял на краю сжатого рисового поля. Отсюда мне открылся типичный зимний ландшафт Закавказья.

Широкая равнина, покрытая бурой, а местами и багровой прошлогодней травой, на близком горизонте подступала к желтой стене тростниковых зарослей. Влево виднелся небольшой азербайджанский поселок. Тутовые деревья с обрубленными вершинами да причудливые, обвитые диким виноградом ветлы окружали его со всех сторон; сквозь эту поросль только местами проглядывали одиночные домики.

Приятно отдохнуть после утомительной ходьбы по болоту, но особенно приятен отдых, когда его удается совместить с интересными наблюдениями.

Неподалеку от стога паслись буйволы, затем сюда же прилетела большая стая зимующих скворцов и с шумом опустилась на поле. И вот, отдыхая, я смог наблюдать, как веселые, подвижные птицы вели себя по отношению к домашним животным. Одни из них суетливо бегали среди стада, другие взлетали на спины буйволов, копались в их шерсти клювами или, трепеща крыльями, распевали свои простенькие зимние песенки. Буйволы никак не реагировали на поведение птиц. К сожалению, к стаду подошел парень; скворцы с шумом поднялись в воздух и улетели.

Отыскав в стаде крупного буйвола, парень погнал его к селению. Буйвол покорно подчинился воле человека, но шел своей обычной медленной походкой, едва передвигая ноги. Эта

медлительность раздражала парня, и он ударами палки старался заставить животное идти быстрее. Один за другим удары сыпались на бока и спину могучего зверя, но, увы, без всякого результата. Он не реагировал на побои и продолжал идти таким же медленным и размеренным шагом.

— Зачем бьешь напрасно скотину? — вмешался я, приподнимаясь на стоге.

Тот на мгновение остановился.

— А тебе какое дело? — огрызнулся он. — За дело, значит. Нужно, и бью; тебя спрашивать буду, что ли?

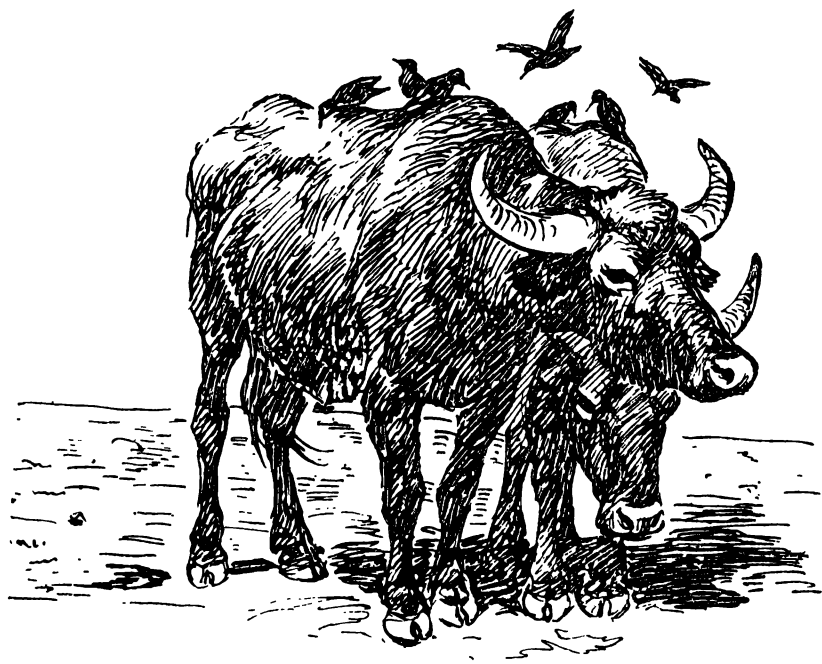
И нагнав буйвола, он вновь начал наносить ему жестокие удары палкой.

— Смотри, председателю колхоза пожалуюсь, — крикнул я вслед парню.

Но и эта угроза не привела ни к каким результатам. Парень с ожесточением продолжал бить палкой буйвола, пока оба они не исчезли из виду за кустарниками ежевики.

«Вот безответный зверь, — с раздражением думал я. — Такое крупное, могучее животное и позволяет делать с собой все что угодно». И я невольно вспомнил в этот январский день незабываемые картины, связанные с поведением буйволов летом.

Знойный летний полдень. Ослепляет, безжалостно жжет горячее южное солнце. Туча жалящих насекомых назойливо вьется над стадом, гудит в воздухе. Спасаясь от них, большие спокойные буйволы теряют терпение, спешат к подсыхающему

водоему и погружаются в воду. Часами отдыхают они, лежа в неглубокой воде озера, на поверхности выступают только их широкие спины да большие, украшенные рогами черные головы. Но в жаркий полдень вода привлекает не только домашних животных, здесь же купаются местные ребяташки. Они забираются на спины буйволов и отсюда бросаются в мутную воду. Угомонится, уйдет, наконец, шумная ватага мальчишек, и тогда им на смену прилетят к озеру десятки малых белых и египетских цапель. Медленно бродят они по спинам флегматичных животных, ловят порой близко подлетевшее насекомое или тоже безмятежно отдыхают. И в этих случаях буйволы не реагируют ни на доверчивых птиц, ни на бесцеремонных мальчишек. Они продолжают лежать в воде, то погружая до самых ушей головы, то вновь поднимая их над поверхностью. А ведь тот же буйвол, только в диком состоянии, — это страшное животное. Иной раз он смело дает отпор даже тигру.

Облако пыли привлекает в этот момент мое внимание. Оно поднимается вдали по дороге и ползет в моем направлении. Невольно я приподнимаюсь на стог и, воспользовавшись биноклем, пытаюсь выяснить, что там случилось. И что же я вижу? По дороге, размахивая руками, быстро бежит тот самый парень, который минут десять назад так бесцеремонно палкой бил несчастного буйвола. Его глаза, все лицо выражают ужас; видимо, он бежит, не чуя под собой ног, напрягая все силы и боясь оглянуться. А позади него, вытянув черную рогатую голову и поднимая облако пыли, бежит уже знакомый нам буйвол.

Две-три минуты спустя я вижу их простым глазом. До меня доносится тяжелый топот. Поза бегущего буйвола с вытянутой вперед головой, клубы пыли под его ногами — все это выражает бешеный гнев, внушает угрозу и заставляет бежать человека как можно быстрее.

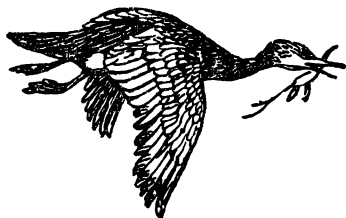
Не скрою, я полностью на стороне буйвола. Жестокие и бессмысленные побои на этот раз не прошли даром, и я оправдываю возмущение и гнев зверя. Но мне страшно за парня. В его движении чувствуется утомление, бег становится неуверенным, не таким быстрым. Буйвол же бежит, правда, тяжелой трясущейся рысью, но не сбавляя скорости. И расстояние между бегущими медленно сокращается. «Неужели нагонит, и что тогда будет?» — с напряжением слежу я за ними издали.

А тем временем наступает критическая секунда. К счастью, на мгновение парень оборачивается назад. Совсем рядом за его спиной колеблется голова разъяренного зверя. И тогда, чтобы спасти жизнь, он напрягает последние силы, бросается в одну, затем в другую сторону, падает на землю, катится вбок, вскакивает и вновь бежит по прямой линии. Этот прием позволяет ему увеличить расстояние. Буйвол не в силах повернуть круто при быстром беге. Он замедляет скорость, но упрямо продолжает преследовать своего более ловкого противника. И расстояние между ними вновь сокращается. «Хоть бы сюда, к стогу бежал», — нервничаю я, продолжая оставаться только зрителем. Но не могу же я стрелять в домашнее животное?

В этот момент, взмахивая руками, парень делает большой прыжок и отскакивает в сторону. «Арык», — соображаю я. Глубокий сухой арык — это препятствие сравнительно легко берет, спасая жизнь, человек, но с трудом преодолевает буйвол. Он неудачно перескакивает на противоположную сторону, с трудом вытаскивая из арыка задние ноги. В ту же секунду человек прыгает через арык обратно, заставляя животное вновь брать препятствие. Это продолжается несколько раз. Без разбегу буйвол не в состоянии сделать прыжок. Он спускается в арык и с большим трудом выбирается на противоположную сторону. Измученный лазаньем, он, наконец, останавливается и издали смотрит на своего врага. Останавливается и человек.

Проходит минута, другая, еще и еще, а человек и животное остаются на одном месте. Оба они тяжело дышат. Наконец

буйвол начинает щипать траву. Переждав еще немного, парень осторожно приближается к буйволу, выгоняет его на дорогу и уже без побоев, негромко покрикивая, гонит к селению. Вспышка гнева прошла, и могучий зверь, страшный в секунды ярости, опять покорно повинуется человеку.

— Ну что, получил удовольствие? — кричу я парню, когда он проходит недалеко от стога. — Будешь зря бить животное? Покачав головой и ничего не ответив, он продолжает осторожно гнать буйвола по дороге к селению.

ТАМ, ГДЕ ЗАРОЖДАЕТСЯ СУЕВЕРИЕ

Пройдет теплая ленкоранская зима, наступят весенние дни, и многие зимующие здесь пернатые — утки, гуси, розовые фламинго — двинутся в далекий путь к северу. Гнездящиеся в тундре маленькие гуси-казарки совершают громадный путь, пока достигнут своей родины. Отлетят, исчезнут из-под Ленкорани крикливые странники, но с их отлетом не опустеет, не умолкнет природа. На смену зимующим гостям под Ленкорань прилетят другие птицы. Многие из них проводили холодное время года далеко за пределами нашей страны и сейчас спешат на места гнездовья. Так, по сезонам года изменяется состав птичьего населения.

Ленкоранские лесные водохранилища — истыли — издавна являются излюбленными местами размножения разнообразной водяной и болотной птицы. Близость моря, богатство рыб, обширные болота с бесчисленным количеством лягушек и крупные деревья, на которых устраивают гнезда многие пернатые, привлекают сюда водяных птиц: больших и малых бакланов, черных и белых аистов и всевозможных цапель. Массами слетаются они в затопленные водой леса, чтобы провести лето и вывести потомство.

Те птицы, что по сильнее и могут отогнать от своих гнезд злейшего врага, похитительницу яиц и птенцов — серую ворону, устраиваются открыто отдельными парами на деревьях. Так гнездятся черные и белые аисты.

Другие, слабые, прячут гнезда с таким искусством среди зарослей кустарников и камыша, что их не удастся открыть и зоркому глазу хищника.

Различные же цапли всегда предпочитают селиться крупными колониями. Тысячи их соберутся на небольшом участке затопленного леса и своими гнездами покроют ветви деревьев. В колонию, заселенную множеством птиц, не всегда рискнет вторгнуться хищник, чтобы грабить гнезда.

Много раз я бывал на ленкоранских гнездовьях. Однажды, когда я заблудился и мне пришлось заночевать в лесу, со мной случилось маленькое смешное происшествие.

Вот как это произошло.

Около часа я упорно пробивался сквозь чашу леса. Кабаны тропы, проложенные среди колючих зарослей, были моими тоннелями. Здесь я полз на четвереньках. Порой зеленая стена, вся увитая лианами, преграждала мне путь. Тогда я взбирался по древесным стволам и, цепляясь за толстые лозы дикого винограда, как канаты, перекинутые с дерева на дерево, с трудом продвигался дальше.

Исцарапанный и исколотый, я изредка останавливался передохнуть. И тогда с каждым разом все явственней доносился из глубины леса непрерывный гомон. Он напоминал шум морского прибоя. Это был голос птичьей колонии. Он ободрял меня, звал вперед, и с новой энергией я пускался в путь, полз, карабкался, губил ножом лианы, продирался сквозь густые заросли.

Так прошел еще час, и вот, наконец, я у цели — у края громадной птичьей колонии. Она тянется на пять километров. Часами будешь идти по лесу и видеть великаны-деревья, покрытые гнездами. Одни деревья уже погибли, засохли, другие еще богаты листвой или увиты плющом, но все стволы, ветви, листва — все бело от птичьего помета.

Человек, впервые попавший в птичью колонию, будет ошеломлен, оглушен многоголосым криком, шумом, хлопаньем крыльев. Но я здесь уже не в первый раз и могу наблюдать и рассматривать. Я различаю большие неуклюжие гнезда водяных птиц — бакланов — и похожие на перевернутый конус гнезда цапель. Они сделаны из скрепленных пометом прутьев, отстоящих друг от друга настолько далеко, что все гнездо просвечивает и яйца, лежащие в нем, видны как сквозь сетку.

Птичье население в колонии размещается как бы по этажам. На самых верхушках гнездятся серые цапли и большие бакланы, под ними — малые бакланы и ночные цапли-кваквы, еще ниже — мелкие цапли: желтые, малые белые, египетские.

Чтобы удобнее было наблюдать, я влезая на дерево. Сперва мое вторжение вызывает переполох, но, так как я сижу очень тихо, птицы успокаиваются и снова принимаются за свои дела, не обращая на меня внимания. Я сижу на дереве и записываю все, что мне кажется интересным.

Теперь сверху хорошо видны гнезда и спины сидящих птиц. Я насчитываю в гнезде у желтой цапли только два яйца. Их должно быть пять или шесть — значит, гнездовье еще только началось. Вижу, как кваква клювом осторожно переворачивает яички в своем гнезде. Другая цапля слетела с гнезда, чтобы не перегреть яиц, и устроилась рядом, загораживая их телом от лучей солнца. Малые белые цапли непрерывно спускаются на землю и снова возвращаются к гнездам, неся сухие веточки. Одна цапля

пытается вытащить веточку из соседнего гнезда. Крик, возмущение, драка.

С моря возвращается стая самцов-бакланов. Двое несут в клювах по хворостине. Самки бакланов уже насиживают яйца, а самцы еще продолжают подправлять гнезда. И хотя в лесу полно хвороста, эти настоящие водяные птицы не возьмут ветку с сухой земли, а тащат их с берега моря, за несколько километров.

В колонии ни минуты покоя: то на ее краю появилась ворона; шумом и гамом птицы встречают непрошеную посетительницу; то под тяжестью усевшихся птиц с треском обламывается сухая ветка (на таких отмерших ветках птицы не вьют гнезда, а только садятся отдыхать) — новый переполох: вся масса встревоженных птиц срывается с места и заполняет воздух. Сильно взмахивая крыльями, пролетают черные бакланы, легко и красиво мелькают среди деревьев белые и желтые цапли.

Когда выведутся птенцы, станет еще шумнее. Подрастая, молодежь забирается на верхние ветки, и каждый старается раньше других захватить принесенную пищу.

Наблюдая и записывая, я провел в птичьей колонии весь день. Время шло так незаметно, что я вспомнил об обратном пути только тогда, когда солнце было уже на западе и в лесу стало прохладней.

На юге ночь наступает быстро. Надо было спешить, чтобы до темноты выбраться из лесу. Я спустился с дерева и стал искать дорогу. То ли я плохо искал, то ли тропа была едва заметна, но в напрасных поисках прошло полчаса. Я больше

не мог терять времени и пошел наугад, выбрав, как мне казалось, правильное направление. По моим расчетам, мне нужно было идти на восток.

Долго шел я, а лес все не кончался. Должно быть, я сбился с пути. Все чаще попадались незнакомые, труднопроходимые участки колючих зарослей. Стало уже совсем темно. Я не мог отыскать кабаньей тропы и должен был ломиться по верху колючих зарослей. Это была мучительная дорога. Бредя в темноте по колючей сетке, спотыкаясь и проваливаясь, я вдруг оступился и, потеряв равновесие, с шумом упал в воду. Тут я понял, что шел по кустарнику, нависшему над лесной рекой. Хватаясь за колючие ветки, кое-как выбрался на берег.

Не хотелось мне ночевать в лесу. В этих местах, в Ленкоранском районе, очень распространена малярия. С наступлением сумерек бесчисленное количество малярийных комаров набрасывается на запоздавшего человека. Но другого выхода не было.

Я снова углубился в лес, выбрал большое дерево, залез повыше, чтобы избавиться от комаров, и расположился на ночь.

Удобно облокотившись на толстую ветвь, я сидел, прислушиваясь к ночным звукам. До меня доносился далекий сонный гомон птичьей колонии. Квакали лягушки, монотонно кричала маленькая сова-плюшка, да иногда в потемневшем небе резко каркала ночная цапля. Вот где-то далеко жалобно закричал шакал, в след ему затянули другие. Испуганный шакальим воплем, в стороне сорвался фазан. Вдали усиливался гомон птичьей колонии.

Но потом все смолкло, и ночная тишина нарушалась лишь невнятным шорохом да изредка тихим треском сухой ветки под ногой вышедшего на охоту хищника.

Видимо, я задремал, как вдруг резкий голос заставил меня вздрогнуть и открыть глаза. Голос был так силен, что заглушал все шорохи ночи, проникая в самые глухие уголки чащи.

— Э-э-эй! — разнеслось по лесу и отдалось. — Э-э-эй!

Я с удовольствием прислушался. Откуда мог взяться ночью в лесной чаще человек и кому он подавал голос?

Э-эй! — опять прокатилось по лесу. «Неужели это меня ищут? — мелькнула мысль. — Вероятно, кто-нибудь из моих приятелей, жителей ближайшего поселка, догадался, что я заблудился, и хочет помочь мне выбраться».

— Э-эй! — раздалось снова.

Конечно, это меня зовут.

Я откликнулся и уже взялся рукой за сук, чтобы начать спускаться с дерева, но дикий, нечеловеческий хохот был ответом на мой призыв. Я обомлел. Казалось, весь лес хохотал, издевался надо мной. Хохот перешел в резкий визг и оборвался. Затем я услышал обычный голос ночной птицы: «Ху-бу, ху-бу...».

Теперь я все понял: это кричал не человек, а филин. Мне стало понятно происхождение сказки о лешем. Должно быть,

ее создала фантазия суеверных людей, слышавших ночью в глухом, диком лесу хохот и крики филина.

Все снова затихло, и я стал ждать рассвета, с улыбкой вспоминая свою переключку с ночной птицей.

НАЗОИЛИВАЯ ПТИЦА

Сколько неприятностей и бед приносят птицам разнообразные четвероногие хищники. Весной и летом лисята требуют много пищи, и взрослая лисица, обремененная потомством, рыскает по полям и болотам в поисках добычи. Поймает она мышь или полевку, съест птенчиков у гнездящейся на земле птички, бесшумно подкрадется к зазевавшемуся тетереву, и не успеет тот подняться на крылья, как попадает в зубы беспощадного врага. А дикие кошки для крылатых обитателей полей и леса опаснее всякой лисицы. Заметит кошка среди листвы на ветвях птичье гнездо, слышит, что в нем пищат птенцы, без труда вскарабкается на высокое дерево и погубит все потомство сразу. Кружатся над хищником, кричат несчастные родители, но ничем не могут защитить своих детенышей. Того и гляди сами попадут на завтрак кошке.

Многие птицы терпеливо переносят все беды, наносимые кошками, лисицами и шакалами. Как завидят или слышат они своего врага — спешат убраться из опасного места. Другие птицы, заметив кота или лисицу, оповещают криком о близкой опасности всех пернатых соседей. В этом отношении особенно отличаются птицы нашего леса: сойки, сороки, вороны. Обнаружив врага в зарослях, они очень часто поднимают такой переполох, что не дают шагу сделать зверю. Следя за ним по пятам и наполняя лес тревожными криками, они предупреждают все живое о появлении хищника. Обнаруженный враг мечется из стороны в сторону, пытается скрыться от крылатых преследователей, но не всегда это ему удается.

Если кошки приносят сорокам и воронам много несчастья, то и те при случае оплачивают им той же монетой. Вот об одном подобном случае, свидетелем которого я был, мне и хочется рассказать.

В то время я жил на берегу Каспийского моря в маленьком поселке Вель. В семи километрах к западу поднимался хребт Талыш. Его невысокие вершины на юге, за иранской границей, были покрыты снегом.

Белые мазанки — хаты жителей поселка — тонули в зелени. Позади хат пышно раскинулись сады и шпалерные

виноградники. Их делили на отдельные участки живые изгороди из посадок ветлы, сплошь увитые вьющимися колючими растениями. Местами колючие заросли были так густы и велики, что участок одичавшего сада превращался в неприступную крепость.

Вот в этих-то зарослях и жило много всякого зверья. Оттуда под вечер слышался вой шакала. Иногда мы из окон домика видели, как, выходя из зарослей, бродит по саду дикобраз. Жили там барсуки, а больше всего, пожалуй, обитало камышовых кошек.

Коты были грозой местных кур. Летом и зимой в этих местах куры весь день ходят на свободе, а вечером усаживаются на какое-нибудь дерево около дома. Ночью охотиться за курами коты не всегда решались: близко люди и собаки — сейчас поднимется переполох. Зато днем гуляющие в саду куры были любимой их добычей — птица вкусная и глупая, чтобы поймать ее, особых уловок не требуется.

Каждый день повторялось одно и то же. Вдруг слышится отчаянный куриный крик, а потом все куры стаей летят к дому. Хозяйка выбегает, считает вернувшихся кур, и каждый раз нет то одной, а то двух или трех птиц.

И стреляли котов, и ловили капканами, и развешивали крючки в курятниках, где неслись куры, и все же котов не убавлялось.

Собак на охоту за камышовой кошкой не берут — в этих колючих, густых зарослях они бесполезны. Здесь у охотника другой помощник — сорока. Выслеживает она кошек не хуже собаки.

Крик сороки — это сигнал. По нему все жители леса узнают, что идет кот или лиса.

Четвероногих хищников — лисицу, дикого кота — сорока не пропустит. Криком оповещая все живое о появлении кота, она часто срывает ему охоту. Даже в ночное время потревоженная сорока лучше откажется от сна, но зато не даст покоя и дикой кошке. По сорочьему крику можно, не видя, знать путь хищника. Вот она продолжительно застрекотала — значит, нашла врага. Короткое, часто повторяющееся стрекотание — хищник бросился бежать и скрылся от сороки в зарослях.

Солнце еще не взошло, поселок спал под тихий, мерный рокот морского прибоя. Стараясь как можно меньше шуметь, я пробирался в глубину сада, туда, где виноградники граничили с колючей порослью, и влез на старое густое дерево.

Отсюда весь участок был виден как на ладони. Подо мной расстилались шпалерные виноградники и полосы скошенной пожелтевшей травы. Темно-зелеными пятнами виднелись непролазные колючие поросли. Скрытый листвой, я ждал.

И вот неподалеку от зарослей раздалось резкое в тишине утра стрекотание. На вершину дерева взлетела сорока. Она, нагибаясь, часто подергивала длинным хвостом, всматривалась в густую чашу. Потом, нырнув, перелетела на виноградную стойку — столбик — и коротко застрекотала.

«Началось», — подумал я и пригнулся, чтобы лучше видеть. Между рядами шпалер по скошенной траве медленно шагал камышовый кот.

Он шел к поселку, не оглядываясь, и не спеша переставлял свои длинные ноги. Сорока следовала за ним по пятам. Хищника и птицу отделяло расстояние не более метра. Птица стрекотала и не собиралась прекращать преследования.

Кот шел, не замедляя и не убыстряя шага. Я любовался его выдержкой. Казалось, сорока для него не существовала. На краю виноградника он остановился. Его дразнило кудахтанье кур, но кот понимал, что с таким провожатым охота невозможна. Как бы ни были глупы куры, к ним при таком шуме не подойти. Кот ждал; видимо, надеялся, что птица оставит его в покое.

Но сорока вызывающе стрекотала. Последним усилием кот сдержал себя и сделал еще несколько шагов к поселку. Птица тотчас же уселась почти над го-

ловой кота. Тело сороки было напряжено, видно было, что она ждет нападения и в любой момент готова взлететь, но не отказаться от своих намерений.

Кот выгнул спину, и в тишине утра до меня ясно донесся отрывистый царапающий звук. Это хищник поочередно вытягивал свои длинные ноги, всаживая когти в лежащее на земле гнилое дерево, срывая с него кору. Конечно, с большим удовольствием он разорвал бы когтями эту назойливую сороку.

Хищник медленно поднял голову, впервые взглянул на своего мучителя, негромко проурчал: «ууу..» и закончил резким «кха!». Однако сколько было в этом несложном звуке бессильной злобы и ненависти к назойливой птице-тирану.

И надо сказать, что в этот момент я всецело был на стороне кота. Сколько было проявлено выдержки, спокойствия, терпения — и все пошло прахом. Пропала охота!

Вдруг кот сделал несколько крупных прыжков, но не к сороке, а в противоположную сторону. Еще секунда, и хищник исчез в сплошной зелени, верно, рассчитывая скрыться от птицы.

Но сорока и тут не хотела пощадить кота. Усевшись на вершину ветлы, она громко стрекотала. Другие птицы слетались на ее голос. Они возбужденно кричали и кружились над чащей. Более смелые спускались на землю и, осторожно пригибаясь, всматривались в колючую поросль.

Скоро вся компания перелетела на другое место, — видимо, кот переменял убежище. Потом крик сороки стал слышаться все дальше и дальше от поселка. Кот уходил в лес. Там он забьется в чащу и будет лежать голодным: не удалась сегодня охота.

На другой день я утром вышел в виноградник. Опять застрекотала сорока. По ее крику и перелетам со столбика на столбик я узнал, что идет зверь, и, выбрав место, встал с ружьем на его пути. Сорока стрекотала все ближе. Я ждал. И вот прямо на меня из зарослей вышел крупный серо-желтый хищник.

ДЕНЬ В СКОПИНОМ ГНЕЗДЕ

Скопа — это большая красивая хищная птица. В отличие от многих других хищников — орлов, коршунов, ястребов — она никогда не нападает на птиц и крайне редко ловит мелких млекопитающих. Посадите скопу в одну клетку с голубем или кроликом, и они будут жить мирно. Почти единственная добыча скопы — крупная рыба. Ловит она ее замечательно ловко. Скопа — птица, населяющая весь земной шар, но держится она только там, где есть обширные прозрачные водоемы, в которых можно добыть пищу, где есть деревья и скалы, на которых она устраивает свои массивные гнезда. У нас скопы распространены очень широко, но особенно много их на юго-западном побережье Каспийского моря, в районе портового города Ленкорани. Во время выездов туда я наблюдал этих пернатых в большом

числе и один раз при попытке добраться до гнезда птицы попал в крайне затруднительное положение.

Всю жизнь, с раннего детства, я не могу видеть равнодушно гнездо скопы. Я часами люблюсь им, хотя в нем как будто и нет ничего особенного. Гнездо сооружается из толстых кривых ветвей и сучьев, но как бывает живописна эта огромная куча хвороста, укрепленная на самой вершине великана дерева.

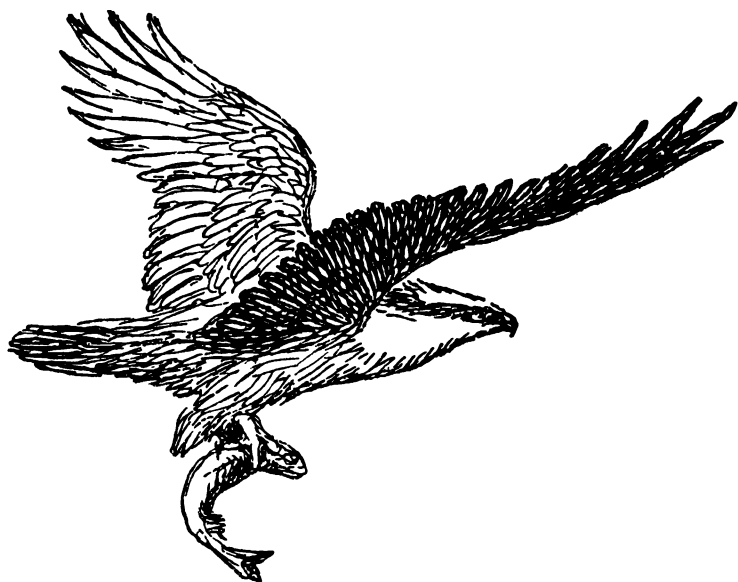
Когда весной я приехал в Ленкорань и увидел много скоп и их гнезда, мне стало как-то особенно радостно. «Вот,— подумал я,— будет интересно понаблюдать за этими чуждыми птицами. А быть может, мне удастся добраться до гнезда скопы и достать кладку яиц для своей коллекции». Однако большинство гнезд, попадавшихся мне, помещалось на таких огромных деревьях, что влезть на них не представлялось никакой возможности, так как в нижней части они не имели сучьев и были в два-три обхвата.

Вот среди затопленных водой рисовых полей — беджар, покрытых, как ковром, яркой зеленью молодых всходов, высоко к небу поднимается великан дуб. Дерево давно отжило свой век, высохло, буря сломала его вершину, свалились на землю ветви, но могучий ствол по-прежнему сохраняет былую красоту и прочность. И по сравнению с мертвым великаном кажутся низкими растущие по соседству молодые деревья. Погибшие дубы великаны — излюбленные места гнездования скоп. Массивное гнездо, выстроенное на обломленном стволе, как шапкой, прикрывает нагую вершину дерева. Вот и попробуй добраться до такого гнезда. Конечно, пробовать можно, но мало вероятности, что ваша попытка даст результат.

После осмотра нескольких десятков гнезд я наметил лишь два из них, которые мне казались более доступными. Одно помещалось в окрестностях селения Вель, другое — в 20 километрах, у самого подножия хребта Талыш.

Выбрав сухой и солнечный день, ранним утром я оседлал лошадь и пустил ее крупной рысью по направлению видневшегося вдали лесистого холма Машхан. Сначала дорога шла к западу. Я миновал селение, пересек широкое, открытое пространство затопленных водой рисовых полей и, углубившись в лесную чашу, едва приметной тропой достиг первых увалов. Отсюда хорошо проторенная дорога шла прямо на юг мимо того места, где неделю тому назад я заметил гнездо скопы.

Дикая и своеобразная природа окружала меня. Что-то сказочно красивое и в то же время страшное таилось в ней. Направо от моего пути поднимались покрытые лесом Талышские горы, налево широко раскинулись лесные водохранилища — истыли, то есть затопленные лесные площади, где местные жители сохраняют воду, используя ее для поливки рисовых плантаций. Эти затопленные водой леса поражают своей пышностью. Какая яркая зелень листвы, сколько цветов, ветви обвиты серыми и зелеными лианами, сколько яркого света и солнца сверху

и как темно под зеленым сводом! А из глубины глухой чаши до вас доносится непрерывный гомон лягушек. Только обилие воды и южное солнце в состоянии создать такую красоту. Но в то же время лесные истыли — страшное место. Это рассадник тропической лихорадки.

Впереди по обеим сторонам дороги виднелась роща каких-то вечнозеленых растений. Моя лошадка, бежавшая до этого бодрой и ровной рысью, вдруг начала упрячиться. Она крутилась на одном месте, не желая идти дальше. И когда я, потеряв терпение, дал ей шпоры, она встала на дыбы и, сорвавшись с места, вихрем понеслась вперед так, что в ушах засвистел ветер. Несколько минут спустя роща осталась далеко позади, и лошадь вновь побежала обычной рысью. Так называемая «пальмовая роща», по суеверным понятиям стариков окрестных селений, нехорошее место. Ее принято объезжать стороной или проскакать полным карьером. Лошадка, приученная своим хозяином, строго придерживалась этих правил.

Еще десять минут езды, и я близок к цели. С дороги мне видны совсем маленький азербайджанский поселок, расположенный на берегу истыли, несколько поодаль возвышающееся над лесом дерево, а на его вершине — уже знакомое гнездо скопы. Приблизившись к первому домику и заметив сидящую на низком крылечке женщину, я прошу у нее разрешения оставить лошадь. Но она не отвечает мне и как будто спит сидя, опустив на грудь голову. Я громче повторяю вопрос, она поворачивает ко мне лицо, и при виде его мне становится жутко. Белеют ровные зубы, из темных орбит безжизненно смотрят глубоко провалившиеся глаза замученного лихорадкой человека.

— Что с тобой? — невольно срывается у меня с языка вопрос, и в следующую минуту я уже жалею о нем.

Женщина медленно поднимает худую, дрожащую руку, указывает ею по направлению ближайшего леса, где, как сумасшедшие, квакают лягушки.

— Ис-ис-ис-тыль,— тянет она еле внятным голосом...

Да, это истыль с его богатой растительностью, водой, необходимой для рисосеяния, и в то же время рассадником страшной тропической лихорадки. Сейчас у нас ликвидированы очаги этого заболевания, а в то время эта болезнь была настоящим бичом местного населения.

Я поспешно иду к дереву с гнездом скопы. Вот и истыль. Под ногами хлупает вода, в темной чаще она достигает моих колен. Я подхожу к дереву, на котором выстроила свое гнездо птица. Но каким неприступным кажется оно мне вблизи! Его вершина намного возвышается над крупным лесом. Тысячи комаров, потревоженных моим появлением, поднимаются в воздух, назойливо лезут в глаза, в уши, в рот. Пытаюсь их отгонять сорванной зеленой веткой, давлю на лице, на шее ладонью.

Вместо того чтобы попытаться влезть на дерево, поспешно возвращаюсь в поселок. Обидно за напрасно потерянное время, но я спешу уйти от страшного места и не вернуться сюда больше. Хотя я и был вполне здоров, но, когда вспоминал лицо женщины, меня начинало знобить, как будто я сам заболел лихорадкой. В таком состоянии нечего было и думать достичь цели. Лазанье по высоким деревьям, конечно, всегда связано с известным риском. Здесь необходимы уверенность в своих силах, хладнокровие, спокойствие, а в тот момент этого как раз и не было.

Не добравшись до гнезда близ горы Машхан, я, однако, был далек от мысли вообще отказаться достать скопийные яйца. Напротив, меня не покидала уверенность, что рано или поздно мне это удастся; ведь у меня на примете оставалось еще гнездо, которое мне казалось более доступным. Оно располагалось на погибшем дубе совсем близко от селения Вель, и, перед тем как действовать, я еще раз решил его осмотреть.

На следующий день утром я пошел к этому месту. К моему разочарованию, и это гнездо оказалось труднодоступным. Толстый и изогнутый ствол почти весь был лишен сучьев. Чтобы добраться до первого сука, находившегося под самым гнездом, нужно было потратить массу силы — хватит ли ее у меня? «Попытаемся,— решил я и, усевшись в тени кустарников, стал наблюдать за скопами.— Сегодня я ограничусь только безобидными наблюдениями, а завтра... посмотрим, что будет завтра».

Одна из птиц гнездовой пары прочно сидела в гнезде, другая охотилась. Вот она, широко взмахивая крыльями, медленно летит над морской гладью. Ее зоркие глаза устремлены в воду. Порой она бьется на одном месте в воздухе, вероятно, заметив под собой рыбу, и вновь летит дальше. Но вот опять быстрота полета уменьшается, скопа складывает крылья и падает вниз,

вытянув вперед ноги. Слышится всплеск воды, летят брызги, и, отряхиваясь на лету, птица поднимается выше и выше. В ее когтях бьется и блестит на солнце мокрой чешуей крупная рыба.

Раннее утро. На горизонте показалось солнце. Ярким светом оно пронизывает густую листву деревьев, блестит в каплях росы на траве, на листьях кустарников. Полный решимости и энергии, я на знакомом месте. Сегодня я не допущу никакого малодушия — сделаю все от меня зависящее, чтобы добраться до гнезда птицы. И эта уверенность придает мне силы, а дерево кажется не столь уж недоступным. Сбрасываю с себя все лишнее: патронташ, сумку, ружье, стягиваю с ног сапоги и, оставшись в носках, начинаю карабкаться по стволу выше и выше, туда, где в стороне от гнезда на фоне неба четко вырисовывается сухая ветвь. Только бы схватиться за нее рукой, а там, опершись на ее основание, нетрудно влезть и в гнездо птицы. И судорожно сжимая руками ствол, я медленно, но упорно взбираюсь все ближе к заветной ветви. Проходит минута, другая, еще несколько, и я достигаю цели.

Силы мои почти на исходе, но я крепко обхватываю основание сука и могу несколько отдохнуть в таком положении. Вот уже не так сильно бьется сердце, не стучит в висках — можно действовать дальше. Я осторожно подтягиваюсь на руках, встаю ногой на ветвь и, вытянувшись во весь рост, достаю руками до края гнезда. Но в этот момент предательская ветвь хрустнула, я судорожно вцепляюсь в гнездо и через мгновение сижу в нем вместо скопы. Отсюда мне слышно, как падающая ветвь скребет ствол дерева и, наконец, с хрустом разлетается на куски при ударе о землю.

Несколько минут назад я стремился вверх, к гнезду, а сейчас, когда достиг цели, меня охватывает желание спуститься скорей вниз, на твердую землю. Но как это сделать, когда ветвь обломана, когда спуск опасен — почти невозможен? Я стараюсь взять себя в руки, успокоиться и поступаю так, как будто не произошло ничего страшного. Осторожно завернув три крупных пестрых яйца скопы в бумагу, а затем в мешочек, я на тонком шпагате спускаю их на землю. «Эх, если бы мне самому удалось спуститься так благополучно!» — думаю я и тут же допускаю непростительную глупость — бросаю конец веревки.

Гнездо огромно. Я сижу в нем, как в мягком кресле, но ведь не для того я сюда забрался, чтобы оставаться здесь долгое время, и я чувствую себя так, словно попал в ловушку, и начинаю ломать голову, как мне спуститься на землю. Сделать это чрезвычайно трудно, и, конечно, много труднее, чем сюда забраться.

Крепко ухватившись за гнездо, я спускаю с него ноги, пытаюсь достать ими ствол, но это не удается мне, и я вновь комфортабельно усаживаюсь в гнезде. «А если разобрать его? — думаю я. — На это пойдет немало времени, но шансы на благополучный спуск тогда увеличатся. А если и после этого я не спущусь с дерева, ведь мне придется сидеть без всяких удобств и долго ли

я просижу на голой вершине! Нет, это я успею сделать всегда, а пока подожду — быть может, найду другой выход».

Время шло. Солнце поднялось высоко, сильно пригревало землю, блестело на спокойной морской поверхности. А я все продолжал сидеть в гнезде и не мог ничего придумать. Однако как было приятно смотреть с высоты на цветущую землю! Направо, в голубой дымке синел лесистый истыль, его берега желтели от бесчисленных цветов желтой лилии, а кругом рисовые плантации, покрытые ковром какой-

то особенно нежной зелени. Вот мимо беспечно трусит шакал. Сверху мне это хорошо видно. Его линная шкурка выглядит неказисто — зимняя шерсть висит клочьями на боках. Неожиданно он замирает на месте, вслушивается. Это ветерок донес до него запах лежащих под деревом моих вещей. Еще секунда, и он опасливо спешит в сторону и исчезает в густых зарослях.

— Э-эй, что ты там делаешь? — слышу я где-то внизу голос и, обернувшись, вижу загорелого азербайджанца. Он стоит на освещенной солнцем поляне и, загораживаясь от ярких лучей ладонью, с удивлением рассматривает меня. — Что ты там делаешь? — повторяет он вопрос.

— Сижу, как видишь.

— А как тебя туда занесло?

— Не занесло — сам залез. Слезть не могу.

— Не можешь, а залезть мог?

— Залез, как видишь, а слезть никак не могу.

— Ничего я не вижу; если слезть не можешь, значит, и влезть не мог.

— Да что я, с неба сюда свалился, что ли? — вспылил я.

— Не знаю, как ты туда попал, да и не мое это дело. — И, покачивая головой, он стал удаляться от дерева.

— Послушай, погоди, не уходи! Помоги мне как-нибудь слезть с дерева.

— Ну, как я тебе помогу? — на мгновение остановился тот и развел руками. — Залез — и сиди там. — И отмахнувшись от меня, он исчез за густыми кустарниками.

Что мне оставалось делать? Вспомнил, как утром ушел до завтрака.

Я всегда не любил, когда запоздавший завтрак отнимал у меня лучшее время дня — утро. Вот и сегодня я сказал, что вернусь, когда завтрак будет готов. Быть может, меня хватятся дома? В этот момент снова на полянке появился азербайджанец в сопровождении еще одного человека.

— Ты кто такой? — спросил меня новый пришелец.

— Москвич, живу в Велях, — ответил я.

— Сам ты туда залез?

— Да, сам.

— Ну, так слезай.

— Я уже говорил твоему товарищу, что слезть не могу. —

И чтобы убедить их в своем бессилии, спустил с гнезда ноги и, не достав ими ствола дерева, беспомощно поболтал в воздухе.

— Не надо, не надо, — запротестовали оба и сокрушенно закачали головами — Подожди немного, сейчас придем, — крикнул один из них, и оба удалились по той же тропинке.

На этот раз они не появлялись очень долго. Солнце уже давно перевалило за полдень и склонялось к западу. А я все сидел в гнезде и надеялся на помощь. Иногда подлетали владельцы гнезда — скопы — и кружились над самой моей головой.

Спустя часа полтора, наконец, на лужайке появились люди, и не один и не двое, а по крайней мере человек двадцать. Они принесли сюда два тонких длинных шеста, веревку и топор. Молодой здоровый парень опоясал себя прочным ремнем, пропустил под него толстую веревку и охватил ею ствол. Далее, всаживая топор в дерево, подтягиваясь на руках и передвигая веревку, он медленно, но уверенно стал подниматься вверх. Это продолжалось долго, и я с трепетом следил за каждым его движением. Поднявшись таким образом на две трети высоты дерева, он особенно глубоко всадил свой топор и, опершись на него ногой, подтянул к себе на шпагате длинный шест. Поднятый шест коснулся гнезда — я торжествовал. Сорвав с него конец шпагата, я осторожно втянул в гнездо толстую веревку. На ее конце сделал широкую петлю, сунул в нее ногу и, перекинув веревку через гнездо, приготовился к спуску. Меня спустили на землю так же осторожно, как я спустил из гнезда мешочек со скопиными яйцами. Только то было ранним утром, а сейчас был уже вечер. Весь день просидел я в скопином гнезде.

Вы думаете, после этого случая я отказался лазать на большие деревья? Ничего подобного! После того я побывал во многих скопных и орлиных гнездах. Но этот урок не пропал даром. На всякий случай я захватываю с собой прочную веревку и стараюсь не делать никаких глупостей.

ЗАГАДОЧНЫЕ ПТИЦЫ

— Елдаш (товарищ), дай мне два патрона, — обратился ко мне колхозник-азербайджанец, у которого мы остановились,

чтобы передохнуть часок-другой после утомительной охоты и сварить обед.

— Разве ты охотник? — спросил я его.

— Да нет, не охотник, — ответил он. — У соседа ружье есть, патронов нет, а мне птицу стрелять надо.

Не интересуясь, какую ему надо застрелить птицу, я вынул из патронташа пару патронов и передал ему. Однако вскоре я был до крайности удивлен: колхозник достал у соседа ружье, сунул в него мои патроны и тут же во дворе застрелил пару своих собственных кур. Мне было непонятно его поведение.

Кругом изобилие дичи: фазаны, турачи, а он тратит полученные от меня патроны на стрельбу домашней птицы. «Зачем, — думал я, — шпиговать дробью куриное мясо, когда для убоя кур существуют обычные способы?»

— Не понимаешь, — кратко пояснил он, видя мое недоумение и передавая застреленных кур своей дочке.

Конечно, для меня это было неубедительно, но какое мне дело — режет ли он своих кур или стреляет из ружья соседа патронами, полученными от случайно зашедшего в селение охотника. Передохнув и закусив, мы вновь занялись поисками турачей и фазанов, и случай со стрельбой домашних кур перестал меня интересовать.

Следующий день выдался исключительно теплый. Затих ветерок, а солнце светило по-весеннему ярко. Пользуясь хорошей погодой, мы забрались далеко от того селения, где вчера отдыхали. Дичи здесь было очень много.

Места, где обычно держатся фазаны и турачи, — это крепкие колючие кустарники ежевики, перемешанные с камышом, настолько густые, что иной раз сквозь них невозможно пробраться — всю одежду изорвешь и сам в кровь исцарапаешься. Вот, пробиваясь сквозь такую колючую чащу, я и увидел издали небольшую стайку крупных птиц. Они плотным табунком низко и быстро пронеслись над колючими зарослями и скрылись за деревьями фруктового сада, зеленого на окраине селения. Размерами и быстрым полетом птицы напоминали тетеревов и, несомненно, принадлежали к отряду куриных.

Птиц Закавказья я знаю неплохо и могу в полете определить их на значительном расстоянии. Я перебрал в уме всех пернатых, водившихся в этой местности, но все они чем-нибудь да не походили на встретившихся мне птиц. Эта загадка настолько заняла мои мысли, что на охоте в тот день я делал непростительные промахи и упустил несколько турачей.

Вскоре все разъяснилось. Незадолго до вечера я вновь столкнулся с загадочными птицами и к своему большому изумлению и даже досаде вынужден был признать в них... домашних кур.

Но что это были за удивительные куры! Целая стая их сорвалась при моем приближении со сжатого поля и, пролетев около километра, снизилась в черте ближайшего поселка. Поднявшиеся куры так напоминали в воздухе диких птиц, что я с большим трудом удержался, чтобы не выстрелить.

И тогда мне вспомнилась книга В. К. Арсеньева «Дерсу Узала», в которой автор описывает свои путешествия по Уссурийскому краю. В ней было такое место:

«Вдруг с шумом поднялись сразу три птицы. Я стрелял и промахнулся. Полет птиц был какой-то тяжелый, они часто махали крыльями и перед спуском на землю неловко спланировали. Я следил за ними глазами и видел, что они спустились во двор ближайшей к нам фанзы. Это оказались домашние куры».

Позже я неоднократно встречал хорошо летающих домашних кур и в других уголках нашей обширной страны, причем особенно часто — в Казахстане у кочующих по степным просторам казахов. Однако мне кажется, что среди наших домашних кур лучше всего летают куры Закавказья.

Почему же некоторые куры хорошо летают, а другие почти не умеют летать?

Как и все домашние животные, наши куры произошли от диких предков. Предки домашней курицы — банкиевские куры — жили и сейчас живут в джунглях, в лесах Индии и хорошо летают. Очень давно эти дикие куры были приручены людьми. В течение многих веков шла работа по одомашниванию кур, и, отбирая то лучших несушек, то наиболее крупные экземпляры, человек вывел разнообразные породы. Породистые куры стали плохо летать. Одни из них — мясные породы, крупные, тяжеловесные, — совершенно утратили способность к полету. Лучше летают хорошие несушки: они легче весом и меньше ростом.

Закавказские, отчасти уссурийские и казахстанские куры живут в условиях, очень близких к природе. Этим кур не кормят, и никто о них не заботится. Они предоставлены самим себе — сами добывают себе пищу и часто далеко уходят от жилища человека, где сталкиваются с хищниками. Врагов у таких кур, как и у диких птиц — фазанов, турачей, — множество. Курятиной непрочь полакомиться шакалы, лисицы, дикие кошки. Куры отлично знают своих врагов и при первой же опасности поднимаются на крылья, летят в селение или садятся на высокие деревья.

Но все же от четвероногих хищников гибнет много полуодичавших кур, и, конечно, в первую очередь те, которые хуже других летают и не умеют быстро подниматься в воздух. Таким образом, среди домашних кур Закавказья, Уссурийского края и Казахстана в течение длительного времени шел естественный отбор: гибли особи, не умеющие приспособиться к местным условиям, и, напротив, выживали и сохранялись лучшие летуны.

Думается, что поговорка «Курица — не птица» основана именно на том, что куры не умеют летать. Для Закавказья эта поговорка неприменима. Здесь в борьбе за жизнь и у домашней курицы, и у лесной дикой птицы — одно и то же главное средство защиты — быстрые, сильные крылья.

Но у читателя может возникнуть вопрос: почему плохо летают наши деревенские куры? Ведь и они в летнее время часто отходят от селений и сталкиваются здесь с лисицей и другими четвероногими хищниками. Нам кажется потому, что в средней полосе на кур сравнительно редко нападают хищники. Большую часть жизни они проводят у жилья человека, и способность к полету не имеет для них решающего значения.

Напротив, закавказские куры в течение многих веков подвергаются постоянному отбору. Полет необходим для их существования.

НА ГОРНОМ ПЕРЕВАЛЕ

Что Караклисское ущелье — замечательный уголок, где можно отдохнуть и поохотиться, я понял при первом посещении горной Армении. Это произошло поздней осенью, кажется, в самом конце октября 1936 года. Я во всех направлениях исколесил низменные территории этой страны, а вот в горах не был ни разу. Как это могло случиться! А ведь именно здесь обитают свойственные только Кавказу многие звери и птицы, и среди них замечательные каспийские улары, кавказские тетерева и совершенно особый вид — персидская белка. Всех этих животных мне ни разу не пришлось встретить на воде.

«Надо, пора, наконец, побывать в горных частях Закавказья», — решил я.

Для первого знакомства с горами я и наметил селение Воскресеновку, расположенное на самом перевале в Караклисском ущелье. Впрочем, этот выбор зависел не только от меня. В то время во многих районах нашей страны проводилась акклиматизация пушного зверя — енотовидной собаки. Прежде она обитала у нас только на Дальнем Востоке — в Приморье и Приамурье. Выпустили партию енотовидных собак и в выбранный мной уголок Армении. Вот я и поехал туда, чтобы выяснить, как живут здесь новые поселенцы.

По пути в Воскресеновку мне нужно было сделать пересадку в Тбилиси. Отсюда поезд в Армению отходил поздно

вечером; пользуясь свободным временем, я решил побродить по городу.

Конец октября, а какая теплынь. Безоблачное небо, в воздухе паутинка. Вот он юг — солнечное Закавказье. Однако на другой день, когда я ранним утром сошел с поезда на станции Кировакан, мне показалось, что я опять попал на далекий север. Стояло сырое, раннее утро. Уныло опустили полуобнаженные ветви березы, их желтые листья покрывали землю. Здесь уже наступила поздняя осень.

Получение багажа, переброска его на автостанцию, посещение местного лесничества и прочие дела отняли у меня первую половину короткого осеннего дня. В результате я опоздал на автобус. До Воскресеновки только 20 километров — путь недалекий, но с тяжелым чемоданом пешком его, увы, не покроешь.

Неужели в ожидании транспорта сидеть в городе, без толку терять целые сутки? Как быть, что предпринять?

— А вы сходите-ка на базар,— посоветовал мне кассир автобазы.— Другой раз колхозники из ближайших деревень поздно домой разъезжаются, потому что дорога хорошая и потемному ехать можно. Может быть, на ваше счастье, попутную подводку найдете.

— Вот за совет спасибо.— И не теряя драгоценного времени, я поспешил на местный базар.

— Отец, ты из какой деревни? — спросил я старика колхозника.

— Из Воскресеновки,— ответил тот, влоборота повернувшись ко мне и продолжая запрягать лошадей в большую телегу.

— Из Воскресеновки, вот хорошо — подвезешь меня туда с небольшим багажом?

— А хоть и с большим — порожняком еду.

Двадцать минут спустя мы со стариком возницей, удобно усевшись на душистое сено, уже выезжали из города.

«Нет худа без добра», — гласит русская пословица. При переезде из города в Воскресеновку я еще раз убедился в мудрости этого изречения. Пока добрые кони медленно втаскивали нашу телегу на крутые подъемы Караклисского ущелья, мой старичок возница успел сообщить ряд очень полезных для меня сведений. Из его слов я узнал, что Воскресеновка более чем на полтора километра протянулась вдоль шоссеиной дороги и что Михаил Чичов, у которого я должен был остановиться, считается лучшим охотником во всем районе. Помимо перепелов, тетеревов и куропаток, которых бьет для себя, он каждый год сдает около сотни лисиц, несколько волков и обязательно убивает одного-двух медведей. Одним словом, когда наша подвода въехала в Воскресеновку и, наконец, остановилась против дома Михаила Чичова, я знал об охотнике все необходимые подробности.

— Эй, хозяин, гостей встречай! — крикнул возница, снимая с телеги вещи.

На крыльце появилась сначала босоногая девочка, а за ней и сам Михаил.

— Ко мне, значит? — протянул он руку. — В избу пожалуйте — охотнику всегда рад.

С этими словами он с удивительной легкостью подхватил тяжелый чемодан и заплечный мешок и, оставив мне только ружье в чехле, внес вещи в просторную светлую комнату. Так произошло мое знакомство с охотником Михаилом Ивановичем Чичовым и его семьей. А потом несколько лет подряд при всяком удобном случае приезжал я в гостеприимную Воскресеновку, бродил с ружьем высоко в горах, изучал птиц, собирал коллекции.

Хорошая была пора. И сейчас, когда прошло немало времени, с большим удовольствием вспоминаю я замечательный уголок нашей Родины — Караклисское ущелье. Вспоминаю я и семью, и усадьбу, и домик Михаила, приютившийся у подножия крутого склона на дороге горного перевала.

Когда после долгого утомительного пути я приезжаю, наконец, на место, где предполагаю работать, мне всегда хочется тут же достать ружье и патроны и отправиться на охоту. Впрочем, я так обычно и делаю. Экспедиционные вещи, к моему стыду, как правило, остаются неразобранными до тех пор, пока у меня не выкраивается свободное время.

С дороги, конечно, чайку выпить надо — отказом еще обидишь хозяйку. Подчиняясь этому правилу, я уселся за стол. За чаем я получил от Михаила подробные сведения об интересующих меня животных. Чтобы увидеть персидскую белку, которую здесь называют хориком, по словам охотника, нужно пройти километров шесть обратно по шоссеиной дороге. Зверьки обитают в дубовых лесах на Караклисском бугре, но особенно много их за перевалом, в соседнем лесистом ущелье Понзор. Горных индеек, или уларов, найти нетрудно — они постоянно держатся в одном месте. Однако

за ними нужно подниматься высоко в горы. Волчьи Ворота и отвесные скалы над ними — это место, где в осеннее время всегда можно найти крупную зимнюю стаю.

— А кавказские тетерева? — спросил я своего собеседника.

— Ну, до них-то добраться совсем легко. Видишь вон ту темную скалу и пятна снега? — показал мне Михаил в окно на вершину противоположного склона. — Это у нас самое тетеревиное место.

— Вот хорошо, туда я сейчас и отправлюсь, — сказал я, допивая стакан чаю.

— Как сейчас, да разве так можно? Чтобы туда подняться, часа два, самое малое, нужно, а солнце совсем низко. Завтра с утра пойти — другое дело, а сегодня и думать нечего. Ведь это у нас воздух такой чистый, что все близко кажется.

Скрепя сердце я решил заняться разборкой своего багажа, а охоту отложить на завтра.

Раннее утро. В предрассветных сумерках тонет деревня, перекликаются петухи. С ружьем за плечами я миную последние домики и, с трудом отыскав едва заметную тропинку, начинаю подниматься в горы. С непривычки уже через полчаса дышать становится трудно, капли пота выступают на лбу. Но вот и первые лучи солнца. Они застают меня у верхней границы леса.

Настоящий густой лес остается далеко внизу. Его сменяют редкие деревца берез да кустарник шиповника. А выше, до самого перевала, раскинулся сначала субальпийский луг, потом высокая горная степь; среди этих горных просторов темнеют камни и россыпи да местами белеет снег. А вот и знакомая скала, окруженная полями снега, — до нее не более двухсот метров.

Я усаживаюсь на крутом склоне, снимаю ружье, достаю из сумки патроны. Надо немного посидеть, успокоиться, отдышаться перед трудной горной охотой. Но где ж Воскресеновка? Ее не видно отсюда. Все ущелье, насколько хватает глаз, заполнено непроницаемым, густым туманом. И кажется сверху, будто белая река, прихотливо извиваясь среди серых склонов и темных скал, на много километров тянется с юга на север.

От места отдыха я не успел отойти и трех десятков шагов. «Цси-с-с-с-сссс», — услышал я звучную серебристую трель и увидел быстро летящую темную птицу. «Тетерев», — как молния, мелькнула у меня мысль. К счастью, я держал ружье наготове и успел выстрелить. После коротких поисков среди травы и камней я нашел великолепного черного косача.

Драгоценная добыча — кавказский тетерев — впервые в жизни попал мне в руки. Охотник, и особенно орнитолог, поймет, как велико было мое счастье. Осторожно положил я на колени убитую птицу, привел в порядок ее помятое оперение и только после этого дрожащими руками стал снимать с нее шкурку. Необычно долго на этот раз возился я со своей добычей. Когда же шкурка была снята, завернута в бумагу и уложена в заплечный

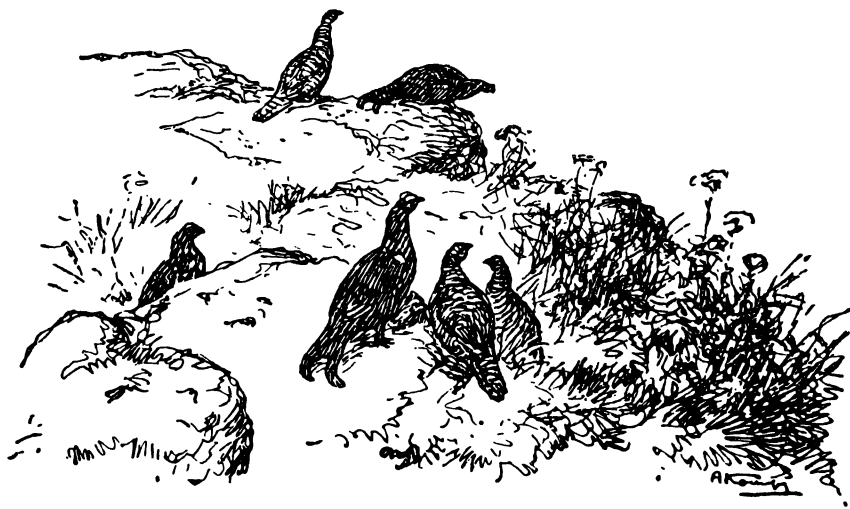
мешок, я вновь с ружьем наготове стал подниматься по крутому склону.

Вскоре я достиг небольшой горной ложины. На ее противоположном краю из-под скалы пробивался родник, а влажная почва кругом него была покрыта высокой сухой травой, камнями и большими кочками. Несколько птиц — черных, рыжих и пепельно-серых — с шумом вырвались из травы при моем приближении к этому месту. Два частых дуплета, и в моих руках оказалось все, что мне было так нужно. Я добыл пару черных самцов, молодого самца пепельно-серой окраски и взрослую самку-тетерку.

Так закончилась первая охота на тетеревов в Караклисском ущелье. Эти птицы, добытые в памятное осеннее утро, и сейчас хранятся в моей коллекции.

Однако необходимо хотя бы в общих чертах познакомить читателя с кавказскими тетеревами. Такие сведения особенно интересны охотнику. Тетерева, населяющие горные страны Кавказа и Закавказья, принадлежат к особому виду. От наших они отличаются небольшими размерами. Самки кавказского тетерева очень похожи на обыкновенных тетерок, но обладают более длинным хвостом. Взрослый самец кавказского тетерева — настоящий краснобровый красавец с черным как смоль оперением и длинным лирообразным хвостом. От нашего петуха-косача он отличается тем, что крайние перья хвоста у него загибаются вниз. Молодые самцы в течение первого года жизни обладают длинным прямым хвостом и пепельно-серой окраской. Кавказские тетерева в летнее время населяют безлесные участки субальпийских лугов, а осенью и зимой спускаются в зону березовых горных лесов.

Прошло несколько дней. За этот срок я ознакомился с ближайшими окрестностями Воскресеновки, с населяющими их птицами. В общем, птиц было немного. Я уже наверняка знал, что если пойти вверх по течению ручья, вытекающего из боковой щели, то обязательно увидишь оляпок. Вся жизнь этих небольших птичек проходит близ быстротекущих горных ручьев и протоков. Здесь они в поисках пищи тщательно исследуют прибрежные камни, иногда бросаются и ныряют в воду и, появившись вновь на поверхности, со звонким криком летят от вас то вверх, то вниз по течению. На скалах и крупных камнях, когда-то скатившихся на дно ущелья, я встречал белозобых дроздов. На лету они своей пестрой окраской напоминали наших сорок. А в перелесках — стаи зябликов, вьюрков, дубоносов и прочих хорошо мне знакомых пернатых, прилетевших сюда на зимовку. Вот и все, что я постоянно встречал, приехав в Закавказье. Мне стало скучно. Захотелось забраться выше, поглубже в горы, увидеть что-нибудь новое.

— Михаил, пойдем со мной за индейками,— обратился я однажды к своему хозяину.

— Да зачем я тебе? — ответил он.— Сходи один, а я тебе так расскажу дорогу, что ты сам найдешь птиц без труда.

— Ну что ж,— согласился я.

— Когда пройдешь всю деревню,— начал Михаил,— увидишь деревянный мост. Через него переходить не надо, а, не доходя с полсотни шагов, сворачивай на тропинку влево. Эта тропинка все время будет идти по левому склону балки и обязательно выведет тебя к перевалу. Как дойдешь до этого места, увидишь две большие скалы и между ними дорогу. Это и есть Волчьи Ворота, где постоянно держится стая горных индеек. Только зря ты туда пойдешь. Ноги набьешь здорово, а вот убить индейку все равно не удастся. Уж очень они осторожны — близко не подпускают. Для этой охоты хорошее ружье нужно, а его ни у тебя, ни у меня нет. Вот поэтому мне и не хочется с тобой идти за индейками, зря время терять.

«Ну что же, придется пойти одному,— решил я.— Вдруг доберусь до уларов и, вопреки словам Михаила, добуду хоть одну чудную редкую птицу!» Намерение отправиться за уларами я осуществил несколько дней спустя.

Вот и высокогорная альпийская зона, над горами поднимается солнце. Под его яркими косыми лучами совсем близко от меня блестят и искрятся снеговые вершины, веселее глядят мрачные темные скалы и сизые осыпи. Удобно усевшись среди крупных камней, я отдыхаю после тяжелого подъема, зорко смотрю вниз и вперед в надежде увидеть большую серую птицу.

«Ууууль-ууль-уль-уль»,— вдруг доносятся слева странные звуки, так похожие на крик гималайских уларов, встреченных мной когда-то в горных высотах Тянь-Шаня. В ту же секунду

замечаю крупную стаю каспийских уларов. Согнув свои короткие крылья, они без взмахов быстро несутся вниз над крутым склоном и, усевшись значительно ниже меня, сразу исчезают из виду. И тогда, затаив дыхание, я осторожно спускаюсь все ниже по склону, туда, где опустилась стая. Но мое положение невыгодно. Еще издали зоркие птицы замечают мое приближение и, тревожно перекликаясь между собой, бегут вверх к снежному перевалу. Вот они и у самого зубчатого гребня. Что же делать?

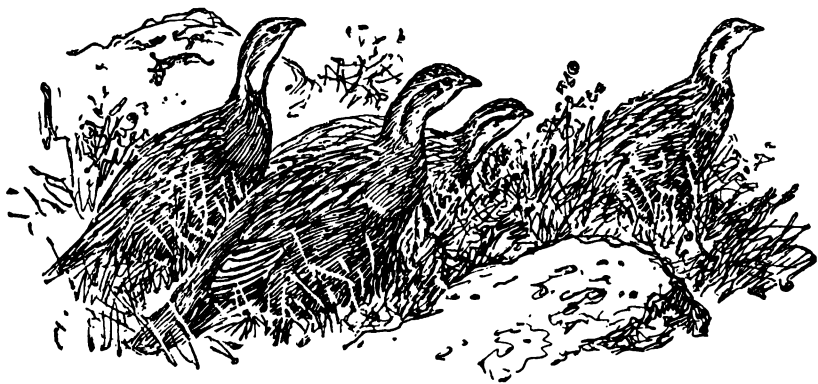
Я останавливаюсь. Ясно, что этим путем подойти к уларам на выстрел почти невозможно. Не обойти ли кругом и, пользуясь скалами, подкрасться к уларам сверху? Но для этого нужно опять подниматься по склону, перевалить за снежную вершину и под прикрытием скал пройти около полукилометра. А стая драгоценных для меня птиц надолго расположилась на снегу у перевала и издали спокойно следила за моими движениями. «Что же делать?» — ломал я голову. Мне оставалось или прекратить охоту и с пустыми руками брести домой, или попытаться обойти уларов. После короткого раздумья я решительно полез в гору.

Примерно час спустя я подошел с противоположной стороны к намеченному месту. Когда, проваливаясь в глубокий снег и держа ружье наготове, я взобрался, наконец, на гребень скалы и, волнуясь, заглянул вниз, я увидел только следы уларов. Самих птиц под скалой не было. Они спустились значительно ниже и взлетели в воздух, как только я появился на открытом месте. На всякий случай я вскинул ружье к плечу и одну за другой нажал спусковые гашетки. Но, увы, выстрелы как-то совсем безнадежно прозвучали в разреженном горном воздухе. Однако этим я разбил стаю. Напуганные улары маленькими группами и одиночками рассыпались в разные стороны и расселись значительно ниже по склону. Опять спустился я с перевала и, бродя во всех направлениях, начал отыскивать затаившихся птиц.

Долго продолжались тщетные поиски — уларов нигде не было видно. Солнце опустилось уже к самому горизонту, когда, наконец, удалось поднять одну птицу. Я осторожно шел вниз по крутой ложине, осматривая каждый камень, каждую кочку. Но представьте себе, что и при этом тщательном поиске я не заметил, прошел мимо затаившегося улара. Он вылетел сзади и, издавая свое «уль-уль-уль», пронесся вниз над самой моей головой. Судорожно вскинул я двустволку, но, как назло, поскользнулся и упал на спину. Однако, не желая упустить добычу, я и лежа попытался поймать летящую птицу на мушку и сделал два частых выстрела. Вероятно, я плохо прицелился, и улар ушел почти невредимым. Только одно его маховое перо, выбитое из крыла дробиною, сначала повисло в воздухе, а затем, вертясь и ныряя, исчезло за ближайшей скалой.

Измученный и голодный, уже в полной темноте я возвратился домой.

— Ну, как охота, видел индеек? — встретил меня Михаил вопросом.

— Не только видел — стрелял и чуть не убил, — ответил я. И переживая все наново, рассказал Михаилу об охоте и о том, как улар каким-то чудом ушел от выстрела.

— Так-то оно так, а все же моя правда, — усмехнулся в ответ Михаил. — Небось, ноги натер здорово, а сумка пустая. Не зря я тебе говорил, что индейка не перепел. Не только убить, а добраться до нее и то трудно.

— Да ведь случайно не убил, Михаил, ну просто из рук ушла. Но он не хотел слушать моих доводов.

— Брось ты спорить. Если ушла, значит, не добыл, а чуть-чуть не считается. Садись лучше ужинать. Наверное, целый день голодный по горам ходил, — закончил он. И верно — только теперь я вспомнил, что увлекшись охотой, я совсем забыл о взятом с собой завтраке.

Прошло дней десять. За это время я раз пять поднимался высоко в горы и охотился за уларами. После каждого такого похода я возвращался совершенно измученным. На другое утро я снова брал ружье и уходил на охоту. Я усаживался на берегу реки, наблюдая за оляпками и другими птичками, и, смазывая растертые ноги барсучьим салом, подготавливал себя к новому трудному походу в горы. Но мне не везло с уларами. За это время я сделал по ним не менее двадцати выстрелов и не взял ни одного экземпляра.

Однажды, возвращаясь домой после охоты, я высоко в горах застрелил лисицу. Мне не хотелось спускаться обратно на обычную свою тропинку, я решил перевалить через гору. При этом путь к дому сокращался примерно на 1,5—2 километра. Я снял ружейный ремень, привязал концы к ногам убитого зверя и, перекинув его за плечи, стал медленно подниматься по склону.

Подъем оказался крутым и крайне тяжелым. Я часто останавливался, чтобы хоть немного отдышаться, глядел вниз на пройденный путь, сравнивал его с тем подъемом, который мне необходимо было осилить, чтобы добраться до перевала. Вот, кажется, совсем близко, а сколько еще нужно затратить сил, энергии, чтобы покрыть каких-нибудь 200 метров. Да, интересна, но тяжела

горная охота. А тут, представьте себе, еще за плечами убитая лисица. Мне казалось, что с каждой минутой она становится тяжелее, ремень сильнее давит на плечо, затрудняет движение. «Но ничего, теперь остается немного,— подбадривал я себя и продолжал подниматься по крутому склону.— Зато как приятно будет отдохнуть на вершине, а потом спуститься по хорошей выючной тропинке прямо к селению».

Еще двадцать минут усилий, и я, наконец, достиг заветного перевала. Но, представьте себе, на перевале меня ждал не только отдых, но и крупная стая уларов. Около 30 птиц подпустили меня совсем близко. Один за другим прогремели выстрелы, и на этом охота закончилась. После многих безрезультатных выходов в горы в мои руки, наконец, попали три великолепных улара. Примостившись на камне у вершины горы, я начал снимать шкурки с добытых птиц.

А кругом царила полная тишина. Справа, в глубокой долине, едва виднелись домики Воскресеновки, а слева, на горизонте, под лучами заходящего солнца маячило зеркало огромного горного озера Гокча.

Но я так и не рассказал, что собой представляют улары. Улары, или горные индейки, как их часто называют охотники Кавказа и Средней Азии, по сути дела, крупные куропатки. Они относятся к отряду куриных и в пределах нашей страны представлены 5 видами. В альпийской зоне Главного Кавказского хребта обитают кавказские улары. В горах Закавказья и в Копетдаге живет каспийский улар, на Памире — тибетский, в Тянь-Шане — гималайский, на Алтае и в Саянах — алтайский улар. Все они принадлежат к птицам высокогорий и в течение круглого года обитают на скалах близ нижней границы вечного снега.

Мой рассказ — о каспийском уларе; его шкурки представляют большую редкость в наших музеях. Значительно чаще мне приходилось встречать гималайских уларов, но о них я расскажу, когда приступлю к описанию своих поездок по Киргизии.

Вскоре я опять стал приставать к своему хозяину.

— Ну, ходим со мной за белками. Ведь за ними в Понзор идти надо, а я туда дороги не знаю.

— Пойдем, подожди немного,— отвечал он как-то нехотя.— Туда обязательно с ночевкой идти придется, а времени нет,— продолжал он.

Наш выход вновь откладывался на неопределенное время. Стоило хоть один раз побывать с ним в горах на охоте, чтобы составить о нем представление. Это был неутомимый, до тонкости знающий свое дело, упрямый охотник. С одинаковым упорством в течение многих часов, а иногда в течение ряда дней он бродил в горах, чтобы добыть кавказских тетеревов, лисицу или даже медведя. Однако, совсем не желая обидеть охотника, я должен отметить, что он обладал некоторым своеобразием характера.

Когда, например, дома нужно было копать картошку или пилить дрова, Михаил предпринимал все меры, чтобы отправиться на охоту. И напротив, когда дома не было срочной работы, заставить Михаила пойти на охоту оказывалось нелегким делом. Но охота для Михаила имела очень большое значение как подсобный заработок, и потому на этой почве в его семье возникали частые недоразумения.

Короток ноябрьский день. Не успеешь, бывало, подняться в горы и вволю поохотиться, как солнце уже спускается к зубчатому горизонту. Самое большее — часов пять настоящей охоты, а там и сумерки. Нехотя знакомой тропинкой спускаешься вниз. Вон и изба Михаила — приветливо светятся огоньки в ее окнах.

Короток день, да нескончаема осенняя ночь. Но она не пугает меня. После ужина из заплечного мешка я осторожно извлекаю добычу — около десятка мелких и крупных птиц. На их обработку нужно немало времени, и за этим занятием незаметно пройдет добрая половина ночи. После тяжелой горной охоты так приятно отдохнуть за привычным делом. Да и дома особенно тепло и уютно, когда за окном темень и тоскливый осенний ветер.

— Михаил, когда же ты, наконец, на охоту пойдешь? — начинает иной раз ворчать жена хозяина Аннушка. — Ведь все лисиц бьют, а ты дома сидишь.

Наступает долгая, гнетущая пауза.

— Что же ты молчишь, Михаил? — продолжает Аннушка. — Ведь зима подходит, и то и другое припасти надо, обувку ребятам справиться, а тебе и дела ни до чего нет.

Еще долго ворчит Аннушка, упрекает мужа, а Михаил с каждой минутой становится сумрачней.

— А много лисиц в этом году? — спрашиваю я Михаила, пытаюсь придать разговору более мирный характер.

Но, увы, мое вмешательство неудачно.

— Лисиц много, Евгений Павлович, — отвечает на мой вопрос Аннушка. — Все, даже молодые, охотники каждый день с добычей приходят — только вот наш охотник дома сидит.

При этих словах Михаил, как ужаленный, соскакивает со своего места, напяливает овчинный тулуп, шапку, валенки, срысывает с гвоздя патронгаш и ружье и, настезь распахнув двери, вылетает из хаты. Тяжелая дверь хлопает при этом с такой силой, что, будто от близкого взрыва, дрожит вся изба и звенят стекла.

— И вот всегда так, — подсаживается к столу Аннушка и, тяжело вздохнув, продолжает свою жалобу. — Всегда так: вспылит, а чего сердится — разве я ему неправду сказала? Ведь хозяйственный человек и семью любит, а того в толк взять не хочет, что всех местных лисиц охотники побьют да распугают и тогда самому же придется за лисой в степь за 60 километров ходить. Договор-то выполнять все равно придется.

— Супротив нашей лисицы, дядя Женя, низовая лисица совсем плохая, — вмешивается в разговор сын Михаила Вася. — Горская

лисица маленькая, да пушистая и темная, а в степи — как кошка дрраная, не зря за нее дешево платят.

— А сколько Михаилу лет? — желая заступиться за охотника, спрашиваю я у его жены.

— Лет-то ему, верно, много — седьмой десяток пошел, но он привычный по горам ходить. Ведь и он и его отец сызмальства охотой занимаются.

— Все это верно, Аннушка, только не каждый в его годы по такой крутизне с ружьем за зверем ходить сможет — ни сил, ни сердца не хватит. И наверное, когда Михаил помоложе был, не больно ленился на охоту ходить?

— Верно, Евгений Павлович, не ленился. Бывало, как свободный час выдастся, сейчас мой хозяин за ружье и в горы, совсем другим человеком был,— задумываясь и, видимо, вспоминая прошлое, соглашается Аннушка.

Час проходит, потом другой. С застреленных птиц я, не торопясь, снимаю шкурки, набиваю их ватой, привязываю к ним этикетки. Рядом, облокотившись на стол, сидит Вася, расспрашивает меня о Москве, о метро, о многоэтажных домах столицы.

«Буууммм»,— где-то совсем рядом неожиданно гремит выстрел. И от этого звука вновь содрогаются стены, жалобно звенят стекла и невольно замирает сердце. У каждого одна мысль — что это? Что за выстрел под самыми окнами? Но в этот момент порывисто открывается дверь и вместе с ночным холодом в комнату врывается наш охотник.

— Васька, пойдй возьми лисицу! — приказывает он сыну и, сбросив с себя тяжелый тулуп, валенки и шапку, молча лезет на печку.

— А где же лисица? — шепотом спрашиваю я Васю, когда он, наконец, возвращается в комнату.

— Я ее, дядя Женья, в конюшне повесил,— тоже шепотом, улыбаясь, отвечает мальчик.

— Где же он мог ее убить? — с удивлением пожимаю я плечами.

— Да у самого дома, прямо с завалинки,— шепчет в ответ Вася.— Хорошему охотнику везде везет,— подмигивает он глазом.

Когда я почти совсем потерял надежду побывать в ущелье Понзор и познакомиться с персидскими белками на свободе, неожиданно Михаил сам предложил мне отправиться в это ущелье.

— Ты там посмотришь хориков, а я поищу медведя,— пояснил он свое намерение.

Я с радостью согласился, тем более что пора было подумать о возвращении в Москву. На другое утро, захватив с собой котелок и немного продуктов, мы отправились с ним по направлению к Кировakanу.

— Хочешь глянуть на мою засадку? — повернулся ко мне Михаил, когда мы отошли от крайнего домика Воскресеновки с четверть километра.

— С большим удовольствием,— откликнулся я и последовал за своим спутником.

Мы свернули с шоссе на дорогу и, пройдя шагов тридцать в сторону, остановились около узкой глубокой ямы. На склоне крутого холма она была выкопана в виде удобного кресла. Если в нее усаживался охотник, его глаза находились как раз на уровне верхнего края, обращенного к шоссе на дороге. Дно засадки покрывал толстый слой полой: в него в холодные дни Михаил зарывал ноги.

— Вот тебе и засадка. Хороша?

— Что и говорить, конечно, хороша,— утвердительно кивнул я головой.— В такой засадке даже в метель сидеть не страшно.

— А сколько я из этой засадки лисиц побил, не пересчитаешь! — начал Михаил, когда мы вышли вновь на асфальтированную дорогу и направились дальше. И волков 19 штук — девятнадцатого в прошлую зиму убил. Матерого, здорового волка. Как приволок я его домой, все соседские собаки куда-то попрятались и два дня их не было видно.

— Да, лисицу убить легко,— продолжал Михаил.— Потому легко, что она дура набитая. Это не волк. Иногда за одну ночь трех, даже четырех убьешь. Однажды еще с вечера подбежала ко мне лисица. Выстрелил я в нее и оставил на месте. Упала она на бугорок и на снегу растянулась так, что ее шагов на пятьдесят видно. Прошло с полчаса. Гляжу, по полю вторая лисица идет. Учужала она убитую, осторожно подошла к ней, а потом ухватила ее зубами за шею и поволокла к оврагу. Выстрелил я — убил и эту. Наверное, не больше получаса прошло, как заметил я третью лису. Еще издали увидел ее. Идет она по следу первой и так старательно снег вынюхивает. Только не подошла близко. Издали завидела убитых, постояла немного, а потом давай их сторонкой обходить. Обходит, вглядывается, носом тянет — видно, кровь учужала. Вот так, обходя убитых лисиц, она почти целый круг сделала и как раз нарвалась на засадку, только с другой стороны подошла. Часа два после этого просидел я зря, замерз совсем, хотел было домой идти, да гляжу, прямо из деревни ко мне по дороге трусцой еще лисица бежит. Эта долго ждать не заставила — убил и четвертую.

— Неужели, Михаил, волк, как и лисица, впросак попадает?

— Ну, нет... волка с лисой равнять нельзя. Сказал я тебе — лисица набитая дура, а волк против нее вроде мудрец. Иной раз без ружья близко подпустит, а вот с ружьем подойти трудно.

— Значит, осторожный зверь?

— Куда уж быть осторожней! — развел руками мой соседник.

— А ведь я, Михаил, не случайно тебя об этом спрашиваю. Пришлось мне когда-то слышать, что один из охотников в горах Средней Азии наткнулся однажды на сотенную волчью стаю и за 15 минут застрелил 15 хищников. Правда, это давно случилось, может быть, в то время и волки не такими осторожными

были, а все-таки не могу поверить этим рассказам. Вот мне и хочется о волчьей осторожности у тебя, старого охотника, выяснить.

— А что выяснять-то, вранье все это, и только,— огрызнулся Михаил и, окинув меня недружелюбным взглядом, стал подниматься по склону лесного оврага.

— Да за что же, Михаил, на меня-то сердисься?

— Да ну тебя с твоими сказками. Лучше слушай,— поднял он руку,— хорик кричит.

Я замер на месте и прислушался. «Биб-биб-биб-биб-биб»,— из-за невысокого лесного увала донесся до нас странный голос персидской белки. «Биб-биб-биб-биб»,— откликнулся на него другой с противоположной стороны леса. Я быстро пошел в том направлении.

— Куда ты? Не надо спешить. Разве найдешь белку в такой чаще? — остановил меня Михаил.— В Понзоре их много, и утром они кричат часто, так что найти их будет нетрудно.

Я остановился.

«А все же как странно кричит эта белка»,— думал я, прислушиваясь к незнакомому звуку.

Наступил вечер. Среди лесной чащи мы с Михаилом расчистили небольшую площадку и развели костер. Веселый огонек отогнал темноту ночи, и в глухом незнакомом лесу стало тепло и уютно как дома.

— А все-таки, Михаил, как же ты волков стрелял? — обратился я к своему товарищу, когда мы закончили скромный ужин.

— Как стрелял? Да известно как. Подойдет близко к засадке, то есть на верный выстрел, значит, мой, а учует, не подойдет — значит, зря ночь просидел. Только зверь очень строгий, просто так не убьешь — много времени и терпения от охотника нужно.

И Михаил рассказал о своих зимних охотах на серых хищников так образно, что я как будто сам с двустволкой в руках в ожидании волка сидел в яме, выкопанной на склоне холма близ шоссеиной дороги.

Когда я проснулся, стояло серое осеннее утро. Густой непроницаемый туман заполз в ущелье и низко повис над вершинами крупного леса, скрыв от взора безлесные высокогорья. Какая-то особенная тишина и теплая сырость окружали нас. Казалось, замерло все живое. Неподвижно стояли еще покрытые сырой поблекшей листвой деревья, кругом ни шелеста, ни голоса лесной птицы. Вопреки вчерашним словам моего спутника молчали и белки.

Вскипятив на костре чайник и наскоро закусив, мы собрали свои пожитки и разошлись в разные стороны. Михаил вновь стал подниматься в гору, надеясь на снежных полях близ перевала отыскать след медведя, а я медленно пошел вдоль склона в надежде встретить персидскую белку. Отыскивая зверьков,

я часто останавливался, всматривался в ветви больших деревьев, прислушивался к слабым лесным шорохам. Но белок не было видно. Лес оставался неподвижным и молчаливым, как будто еще не проснулся после долгой осенней ночи.

Вдруг кругом стало светло. Сплошная пелена тумана разорвалась на небе, и яркие лучи солнца залили лесную чашу.

«Биб-биб-биб-биб-биб»,— в тот же момент услышал я над головой уже знакомый мне крик персидской белки и увидел зверька в кроне старого бука. Он суетливо бегал по горизонтальным ветвям, стараясь перебраться на соседнее дерево. Это ему не удавалось. Зверек, видимо, не решался на большой прыжок и, посуетившись немного, выбрал другой путь. Он спустился на землю, пробежал шагов двадцать в сторону и вскарабкался по стволу рядом стоящего бука. Станным, непривычным показалось мне поведение этой белки, и я невольно вспомнил белку нашего севера. Широко расставив в таких случаях свои цепкие лапки и вытянув длинный и пушистый хвост, она уверенно бросается с вершины ели, чтобы с помощью большого прыжка достигнуть соседнего дерева.

Пока я наблюдал за поведением зверька, лес оживился. Свообразные голоса персидских белок доносились со всех сторон. Видимо, зверьков было очень много. Когда же солнце высоко поднялось над горами и в ущелье стало совсем тепло, я решил отдохнуть, а главное, понаблюдать за поведением мало известного для меня животного.

Я примостился на крутом склоне как раз против большого дуба, на котором перед тем заметил пару персидских белок. Мне хорошо было известно, что наши белки около полудня предпочитают не оставаться под лучами солнца и обычно скрываются в своих гнездах. У меня появилась маленькая надежда, что и эти белки для дневного отдыха заберутся в дупло дуба, отверстие которого помещалось сравнительно низко. В таком случае я смог бы закрыть выход и поймать зверька. А в то время, да, откровенно говоря, и сейчас, живая персидская белка в моих глазах представляла и представляет ценность. Ведь о повадках зверька и его жизни в неволе мы почти ничего не знаем.

Расчеты мои оправдались. Вскоре белки спустились с кроны в нижнюю часть дерева и одна за другой скрылись в темном отверстии. Хотя я и был подготовлен к этому, но от радости у меня захватило дыхание. Медленно отполз я на четвереньках в сторону, потом бегом бросился к группе молодых деревьев и, выбрав тонкий и прямой ствол, стал срезать его перочинным ножом. Когда он оказался в моих руках, я срезал боковые ветки и на верхний его конец наматал носовой платок. Держа в руках это орудие, я так же осторожно приблизился к дереву и всунул в дупло конец жерди. Выход из дупла, таким образом, оказался закрытым. Затем я быстро поднялся по склону и стал звать своего приятеля.

«Миха-ии-ииил!» — кричал я что было силы. — «Михаил!» — далеко в горах откликалось эхо.

Долго мне пришлось ожидать прихода товарища. Но походный топорик был в его сумке, а без него я не мог расширить отверстие, чтобы всунуть туда руку и поймать белку.

Наконец, Михаил явился. В двух словах объяснил я ему, что белки закрыты в дупле дуба, и мы оба приступили к делу. Михаил вколотил в дерево два крепких клина, а я встал на них и топором стал расширять отверстие. Когда оно оказалось достаточно большим, я до самого плеча засунул в дупло руку. Но в эту секунду почувствовал, как по спине, а потом по шее и голове быстро карабкается белка.

— Хорик! — закричал Михаил.

Я выдернул из дупла руку и попытался схватить животное. Но куда там... Белка перескочила на дерево и, крутясь по стволу, исчезла среди ветвей. Пока я провожал убегающую белку глазами, из прорубленного отверстия выскочила и вторая. Оба перепуганных зверька ушли невредимыми.

Как потом оказалось, один из них выскочил через узкую трещину, а другой просто воспользовался моим замешательством. В тот выезд, да и позднее так и не удалось поймать мне живую персидскую белку.

Однако мне хочется пояснить читателям, что такое персидская белка, где она живет и чем отличается от других белок нашей страны. В СССР белки представлены двумя видами. Один из них — обыкновенная белка — населяет огромные лесные пространства Европы и Азии. В зависимости от мест обитания окраска их бывает то темно-, то светло-серой, но брюшко всегда остается белым, а на ушах в зимнее время отрастает высокий волос,

образуя своеобразные кисточки. мех этих зверьков густой, мягкий и ценится высоко.

Другой вид — персидская белка — населяет дубовые и буковые леса горного Закавказья. Она отличается темным брюшком, отсутствием кисточек на ушах во всякое время года, сравнительно коротким и не столь пушистым хвостом, грубым мехом. Образ жизни персидской белки и в настоящее время плохо изучен. Она заселяет буковые и дубовые леса, устраивает гнезда в дуплах деревьев и в течение лета приносит два, а быть может, и три выводка. Сравнительно короткий хвост не позволяет зверьку делать большие прыжки по деревьям.

Незаметно прошло время. Настал день отъезда в Москву. В одно раннее утро я с вещами уселся на заполненную сеном телегу. К станции меня взялся подвезти знакомый колхозник. На полпути он быстро повернулся ко мне и указал кнутовищем вперед на дорогу.

— Смотри-ка, Евгений Павлович, стая каких-то черных птиц идет по шоссе. Это, наверное, та самая дичь, тетерева, что ли, за которыми вы с Михаилом Чичовым в горы ходите.

Я привстал на колени и, взглянув вдаль, увидел около 30 крупных черных птиц; они, медленно поднимаясь в гору, шли нам навстречу. Нет, это не тетерева. Тетеревам здесь делать нечего, они ниже березняков даже зимой не спускаются. Но что же это такое? Я поспешно достал бинокль.

— Знаешь, Трофимыч, да ведь это лысухи — водяные птицы. Они в большом числе зимуют на озере Гокча. Сворачивай-ка с дороги, посмотрим, что они будут делать!

Мы свернули в сторону и остановились за густым кустарником. Стая лысух медленно приблизилась шагов на сорок и остановилась, заметив телегу. Но в этот момент внизу показалась автомашина и быстро понеслась к стае. Неуклюже разбежавшись по дороге, лысухи поднялись в воздух и, отлетев в сторону, расселись по стогам сена.

Прошло минут двадцать. Мы продолжали стоять под прикрытием кустарника. Кругом вновь воцарился безмятежный покой. И тогда одна из лысух, а за ней и другие перелетели со стога на дорогу и пошли вверх к перевалу.

— Почему они идут, а не летят, как другие птицы? — обратился ко мне спутник.

— Горе-альпинисты — вот почему, — ответил я. — Летают плохо, а, чтоб на Гокчу попасть, вон какой перевал покрыть надо. Наверное, ночью у них сил не хватило перелететь через высокие горы, вот они и шагают пешком по удобной дороге.

— А может быть, при луне им шоссейка рекой показалась, ведь она, как вода, в лунную ночь блестит, — добавил мой спутник.

— А ведь верно, пожалуй, и так может быть, — согласился я, провожая глазами стаю.

Весной следующего года я вновь посетил Воскресеновку и в гостеприимной семье Михаила прожил полтора месяца. На этот раз большую часть времени я посвятил изучению образа жизни выпущенных в Караклисском ущелье енотовидных собак. С этой работой у меня связан маленький эпизод, о котором я сейчас и расскажу читателям.

Приехав в Армению, я ежедневно посещал и осматривал норы, где поселились еноты, по следам у входного отверстия определял присутствие в них детенышей, собирал остатки их пищи. Если мне случалось поймать енота, я делал надрез на его ухе и брал каплю крови. Она была мне нужна для специальных исследований.

Однажды я только хотел подняться по горному склону, как услышал веселый и задорный лай моей собаки. Я поднял голову и увидел небольшого взъерошенного енота. Он издавал громкие верещащие звуки, видимо, выразившие сильное раздражение, и бросался на Гаудика, стараясь вцепиться в него зубами, но бесполезно. Подвижная, энергичная лайка без труда избегала зубов неповоротливого енота. Она отскакивала то в одну, то в другую сторону, продолжая облаивать зверя. При этом меня

поразило одно обстоятельство: всегда смелый, Гаудик на этот раз не пытался смять своего противника. Увертываясь от нападения, он постепенно спускался по склону и приближался ко мне. Следом за ним приближался ко мне и раздраженный енот. Заметив это, я присел за густой кустарник и сквозь его листву стал наблюдать за животными. Оба противника спускались все ниже и ниже по склону. Наконец, когда они оказались в пяти шагах от меня, я выскочил из засады. Енот на мгновение остановился. В тот же момент Гаудик перешел в наступление и вцепился ему в загривок. Испуганный зверь не пытался сопротивляться. Тогда я осторожно взял его за шею, отстранил лайку и посадил в заплечный мешок, завязав его таким образом, что голова пленника оказалась снаружи.

После этого я приступил к обычной своей операции. Надрезав скальпелем кончик уха, я взял на предметное стеклышко каплю крови, размазал ее тонким слоем и стал подсушивать мазок под лучами солнца. Это поглотило все мое внимание.

«Ну, а енота выпущу»,— решил я и шагнул в том направлении, где оставил зверя. Однако то, что представилось моему взору, заставило меня остановиться.

Енот спокойно продолжал сидеть в заплечном мешке: его голова торчала наружу. Рядом с мешком сидел Гаудик и тоже спокойнолизывал пораненное ухо пойманного зверя. Осторожно я развязал и раскрыл мешок. Почуввав свободу, енот немедленно полез в гору, где помещалась его нора.

— Нельзя трогать, Гаудик,— погрозил я пальцем собаке, и оба мы проводили енота глазами.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ОСЕЛ

Сегодня раннее майское утро. На большом пароходе я плыву вниз по Волге от Волгограда к Астрахани. После утомительного переезда по железной дороге в душном вагоне здесь так привольно! В этот ранний час на палубе ни души, ласковый ветерок дует в лицо, блестит солнце, дымкой подернуты уходящие назад зеленые острова и желтые косы. И когда смотришь далеко вперед, где водная гладь соприкасается с небом, то кажется, что меж ними нет границы.

С твердым намерением написать о волжском просторе я сажусь за маленький беленький столик, вынимаю из кармана карандаш и тетрадку и собираюсь приступить к делу, но безуспешно. Не могу писать о том, что вижу, что меня окружает. Нужно забыть это, вновь воскресить в памяти после долгого перерыва, прочувствовать, и тогда писать будет легко и свободно.

А сейчас мне вспоминается другая река. С неприветливым плеском стремится она на северо-запад, порой подмывает крутой берег, и тогда глыбы земли с шумом валяются в желтую воду. По ее сторонам в мае цветущие тугайные заросли с душистым белесым лохом да голубым джингилом. Это река привольного, необъятного Казахстана; называют ее Сырдарьей.

Маленькая станция Караузяк, расположенная в 22 километрах от Кызыл-Орды, была для нас основной базой. Отсюда мы предпринимали постоянные походы, исследуя тугайные заросли, при-

легающие к Сырдарье, пустыни и сеть глубоководных озер, громадной дугой охватывающих эту местность.

Для нас — тогда начинающих натуралистов — исследовательская работа была так интересна, что мы без ропота мирились со всеми трудностями и невзгодами. Отправляясь в далекий поход, чтобы облегчить свою ношу, мы не брали с собой ни палатки, ни смены одежды, ни достаточного запаса продуктов. «Ничего, как-нибудь обойдемся», — успокаивали мы себя и бодро отправлялись в дорогу.

— Не годится лишать себя всяких удобств, — сказал нам однажды начальник станции, у которого мы поселились.

— Конечно, ни к чему, — подхватил эти слова один из местных жителей; звали его Виссарием. — Зачем себя мучить, таскать на себе тяжести и ноги зря бить, когда за два целкаша ишака нанять можно. Он и вещи увезет все, а сядете на него оба — тоже не откажется. На моего ишака раз пудов эдак на двенадцать убитого кабана привьючили, а ему хоть бы что. Домой торопится, трусит так, что ноги мелькают.

— Правда, правда, — закивал головой начальник станции. — У Виссариена действительно осел замечательный — большой, сильный, лучше любой нашей лошади.

— Знаешь, Евгений, — вдруг обратился ко мне приятель, когда мы улеглись спать. — Я долго думал и решил, что нам необходимо изменить образ жизни. Посмотри, на что мы похожи. Физиономии обгорели, руки в ссадинах, рубахи в дырах — никуда не годится. Хоть один раз в неделю надо на людей быть похожими — одеться прилично и отдохнуть, как все отдыхают. А потом, что мы, вьючные животные, что ли? Полсотни километров нужно сделать — пешком идем, будто, кроме ног, никакого транспорта на свете не существует. До реки дошли, мост снесло или лодки нет, вброд лезем. Нет брода, глубоко, тоже не беда — одежду и ружье в руки, поплыли на другую сторону. Очень культурно — нечего сказать. Озолоти Виссариена, скажи ему, чтобы он Сырдарью переплыл, где переплыл ее Сергей, — ни за что не согласится. «Очень мне надо, — скажет, — чтобы меня за ногу сом схватил и ко дну уволок». И он прав — чего ради рисковать, зачем силы тратить, когда и без этого обойтись можно.

Долго еще мы беседовали и пришли к следующим выводам. Студентам старейшего Московского университета необходимо во время выездов для исследования территорий пользоваться известным комфортом. Два рубля в день за осла — плата пустячная, но зато какое удобство. С собой можно взять постель, полог, достаточное количество патронов и продуктов — одним словом, все, что нужно.

Вскоре мы на деле осуществили наши благие намерения. Настала очередь ознакомиться с замечательным озером Келем-Чаган.

Озеро Келем-Чаган, что в переводе на русский язык означает — «расстели ковер», было расположено в 15 километрах от станции

Караузьяк; к озеру вела проторенная тропинка. В это интересное место мы были готовы выехать в любую минуту, но вот досада — подошло воскресенье. Нам не хотелось отступать от только что принятого решения относительно дня отдыха, и мы наметили выезд в понедельник.

Во время полевой работы привыкаешь вставать спозаранку. До восхода солнца поднялся я и в то воскресное утро. В безукоризненно белом костюме вышел на станцию и, постояв на месте, бесцельно зашагал по путям к семафору.

После ночи природа еще не проснулась. В голубых джингах молчали птицы, в трещинах почвы монотонно звенел сверчок, под крышей будки стрелочника суетились и циркали еще не заснувшие на день летучие мыши.

Удобно усевшись на край песчаной насыпи, я стал ждать восхода солнца. Вот причудливый огненный шар появился на горизонте, спугнул сизую мглу джингилей, озолотил водную гладь мелководного озера Талды-Куль. Оно раскинулось совсем недалеко от железнодорожного полотна, и меня вдруг потянуло туда, где в обмелевших заливах куртинами поднимался высокий желтый и зеленый тростник. Осторожно обогнув кусты, чтобы не запачкать праздничного костюма, я вышел к озеру и не спеша пошел вдоль берега. Над ним летали чайки, стайки маленьких куличков суетливо отбегали от меня в сторону и, пролетев над самой водой небольшое расстояние, вновь садились на отмель. «Какая благодать кругом, какой безмятежный покой,— думал я, обходя заросли,— и как много теряют люди, что спят в лучшее время жаркого туркестанского дня».

— Ну, зачем ты ведро привязал, неужели котелка на двоих недостаточно,— придирался я к товарищу.— Ведь о него, как бы ты его ни привьючил, каждая встречная ветка царапать будет. Очень приятно 15 километров шагать под такую музыку. А брезентовая палатка зачем? Дождя, что ли, ждешь? Неужели полога недостаточно?

Откровенно говоря, вся эта масса вещей, навьюченных на спокойно стоящего у крыльца осла, меня раздражала. Но мне не хотелось тратить напрасно времени, и мы двинулись в путь. Нас провожал хозяин осла. Под его командой осел вел себя безупречно. Дойдя до протоки, он послушно поднялся на железнодорожную насыпь и спокойно перешел по мосту на противоположную сторону Сурумбая.

— Желаю удачи,— махнул Виссарион нам рукой и пошел обратно.— Не оставляйте на ночь ишака на воле, когда на станцию возвратитесь, не забывайте, что волки скотину режут,— еще раз напомнил он нам свою просьбу.

При переходах до места работы мы редко шли по дороге. Идешь, пересекая тамарисковые заросли, пухлые солончаки, наблюдаешь за окружающей жизнью, иногда подстрелишь инте-

ресную птицу. При такой ходьбе дорога не кажется далекой, а время идет незаметно.

На этот раз нам пришлось отказаться во время перехода от охоты. Осел послушно шел вперед, когда с ним рядом шагал погонщик. А главное, как я и предвидел, ведро скрипело на все лады, предупреждая все живое о приближении человека.

Через три с половиной часа мы, однако, без особых приключений добрались до озера. Растянутая брезентовая палатка, металлический треног с ведром над потухшим костром и пасущийся рядом осел — все это издали бросалось в глаза и могло вызвать любопытство случайно проходящего человека. Досадно, конечно, но из-за осла приходилось часто возвращаться к лагерю.

Невольно вспомнишь прошлые наши поездки. Какая свобода, никаких стеснений! Запрятав в густые заросли лишние вещи, мы надолго уходили от лагеря. И как же мало нужны оказались взятые вещи! Большая часть их лежала без употребления. В растянутой брезентовой палатке днем стояла невыносимая жара. Только неприхотливый осел мирился с духотой, часами прятался здесь от назойливых слепней и оводов.

Через два дня, ознакомившись с озером и собрав коллекцию птиц, мы навьючили на осла вещи и, когда горячее солнце стало понемногу склоняться к западу, направились в обратный путь. Четырех, ну, самое большее пяти часов, по нашим расчетам, было вполне достаточно для обратного перехода. Но здесь-то и начинались всевозможные непредвиденные задержки.

Мелкий арык вдруг пересек нашу дорогу. Мутная вода едва прикрывала его дно. Для сильного животного арык не был препятствием, но наш осел, если он и способен был думать, то, вероятно, думал иначе. Остановившись у грязной канавы и обнюхав воду, он вдруг отказался идти дальше. Наверное, около часа мы возились с упрямым животным: тянули его за узду, толкали сзади, пытались тащить на аркане, но все безуспешно. Осел не желал двигаться с места. Наконец, связав ослу ноги и повалив его на землю, с невероятными усилиями мы переволокли его на противоположную сторону. После этой операции весь бок животного оказался облеплен полужидкой глиной. Мы поспешно навьючили на грязного осла свои вещи и пошли дальше.

Железнодорожный мост через проток Сурумбай оказался новым непреодолимым препятствием. Мы потратили массу сил, чтобы втащить осла на пологую насыпь. Около часа затем мы старались различными средствами заставить осла перейти на противоположную сторону. Но осел был упрям и силен; наши попытки не увенчались успехом. Показавшийся вдали поезд вынул нас, не жалея сил и уже затраченного времени, стащить осла обратно вниз по насыпи железной дороги.

К счастью, в этот момент я увидел вдали всадника; покачиваясь в такт широкому шагу, он ехал на двугорбом верблюде.

— Э-эй, по-дож-ди! — размахивая шапкой и крича что есть силы, пытался я перехватить путника. Он придержал верблюда и, ожидая меня, пустил его пастись по джингилевым зарослям.

— Ты откуда? — спросил я парня.

— Из Александровского поселка, — ответил тот, показывая на густые тугайные заросли, скрывавшие на берегу Сырдарьи домики крошечного селения.

Я объяснил ему, в чем дело, и попросил его с помощью верблюда перетащить нашего упрямого осла на противоположную сторону Сурумбая.

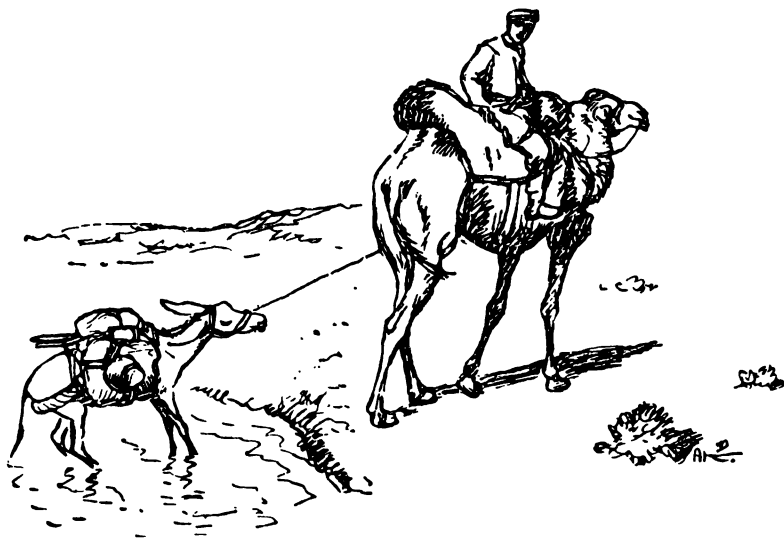
— Послушай, ведь, кажется, у вас там все охотники — значит, порох и дробь нужны?

— Конечно, нужны, — улыбнулся парень, свернув с дороги и направляя верблюда вслед за мной.

Упершись всеми четырьмя ногами в землю и вспахав ими полосу, упрямая скотина в таком положении была втащена в воду и минуту спустя оказалась уже на противоположной стороне протоки.

— Ну, спасибо, выручил, — благодарил я парня, отсыпая ему дробь и порох.

Солнце скрывалось за горизонтом, но теперь до станции оставалось меньше километра. Однако навьюченный осел на этот раз, как будто мстя за насильственное купание, решительно отказался идти. Что мы только ни делали, на какие хитрости ни пускались, чтобы заставить упрямого сдвинуться с места! Но осел Виссариона был очень большой, отличался недюжинной силой, а наши силы за этот мучительный день иссякли.

Потухла на горизонте заря, сгустились сумерки, в окнах станционных построек приветливо вспыхнули первые огоньки, слабый ветерок донес к нам от жилья запах тлеющего кизяка.

Прошло, вероятно, много времени. С грохотом пронесся мимо пассажирский поезд, один за другим потухли огоньки на станции, только пристальным зеленым глазом глядел на путях светофор да в небе мерцали звезды. А мы, доведенные упрямством осла до отчаяния, на берегу Сурумбая не знали, что делать.

— Пускай сам хозяин уговаривает своего прекрасного ишака дубиной, если не хочет, чтоб его волки съели.— С этими словами я сорвал поклажу и, навалив, сколько возможно, себе на плечи, пошел к станции. Подобрал остатки имущества, моему примеру последовал и приятель.

У самой станции нас нагнал осел. Ему, видимо, было скучно оставаться одному на пустынном берегу Сурумбая.

Занеся вещи в комнаты, мы столкнулись с новым сопротивлением осла — он не желал переступить порог конюшни. Тогда мы скрутили его веревками и с помощью двух стрелочников сволокли упрянца в конюшню. Утром его не оказалось на месте. Вероятно, еще до света он отправился к своему хозяину.

Я не хочу сказать, что осел не пригоден для подобных поездок. Напротив, осел неприхотлив, силен и вынослив. Он способен поднять тяжелую кладь и безропотно пройти с ней сотни километров. Кроме того, осел привязывается к своему хозяину и к членам его семьи и в отношении их редко допускает непослушание. Даже маленькие дети быстро выучиваются управлять этим спокойным и послушным животным. Но упрямство осла часто ярко проявляется в отношении посторонних ему людей,

и особенно тех из них, которые не умеют с ним обращаться. Однако после памятного для меня случая я предпочту пройти пешком большое расстояние, нежели воспользоваться ненадежным, по моим понятиям, видом транспорта.

ЗАГАДОЧНЫЕ ОБИТАТЕЛИ ПУСТОГО ДОМА

По дороге в Казахстан я мечтал о ранней южной весне. Какое разочарование меня ожидало! Правда, Сырдарья уже вскрылась, лед на озерах потемнел и вздулся, но беспрерывно дул леденящий северо-восточный ветер и с наступлением ночи становилось так холодно, что оттаявшие на солнце края водоемов к утру затягивались ледяной коркой.

Волей-неволей мне пришлось отложить отлов птиц и зверьков (ради чего я сюда и приехал) до более теплых дней. Отчасти я был рад этому обстоятельству. Я знаю, что достаточно приобрести хотя бы четыре-пять животных, и уже руки будут связаны. Чтобы четвероногие и пернатые пленники были живы и здоровы, за ними нужен внимательный уход, а это занимает весь день.

А сейчас я мог располагать своим временем, как хотел. Я поселился в пустом домике из двух комнат, одиноко стоявшем среди заброшенного фруктового сада на окраине поселка

Джулек. Поставил железную печку, заготовил дрова и целые дни проводил с ружьем в окрестностях. С увлечением охотился за фазанами в тугайных зарослях, потом появились пролетные гуси и утки.

Но скоро спокойная жизнь была нарушена. Я убедился, что кроме меня еще кто-то живет в доме, а кто именно — никак не мог узнать.

В доме водилось множество мышей и других грызунов. Они прогрызали мешочки с продуктами, попадали в ведро с чистой водой и — что самое досадное — портили птичьи шкурки. Чтобы спасти коллекцию от этих разбойников, я превратил одну из комнат в чулан. Поставил там большой стол и, возвращаясь с охоты, складывал на него убитых птиц.

Однако и это не помогло. Нередко, встав утром, я обнаруживал, что невидимый враг каким-то чудом ухитрился взобраться на стол: у более крупных птиц было выщипано оперенье, а мелкие или исчезали совершенно, или были так попорчены, что уже не годились для коллекции. Все это меня ужасно раздражало, и я объявил жестокую войну грызунам-вредителям: у каждой из ножек стола я поставил по четыре капканчика.

Но лишь изредка я извлекал из какого-нибудь капкана то мышь, то злополучную песчанку, а разбой и порча шкурок не прекращались. Тогда я устроил под потолком висячую полку и стал на нее складывать свою добычу. Но мой невидимый сожитель проникал и под потолок.

Наконец, я купил прочный сундук и стал запираť туда на ночь отстрелянных птиц. Хищение прекратилось, но начались другие странности.

Вечерами, когда, потушив лампу, я ложился в постель, из другой комнаты до меня стали доноситься странные звуки. Частые, громкие — будто кто-то колотил маленьким молоточком по деревянной дощечке. Эта необычайная музыка наполняла весь дом. Я вскакивал, зажигал лампу и шел с ней в пустую комнату. Тогда звуки прекращались. Но как внимательно я ни осматривал голые, покрытые трещинками глиняные стены комнаты, пол, окна, нигде не мог обнаружить присутствия живого существа. Стоило мне снова лечь в постель и потушить свет, как звуки возобновлялись. Я опять вскакивал и принимался за безрезультатные поиски до тех пор, пока усталость не брала верх и я засыпал под таинственную барабанную дробь.

Я был уверен, что и эти звуки, по вечерам не дававшие мне покоя, и порча шкурок исходят все от одного, неизвестного мне животного. Оно мешало мне жить и работать.

Однажды я убил редкого, очень ценного для коллекции голубя и рано возвратился домой, бережно неся добычу. Положив птицу на стол, я минут на десять вышел из комнаты, а вернувшись, прямо-таки остолбенел от изумления и гнева. У голубя была оторвана голова, а его окровавленные перья разлетелись по

полу. И по-прежнему в комнате, ярко освещенной солнцем, было пусто и тихо.

Случай с голубем переполнил чашу моего терпения. Я решил во что бы то ни стало выследить своего мучителя и избавиться от него.

Рано утром на следующий день, добыв пару воробьев, я бросил их на стол как приманку, а сам вышел из дому и уселся под окном. Греясь на солнышке, я время от времени осторожно посматривал в окно. Прошло около получаса. В доме стояла тишина, но вдруг до моего слуха донесся чуть слышный шорох. Затаив дыхание, я одним глазом прильнул к углу окна и заглянул внутрь дома.

Что же я увидел? Под самым потолком на вбитом в стену деревянном клине сидел домовый сыч — небольшая ночная птица из отряда сов. Очевидно, он заметил за окном мою тень и с минуту пристально следил за мной круглыми зелеными глазами. Убедившись, что за ним наблюдают, сычик камнем упал вниз и исчез в дыре, прогрызенной песчанками в полу, в углу комнаты.

По-видимому, сычик уже давно жил в этом долгое время пустовавшем доме, ловил грызунов, а когда пищи не хватало, не брезговал и убитыми мной птицами.

Обнаружив разбойника-невидимку, я теперь знал, что предпринять. Над отверстием в полу я положил кирпич, подпер его палочкой и протянул от него наружу тонкий шнурок. Стоило дернуть за шнурок, и кирпич, падая, закрывал вход в норку.

На другой день таким способом я отрезал сычику отступление в подполье. Мой мучитель попался мне в руки, но, конечно, был помилован. Разве у меня поднялась бы рука на эту энергичную и полезную ночную птицу!

Так сычик стал моим первым пленником. Я поселил его в первой комнате, предоставив ему полную свободу в истреблении грызунов, и еще регулярно подкармливал маленького охотника застреленными воробьями.

Однако поимка сычика еще не раскрыла мне всех секретов моего временного обиталища. По-прежнему по вечерам комната наполнялась странными деревянными звуками, причем звуки стали сильнее и громче. Значит, в доме жил еще какой-то невидимый сожитель, и мне нужно было разгадать и вторую загадку.

Как-то вечером, лишь только начался обычный концерт, я внес в пустую комнату лампу, поставил ее на стол, а сам прижался к стене и застыл в ожидании. Минут двадцать я простоял неподвижно, звуки не возобновлялись. Тогда я небольшой палочкой постучал по столу, стараясь подражать своеобразным звукам неизвестного животного. Так я вызвал невидимку на ответ.

И он ответил. Спустя несколько секунд, вторя мне, послышались знакомые звуки. Они доносились с противоположной стены, покрытой глубокими трещинами. Я поднес к стене лампу и после внимательного

осмотра обнаружил возле одной из трещин маленькую стенную ящерицу — серого гекона.

Геконы — своеобразная группа ящериц. У многих геконов на подошвах лапок имеются особые присоски, которые позволяют им лазать не только по древесным стволам, каменным и глиняным стенам строений, но и по более гладкой вертикальной поверхности. Они ведут ночной образ жизни, имеют крупные глаза с вертикальными зрачками. Многие геконы охотно поселяются в строениях человека и прячутся в дневные часы в стенных трещинах.

Зимовавший в доме, согретый теплом печки гекон очнулся от зимнего оцепенения и, по-видимому, решив, что настала весна, стал издавать свои весенние звуки. Окраска ящерицы настолько сливалась с окраской стенки, что заметить гекона было очень трудно.

В эту ночь я впервые уснул спокойно. Самое мучительное — неизвестность. А теперь я знал своих соседей и находил, что худо или хорошо, но жить с ними можно.

Многие люди питают суеверный страх перед домовым сычком. Закричит в сумерки сычик на чьей-нибудь хате, и ее хозяин повесит нос и ждет несчастья. На самом же деле безобидны, а во многих случаях и полезны для нас сычики и ящерицы, и серый гекон в частности. В большом числе они поедают насекомых, причиняющих много неприятностей человеку.

ОСТРОВ ИРИНБЕТ И ЕГО ОБИТАТЕЛИ

В 20 километрах от станции Солотобе Ташкентской железной дороги среди сети глубоководных озер затерян маленький островок Иринбет. На этом клочке твердой почвы, окруженной обширными чистыми плесами и тростниковыми крепями, я

работал в студенческие годы как начинающий натуралист. С этим уголком у меня связаны воспоминания об охоте на кабанов, о местных собаках.

В то время на острове Иринбет появился крошечный поселок. Он состоял из небольшой землянки, широкого навеса, защищенного от дождя и солнца, огромного ледника и четырех палаток. Обитали на острове два здоровенных парня — оба Петра, посвятивших себя охоте и рыбной ловле. На острове жили также 12 собак различных пород и ободранный, невероятно злой кот, ведший полудомашнее, полудикое существование.

Несмотря на относительную близость аулов и наличие в 20 километрах станции, остров Иринбет редко посещался охотниками. Свора необузданных собак внушала страх всем соседям.

Увлекаясь кабаньей охотой, я частенько приезжал на станцию Солотобе и охотился в ее окрестностях. Многочисленные кабаны нередко травили здесь колхозные посевы.

Как сейчас вижу обычный ландшафт богатых водой частей Казахстана. Вдали высоко поднимаются сухие тростниковые крепи; арык, заросший джунгилом и лохом, тянется среди равнины; здесь и там разбросаны то зеленые, то уже пожелтевшие участки посевов.

Вдвоем со стариком казахом мы сидим на его пшеничном поле, окруженном живой колючей изгородью, и беседуем в ожидании вечера.

— Как солнце спрячется, — ломая русский язык и жестикулируя, говорит мой собеседник, — сразу чушка пшеница придет.

Поле сильно потравлено дикими свиньями, и старику хочется, чтобы я убил потравившего поле крупного кабана со сломанным копытом, оставляющим уродливый след.

— Кош — прощай, — говорит он, пожимая мою руку, когда солнце низко опускается к горизонту, и осторожно идет по направлению к аулу.

А я ложусь на согретую землю и начинаю мечтать о предстоящей охоте: вот заходит солнце, еще совсем светло, а нетерпеливый кабан уже вышел на поле и ест пшеницу. Мишень настолько велика, что мне — хорошему стрелку — промахнуться почти невозможно. Но, увы, это только мечты охотника — не так просто убить осторожного, чуткого зверя.

Уже не в воображении, а на самом деле заходит солнце, сгущаются сумерки, потом выплывает луна, а кабана нет и в помине. Стараясь защитить лицо и шею от комаров, я закрываюсь темным женским платком; под ним душно, потеет лицо, а целое облако назойливых насекомых все же лезет в глаза, гудит в воздухе.

И вдруг — мои нервы напрягаются до последней степени, захватывает дыхание — я слышу осторожную тяжелую поступь большого зверя. Несколько секунд спустя, хотя мне ничего не видно, по звуку я знаю, что он проламывает колючую изгородь и, просунув сквозь нее голову и передние ноги, чутко вслуши-

вается и втягивает в себя воздух. «Ух», — слышится его мощное дыхание, и кабан, вместо того чтобы появиться на поле, пятится назад, тяжелой рысью бежит по тропе, потом перебирается через маленькое озерко и уходит дальше. До меня доносится явственный плеск воды и топот зверя.

Однако охота не кончилась. Казах ошибся. Пшеницу посещал не один, а много кабанов. Одни приходили сюда со стороны маленького озерка, другие — от тростниковых зарослей.

Минут двадцать спустя после того, как благополучно убрался первый кабан, с противоположной стороны поля пришел второй. Он осторожно продрался сквозь колючую изгородь и, вероятно, потому, что едва заметный ветерок чуть тянул от него ко мне, не обнаружил опасности и довольно смело вышел на поле. Вскоре я услышал сначала тихий шелест созревающего хлеба, потом громкое чавканье. Видимо, с большим удовольствием кабан, не срывая, разжевывал, а затем обсасывал колосья пшеницы. К огорчению, даже при ярком лунном свете я долгое время не мог ничего увидеть. Тогда я подкрался возможно ближе и, наконец, ясно увидел крупного зверя. Благодаря принятым мной предосторожностям я ничем не обнаружил своего присутствия и, несмотря на мою близость, кабан спокойно занимался своим делом.

Но, когда добыча была совсем близко, почти в руках, возникло новое и неожиданное затруднение. Присматриваясь к тому месту, откуда исходили звуки, я видел кабана, его контуры, но стоило мне начать целиться, как от напряжения глаза начинали слезиться, контуры становились неясными, расплывчатыми и у меня возникало сомнение — кабан ли это? Тогда я опускал ружье и, представьте себе, опять ясно видел животное.

Это продолжалось около часа.

Вдруг я услышал новые звуки. Какой-то зверь без всякой церемонии проломил изгородь и, производя много шума, хозяйничал на поле то в одном, то в другом месте. Я вслушивался в эти звуки, и мне казалось, что дикое животное не может шуметь так нахально. «Не теленок ли это», — соображал я, всматриваясь в пшеницу. Но, увы, ничего не было видно. К радости, неизвестный посетитель, топчась по полю, вскоре приблизился к первому кабану. Громкий визг прорезал тишину ночи, и мимо меня с быстротой зайца промчался годовалый поросенок. Это его ударил взрослый кабан, которому он, вероятно, мешал своим шумным бесцеремонным поведением.

Затих топот убежавшего поросенка, и мои мучения возобновились. Кабан был совсем близко, но я никак не мог в него выстрелить. Стоило поднять ружье и начать целиться, как я терял его из виду. Стрелять же пулей наудачу я не хотел. Всю ночь в страшном напряжении ползал я по полю, всматривался в неясные тени, то видел, то терял из виду кабана; охота закончилась только на позднем рассвете единственным, но удачным выстрелом.

Отдыхая после бессонной ночи у лесного объездчика в Солотобе, куда подвезли убитого мной кабана, я познакомился с одним из постоянных жителей острова Иринбет — Петром Усковым. Мы сидели за вечерним чаем, когда он зашел по своим делам и разговорился со мной об охоте.

— А вы к нам загляните, — сказал он, узнав, что я занимаюсь изучением местной фауны. — Наши озера битком набиты всевозможными птицами. Охотников там почти не бывает, птиц никто не трогает, а, кстати, если захотите, и на кабанов поохотиться можно.

— Охотно заглянул бы, — ответил я, — но как это сделать? Дороги я не знаю, а добраться до вашего острова, как я слышал, не так уж просто.

— Один, конечно, не доберетесь, — пойдемте завтра со мной, выйдем утречком и к обеду будем на острове.

— А как же с продуктами? — возразил я. — Ведь мне надо купить самое необходимое — хлеба, махорки.

— Ничего не надо, — решительно заявил Петр, — все есть на месте — на полгода хватит.

Мне так хотелось посетить эти глухие озера, что я не стал спорить и на следующий день вместе с Петром пошел на остров.

Сначала мы пересекли густые тамарисковые заросли, затем молодой саксауловый лес и мелкие поросли камыша и около полудня добрались до протоки. Сняв обувь и проникнув в чашу прибрежного тростника, Петр извлек оттуда легкую плоскодонку, и мы, удобно разместившись в ней, совершили дальнейший путь водой.

Узкая протока быстро несла лодку вперед. По сторонам сплошной стеной поднимались высокие желтые заросли тростника. По их стеблям, переключаясь звонкими голосами, перепархивали маленькие длиннохвостые птички — усатые синицы; иногда, издавая резкий крик, взлетала в воздух серая цапля, плескалась крупная рыба.

— Наверное, мой друг навес протаптывает, — сказал Петр, встав и всматриваясь вдаль, когда протока вынесла нас на широкий плес озера.

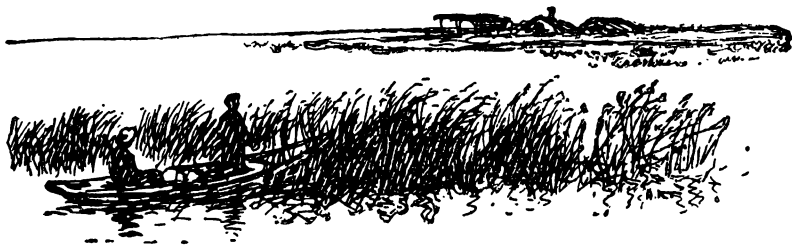
И действительно, далеко впереди я увидел фигуру человека, черневшую сквозь поредевшую растительность.

— Это он меня ждет, — продолжал Петр. — Скучно ведь одному сидеть на острове — вот он и залез на крышу, чтобы осмотреться кругом.

В тот же момент человек, видимо, заметив нас, спрыгнул с крыши, и несколько минут спустя над островом закружил дымок от костра.

— Обед разогревает, — со смешком заявил мой спутник. — Одному и кусок в рот не лезет.

Нас встретил высокий парень со сворой собак. Собаки выражали радость, увидев хозяина, и недоверчиво косились на меня, незнакомого человека.

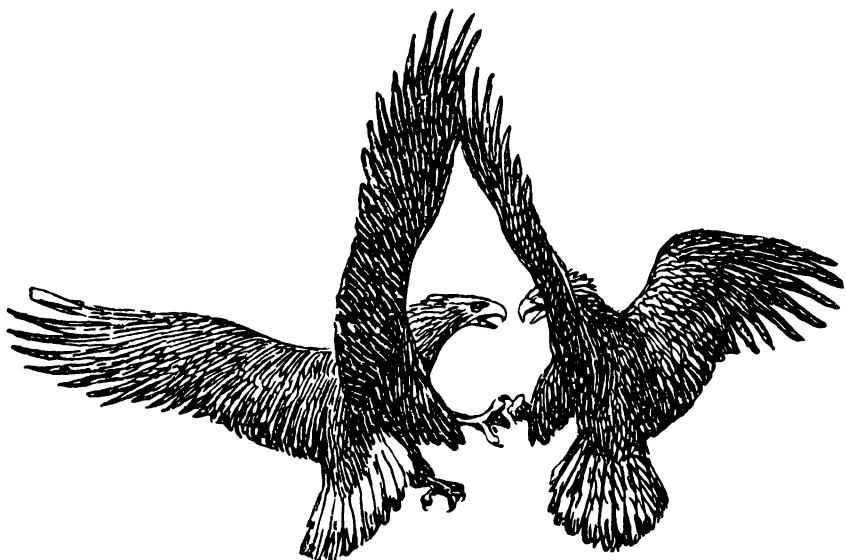

Остров Иринбет оказался интереснейшим местом для зоолога. Сколько здесь было всевозможной птицы! В течение дня, не предпринимая далеких экскурсий, вы могли наблюдать за жизнью водяных, болотных и иных пернатых. Серые гуси, утки, водяные курочки-лысухи постоянно плавали по чистым плесам. Иногда из тростников появлялся лебедь и, сопровождаемый маленькими светло-серыми пуховичками, опасно осмотревшись, вновь скрывался в зарослях.

В жаркие часы дня на мелкие участки озера слетались большие черные бакланы и занимались своей шумной охотой. Образовав широкий полукруг, сотни энергичных и сильных птиц одновременно ныряли, чтобы с крупной рыбой в клювах появиться вновь на поверхности. В отличие от большинства других водяных птиц, после долгого пребывания в воде их перья намокают. Вот бакланы закончили свою общественную охоту, наелись до отказа и стали сушить намокшее оперение. Каждый из них стремился забраться повыше на спутанный зимними ветрами тростник, на торчащие из воды жерди. Широко раскрыв крылья, птицы медленно помахивали ими в воздухе, подставляя их под горячие лучи солнца. Просушка закончилась, и бакланы один за другим, разбежавшись по водной поверхности, с трудом взлетали на воздух и направлялись к своим гнездовьям.

Но особенно много на Иринбете было пернатых хищников. Непосредственно к острову примыкали рыбные садки, где мои молодые хозяева сохраняли отловленных ими сазанов. Эти садки так своеобразны, что мне хочется о них рассказать. Садок представляет собой обширный, относительно мелкий участок озера. Он обнесен прочной, сплетенной из стеблей тростника изгородью. Сюда пускается вся полноценная рыба, выловленная многочисленными вершами и мордами. На естественных кормах, приносимых течением протоки, она содержится в течение лета и извлекается отсюда только с наступлением первых заморозков.

В садках Иринбета рыбы было несметное количество. Иной раз, пользуясь укрепленными над водой легкими мостками, я проникал в глубину садка и видел огромных сазанов, сплошь покрывавших дно огороженного водного участка. Само собой разумеется, что при таком скоплении рыбы небольшая часть ее погибала. Уснувшие сазаны всплывали на поверхность. Эта

падаль и привлекала сюда крупных хищных птиц — орланов-долгохвостов, подорликов, чаек. Они выполняли роль санитаров, избавляя моих хозяев от заботы чистить садки.

С раннего утра и до позднего вечера орланы дежурят поблизости. Птицы неподвижно сидят на кучах сваленного камыша, на возвышениях почвы и зорко следят за водной гладью.

Но вот на поверхности появляется рыба. Она еще не погибла и медленно плавает вверх брюхом. И тогда несколько крупных птиц, тяжело взмахивая крыльями, поднимаются в воздух. Среди них происходят ожесточенные воздушные драки. Они наносят удары когтями, верещат, пытаются отогнать друг друга от добычи. Наконец, одна из птиц выхватывает из воды погибающего сазана и, едва справляясь с тяжестью, тащит его на сухое место. Ее преследуют остальные, пытаются отнять добычу. Орлан, усевшись на землю, зажимает рыбу своими могучими лапами и, раскрыв широкие крылья, начинает отрывать кусок за куском от своей жертвы. Остальные ждут, когда счастливец насытится, в надежде воспользоваться хотя бы остатками пира.

Не всегда борьба за обладание добычей кончается таким образом. Иной раз раздражение дерущихся птиц возрастает до крайности. Они вцепляются друг в друга когтями в воздухе и, потеряв способность держаться на крыльях, бесформенным комком падают на землю или в воду. Утерянная при драке добыча также летит вниз. Ею завладевает третья птица или одна из наших собак.

Подолгу оставаясь на острове и часами наблюдая за поведением пернатых, я невольно также был свидетелем жизни нашей собачьей стаи. Собаки, населявшие Иринбет, не были

похожи друг на друга не только по внешнему виду, но и нравом. Многие из них представляли собой резко выраженные типы.

Вот могучий желто-пегий пес Пиратка. Он заслужил всеобщее уважение у обитателей острова. Его не боятся другие собаки, отлично зная, что он не воспользуется своими преимуществами — силой и ловкостью, не ввяжется в драку, не обидит слабого. Пес в состоянии один остановить кабана-секача и во время охоты руководит всей сворой. С уважением к нему относятся и люди. Попробуйте на него замахнуться палкой. Пес ни на один шаг не отступит назад. И каждому станет ясно, что ударить собаку рискованно. Она не стерпит оскорбления и жестоко расправится с обидчиком.

Между красавцем Пираткой и другим псом, по кличке Черный, есть что-то общее. Черный также суров на вид, смел и честен. Но погладьте его, и вы поймете, что перед вами совсем другая, ласковая и добродушная собака. В отличие от Пиратки его внешность неказиста: редкие зубы пожелтели, глаза тусклые, грубая шерсть на боках висит клочьями. Черному по меньшей мере лет пятнадцать. Однако, несмотря на старость, Черный — отличная охотничья собака и во время охоты не уступит многим молодым псам.

И как же отличается от двух этих собак третья — по кличке Куцый! Он никогда не нападает на кабана открыто: схватит сзади и, как мяч, отлетит далеко в сторону, пытаясь укрыться от опасного зверя за своими товарищами, не любит рисковать жизнью. Я не хочу сказать, что Куцый — совсем плохая зверовая собака (таких собак здесь не держат), но он вор, пройдоха, задира и до смешного дорожит своей шкурой. Поднимите над ним руку, и он, взвизгнув, как бы от удара, отскочит в сторону. Зато при раздаче корма Куцый всегда первый и завладевает лучшими кусками мяса. Хитрая, назойливая собака. Не обладая силой, постоянно затевает драки, впутывая в них других собак, и выходит невредимой.

Когда наступает сезон охоты и собаки заняты делом, ссоры среди них бывают сравнительно редко. И, напротив, длительное бездействие влияет на собак скверным образом и способствует возникновению драк, часто кончающихся ожесточенной, почти общей свалкой.

Я попал на Иринбет как раз в период праздного бездействия, и собачьи драки были частым явлением. Они возникали по самому разнообразному поводу, а иногда, как казалось, и без повода. Собаки скучали и были постоянно раздражены вследствие наступившей жары и обилия слепней, не дававших им покоя.

Сегодня, например, остригли Мальчика. Это была не то южно-русская овчарка черной масти, не то огромный пудель. И вот кудлатого пса остригли. Как будто на смех, ему оставили львиную гриву и кисть длинных волос на конце хвоста. Конечно, после этой операции собака чувствовала себя, так сказать, не в своей

тарелке. Она вздрагивала от каждого прикосновения жалящих насекомых и не находила места, куда от них укрыться. А тут еще остальные собаки не то с сожалением, не то с иронией обнюхивали его обнаженную кожу. Как ни миролюбив был Мальчик, но сейчас его все раздражало. При приближении собак он злобно косился, глухо рычал и скалил зубы. Казалось, вот-вот вспыхнет ссора, драка. Но на этот раз все обошлось благополучно. Мальчик забился под кучу камыша, другие собаки тоже попрятались, и все стихло.

Прошло около часа, вдруг мир и тишина были нарушены неожиданным образом. Больно укушенный клещом, Мальчик с визгом выскочил из убежища, в одно мгновение пересек широкий двор и со всего размаха влетел в стоявшую в стороне пустую печку. Оттуда вырвался столб мелкой золы, как будто беззвучно разорвалась бомба. Это послужило сигналом для других собак. Со всех сторон они кинулись к печке и злобно лаяли на скрывшегося Мальчика. В следующее мгновение с налитыми кровью глазами, весь в золе на сцене появился нарушитель покоя. С рычаньем он сбил грудью Дружка и, стараясь вцепиться зубами в его горло, сам покатылся на землю. На дерущихся кинулись прочие, и вскоре псы образовали живой клубок. Перевертывая все на своем пути, они с визгом катались по двору.

Только Пиратка равнодушно стоял в стороне, как будто ничего не случилось, да старик Черный издали лаял на своих соплеменников.

С большим трудом, обливая собак водой из ведер, нам удалось прекратить ожесточенную драку.

После обеда мы решили с Петром объехать выставленные вентери и морды и вытрясти из них попавшуюся рыбу. Подойдя к лодке, я вторично за сегодняшний день обратил внимание на странное поведение двух наших собак: они сидели на берегу у самой воды, недоверчиво косились друг на друга и временами скалили зубы. Ведь я их еще до обеда здесь видел.

— А, — с усмешкой ответил Петр, — это они солонину вымачивают. Соленое мясо есть не хочется, так вот они и ждут, когда куски в воде вымокнут.

Я не вполне поверил в объяснение Петра и приблизился к собакам. Не доверяя мне, они немедленно извлекли из воды побелевшие куски мяса и побрели с ними в разные стороны. «Но ведь это не люди, а собаки, — думал я, — откуда у них такая сообразительность, кто научил их так делать?»

Несмотря на вздорные нравы и непривлекательную внешность собак острова Иринбет, они нравились мне все больше и больше. В полной мере их рабочие качества я оценил несколькими днями позже.

— Что это за странный писк? — спросил я Петра, когда мы под вечер возвращались на лодке к дому. — Я уже несколько раз слышу эти непонятные звуки.

— Тихо, — шепотом ответил Петр, прикладывая палец к губам. — Это табун свиней кормится. Молодой камыш они держат — он и пищит. Не надо стадо спугивать. Уедем тихонько отсюда. Завтра устроим кабанью охоту, а то собачня от безделья совсем одурела.

Мы, стараясь не шуметь, отъехали от тростника и спустя полчаса достигли острова.

...Утро. Чуть брезжит рассвет. Он застает нас за сборами. Мы надеваем на ноги специальную обувь — поршни, выкроенные из сырой кабаньей кожи, осматриваем ружья, подбираем патроны. Собаки держатся тесной группой — ни драк среди них, ни раздражения, забыты раздоры. Каждый готов постоять друг за друга.

Сборы закончены. Вооружаемся длинными шестами, отчаливаем от берега и скользим по водной поверхности широкого плеса. Это служит сигналом для своры. Осторожно, без всплеска, в воду входят Пиратка, Черный, а за ними и остальные собаки.

Восток краснеет. Золотится спокойная гладь озера. Порой в воздухе свистят утиные крылья. Свора тесной гурьбой следует поодаль за нами. Видны только собачьи головы, так похожие в полумраке раннего утра на стаю плывущих уток. Вот и противоположный берег. Мы высаживаемся и бесшумно углубляемся в редкие камыши. Собаки разбредаются в разные стороны и постепенно исчезают из виду.

К этому времени восток разгорается, с каждой минутой становится все светлей и светлей. Просыпается дневное пернатое население. Вот на высокую камышинку, четко вырисовывающуюся на посветлевшем небе, выпархивает темным силуэтом маленькая птичка. Под ее небольшой тяжестью упругий стебель гнется, качается. Она издает короткое, но звонкое соловьиное шелканье и вновь ныряет вниз в заросли. Освободившаяся от тяжести камышинка качается и постепенно принимает обычное положение. Голосистая птичка — широкохвостая камышевка. Не так часто удается видеть эту птицу днем.

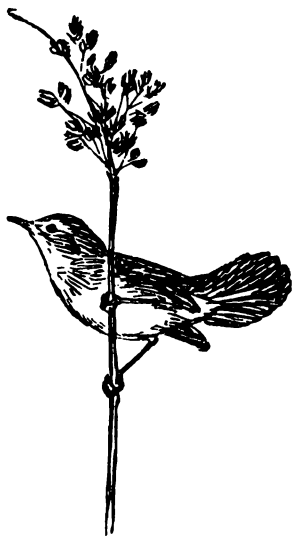
В стороне, обеспокоенный собаками, взлетает фазан. Он тревожно вскрикивает, хлопает крыльями, круто поднимается над высокими камышами и затем, вытянув длинный хвост, спешит убраться подальше. «Кох, кох!» — отзываются другие фазаны в туманной дали раннего утра. Вот где-то завывла заблудившаяся молодая собака, затем виновато взвизгнула и замолчала: еехватила за нарушение тишины и порядка более опытная и бывалая собака.

Не спеша, осторожно мы идем вперед к виднеющимся высоким желтым зарослям, чутко прислушиваемся к неясным шорохам и шелесту тростниковых стеблей. Но вот где-то далеко отрывисто лает собака. Мы останавливаемся и ждем. Лай не вполне надежный — в нем звучит неуверенность: не ошибка ли это. Однако в следующий момент собака начинает

лаять громче, азартнее. Еще мгновение, и присоединяется другой голос, затем третий. Собаки лают в одном и том же месте. Мимо нас стремительно проносится пестрый Шарик. В стороне мелькает наш знакомец Куцый. Все спешат к месту, где ожесточенно лают собаки.

А лай усиливается, нарастает; к нему присоединяются все новые и новые голоса, то злобные и настойчивые, то с нотками страха. Порой одна из собак взвизгивает, лай обрывается, чтобы в следующую секунду закипеть с новой силой. Нам становится ясно, что собаки остановили кабана-секача. Мы срываемся с места и, не чувствуя под собой ног, спешим им на помощь. Вот уже собаки совсем близко: то на одном месте, то бурно перемещаясь на новый участок, варом кипит ожесточенная свора.

Перед нами небольшая полянка, едва заросшая редкими низкими камышами и изрытая кабаньими копками. По сторонам сплошной стеной поднимается высокий желтый тростник. Резко выделяясь на общем фоне, в центре полянки стоит крупный кабан-секач. Его щетина на хребте поднялась дыбом, маленькие глаза налились кровью, челюсть скошена в сторону. Он смело отбивается от многочисленных врагов, то круто поворачиваясь на одном месте, то бросаясь вперед и пытаясь ударить собаку клыком. Но собаки пока не спешат, активному натиску еще не настало время. Сейчас, окружив зверя и раздражая его отдельными укусами и лаем, стая держит кабана на месте, заставляет его кидаться из стороны в сторону, выматывает из него силы.

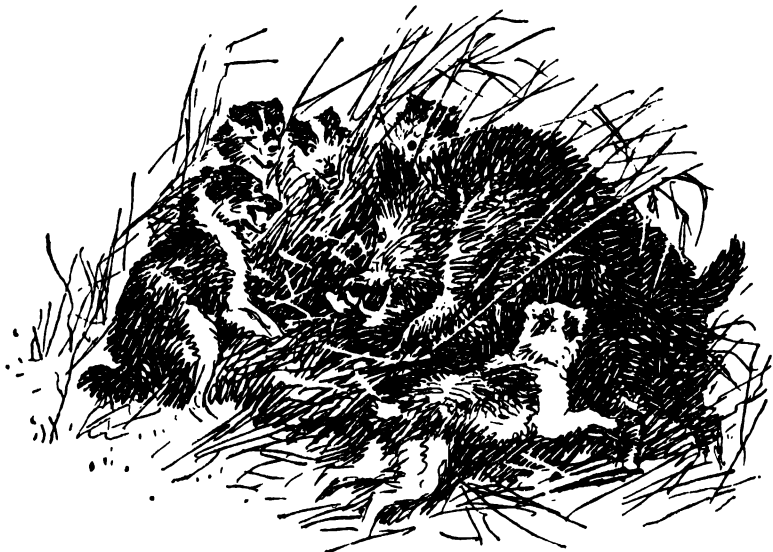
Появление человека изменяет положение. Кабан стремительно кидается в заросли, его по пятам преследует вся свора. Под напором живой лавины с треском валится стена тростника. Не отставая, собаки с ожесточением ломятся вперед сквозь сплошную чашу и, пробившись, наконец, на ближайшую полянку, вновь окружают и держат на одном месте раздраженного зверя. Доведенный до бешенства, кабан с яростью кидается на своих врагов, но собаки как горох рассыпаются в стороны. В тот же момент находящиеся позади собаки хватают кабана за задние ноги, заставляя его повернуться в противоположном направлении.

Почти одновременно гремят два выстрела. Подбодренные собаки в неудержимом порыве бросаются вперед, всаживают клыки в тело врага, виснут на его ушах и, наконец, валят на землю. Это самый опасный момент. Сила смертельно раненного животного еще велика. Дорого продавая свою жизнь, он успевает нанести страшные удары своими клыками.

Охота закончена. Подсчитываем потери. На рваные поверхностные раны у собак мало обращают внимания. Их залижут сами собаки — все заживет на выносливой собачьей шкуре.

Но вот одна из молодых собак, качаясь из стороны в сторону, делает несколько шагов и, обессилев, ложится на бок. Высунув язык и раскрыв пасть, она дышит быстро-быстро. На груди у нее маленькая, но, вероятно, глубокая ранка. Из нее, едва просачиваясь сквозь густую шерсть, течет тоненькая струйка крови.

Так, то в бездействии, то в опасной охоте протекает жизнь собак острова Иринбет. Время от времени смерть вырывает из собачьей стаи тех ее членов, которые не обладают силой, быстрой сообразительностью и ловкостью.

— Ветер будет,— сказал как-то вечером мой хозяин, всматриваясь в багровый закат солнца, над которым узкой темной полоской нависли тучи.

На Сырдарье погода портится в летнее время очень редко, и на слова Петра никто не обратил серьезного внимания. Горизонт погас, и кратковременные сумерки сменились ночью. Под редкими порывами ветра предупреждающе зашуршали сухой лиственной тростниковые заросли. Где-то далеко поблескивала молния. «Будет гроза, освежающий дождь»,— мечтал я, засыпая в палатке.

Глубокой ночью все мы проснулись одновременно и, как по команде, выбрались наружу — да в палатках и невозможно было оставаться. С невероятной силой завывал ветер. Под его натиском с треском ломались камышовые заросли. Проливной дождь лил в лицо. Поминутно темноту прорезали молнии, сопровождаемые грохотом.

Но не это поразило нас.

К обычным звукам сильной ночной грозы примешивались иные могучие звуки. Они были настолько сильны и неожиданны, что могли поразить даже привычного человека. На острове творилось что-то непонятное. Из конца в конец его перекатывалась какая-то клокочущая, воющая живая лавина. Она перевортывала все на своем пути. Озверелый разноголосый лай собак, рычание, визг, топот, треск ломающегося тростника, звон какой-то падающей жестяной посуды — все это смешивалось со свистом ветра, громовыми ударами, шумом воды и превращалось в сплошной дикий хаос.

В чем дело, что случилось?

На всякий случай в темноте я кинулся к навесу — там висело мое ружье. Но не успел я сделать и десяти шагов, как был сбит с ног собаками. Вскочив, я снова побежал дальше. В этот момент, прорезав темноту, грянул один, второй выстрел, затем еще два. Это стреляли, чтобы подбодрить собак. В ответ на выстрелы лай, визг, отчаянная грызня усилились — собаки с ожесточением рвали неизвестного врага. Еще несколько секунд, и вся клокочущая лавина переместилась в камыши, которые трещали под натиском животных.

— Ату его, ату! — кричал Петр, стреляя в воздух еще и еще.

На смену бурной ночи пришло чудное утро — ни облачка на голубом небе, ни ветерка. Конечно, в эту ночь мы не ложились

спать и в промокшей одежде с нетерпением ждали солнца. Но во что превратился наш лагерь, где всегда поддерживался образцовый порядок! Сорванные и истоптанные палатки валялись в грязи, развешанные для просушки вентери и сети порваны и разметаны по всему острову, камышовая крыша ледника провалена во многих местах, посуда валялась где попало.

Что же случилось ночью, что произошло?

Да в общем ничего страшного, и сейчас, когда природа безмятежно улыбалась, ночное происшествие поблекло и воспоминание о нем не вызывало ничего, кроме смеха.

В ночную грозу табун диких кабанов случайно проник на остров, и на них-то напали наши собаки. Все кончилось относительно благополучно. Люди приводили в порядок хозяйство острова, собаки зализывали полученные раны. Только полудикий иринбетский кот до полудня не решался спуститься с трубы на землю и с недоверием смотрел оттуда своими неподвижными зелеными глазами.

ДИКОЕ ПЯТНЫШКО

Дикое Пятнышко — имя котенка дикой длиннохвостой кошки. Он жил у меня во время одной из моих летних поездок в Среднюю Азию. Рассказывая об этом котенке, я хочу показать, насколько чутки и осторожны дикие кошки даже в самом раннем возрасте. Котенок попал мне в руки при не совсем обычных обстоятельствах.

Несколько позднее я познакомлю читателей с летними паводками в дельте Волги, расскажу, какие бедствия они приносят многим животным. Еще более страшны резкие подъемы воды на многоводной реке Средней Азии Сырдарье. Два раза в году, в самом начале апреля и в июне, Сырдарья теряет обычный облик и грозит всему живому своими мутными водами. Весенний паводок связан с более поздним освобождением реки от ледяного покрова в низовьях, второй — летний — с таянием снегов в высоких горах Тянь-Шаня.

Быстро прибывает вода в июне, наполняет высохшие котловины озер, далеко в глубь страны проникает по глубоким арыкам. И такое обводнение веселит сердце, радует все живое. Ведь в Средней Азии вода — это сама жизнь. Только крепко и умело нужно держать ее в руках. А иначе — беда. Как закусивший удила необъезженный жеребец, ринется вода вперед и натворит бедствий. Но как ни следит человек за беспокойной рекой, как ни пытается удержать ее в повиновении, иной раз прорвет вода заградительную земляную плотину — бугут — и вырвется на свободу. Сремительно хлынет она в сторону и затопит в короткое время обширную низменную территорию. И тогда в бесчисленном

количестве погибают фазаньи и утиные гнезда, покидают норки и забираются на кусты грызуны, бегством пытаются спастись более крупные животные. Страшное это время для многих птиц и четвероногих обитателей речной долины.

В то памятное июньское утро я поднялся с постели незадолго до восхода солнца и после легкого завтрака, захватив приготовленный с вечера рюкзак и перекинув за плечи ружье, направился к югу по железнодорожной насыпи. Мне нужно было обследовать глухой уголок тугайных зарослей, расположенных в 6 километрах от станции Караузьяк.

Несколько дней назад, возвращаясь с озера Джаманкуль, где я провел целый день, и пробираясь сквозь тугайную поросль с железнодорожной линии, я неожиданно увидел маленькую птичку. Присутствие ее здесь меня озадачило. До этого времени я встречал на Сырдарье буланых вьюрков только зимой и ранней весной. В марте, вечерами, птички собирались крупными стаями и, усевшись на еще голые ветви деревьев лоха, распевали бесконечные скрипучие песенки. Но буланный вьюрок в июне, в разгар гнездового периода!...

Кроме того, я отлично знал, что эти птички в изобилии гнездятся в Ашхабаде, в Ташкенте, в населенных пунктах Ферганской долины, но на нижней Сырдарье, в тугаях среди пустыни, мне казалось это невероятным.

Я решил выяснить, гнездились ли здесь вьюрки или это были холостые птицы, случайно оставшиеся в тугаях на лето после зимовки. Добросовестно потоптавшись по тугаям, я, наконец, увидел вьюрка-самца. Сначала он распевал на сухой вершине лоха, потом поймал какое-то насекомое и исчез, улетев с ним в густые колючие заросли.

Взрослые вьюрки обычно питаются семенами растений и молодыми побегами, но птенцов вскармливают насекомыми. Поведение буланого вьюрка доказывало близость птенчиков.

Найти маленькое гнездо птички, искусно запрятанное где-то среди непролазного колючего лоха, — задача нелегкая. Выслеживая, куда перелетает вьюрок с пищей во рту, я, видимо, приближался к гнезду все ближе и ближе, но потратил на это массу времени. Солнце поднялось уже высоко, жгло кожу, а я то спешно перебежал короткое расстояние, то сидел, терпеливо ожидая, когда птичка появится вновь.

Увлечшись вьюрком, я сразу ничего не заметил. А кругом творилось что-то неладное.

Сначала мимо меня быстро пробежал заяц-толай. Он вскоре вернулся, беспокойно шевеля ушами, посидел на открытом месте и убежал вновь — уже в другом направлении. Где-то сзади взлетел фазан и, порывисто взмахивая крыльями, пролетел над самой моей головой. Вдруг мутная струйка воды, извиваясь, достигла моих ног и затопила глубокую трещину в почве. Оттуда

немедленно выскочил крупный мохнатый паук и полез вверх по стволу дерева. А струйка побежала дальше, потом повернула влево и исчезла за ближайшими кустами. Две минуты спустя я обнаружил, что нахожусь на совсем маленьком островке. Кругом была мелкая вода. Она двигалась, поднимала сухие травинки, древесную кору.

С некоторым удивлением, но без тревоги я пошел по воде к краю тугайных зарослей, чтобы взглянуть, что творится кругом на открытой площади. Удивление мое возросло. Весь тугай был затоплен водой.

Она струилась сквозь густую поросль, уровень ее быстро поднимался. В следующую секунду, окинув взглядом обширную низкую площадь, поросшую тамарисковыми зарослями, я все понял и замер на месте: где-то прорвало плотину!

Кругом было полное безветрие, но впереди раскачивались верхушки кустарников, и оттуда доносился какой-то неясный шум. Над кустами с криком носились черные вороны и болотные луни. Они то и дело бросались вниз и схватывали с кустов какие-то живые комочки с длинными хвостами. Это были грызуны-песчанки. Зверьки выскочили из затопленных норок и, спасаясь от воды, влезли на ветви кустиков.

Я не стал смотреть на гибель песчанок, забыл также о буланом вьюрке и, не хуже кабана, ломая колючие заросли, стал продираться сквозь тугай туда, где по моим расчетам, должна была, самое большее в полукилометре, проходить железнодорожная насыпь.

Когда я, наконец, весь в ссадинах и в изорванной одежде выбрался из тугаев, вода поднялась уже выше моих колен и мешала быстрому движению. К счастью, железнодорожная насыпь была недалеко. Две минуты спустя я уже по пояс в воде двигался к сухой почве, радуясь, что расстояние быстро сокращается, насыпь все ближе и ближе, и вдруг остановился.

Влево от меня над водой возвышался небольшой, поросший травой барханчик. Оттуда доносилось истерическое мяуканье котенка. Еще раз я окинул отделявшую меня от насыпи воду, потом перевел взгляд на барханчик и круто изменил направление. До сих пор не могу понять — защищался котенок или, напуганный водой, он видел во мне единственное спасение: едва я схватил его и попытался сунуть за пазуху, он всеми четырьмя лапами крепко вцепился в мою куртку.

Когда я подходил к насыпи, вода достигла моей груди. Забыв о существовании вдоль линии глубокой канавы, я окунулся с

головой и, испытав, таким образом, все удовольствия, выбрался, наконец, на твердую почву.

— Какая прелесть! Смотрите, он помещается на ладони, а глазищи какие, а усы, — восхищались котенком, когда его шкурка просохла и я показал его семье начальника станции. — А цвет какой замечательный — он весь в пятнышках. Ведь таких пятнышек не бывает у домашних кошек. Они какие-то необыкновенные, глубокие, ну, как тут выразиться — словом, дикие пятнышки.

Невыносимая июньская жара загнала нас с приятелем в не совсем обычное место. «Ночуйте под резервуаром, — как-то сказал нам начальник станции, — там прохладно». Вот идея — как раньше мы до этого не додумались!

Представьте же себе высокую водонапорную башню, сложенную из красного кирпича. Вы, наверное, не раз видели такие башни на железнодорожных станциях. Башня состоит из трех этажей, соединенных между собой железной винтовой лестницей. Наверху, под самой крышей, помещается огромный резервуар с водой. Вокруг него идет светлый коридор, освещенный большими окнами. Прямо под бассейном расположено другое, полутемное, помещение с двумя маленькими слуховыми окнами. Спуститесь отсюда вниз, в первый этаж, и вы попадете в машинное отделение. В среднем полутемном помещении и устроились

мы с приятелем. Ночью здесь можно было спастись от духоты, днем — от ослепительно яркого света, от горячего солнца.

— Когда же, наконец, приемщик с вагоном приедет? — возмутился я. — Ведь всю эту ораву скоро кормить нечем будет, июль подходит, а им и дела нет!

В этом году, используя летние каникулы, мы, студенты, жаждущие пожить среди природы, забрались в глухой уголок Средней Азии и собрали большую партию животных. Они предназначались для Аскании-Нова и зоопарка Москвы.

Сколько труда вложено, а в Москве и Аскании-Нова не торопятся. Не могут понять, наверное, что для корма птиц не хватает рыбы — ведь один рыбак на всю станцию, а издалека в такую жару не привезешь. А тут еще подросшие каравайки и колпики не давали нам ни минуты покоя.

Просторный загон с мелким бассейном, обнесенный высокой камышовой изгородью, стал непригоден для содержания наших питомцев, как только они научились летать. Кто же мог подумать, что нам придется так долго сидеть в Средней Азии! Мы затянули сверху загон рыболовной сетью. Но она была старая и настолько изодранная, что птицы легко вылетали наружу. Правда, ни одна из них не улетела совсем, но, вылетая ранним утром из помещения, они доставляли массу хлопот и не давали нам выспаться.

Два местных поезда ежедневно останавливались на нашей маленькой станции. Как они отличались один от другого! Около полудня приходил поезд с юга. Из раскаленных вагонов с шумом высыпали на платформу пассажиры. Они спешили к водопроводному крану, обливались водой, купали жареных сазанов. Два звонка, шумная посадка, свист и шипение паровоза, и вновь все стихало.

Чуть брезжил ранний летний рассвет, когда к станции подходил поезд с севера. Но какая поразительная тишина. Не слышно суеты, голоса человека. Пассажиры и жители станции, наслаждаясь прохладой, спят крепким утренним сном. Вот два звонка, свист паровоза, поезд двигается с места, и стихает шум уходящих вагонов. Проводив поезд, мимо нашей башни не спеша проходит дежурный по станции. В тишине утра под его подошвами четко скрипит песок.

— Евгений Павлович, Сергей Павлович, — на всю станцию кричит дежурный, — колпики улетели!

Мы вскакивали с постелей и спешили наружу. И за редким исключением это повторялось изо дня в день в течение почти целого месяца.

В одно раннее утро не то по привычке я сам проснулся, не то меня разбудил шум подходящего поезда. Повернуться на другой бок и продолжать прерванный утренний сон было единственным желанием. «Но, наверное, опять колпики улетели, — мелькнуло в моем сознании. — Уж лучше я подожду отхода поезда».

— Товарищ дежурный! Тут у вас на станции живут москвичи? — сквозь непреодолимую дремоту услышал я как будто знакомый голос. «Кто-то приехал к нам», — подумал я, но без привычного оклика дежурного так и не смог оторвать голову от подушки.

— Сергей Павлович, Евгений Павлович, — уже после ухода поезда услышал я голос дежурного и вскочил на ноги. — Вам записка.

Я поспешно оделся, сбежал вниз и открыл наружную дверь. «Передаю вам котенка. А. Желоховцев», — прочел я на клочке бумаги.

— А котенок? — вопросительно взглянул я на дежурного.

— Царапается, сами берите, — подставил тот карман своей форменной куртки.

Мы очень обрадовались подарку Анатолия Николаевича, московского энтомолога, работавшего на саранче. Каждый из нас мечтал увести котенка в Москву, но как нам было поделить одного зверька?

Мы поместили котят на самый верхний этаж, где они могли бегать вокруг резервуара по освещенному дневным светом или лунной широкому коридору. Чтобы котята не одичали, мы посещали их при всяком удобном случае, несколько раз в течение длинного летнего дня.

Однажды я один остался с животными. Мой приятель ранним утром уехал к рыбакам, жившим на берегу большого озера, и обещал возвратиться домой, как только рыбаки наловят для наших питомцев достаточное количество рыбы. С утра я обошел наших животных, размещенных в загонах и примитивных вольерах, разбросанных поблизости от станционных построек.

Накормив рыбой крикливых бакланов, караваек, колпиков и пеликанов, я выпустил из сарая стаю птенцов серого гуся и, закончив кормежку, возвратился в башню. Мне оставалось накормить только котят; им я принес молока и мяса. К удивлению, я не нашел котят на обычном месте.

В отведенном для них помещении мы поставили небольшой ящик, высланный вялой травой и метелками тростника. Пугливые зверьки охотно проводили в нем время. Но сейчас в ящике котят не было. Поставив на окно молоко и мясо, я с тревогой быстро обошел вокруг резервуара, но и там было пусто. Не веря своим глазам, еще несколько раз я повторил обход вокруг резервуара и, наконец, осознав, что котят нет, что они куда-то ушли, стал осматривать окна, пол, стены. Я руками ощупал оконные стекла — они оказались на месте. Нужно ли осматривать пол, стены? Они были крепки, так что через них нельзя проникнуть и совсем маленькому животному — не только котенку. Неужели котята взобрались по гладкой стене и попали в резервуар с водой?!

Невероятно! Но я все же поспешно спустился вниз в машинное отделение, принес оттуда длинную деревянную лестницу и,

подставив ее к резервуару, взобрался до его верхнего края. На дне резервуара сквозь прозрачную воду я увидел выпавшего из гнезда и утонувшего воробья, на поверхности, раскрыв крылья, плавала мертвая летучая мышь, но котят и здесь не было.

«Наверное, без меня в башню приходил механик,— мелькнуло у меня в голове.— Ведь у него есть ключ от входной двери». И я отправился к водокачке, стоявшей на берегу Караузьяка, в полукилometре от станции. Но оказалось, что механик уже три дня не был на станции и понятия не имел, куда могли запропасться котята.

Весь день пошел у меня кувырком, пропал даром. Я с нетерпением ожидал возвращения с озера приятеля. Наконец он вернулся.

— Сергей, ты утром куда-нибудь котят пересаживал? — спросил я его вместо приветствия.

— Нет, конечно,— ответил тот.— Чего ради я буду их пересаживать?

— Ну, значит, все — с утра котята исчезли. Наверное, кто-нибудь открыл дверь от верхнего этажа, и они удрали.— И я подробно рассказал обо всех своих поисках и догадках.

Если удрали, то, значит, надо искать внизу, в машинном отделении. Там есть где спрятаться. Ложась спать в этот вечер, мы решили утром обыскать все помещения башни.

Настало утро. Поднявшись в помещение, где до побега жили котята, мы в первую очередь осмотрели ящик. Как и вчера, он оказался пустым. Отсюда, огибая резервуар, мы разошлись в разные стороны. Как же были велики мои удивление и радость, когда сойдясь с приятелем на противоположной стороне круглого коридора, мы одновременно увидели наших питомцев. Оба котенка были целы и невредимы.

Все объяснилось чрезвычайно просто. Когда я один шел по круглому коридору, чуткие котята уходили от меня по кругу, скрываясь за резервуаром. Поэтому мы никак не могли встретиться.

Один из этих котят жил в моей квартире в Москве на правах домашней кошки.

ВОЛКИ

По понятию большинства людей, волки неразрывно связаны с лесом. Между тем в большинстве случаев волк не лесное

животное. Он может жить в самой разнообразной обстановке: в оврагах среди полей, в балках, в степи и даже в пустыне. Он поселяется повсюду, где широко развито скотоводство, где человек разводит овец и где есть собаки. Вот я и хочу сейчас рассказать о волках, но о волках не нашей средней полосы, а о волках казахстанской пустыни.

Если под Москвой волки немногочисленны и их удается встретить случайно, то совсем не то в Казахстане. В годы зимней бескормицы скота, когда наблюдалась массовая гибель домашних животных, волков там множество. Их знают все от мала до велика и не по рассказам, а по частым с ними встречам.

В тот год, к которому относится мой рассказ, зимой погибло много скота. Наступила весна, зазеленела пустыня, и среди ее просторов, напоминая о недавнем бедствии, здесь и там белели кости, лежали высохшие и почерневшие трупы баранов.

Мы попали в Казахстан ранней весной. Первый большой маршрут, предпринятый по пустыне Кызылкум, оказался наиболее удачным. Местами на глинистых пространствах попадалась вода, сохранившаяся от таяния снега, и это позволяло нам проникнуть в самые отдаленные уголки страны. Но прошел май, наступил жаркий июнь, и положение изменилось к худшему. В пустыне Аральские Каракумы наш маленький караван то и дело терпел неудачи. Казахских аулов встречалось немного. Они стояли у редких колодцев, на расстоянии двух-трех дней пути один от другого. Чтобы попасть к следующему колодцу, надо было до тонкости знать местность.

Нас особенно интересовало одно отдаленное урочище, Мус-Бель. По полученным сведениям, оно изобиловало небольшим, но ценным промысловым зверьком — сусликом-песчаником, которого мы изучали в то время. Однако попытки проникнуть в этот отдаленный уголок пустыни так и не увенчались успехом.

Вот мы наполняем водой укрепленные на верблюдах бочки и, запасшись терпением, пробиваемся к намеченному месту. Проходит день, другой, третий, вода в бочках расходуется, а колодца все нет и нет. Дальнейшее движение вперед становится небезопасным, и мы спешно возвращаемся обратно. Опять расспросы о предстоящей дороге, наполнение бочек водой, и вновь, покачиваясь в такт широкому шагу верблюдов, мы двигаемся по однообразной равнине. Она уходит далеко — на сколько хватает глаз. Нешадно палит солнце, дрожит и струится над степью нагретый воздух. Медленно тянется мучительный день. Сокращая стоянки и отдых, мы идем с раннего утра

до позднего вечера. Когда же, наконец, колодец, долгожданная дневка? А колодца все нет и нет!

Но вот наш проводник Махаш приподнимается на верблюде и прищуренными глазами смотрит вдаль. Невольно мы следуем его примеру. Там, на горизонте, вправо от нас блестит и искрится широкая полоса. Неужели это вода? Но нет, невероятно, на на нашем пути ее быть не может. Или мы сбились с дороги и уклонились в сторону?

Невольно мы придерживаем верблюдов и жадными глазами глядим вперед. Нет, это, по-видимому, блестит солончак — ведь дующий к нам ветер не приносит столь характерного запаха прелой растительности и влаги. «Вода или солончак?» — мучительно работает мысль. И вдруг все приходят к единому выводу — впереди вода, целое озеро. Четко видны очертания берега, мелкие заливчики, поросшие редким тростником; воду рябит ветерок, над ней мелькает белая чайка. Не случайно, значит, Махаш видел вчера волка. Что ему делать в безводной местности! И, круто повернув верблюдов, мы, не ощущая горячего солнца и утомления, бодро идем вперед. Вода тянет нас к себе. Около нее отдых после дней лишений. Но десять минут спустя горизонт опять становится мутным, его застилают струи горячего воздуха, мешая видеть озеро. Еще несколько метров, и мы

разочарованно останавливаем верблюдов. Впереди нас уже нет воды, озера, чаек — это просто мираж.

Опять однообразные переходы без надежды найти воду, колодец. И мы качаемся на верблюдах под палящими лучами солнца. Каждый из нас думает об одном и том же: «Эх, если бы минут на десять тридцатиградусный мороз! А как хочется пить! Только не теплой воды Каракумов, с ее солоноватым привкусом, а настоящей холодной воды, но не из кружки, а из полного ведра, вволю!»

Как-то мы решили остановиться на ночь ранее обычного времени. Тяжелый для перехода песок кончился; впереди лежал огромный, ровный, как стол, такыр. Его разрисованная трещинами почва, кое-где поросшая низкорослой солянкой, под лучами заходящего солнца казалась сизой. И вот перед самой остановкой далеко впереди я увидел какое-то животное. Пока развьючивали верблюдов и разбивали лагерь, я пошел посмотреть, что это такое. По пути попала небольшая низина, где весной, видимо, продолжительное время сохранялась снеговая вода. Почва ее, несмотря на жару, оставалась сырой и поросла высокой и густой травой.

Поравнявшись с этим маленьким оазисом, я в недоумении остановился: неизвестный зверь, издали следивший за моим движением, стал поспешно приближаться.

Расстояние между нами быстро сокращалось, и, наконец, не более как в ста метрах от меня остановился крупный волк. Взрослый волк, и так близко! Я хорошо видел его облысевшую шерсть, длинную морду, торчащие уши. Он вел себя странно и тревожными глазами следил за каждым моим движением. Несколько секунд мы оставались неподвижными. Мне стало все ясно: передо мной была волчица, а в густой траве поблизости от места, где я стоял, несомненно, находилось волчье логово с волчатами. Только присутствие волчат и угрожающая им опасность могли заставить осторожную волчицу подойти ко мне так близко. Мне было интересно найти волчье логово и посмотреть, как будет вести себя волчица, когда один из ее детенышей окажется в руках человека.

И вот я стал тщательно обыскивать заросший травой участок. Когда я шел в сторону от зверя или поворачивался к нему спиной, он несколько приближался ко мне, но достаточно было повернуться лицом к нему и сделать несколько шагов вперед, как он отбегал дальше, садился или ложился на брюхо и, глядя на меня, жалобно выл. Особенно смело вела себя волчица, когда я, не доверяя своим глазам, опускался на четвереньки и ощупью исследовал каждый кустик. В такие минуты она срывалась с места и скачками подбегала ко мне совсем близко. Я хорошо знаю, что волк не нападает на человека, но близость сильного хищника и, главное, наличие волчат заставляли меня быть осторожным. Каждый раз мне становилось как-то не по себе, я поднимался

во весь рост, а волчица поспешно отбегала в сторону. Безуспешные поиски затянулись довольно долго.

Солнце зашло, сгущались сумерки. Мне надоела эта игра. Вдали, у лагеря, мерцал огонек, ужин, наверное, был готов, и меня потянуло к нашему подвижному дому.

Но где же волчата? Ведь я обыскал весь участок, а их и следа нет. Неужели они в другом месте и волчица просто меня дурачила? Но нет, этого быть не может. Как ни хитры волки, но на такие вещи они не способны, да и волчица не вела бы себя так смело.

Через полчаса я уже сидел у костра и рассказывал о том, что видел.

Черная темнота окружала нас, на разостланной кошме было уютно и как-то особенно хорошо.

Напуганная волчица, однако, не ушла от места, где были ее детеныши. Всю ночь она бродила вокруг лагеря. То здесь, то там мы слышали ее жалобный вой.

Серые хищники приносят человеку вред. Питаясь самой разнообразной пищей — от крупных диких копытных (косуль, оленей) до лягушек, волки предпочитают всякой другой добыче домашних животных.

Поймать осторожного суслика не так-то просто. Иногда он совсем близко: кажется, одного прыжка достаточно, чтобы попал в зубы. Бросится на него волк, а проворный зверушка нырнет в нору, и поминай его как звали.

Много легче добыть пищу для многочисленного семейства около человека.

Едете вы по степям Казахстана, и на вашем пути часто попадают табуны лошадей. В жаркую пору дня они отдыхают, но и тогда не теряют своей бдительности. Взрослые кобылицы образуют большой замкнутый круг, и каждая из них стоит головой внутрь и сильными задними ногами наружу. Внутри круга жеребята в безопасности, к ним не рискнет проникнуть серый хищник. Одного удара копытом бывает достаточно, чтобы отбросить волка далеко в сторону.

Когда у волков нет возможности нападать на домашнюю скотину, они ночами проникают в селения, хватают собак и домашнюю птицу.

Однако вернусь к нашему путешествию по степям Казахстана. Не сумев пробиться в урочище Мус-Бель, мы круто повернули к югу. Колодцы стали попадаться чаще, около них стояли большие аулы, по степям бродили стада. Вот тут-то особенно часто мы встречались с волками.

Однажды мы двинулись на верблюдах по высоким пескам, грядами протянувшимся с юга на север. Справа от нашего пути пески круто обрывались вниз и переходили в обширную глинистую котловину. Солнце спустилось к западу, и его косые лучи освещали только вершины песчаных бугров. Ниже, в котловине, уже царил сумрак.

— Смотри,— сказал мне приятель, указывая вперед,— что там за зверь бежит по гребню? Да не один... смотри, вот и второй.

Но пока мы возились с биноклями, доставая их из футляров, неизвестные животные, видимо, спустились ниже и исчезли из виду.

— Наверное, антилопы-сайгаки,— сказал мой спутник.

На этом разговор был прерван непонятным для нас происшествием.

В котловине, метрах в двухстах ниже, вдруг послышался невероятный шум, топот бесчисленных ног, мычание. Пыль клубами поднялась в воздух, застлала землю и не позволяла видеть, что происходило внизу. Затем где-то слева послышалось гиканье. Еще мгновение — и в котловине появился всадник. Он несся диким карьером, кричал, взвизгивал и нагайкой полосовал бока своей лошади. За ним на длинной веревке, по-видимому, привязанной к седлу, быстро катился какой-то непонятный черный предмет, поднимавший за собой полосу пыли. Вскоре всадник исчез в пыльном облаке, а несколько секунд спустя в обратном направлении пронеслась и исчезла за бугром песка крупная черная собака.

Мы растерянно оставались на месте, хотя наше вмешательство, быть может, и было необходимо. Но кому и в чем помогать — этого мы не знали. Появление всадника с катящимся черным предметом позади окончательно сбило нас с толку. Мы продолжали в недоумении оставаться на месте и смотреть в глубину котловины.

Наконец пыль осела, и нашим взорам представилась удивительная картина.

На обширной равнине, поросшей скудной травянистой растительностью, мы увидели рассеянное стадо коров. Одни животные стояли неподвижно, другие с мычанием перебежали с места на место. В центре стояла лошадь; ее спешившийся хозяин совещался о чем-то с мальчуганом, видимо пастушком стада, около лежащей на земле коровы. Всадник тотчас заметил нас, вскочил в седло и галопом приблизился к нашему каравану. Он объяснил, что волки, напав на стадо, покалечили одну из его коров. Он попросил верблюда для перевозки раненого животного и пригласил нас в свою юрту, находившуюся, по его словам, за ближайшими буграми песка.

Мы воспользовались его приглашением и через четверть часа,

развьючив верблюдов и передав одного из них новому знакомому, расположились на кошме около юрты. Пастух рассказал нам подробности нападения волков на стадо.

Вот как это произошло.

Животные, замеченные нами на песчаном гребне и принятые сначала за антилоп-сайгаков, были волки. Они спустились в котловину и стали приближаться к стаду. Почувяв хищников, коровы сбились в тесный круг и, опустив головы к земле, рогами пытались отбить нападение. Первый натиск волков был отражен, и хищники отброшены назад. Но вот один из волков делает огромный прыжок, вскакивает на спину коровы и врывается внутрь живого круга. Страшный хищник позади. Животными овладевает непреодолимый страх, и, вместо того чтобы защищаться, они с мычанием бросаются в сторону, сбивают на землю и топчут ногами друг друга. Наконец, все стадо, поднимая невероятную пыль, несется по степи не зная куда.

Но разве уйти им от быстроногих серых разбойников?

Вот один волк нагоняет скачущее стадо и, пользуясь замешательством, всаживает свои зубы в первое попавшееся животное, повисает на нем и, упираясь лапами, рвет и рвет живое тело, пока от него вместе со шкурой не оторвет огромный кусок мяса. Корова валится на землю, на ее бедре зияет страшная рана.

Крик пастушка, мычание и топот коров всполошили аул. Наскоро оседлав лучшего скакуна, оттуда на выручку мчится пастух. На длинной веревке он тащит собаку. Вот он и у цели, спускает собаку с привязи, а та, получив свободу, стремительно несется к аулу.

Волки благополучно уходят в пески.

Стемнело. Мы перебрались в юрту и уселись вокруг очага ужинать. Где-то далеко, в соседнем ауле, выла собака, вокруг юрты поднялся несмолкаемый гомон сверчков и порой доносились дикие крики ночной птицы. Вскоре к этим обычным ночным звукам казахстанских степей примешались новые — заскрипело седло, послышались мягкие шаги верблюда, его фыркание: вернулся хозяин с коровой. Еще четверть часа, и он, присоединившись к нашей компании, оживленно рассказывал о случившемся. Глаза его горели, он был до крайности возбужден, но, что меня удивило, на его лице не отражалось огорчения. Здесь, в глубине степей, подобные случаи считались нормальным явлением.

ИТ-АЛА-КАЗ

На юге нашей страны обитает своеобразная птица, называемая красной уткой. В отличие от других, настоящих, уток, она держится в степных и пустынных местностях, где вода встречается редко. Небольшого соленого озера или высохшего русла реки с редкими ямами, наполненными горько-соленой водой, бывает достаточно для ее благополучного существования. Движешься,

бывало, маленьким караваном по пустыне и вдруг видишь впереди пару таких уток. С характерным криком они поднимаются с сухого места и, низко пролетев над вами, усядутся на куполообразную крышу древнего глиняного здания. И у каждого человека, впервые увидевшего эту птицу в природе, возникает обычный вопрос: где же гнездится красная утка, когда на всем протяжении до самого горизонта нет ни густых кустарников, ни высокой травы, ни камыша?

Красная утка устраивает гнезда в глубоких трещинах, образовавшихся в степях, в дымоходах зимних казахских жилищ, в ямах и очень часто в покинутых норах лисиц и степных кошек. Нередко она использует один из отнорков обитаемой лисьей норы. Как уживается утка в таком близком соседстве со своим заклятым врагом, лисицей, даже для зоологов еще не вполне ясно.

Во время нашего путешествия по пустыне Кызылкум после долгих безуспешных поисков я, наконец, нашел гнездо красной утки. Оно помещалось в старой казахской могиле, которая представляла собой яму, прикрытую сверху толстыми ветвями и хворостом, и над которой возвышался небольшой холмик. В таких своеобразных могилах вскоре образуются провалы. В них часто проникают змеи, а также пернатые и четвероногие обитатели казахстанских степей. В старых казахских могилах мне приходилось находить степных кошек, барсуков, лисиц, а из птиц — домового сычика и крупную сову — филина. Но особенно часто устраивает гнезда в могилах красная утка.

Когда я заметил, как в провале одной из могил кладбища скрылась самка утки, мне стало ясно, что она там гнездится. Осветив могилу внутри факелом, наскоро сделанным из сухой травы, я увидел сидящую на гнезде птицу. Рядом с черепом давно умершего человека она насиживала свои яйца. Потревоженная ярким пламенем, она издала громкое шипение, напоминающее шипение крупной змеи. Не эти ли шипящие звуки, столь похожие на угрожающее шипение змей, в темноте пугают лисиц и диких кошек и позволяют уткам благополучно выводить потомство?

Наш проводник Махаш считал своей обязанностью знакомить меня с казахскими названиями животных и растений.

— Ак-баур-бульдурук пить пошел, — говорил он как бы между прочим, указывая на стайку пустынных птиц — белобрюхих рябков, с громкими гортанными криками летевших над степью. — Таспатара (черепашье просо), — называл он, протягивая мне кустик сорванного растения. — Таспакан (черепеха) больно кушать любит.

На этот раз Махаш также не забыл взятых им на себя добровольных обязанностей. Рукояткой нагайки он указал на утку и сказал ее название.

«Но что за странное название птицы? — мелькнуло у меня в голове. — Ит-ала-каз — ведь это в буквальном переводе на русский язык значит «собака-пестрый гусь». С чем может быть связано такое название?» Однако Махаш был занят верблюдами,

которые еще не успели освоиться с тяжелой поклажей, состоящей из бочек с водой и вьючных ящиков, наполненных снаряжением, столь необходимым при путешествии по пескам пустыни. Я отложил расспросы до более удобного случая.

Вечером этого дня мы остановились на ночлег в широкой котловине, поросшей саксауловым лесом. Это своеобразное дерево с корявым, твердым, но ломким стволом пускает длинные корни глубоко в почву, извлекая оттуда скудную влагу. Благодаря длинным корням оно может жить в пустыне, где не в состоянии существовать многие другие деревья.

Своеобразная и дикая природа окружала нас. Высокие песчаные холмы выделялись на горизонте, а близ нашей стоянки на ровной глинистой почве, потрескавшейся от солнца, разросся крупный саксауловый лес. Изогнутые деревца с блестящими стволами поднимались поодаль один от другого. Их редкие причудливые ветви, едва прикрытые белесой зеленью, почти не давали тени.

Когда солнце опустилось совсем низко, освещая только вершины высоко взметенных песков, а котловина погрузилась в вечерний сумрак, мы, покончив с ужином, растянулись на широкой кошме у костра, наслаждаясь прохладой и вслушиваясь, как одна за другой затихали поздние песни жаворонков, а им на смену рождались все новые и новые звуки. Над степью поднимался монотонный гомон бесчисленных ночных насекомых, где-то кричала ночная птица. Как бывают дороги такие минуты после целого дня движения под палящими лучами солнца! Спать еще не хотелось, и я попросил Махаша объяснить, почему он так странно назвал сегодня красную утку. После короткого молчания Махаш рассказал легенду об этой птице, которая издавна существовала у казахского народа.

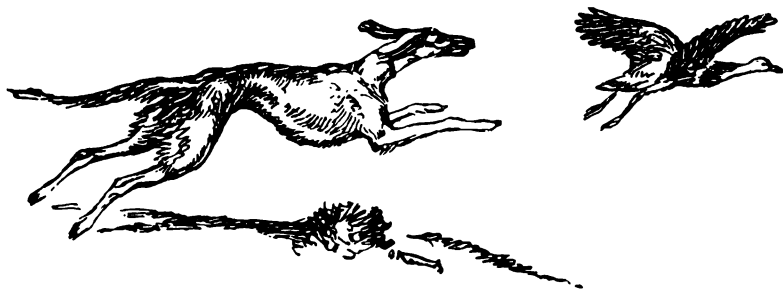
По словам Махаша, это произошло так давно, что никто точно не знает, когда именно; Махаш слышал этот рассказ от отца в детстве, а отцу рассказал его дед. В то далеко время так же широко простирались необъятные казахстанские степи, рос саксаул, ранней весной зеленели травы да по степям бродили стада баранов, табуны лошадей. Порой с монотонным звоном колокольцев пустыню пересекали караваны верблюдов. На высоких горбах они несли товары в Бухару и Хиву.

Уже в то время среди скотоводов-кочевников существовало поверье, что редко-редко, быть может, один раз за несколько сотен лет, в одном из яиц красной утки зарождается не утенок, как в прочих яйцах, а казахская борзая собака — т́азы. Найти такое гнездо считалось большим счастьем, а это счастье, по мнению кочевников, давалось далеко не каждому человеку.

И вот жил тогда со своей семьей один бедный казах. Зимой и летом с раннего утра до поздней ночи он пас в степи баранов, то изнемогая под горячими лучами солнца, то ежась от холодного ветра. Однообразно протекала его жизнь. Но однажды летом волк ворвался в его стадо и утащил одного из лучших баранов. Оставив сына сторожить отару, пастух оседлал лошадь и поехал выследить волчье логово.

Его поиски продолжались весь день до вечера. Зашло солнце, и он, стреножив лошадь и пустив ее пастись, лег у подножия песчаного бугра, укрылся халатом и крепко уснул.

Ранним утром, когда еще степь была окутана предрассветными сумерками и по песку бесшумно скакали земляные зайцы, его разбудил голос какой-то птицы. Открыв глаза, он увидел двух красных

уток. Они низко летели над ним и громкими криками выражали беспокойство. Рядом с местом, где он провел ночь, помещалась разрушенная нора лисицы, а в норе было гнездо утки. Близкое присутствие человека и беспокоило красных уток.

Пастух заглянул в темное отверстие норы, да так и отшатнулся назад. Там, в гнезде, среди только что вылупившихся из яиц утят, покрытых пухом, лежал совсем маленький светло-желтый щенок. Осторожно он вынул из гнезда утки собаку, завернул ее в платок и, наскоро оседлав лошадь, поскакал со своей чудесной находкой к родному аулу.

Семья пастуха окружила щенка заботой и любовью, делилась с ним последним куском мяса, поила теплым молоком, согревала теплом очага. В неге и холе быстро росла собака и вскоре из неуклюжего, толстого щенка превратилась в прекрасную быстроногую тазы.

С этого времени в юрту пастуха рекой потекло счастье. Что бы он ни делал, за что бы ни брался, всюду его ждала удача. В свободное время пастух все чаще выезжал на охоту в степь с собакой и наслаждался неутомимостью своей помощницы. Быстрее ветра носилась она по степным просторам, и от нее не могли уйти ни быстроногая антилопа-джейран, ни песчаный заяц, ни хитрая лисица. Даже быстроногая дрофа-красотка не успевала подняться в воздух. Из лисьих шкур жена пастуха шила шапки, обменивая их на баранов и красивую одежду, а за мясо пойманных антилоп и зайцев получала у соседей молоко, сыр и масло. И стало им жить сытно и весело, с каждым днем все лучше и лучше, а с благополучием появилось много друзей.

В праздники к пастуху нередко съезжались гости, чтобы потешить себя веселой охотой, показать другим свою удаль и умение справляться с полудикой лошадей. Одни из них приводили лучших борзых собак — тазы, другие привозили на кожаной перчатке крупных орлов-беркутов, ястребов. Ловчих птиц они направляли на степную дичь. И тогда над степью разносилось гиканье лихих наездников, столбом поднималась пыль из-под копыт скакунов, порой слышался предсмертный крик затравленного зверя.

Но пастух не участвовал в этих веселых забавах. Он лишь выполнял роль гостеприимного хозяина-хлебосола и веселого собеседника. Ни разу не похвастался своей собакой, ее быстрым бегом и ловкостью на охоте. Он был глубоко уверен, что бахвальство и излишняя гордость не приносят счастье.

Так шли годы. Пастух продолжал жить в довольстве и благополучии. Но не выдержал он и однажды в охотничий праздник вывел свою красавицу собаку и принял участие в веселой забаве. Быстрее ветра носилась его тазы по степным просторам за зверем, далеко позади оставляя лучших собак знаменитых охотников. Все восхищались ею, предлагали за нее небывалые цены, завидовали ее обладателю. Гордостью наполнилось сердце пастуха, а голова его кружилась от счастья. Однако это продолжалось недолго.

Кончился день, прошла ночь, а новый день принес семье пастуха несчастье: заболела собака. Она отказывалась от пищи и неподвижно лежала на кошке в юрте хозяина. Прошло еще несколько дней, а быстроногая тазы лежала на том же месте, не пила и не ела. Однажды в темную осеннюю ночь, когда над степью свистел и завывал ветер, она с трудом поднялась с кошмы, лизнула языком лицо хозяина и вышла наружу. С того момента собака исчезла из жизни пастуха-охотника.

Пришла суровая, снежная зима и принесла свои беды. Много домашних животных погибло от зимней бескормицы — джута. Разорился и наш пастух, вновь став таким же бедным, как в далекие прежние годы.

Когда Махаш закончил рассказ, была уже темная ночь. Костер догорал, пахло горькой полынью, да порой степной ветер едва покачивал высокие стебли пожелтевших весенних трав.

Я забрался в палатку, лег на кошку, но долго не мог уснуть. Меня занимала мысль о том, что у каждого народа есть свои поверья. Вследствие их одни животные, как, например, сычик, будучи полезными, подвергаются гонению со стороны человека, другие, напротив, находятся под его покровительством. Белый аист строит свои гнезда на крышах жилых построек, его охраняют. Этим он будто бы приносит счастье хозяину. Но ведь его польза значительно меньше пользы домового сычика, уничтожающего огромное количество грызунов-вредителей. В Казахстане высоко ценят желчь лебедя. Из нее изготавливают «целебные средства», будто бы помогающие от всех болезней. Однако казах-охотник не решится застрелить лебедя. По его понятиям, это может навлечь несчастье. По тем же причинам не трогают здесь и красную утку, и, пользуясь этим, она благополучно живет близ аулов и мало боится человека.

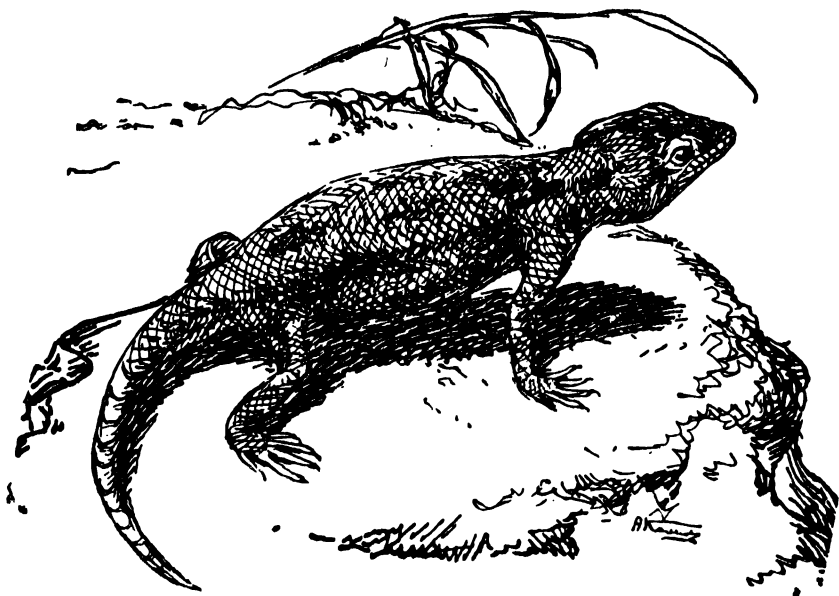
ЗООЛОГИЧЕСКИЕ ПРОМАХИ

В этот вечер я один остался в лагере. Мой приятель Сергей, закинув за спину большой рюкзак и вооружившись лопаткой,

отправился расставлять капканы на грызунов, а проводник Махаш сел на верблюда и поехал в ближайшие саксаульники, чтобы привезти дрова на ночь. Не спеша я поставил палатку, приготовил все для ужина и ночлега, а когда хозяйственные дела были закончены, растянулся на прогретом солнцем песке. Хорошо бывает вечером в пустыне! За день так устаешь от горячего солнца, от ослепительного света, что как-то особенно ценишь эти минуты. Огненный шар на ваших глазах скрывается за горизонтом, и земля погружается в ранние сумерки с их своеобразной жизнью, едва уловимыми шорохами, запахом.

Но на этот раз мне не пришлось воспользоваться минутой отдыха. Только я улегся, как под меня шмыгнуло какое-то маленькое животное. Сумерки и быстрое движение не дали возможности рассмотреть, что это такое. Вдруг ядовитая змея — шитомордник? Я вскочил на ноги. Животное, нарушившее отдых, оказалось ящерицей, какую я еще никогда не видел. Сравнительно небольших размеров, толстая и короткая, на высоких слабых ножках, она поразила меня формой тела, несоразмерно большими головой и глазами и яркой окраской. Я знаю, что у нас не водятся ядовитые ящерицы, но та, с которой я столкнулся, была так мало похожа на обычных ящериц, что я не решался ловить ее голыми руками. Наскоро обмотав платком руку и схватив странное четвероногое, я посадил его в маленький мешочек.

«Что бы это могло быть?» — ломал я голову. Я плохо знал змей и ящериц — это не моя специальность, но все же я должен был слышать о столь странном животном. Желание отдохнуть как рукой сняло. С большим нетерпением ожидал я возвращения приятеля.

— Знаешь, Сергей, я поймал какую-то странную ящерицу, — такими словами я встретил приятеля, как только он появился в лагере. — Наверное, это новый, еще не описанный вид.

Сергей покачал головой.

— В наше время новый, неописанный вид найти очень трудно — все уже давно описано.

— Да ты не забывай, что мы находимся не в средней полосе, истоптанной вдоль и поперек учеными. Здесь, в глубине пустыни, самые неожиданные вещи найти можно.

Но приятель недоверчиво относился к моим уверениям, и это меня раздражало.

— Так, значит, я поймал обычную ящерицу, и она мне только показалась особенной?

С этими словами я достал мешочек, осторожно извлек из него пойманное животное и при свете костра торжественно показал ему только одну голову.

Я не напрасно ожидал эффекта. Глаза Сергея удивленно расширились. Он уже с большим интересом и внимательно рассматривал голову, а затем и всю ящерицу.

— Какое странное существо, — проронил он. — Пожалуй, это будет не только новый вид, но и род новый. Ее сейчас же нужно в спирт посадить.

Я решительно запротестовал.

— Сергей, я хочу привезти ящерицу живой в Москву — ведь и по живому экземпляру можно сделать описание. Оно только выиграет, если его дополнить хотя бы самыми краткими сведениями по биологии.

— А если она убежит или издохнет, что тогда будешь делать? — резонно спросил он.

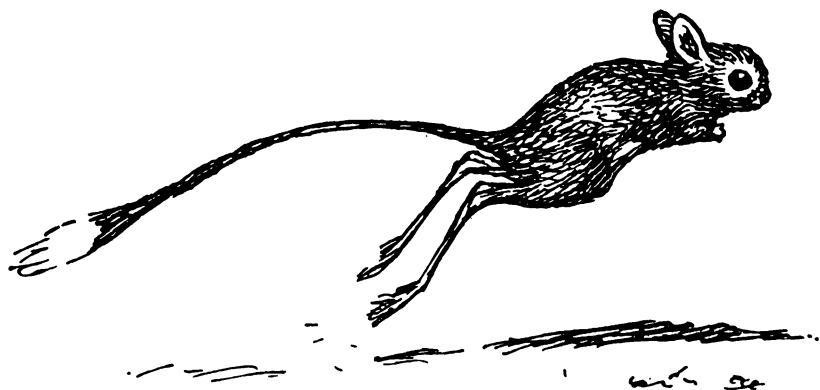
— Не убежит и не издохнет. Ящерица будет привезена в Москву в целости и сохранности.

На этом наш спор кончился. Неизвестная ящерица требовала постоянной заботы. Я не мог засунуть мешочек с ней во вьючные ящики, где ящерица могла быть легко раздавлена вещами или задохнуться (ведь ящики сильно нагревались на солнце). Не решался я поручить мешочек и проводнику — вдруг он его потеряет. «Нет, — решил я, — уж лучше буду носить его при себе и постоянно следить за состоянием ящерицы».

С утра я привязывал мешочек к петлице куртки. Когда же наступала ночь, мешочек подвешивал в палатке над своей головой. Одним словом, в моей жизни появилась настоящая «писаная торба», с которой я носился в течение всего маршрута по пустыне, до возвращения в город Казалинск. Но вскоре ящерица отошла на второй план.

Нас крайне заинтересовали своеобразные степные зверьки — тушканчики. В отличие от других грызунов по внешнему облику они похожи на маленьких кенгуру. Их передние ноги совсем короткие, задние, напротив, несоразмерно велики, длинный хвост украшен на конце так называемым знаменем — своеобразной

плоской кисточкой. Как и кенгуру, тушканчики при быстром беге пользуются только задними ногами. Они делают большие прыжки и поддерживают равновесие длинным, опушенным на конце хвостом.

В казахстанских степях в некоторые годы тушканчиков бывает великое множество. Они представлены здесь различными видами, каждый из которых поселяется только в характерной для него местности.

Вот эти зверьки и поглотили наше внимание. Пересекая на верблюдах то пески, то солончаки и глинистые степи, мы сталкивались со все новыми и новыми видами, и наша коллекция тушканчиков с каждым днем возрастала.

Бывало, ранним утром, как только откроешь глаза, спешишь на ближайшие песчаные холмы — они высоко поднимаются над ровной степью. Хорошо здесь в тихое утро, прохладно. Косые лучи восходящего солнца не жгут вас, как в дневную пору. За ночь на песке животные оставили бесчисленные следы своей ночной деятельности, и мы, как настоящие следопыты, разбираемся в их лабиринте, читаем по ним то, что здесь произошло ночью.

Вот на склоне бархана, резко выделяясь, виднеется кучка сырого песка. Это трехпалый тушканчик выкопал себе дневное убежище. Из глубины почвы он выбросил сырой песок и забил им входное отверстие. Теперь в его норку не проникнут враги.

Когда солнце поднимется выше и горячими лучами высушит сырой песок, найти норку тушканчика можно будет только случайно. Но сейчас сырой песок безошибочно указывает место пребывания зверька, и мы приступаем к раскопке. Мы спешим. Нам дорога каждая минута, хочется раскопать норку как можно больше, а солнце поднимается все выше, его лучи становятся жгучими. Тепло и слабый утренний ветер постепенно стирают следы. Усталые, мы возвращаемся в лагерь, где нас ждет утренний завтрак.

Жаркий день проходит в непрерывных хлопотах, связанных с переходом на верблюдах в другие места. Но вечер — самое

благоприятное время для сбора тушканчиков, и каждый из нас ждет его с большим нетерпением.

Наконец наступают и долгожданные сумерки. Вооружившись двустволками и наполнив карманы патронами, мы вновь отправляемся за тушканчиками. Неподвижно оставаясь на одном месте, мы чутко прислушиваемся к шорохам, зорко всматриваемся в серую степную почву.

Вот в вечерней тиши зашелестели листья высохшего растения, на мгновение мелькнул в полумраке белый кончик хвоста тушканчика и тотчас исчез. Сколько терпения, напряжения и ловкости требуется от человека, чтобы добыть несколько проворных ночных зверьков! Охота обычно затягивается до полной темноты, когда уже и белая кисть хвоста не выдает его обладателя.

Но на этом еще не кончается наша работа. При ярком свете костра мы тщательно осматриваем добычу, измеряем зверьков, снимаем с них шкурки и делимся впечатлениями. И так изо дня в день в интересной работе незаметно течет время.

Но вот проходит намеченный срок, выючные ящики заполняются собранными коллекциями, пора выбираться из пустыни к железнодорожной линии. Останавливаясь на самое непродолжительное время для отдыха, мы молчаливо двигаемся на верблюдах с раннего утра до позднего вечера. И только во второй половине дня, когда невыносимая жара несколько спадет, мы оживаем, у нас появляется желание перекинуться фразами.

— Кстати, Сергей, как мы назовем ящерицу?

— Конечно, именем нашего общего учителя,— отвечает он.

— А ведь, наверное, Сергей, пески скоро кончатся, ты чувствуешь, водой пахнет?

Действительно, слабый ветерок приносит запахи, столь же свойственные сухой пустыне. За десятки километров мы ощущаем наличие большого озера, запах прелого тростника и влагу.

Вот мы и в Казалинске. После кратковременной передышки первое, что я сделал, это достал книжку, в которой были даны описания змей и ящериц. Как же велико было мое разочарование, когда я увидел рисунок той самой ящерицы, которую в течение последнего месяца постоянно носил при себе в мешочке. «Сцинковый гекон»,— прочел я под рисунком и далее нашел краткое описание биологии животного. Оказывается, эта ящерица обитает в слабо закрепленных и барханных песках и реже — на глинистых участках пустыни. Она ведет ночной образ жизни, скрываясь при наступлении дня в вырытых ею норках. Питается этот гекон, как и большинство ящериц, насекомыми и их личинками. Трением чешуй хвоста он издает слабые шуршащие звуки.

— Вот тебе и новый вид,— смеясь, сказал приятель.— Я же говорил, что все виды у нас давно описаны — найти что-нибудь совсем новое почти невозможно.

Конечно, в тот момент я не мог ничего возражать и, закусив губы, предпочел промолчать.

Но есть прекрасная поговорка: «Хорошо смеется тот, кто смеется последним». Дело в том, что в течение полутора месяцев мы возили в наших вьючных ящиках двух совершенно новых и не описанных до того тушканчиков. Мы даже не предполагали о их зоологической ценности.

САКСАУЛОЧКА

Птица, о которой я сейчас расскажу, у нас называется саксаульная сойка. Кум-саускан — зовут ее казахи, что в буквальном переводе на русский язык означает «песчаная сорока». И действительно, пестрым оперением, бойким нравом и своими повадками саксаульная сойка напоминает нашу сороку. Но есть у нее и другое меткое название, связанное с ее быстрым бегом. Джурга-тургай — часто называют ее те же казахи, и означает это «воробей-иноходец».

Интересная, веселая эта птица. Немногие знакомы с ней, так как живет она в глубине песчаных пустынь Средней Азии и не так уж часто попадает на глаза человеку.

В коллекциях наших центральных музеев шкурки саксаульных соек не представляют очень большой редкости. Ведь столкнувшись с малоизвестной, бросающейся в глаза птицей, не только зоолог, но и любитель природы старается добыть и сохранить шкурку диковины. И, напротив, живая саксаульная сойка — величайшая редкость. Какой зоопарк, какой любитель птиц может похвалиться тем, что в его вольерах когда-нибудь обитал воробей-иноходец?

Если бы знал читатель, как мне хотелось посмотреть саксаульную сойку на воле, собрать ее шкурки, достать хоть один живой экземпляр, чтобы ближе познакомиться с ее нравом! Прошло много времени, пока мое желание исполнилось.

В одну из весен я рано приехал на Сырдарью и, как обычно, поселившись в поселке Джулек, предпринимал отсюда поездки в различных направлениях. Только в пустыню Кызылкум никак не удавалось попасть.

Громадные пески, загадочные и страшные своим безводием и однообразием, начинались за полосой тугайных зарослей на левобережье реки и на сотни километров уходили на юго-запад. В Кызылкумах, не так уж далеко от Джулека, и обитали саксаульные сойки. Но прошла первая половина мая, дни стали нестерпимо жаркими, а я со дня на день откладывал поездку.

— Знаете,— сказал мне однажды один из моих джулекских знакомых,— вам сейчас очень легко в Кызылкумы пробраться — попутчик есть. У колодца Бил-Кудук в этом году стоят скотоводы. Сигизбай сказал, что сегодня оттуда «бала» какой-то на ишаке за сахаром приехал. Кажется, он завтра назад поедет, так что не упускайте случая.

Я поспешил к джулекскому базарчику и беглым взглядом окинул приезжих.

— Вон, вон бала,— указал продавец из мясной лавки на группу людей, топтавшихся около коновязи. Я подошел ближе. «Кто же из них бил-кудукский?» — с некоторым удивлением осмотрел я казахов. Ведь, в моем представлении, бала должен быть маленьким мальчуганом, в крайнем случае подростком, а здесь я видел взрослых людей.

— Где тут бала из Бил-Кудука? — спросил я здоровенного парня, стоящего около маленького ослика.

— Моя, моя бала,— ткнул он себя в грудь пальцем и улыбнулся во весь рот.

«Вот так бала», — подумал я. Пять минут спустя здоровенный бала по имени Дусен пил у меня чай и охотно отвечал на мои бесчисленные вопросы о Бил-Кудуке, о песках, о населяющих их птицах.

Я на лошади, Дусен — на маленьком ослике на следующий день выехали из Джулека и, переправившись на пароме через Сырдарью, стали углубляться в пустыню. Не скажу, чтоб переезд до колодца Бил-Кудук, расположенного в 68 километрах от Джулека, доставил мне большое удовольствие. На горьком опыте я постиг, что при длительном путешествии нельзя садиться на лошадь, если твой спутник едет на ослике. Осел Дусена, несмотря на значительный вес хозяина, с такой быстротой семенял ногами по песчаным тропинкам, что моя лошадь не могла поспеть за ним, двигаясь шагом. Когда же я заставлял ее бежать нормальной рысью, она быстро оставляла осла далеко позади. Видимо, из солидарности к своему длинноухому собрату она не хотела ни отставать, ни обгонять осла и предпочитала бежать с ним рядом. Однако при этом замедленная рысца лошади превращалась в такую невыносимую тряску, что езда становилась настоящим мучением.

— Джаман ад (плохая лошадь), — сказал я, едва слезая на следующий день у колодца Бил-Кудук. Дусен с завистью посмотрел на моего замечательного рысака.

— Ад джаксы — джуль джаман, алес (лошадь хорошая — дорога плохая, далеко), — сказал он.

Колодец Бил-Кудук расположен у самой границы огромных голых песков — урмэ. И если между Джулеком и Бил-Кудуком тянутся крупные бугристые и грядные пески, поросшие редкой растительностью почти до самых вершин, то на вершинах песков урмэ растительность совсем отсутствует. Поднимитесь возможно выше и взгляните на пески урмэ издали. Под ослепительно яркими лучами солнца вашим глазам представится бурное песчаное море с гигантскими песчаными волнами. И кажется, высоко взметенным пескам нет конца-края, а среди них нет никакой жизни. Но это только так кажется издали. В глубоких котловинах, скрытых среди песков, жизнь идет своим чередом. Растет старый саксаул, широко раскинув в стороны корявые ветви; как молодой пирамидальный тополек, поднимается стройное деревцо песчаной акации. По нагретому песку бегают мелкие ящерицы, песчаные круглоголовки, чирикает саксаульный воробей, звонко поют пустынная славка и саксаульная сойка, беспрерывно свистят своеобразные зверьки — песчанки.

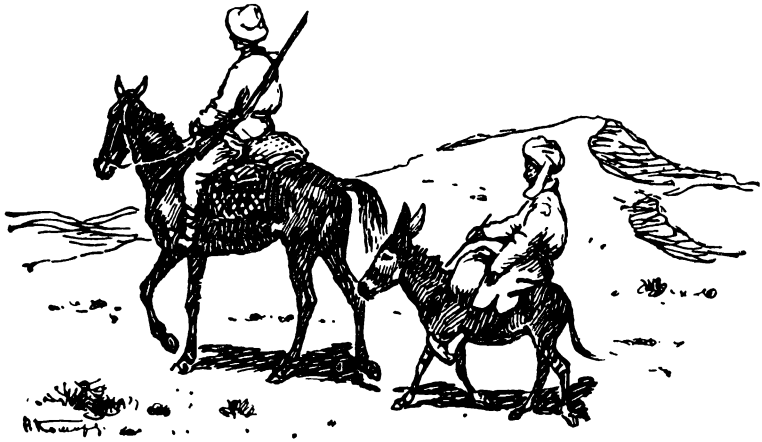
Но какая жара здесь в летнее время! Как только вы спускаетесь в котловину, вас обдаёт горячим воздухом, как из раскаленной печи. И все же вас потянет сюда, и вы не останетесь на мертвых песчаных холмах, где каждый порыв ветра бросает вам в лицо удушливый мелкий песок. Здесь же, в глубокой котловине, знойное затишье, уют и жизнь, а под тонким поверхностным слоем почвы — сырой, почти мокрый песок. В такой-то необычной обстановке в этих частях пустыни Кызылкум и обитает в изобилии замечательная птица пустыни — саксаульная сойка.

Путешествовать одному по незнакомым пескам пустыни по меньшей мере небезопасно. Каждую секунду вы рискуете запутаться среди страшного однообразия глубоких котловин и высоко взметенных барханов, и выбраться отсюда к маленькому, затерянному среди пустыни аулу не так просто, как нам часто кажется.

В связи с этим я договорился с Дусеном, чтобы он сопровождал меня во время моих походов, пока я не познакомлюсь с новой местностью. Конечно, я с большим удовольствием нанял бы опытного проводника — старика казаха, но здесь Дусен был единственным достаточно свободным человеком.

— Знаешь, Дусен,— обратился я к своему помощнику, когда мы однажды отправились с ним на охоту.— Птиц для шкурок я сам настреляю, и твоя помощь не нужна в этом деле. Но если ты мне поможешь поймать хотя бы одну живую саксаульную сойку, ты окажешь этим большую услугу. Как только живая сойка попадет в мои руки, я сделаю тебе интересный подарок.— Я имел в виду захваченную с собой банку с конфетами-леденцами и пачку прекрасного чая. Я хорошо знал, что все сладкое для Дусена, как и для большинства подростков,— большое лакомство.

— Согласен помочь мне? — спросил я его. Дусен радостно закивал головой в знак согласия.— Только помни, Дусен,—

пояснил я,— тресен тургай керек (живую птицу нужно), понял? — Белем (понял),— кивнул головой парень.

Саксаульная сойка не боится человека только там, где ее не трогают. Но если ее начинают преследовать или хотя бы обращать на нее внимание, сообразительная птица сразу становится недоверчивой и осторожной.

«Чир-чир-чире»,— услышал я мелодичную звонкую трель, как только мы спустились в одну из ближайших котловин. В тот же момент я увидел и птицу. Она быстро поднялась над деревьями саксаула, затем высоко закинула назад крылья и каким-то особенно красивым полетом спланировала на землю. В ответ на призывный крик в нескольких шагах откликнулись другие птицы; их звучные голоса так и напоминали звон серебряных колокольчиков. При виде обилия соек я решил не спешить с охотой. Настрелять их всегда успею, сейчас же я хотел познакомиться с птицами в их родной обстановке. Я пошел к кусту, за которым скрылась одна из соек.

Когда до сойки осталось не более двух метров, она ловко выскользнула на песок, сделала три-четыре больших прыжка, помогая при этом взмахами крыльев, а затем, высоко подняв голову и выпятив грудь, с замечательной быстротой «укатилась» за ближайший куст саксаула. Повторив свой прием несколько раз и каждый раз меняя направление, птица, наконец, далеко отлетела от беспокойного места. Закинув ружье за плечи, около часа следовал я за перебегающими саксаульными сойками, а сзади меня, недоумевающий и недовольный, плелся Дусен. Ему было непонятно мое странное поведение. Когда же, наконец, я застрелил одну из саксаульных соек и она забилась на песке, Дусе, схватил ее и, повторяя: «тресен, тресен (живая, живая)», поспешно сунул бьющуюся птицу мне в руки.

— Нет,— протянул я,— мне нужна такая живая птица, которую я смог бы живой увести в Джулек, а потом в Москву, а эта, как видишь, уже перестала двигаться.

Мои слова повергли Дусена в уныние. Видимо, вся канитель с сойками ему надоела, и он мечтал уже вернуться к своей обычной, спокойной жизни.

Заряд дроби второго выстрела случайно выбил все маховые перья крыла другой саксаульной сойки. Птица была невредима, но полностью утратила способность летать. Положив на землю ружье и сбросив с себя все лишние вещи, я кинулся ловить саксаульную сойку-подранка. Однако она с такой быстротой перебежала открытые участки песка и так умело использовала каждый куст саксаула, что мои попытки оставались тщетными. Я понял, что поймать этого иноходца одному человеку почти невозможно. Правда, со мной был Дусен. Но вместо того чтобы помочь мне в ловле саксаульной сойки, он пытался догнать меня. Оказывается, ему было необходимо теперь же выяснить — живая ли эта, по моим понятиям, птица.

— Я, я — тресен (да, да — живая), — закивал я головой, когда, наконец, понял, что от меня нужно Дусену, и тогда мы уже вдвоем бросились ловить птицу.

Но как же ее было трудно поймать! Через полчаса мы были совершенно измучены преследованием. Пытаясь схватить птицу среди ветвей саксаула и падая на землю, мы покрылись ссадинами, мой высохший язык в буквальном смысле прилипал к гортани. Ведь в раскаленной атмосфере котловины и так было трудно дышать, мы же как угорелые носились за сойкой. Правда, и перепуганная сойка, видимо, сильно устала. Она все реже решалась перебежать открытые участки и предпочитала вертеться среди густых ветвей саксаула.

Вот утомленная птица прячется под наклонившийся ствол дерева и неподвижно сидит с широко открытым ртом. Пользуясь этим, я подползаю к ней из-за дерева. Вот она совсем близко, и я судорожно схватываю рукой... увы, пустое место. Еще минут десять напряженной гонки, и вдруг — о неожиданная удача, о радость! На наших глазах сойка забегает под нависшую ветвь саксаула и прячется в полуразрушенную норку грызуна-песчанки. Я с одной стороны, Дусен — с другой замерли на месте и напряженно ждем, когда вся птица скроется, чтобы, прикрыв нору рукой, отрезать ей выход наружу... Кажется, пора, и я бросаюсь вперед. Но, к несчастью, мой спутник делает то же самое. Сильный удар головы Дусена по моему глазу отбрасывает меня в сторону. С трудом поднимаюсь на ноги и зажимаю рукой ушибленное место... «Шы...шы...» — кажется мне, дышит мой подбитый глаз, заплывая опухолью.

— Ой-бай, ой-бай, — сокрушается Дусен, сунув мне в руки медную пряжку от своего пояса.

— Да не надо мне ничего! Сойка где? Сойку смотри! — кричу я ему.

— Какой сойку, — недоумевает Дусен.

— Да сойку, сойку, — ну, кум-саускан, — понял, что ли? Где кум-саускан?

— А, кум-саускан — белем, белем (понял, понял), — радуется Дусен. — Кум-саускан нету. Кум-саускан кеткен (убежал).

— Куда убежала? — кричу я.

— Белмей кайда кеткен (не знаю, куда убежала) — нету кум-саускан, — оправдывается Дусен.

Одним словом, расторопная птичка воспользовалась нашим замешательством и благополучно удрала от двуногих неудачников.

«Нет, — решил я после этого случая, — не надо мне таких помощников. Сам я лучше справлюсь со своей задачей».

Утренний полумрак царил в песках, когда на следующий день я проснулся и выбрался из полога. В трех юртах, стоящих поодаль, все еще спали крепким сном; спал и Дусен. Прохлада и тишина стояли кругом. Лишь изредка позвякивал медный колокольчик на шее лежащего у юрты верблюда, и из соседних песков доносился крик пустынного сычика. Я не спеша поднялся на ближайший песчаный холм, прошел с полкилометра вдоль его гребня и спустился в одну из больших котловин, поросшую крупным саксауловым лесом. Я решил найти гнезда саксаульных соек и взять птенцов. За короткое время мне удалось отыскать три гездышка. Одно из них помещалось на боковой ветви саксаула, два других — среди спутанных зимними ветрами ветвей песчаной акации.

Все гнезда были похожи на гнезда нашей сороки, отличались от них лишь меньшими размерами. Но мне не везло. Только в одном гнезде я нашел птенчиков, однако таких маленьких и беспомощных, что нечего было и думать довести их живыми не только до Москвы, но и до поселка Джулек. Неужели придется отказаться от добычи живой саксаульной сойки и ехать в Москву с пустыми руками! Попаду ли я еще раз в Кызылкумы и представится ли еще такой удобный случай? Нет, многого я не желаю, но одну живую сойку необходимо достать теперь

же. И я стал тщательно осматривать деревья в надежде найти гнездо с более крупными птенцами.

Взрослые сойки несколько раз попадались, пока я исследовал котловину; в одном месте я встретил даже целый выводок, птенцы которого уже умели летать.

Сегодня я не гонялся, как вчера, за ними с ружьем, и они вели себя много доверчивее. Видимо, появление человека интересовало птиц, и, когда я оставлял следы на песке, сойки тщательно осматривали этот участок.

«Не попытаться ли поймать сойку волосяной петлей?» — мелькнула у меня в голове мысль. Волосяные петли во время поездок я всегда носил с собой. Усевшись на песок, из-под подкладки фуражки я извлек пару петель, затем раскопал песок до сырого слоя и здесь установил ловушки.

Сырое пятно песка было заметно издали и, конечно, должно привлечь внимание любопытных птиц. Для приманки я бросил несколько мелких кусочков хлеба.

Много времени прошло с момента установки ловушки. Солнце поднималось все выше и выше и жгло землю. Под его горячими лучами давно высох сырой песок, а желанная добыча не шла в руки. Я уже хотел отказаться от своей затеи, как громкая знакомая трель птицы дала знать, что мои труды не пропали даром. Несколько секунд спустя я уже держал в руках великолепную живую саксаульную сойку.

— Тамыр, тамыр (товарищ), — услышал я человеческий голос и в тот же момент увидел Дусена. Размахивая руками, он рысью ехал ко мне на верблюде. Его послали искать русского, который мог заблудиться в песках.

Соскочив на песок и опустившись на колени, он из кожного мешка-бурдюка налил огромную деревянную чашку кислого молока — айрана — и передал ее мне. И пока я с жадностью тянул из чашки напиток. Дусен по-детски радовался, что доставил мне удовольствие.

Настало время возвращаться в Джулек. «Не лучше ли будет использовать для переезда ночное время,— думал я,— все-таки легче покажется дорога». И вот я решил выехать с вечера и без остановки ехать, пока солнце не поднимется высоко.

В 28 километрах от Бил-Кудука лежало урочище Алабье; до него и обещал проводить меня Дусен. Далее я уже не боялся сбиться с пути, так как до самого переезда через Сырдарью отсюда шла проторенная тропинка. Но обстоятельства помешали осуществить эти намерения.

Восточное гостеприимство не позволяло моим радушным хозяевам отпустить гостя в дальний путь без прощального угощения чаем. Оно затянулось надолго.

— Пора выезжать, нельзя время тратить — ведь до Джулека далеко,— пытался я убедить хозяина.

Но Дусен только улыбался, показывая свои ровные белые зубы, и подливал мне совсем крошечную порцию едва подбеленного молоком крепкого чая.

— Ай киреды, кибит барасен (месяц взойдет, домой пойдем), — убеждал он меня, вновь наливая чай в мою кисайку.

— Нет, дорогой Дусен,— возразил я решительно.— Довольно и того, что мы дождались, когда солнце зашло, а когда месяц взойдет, ждать не будем, сейчас поедем.

Однако пока Дусен отыскивал осла, потом куда-то запропастившуюся подпругу и пока подвязывал бурдюк с айраном и, наконец, уселся в седло, действительно вошел месяц. Огромный и золотой, он поднялся над горизонтом и фантастическим светом залил причудливые пески Кызылкумов.

Хорошо ехать в лунную ночь верхом по пустыне. Бодро идет вперед ваша лошадь, не жжет, не ослепляет горячее, яркое солнце. И кажется, целые сутки можно не слезать с седла. Зато как трудно ехать по раскаленной пустыне в дневную жару. Блестит песок, над ним струится горячий воздух, ослепляют яркие лучи солнца, и от непрерывного напряжения мышц лица вы вскоре чувствуете сильное утомление.

Вот почему мне и хотелось использовать для переезда большую часть прохладного времени суток. Но это не удалось осуществить, и, когда я в Алабье простился с Дусеном, пустыня уже была окутана предрассветными сумерками.

Около полудня я слез с седла и расположился под развесистым саксаулом, ветви которого могли хоть отчасти укрыть от жгучих лучей солнца. Однако об отдыхе нечего было и думать. Множество крупных клещей обитало в этой части пустыни. С моим появлением они оживленно забегали по песку, в буквальном смысле слова преследуя меня по пятам. Чем дальше я оставался на одном месте, тем больше клещей собиралось около меня; избавиться от них, предотвратить их смелый и настойчивый натиск было почти невозможно. Вновь я взобрался на лошадь и под горячим солнцем шагом пустился в далекий путь.

В Джулеке своей пленнице я отвел большую светлую комнату. Целый день я затратил, чтобы превратить ее в уголок пустыни. В центре комнаты вкопал большой, развесистый саксаул, по сторонам от него разместил несколько кустиков песчаной осоки. Основным же материалом для декорации послужил песок; на его доставку и ушла большая часть времени.

Им я засыпал основание ствола саксаула и неравномерным толстым слоем покрыл весь пол. Когда все было закончено, я из полутемной клетки выпустил в новое помещение «саксаулочку». «Чир-чир-чире»,— услышал я звонкую трель, как только выпорхнувшая из клетки птица коснулась усыпанного песком пола. Видимо, мои труды и старания не пропали напрасно. Созданные условия если и не могли полностью заменить птичке свободу, то, во всяком случае, несколько напоминали ей родину и скрашивали неволю.

Прильнув глазом к замочной скважине, иной раз часами наблюдал я за саксаулочкой. Вот она оживленно бегаёт по комнате и, раскапывая клювом песок, отыскивает в нем что-нибудь съедобное. Но вот птичка замерла на месте и, наклонив голову набок, пристально смотрит куда-то вверх. Еще мгновение и, стремительно взлетев в воздух, она схватывает со стены или потолка то длинноногого паука, то крупную муху: «Чир-чир-чире, чир-чир-чире»,— звенит на весь дом ее звонкий торжествующий голосок. Чудная птичка. Умная, доверчивая и в то же время очень осторожная — своим поведением птичка завоевала всеобщую симпатию.

Никогда не забуду, как вела себя саксаульная сойка в самом начале жизни в неволе. На четвертый день, после того как моя питомица была устроена, я вошел в комнату, держа в руках маленькую живую ящерицу. Заметив это, птичка порывисто взлетела в воздух и вырвала из моих рук свою любимую пищу. Это было сделано с такой быстротой, ловкостью и так неожиданно, что я, несомненно, лишился бы ящерицы, если бы даже не собирался отдать ее саксаулочке.

Меня поразил смелый поступок птички, тем более что при других обстоятельствах она вела себя очень осторожно. Когда я, например, приводил в порядок ее помещение и ходил по комнате, сойка не билась в окно, не пугалась, как другие птицы, но всегда держалась таким образом, что между мной и ею на всякий случай находился защитный куст саксаула. Такая излишняя предосторожность пленницы в дальнейшем не позволила сделать с нее ни одного хорошего снимка.

Мелких ящериц и жуков саксаулочка предпочитала другой пище и, когда наедалась досьта, умело прятала остатки в песок и среди валежника. Когда же я находил и вскрывал ее кладовые, она суетливо перетаскивала запасы в другое, более надежное, место.

В комнате, где жила саксаулочка, временами появлялись и другие животные. Как-то на одно из окон я поставил большую

стеклянную банку с завязанным марлей верхом. В банке сидело несколько змей. В углу комнаты в клетке я посадил недавно приобретенного хищного зверька — хорька-перевязку.

Однажды, проснувшись утром, я услышал знакомый звучный голос сойки. Но на этот раз голосок птички звучал так долго и так настойчиво, что я поспешно вскочил на ноги и отворил дверь в соседнюю комнату, где жила моя питомица. Несомненно, что там происходило что-то неладное.

Что же я увидел? Издавая громкую трель, по песку с места на место возбужденно перебежала сойка. Птичка то приседала, чтобы заглянуть под куст саксаула, то взлетала на его вершину и заглядывала в куст сверху.

Несомненно, под ним было что-то живое. На всякий случай я захватил ружейный шомпол и осторожно заглянул под вкопанный куст. Там, свернувшись в клубок и несколько приподняв голову, лежала крупная ядовитая змея. «Откуда», — соображал я и невольно перевел взгляд на окно. Банки со змеями на окне не было.

Наполовину разбитая и пустая, она валялась на полу под окном. Кто же это мог ее сбросить на пол — не сойка же? Мой взгляд упал на клетку с хорьком-перевязкой. В металлической сетке ее темнело большое отверстие. Где же остальные змеи, где же натворивший бед хорек-перевязка? И змеи и хорек благополучно ушли под пол, воспользовавшись норками мышей и других грызунов, во множестве обитавших в этом доме.

Но ни хорьку-перевязке, ни одной из сбежавших змей не удалось уйти из-под дома. Я закрыл все отдушины подполья, и запертые беглецы, привлеченные светом, время от времени появлялись в комнате. В конце концов все они вновь попали мне в руки. Ведь в лице саксаулочки у меня был умный и чуткий союзник. При появлении непрошеного гостя в комнате она оповещала меня об этом громким настойчивым криком.

Чудная, веселая и умная была птичка моя саксаулочка. Кажется, никогда бы я не расстался с ней, если бы и в Москве ее удалось устроить так, как в Джулеке. Но это было невозможно. Не мог же я засыпать свою квартиру песком, а держать в клетке подвижную птичку не хотелось. Скрепя сердце я отдал ее Московскому зоопарку.

Прошло около года. За это время я побывал на Севере, натерпелся там от холода и сырости и соскучился по среднеазиатскому солнцу. Неужели не удастся еще раз побывать в среднеазиатских пустынях? Меня непреодолимо потянуло в Кызылкумы. И невольно я вспомнил грандиозную картину барханных песков, жаркие котловины с причудливым саксаулом, знойное синее небо. Во всем этом, даже в мучительной жажде, какую не раз испытывал в пустынях, сейчас я находил какую-то чарующую прелесть.

Я скучал по пустыне, но ведь пустыня отнюдь не моя родина. Как же должна скучать о родных песках, о горячем среднеазиатском солнце оторванная от всего этого моя саксаулочка!

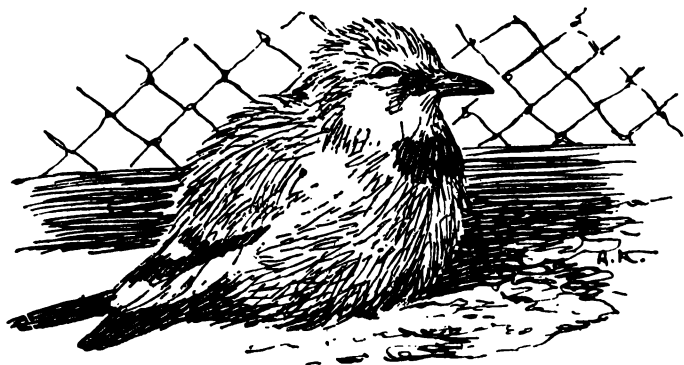
Бессознательное стремление к родной обстановке, к свободе иногда проявляется у птиц с могучей силой — птица бьется в клетке, гибнет только потому, что теряет свободу.

Мне захотелось как можно скорее увидеть свою саксаулочку. Был воскресный солнечный день. Шумная толпа взрослых и детворы двигалась по дорожкам парка, стояла у прудов, на которых плавали лебеди, утки, пеликаны. Вместе со всеми я медленно продвигался все дальше в глубину парка, в том направлении, где помещались мелкие птицы.

— Смотрите, смотрите, нос-то какой здоровенный, — показывали ребята на сидевшего на берегу пруда пеликана.

У вольер с мелкими попугайчиками детвора, толкаясь и крича, неудержимо ринулась вперед и прильнула к решетке. Сотни зеленых, желтых, голубых попугайчиков и других птичек с шумом перелетали с места на место, наполняя воздух разноголосым гомоном. Скрипучее щебетание, перепархивание с места на место, случайные ссоры — все это показывало, что выведенные в неволе птички вполне довольствуются своей судьбой и давно утратили стремление к свободе. «Вот таких пичуг и в клетке держать не жалко», — подумал я и в этот момент увидел свою саксаулочку. Наохлившись и распушив пышное светлое оперение, птичка неподвижно сидела на полу у решетки вольеры, смотрела в сторону. Видимо, она давно привыкла и к шумной пернатой компании, и к возгласам посетителей и на все это перестала обращать внимание. Но и на нее никто не обращал внимания. Скромно окрашенная и необычно молчаливая, она осталась незаметной среди массы ярких, крикливых, непоседливых попугайчиков. «А что это за птица?» — единственный раз спросил какой-то посетитель у своего соседа. Но тот, кому был задан вопрос, конечно, не знал саксаульной сойки. Движением толпы оба посетителя были оттеснены от вольеры и, потеряв сойку из виду, видимо, забыли о ее существовании.

И вот тут-то мне стало обидно и стыдно за свой необдуманный поступок. Если бы я привез птенчика, он бы, конечно, чувствовал себя в зоопарке иначе. Но я лишил взрослую птицу ее родной обстановки, отнял у нее самое дорогое — свободу,

и ради чего это сделал? «Зачем я не выпустил саксаулочку в родные пески, уезжая на Север?» — пришло мне в голову позднее раскаяние.

«Обязательно увезу птичку весной в Среднюю Азию и выпущу ее в пустыню», — думал я, возвращаясь из зоопарка домой. И при одной мысли об этом мне стало весело. Но мне не удалось осуществить своего намерения. Зимой саксаулочка погибла.

Много времени прошло с тех пор, и сейчас я с сожалением вспоминаю о погибшей птичке. Я сохранил ее шкурку, она напоминает мне, что несправедливо лишать свободы взрослое животное, если не можешь создать ему необходимых условий в неволе.

ГЛАЗАСТЫЕ ХИЩНИКИ

Высоко поднимается над жаркой Чуйской долиной Киргизский хребет. Его белые зубчатые вершины, покрытые вечным снегом, кажется, упираются в синеву неба. Ниже снеговой линии пестрым ковром цветов раскинулись альпийский луга, вырисовываются темные пятна арчового леса. А еще ниже — сизые пропасти, где как дым клубится и ползет туман, ревет и пенится в глубине ущелья горный поток.

Чудесная страна! Какой здесь воздух! А сколько всякого зверья водится — и не пересказать. По скалам бродят табуны горных козлов козерогов, в арчовниках водятся косули, на альпийских лугах — множество красных сурков. Стоя у своей норы, сурок встречает вас громким тревожным свистом «кри-кри-кри». С соседнего склона ему вторит другой, тому отвечает третий, и, как эхо, разносится над лугами звериный сигнал тревоги, предупреждая обитателей гор о приближении человека.

Однажды ранним утром я забрался с ружьем в горы. Думал, что ужо на часок-другой пострелять горных курочек-кекликов, а вышло иначе.

Не успел я отойти на километр от селения, как спугнул косулю. Метнулась она из кустов и поскакала по крутому склону. А у меня в ружейных стволах мелкая дробь, на птицу рассчитанная. И так стало досадно, что, забыв о кекликах, полез я вверх по склону в поисках другой косули. Вскоре опять выскочила косуля, и чем выше я поднимался, тем чаще встречал зверя.

Но красные сурки подняли такой крик, что все звериное население насторожилось. Только тут я почувствовал, что страшно устал, и перед спуском решил отдохнуть да, кстати, понаблюдать за поведением грифов.

Грифы — хищные птицы, еще более крупные, чем орлы. Целыми днями парят они над горами в воздухе на недостижимой для глаза высоте. Поймать их удастся только на падали, которой грифы питаются. Откровенно говоря, я не собирался ловить птицу. Грифа я мог поймать и поближе к дому. Сейчас же мне хотелось выяснить, чем ориентируются грифы при отыскании добычи.

Известно, что в отличие от млекопитающих у птиц плохо развито обоняние. Зато видят они исключительно хорошо. И все же трудно представить, как далеко видят грифы. Иной раз черный гриф с размахом крыльев более чем два метра парит в воздухе на такой высоте, что его на светлом фоне неба не в состоянии обнаружить глаз человека. И в то же время гриф замечает падаль, лежащую на темном фоне земли, да притом среди травы и кустарников. Разве это не поразительно? Вот мне и было интересно выяснить, увидят ли грифы брошенные мной внутренности кошули.

Я мало на это надеялся, но на всякий случай внимательно осмотрел небо. Оно было голубое и ясное. И вдруг вижу, как из голубой выси быстро падает черная точка, увеличиваясь с каждой секундой. Падает, падает, и точно снаряд разорвался в воздухе — так сразу резко выросла черная точка, такой огромной стала, и словно черная скатерть из стороны в сторону в воздухе закачалась. Таков полет черного грифа, завидевшего добычу. Чтобы сократить время и первому попасть к падали, хищник камнем падает со сложенными крыльями, раскрывая их только вблизи земли.

За первым грифом в небе вскоре же появились новые. Один за другим они стремительно падали вниз. Из засады я наблюдал их пирушку. Штук двадцать огромных птиц, черных и рыжих, с белыми воротничками вокруг голой шеи, клевали, толкали друг друга и, не утолив голода, хватали даже пропитанную кровью землю. Подождав еще немного, я решил, что пора гостям и честь знать, и поднялся во весь рост из своего убежища. Завидев человека, грифы с шумом разлетелись в разные стороны.

Впрочем, я не очень досадовал, что упустил грифа. Пожалуй, мне и не добраться бы до дому с такой машиной в руках и с тяжелым мешком за плечами. Ведь при ходьбе в горах чувствуется каждый лишний килограмм.

С восхищением я проводил глазами грифов. Постепенно поднимались они все выше и выше в воздух, как бы плывя на огромных крыльях, и, наконец, исчезли в голубой выси.

Однако мне пора было возвращаться домой — солнце спускалось к западу. Наскоро подвязал я к ногам подковки с острыми шипами, чтобы ноги не скользили при спуске, взвалил мешок

на плечи и все еще под впечатлением пирушки хищников двинулся к дому.

Нелегко показался мне обратный путь. Вспотела спина под тяжелым мешком, а тут как назло из ущелья потянуло холодным ветром. И жарко мне, и в то же время холодно. Снял я тогда с плеч мешок, привязал к нему длинный ремень и стал спускаться другим способом. Я осторожно шагаю вниз, а мешок на ремне сбоку катится.

Так добрался я до большого сыпца. Сыпец — это масса камней, щебня и песка, скопившихся в лощинке крутого склона. Встанешь на такой сыпец, а он начнет сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее двигаться вниз, точно течет по склону с глухим рокотом каменная река. Проехал я на сыпце метров сто вниз, а когда течение каменного потока стало слишком быстрое, выскочил на «берег» — твердую почву, переждал, пока сыпец успокоился, и снова вступил на него.

Вскоре, однако, склон стал настолько крутым, что катиться на сыпце было небезопасно. Пришлось перебраться на твердую почву крутого склона и, медленно спускаясь, тащить на ремне мешок с мясом косули.

Спускался я так, спускался и совсем измучился. Сам с большим трудом удерживаешься на крутизне, а тут еще мешок дергает тебя за руку — тащит за собой.

Вдруг что-то метнулось у меня из-под ног и быстро поскакало вниз по каменистому склону, поросшему колючим шиповником. Инстинктивно я вскинул ружье и прицелился. Такая уж вырабатывается у охотника привычка: хвататься за ружье, как только заметишь убегающего зверя.

Но в следующую же секунду я убедился, что целью в собственный мешок. Ремень, на котором я его удерживал, оборвался, и мешок, как живой, катился к обрыву, где речка Кара-Балта с ревом несла свои воды в долину.

СИНЯЯ ПТИЦА, ИЛИ ЛИЛОВЫЙ ДРОЗД

Хорошо бывает в лесу ранней весной! Снег уже стаял, но земля не просохла, местами чуть поднялась перезимовавшая зеленая травка, а осина и береза еще не успели покрыться новыми листьями. Только вечнозеленые сосна да ель поднимают свои темные остроконечные вершины над прозрачным листовым мелколесьем. Войдите перед вечером в лес, встаньте на лесной опушке, пробудьте до захода солнца, и вы обязательно услышите пение замечательных наших певцов — дроздов. В это время они поют особенно часто. В наших лесах их несколько видов,

и каждый из них поет по-своему. Громко свистит дрозд черный, еще лучше поет сравнительно маленький певчий дрозд. Неподвижно сидит он на вершине ели и распевает свою чуждую долгую песню, немногим уступающую пению соловья. Как оживляет весеннее пение дроздов нашу северную природу!

Среди сравнительно некрупных птиц — дроздов, населяющих нашу страну, есть и такие, которые достигают размеров галки, как, например, лиловый дрозд. Его часто называют синей птицей. Он водится в Индии и Гималаях. Оттуда через Афганистан лиловый дрозд проникает в горы нашей Средней Азии. Окраска оперения лилового дрозда издали кажется почти черной; если удастся увидеть его вблизи, то сразу станет понятным, почему его называют синей птицей. Оперение птицы темно-синее или лиловое с блестящими серебристыми блесками.

Хотя это и не водяная птица, но селится она всегда возле воды, точнее — возле горных ручьев, потоков и водопадов. Там, где русло горной реки круто обрывается вниз, где вода с шумом падает с высоты, там наверняка найдешь лилового дрозда. Гнезда лиловые дрозды прикрепляют к камням крутого обрыва и особенно охотно устраивают их в трещинах камней, нависших близ водопада.

С ревом падает на камни вода, пенится, рассыпается брызгами. Воздух вокруг насыщен холодной водяной пылью, река грохочет, а лиловый дрозд под этот аккомпанемент водопада распевает звонкую песню. Рев потока не может заглушить его голос, похожий на флейту.

Попал я как-то весной в горы Киргизии, увидел этих птиц, послушал их звучное пение и решил добыть хоть парочку горных

певцов для Московского зоопарка. Часто мы увлекаемся погоней за животными, которые не водятся в наших краях, как диковины выписываем их из-за границы, а не учитываем, что у нас в стране есть свои изумительные диковины — сказочные синие птицы. Более 60 лет существует Московский зоопарк, много в нем побывало интересных животных, но лиловый дрозд еще ни

разу не попадал в его вольеры.

Задумав добыть лиловых дроздов, я при каждом походе в горы старался отыскать их гнезда и особенно примечал те, к которым, как мне казалось, было легче добраться.

Облюбовал я одно гнездо, выждал, когда из яиц вылупятся птенцы, и отправился на разведку. Постучал я палкой о скалу, на которой находилось гнездо, и птенчики, заслышав стук, по-видимому, решили, что мать прилетела с кормом. Высунули они головы из гнезд и давай кричать, требовать пищи. Голоса у них звонкие, как серебряные колокольчики.

Полез я по уступам скалы вверх к гнезду, и хотя невысоко оно помещалось и казалось доступным, но никак не мог я до него добраться. Метра два, не больше, отделяло меня от гнезда, но крутизна тут была такая, что сорвешься — живым не останешься, костей не соберешь.

Больше часа провозился я возле гнезда, все надеялся найти безопасный путь. Но, увы! Пришлось вернуться домой с пустыми руками.

Как же быть? И вот что я придумал: «Дай-ка попробую ловить птенцов удочкой, как ловят рыбу, только без крючка, конечно». Достал я удилище, привязал к нему короткую леску, прикрепил грузило близ конца лески и на конце сделал волосяную петлю. Приготовив снасть, я в тот же день отправился в горы к знакомому гнезду.

Вот и нависшая скала, где грохочет бурный ручей, вот и гнездо с крикливыми дроздятами. Забрался я на скалу, уселся поудобнее, приготовил удочку. Все пять птенцов в гнезде видны мне как на ладони, но, пока они лежат спокойно, петлей их не выловишь. Осторожно подвел я конец удилища к гнезду и поскреб им о камень. Заслышав этот звук, птенцы как по команде вытянули шеи и, широко раскрыв рты, подняли крик. Этим моментом я и воспользовался. Быстро накинув петлю на шею одного из птенцов, легонько затянул ее и поднял злополучного дрозденка на воздух. Хоть бедный птенец и проболтался в петле несколько секунд, но ничего с ним не случилось — остался целехонек. Таким же манером, немного переждав, выудил я второго птенца. Положив дроздят в карман, чтобы не озябли, я скорее направился домой.

Дома я устроил для своих питомцев гнездо из лукошка. Насыпал туда песку, положил сена и поставил лукошко на теплую печь, прикрыв его полотенцем. Маленькие голые птенцы больше всего боятся холода. Если они замерзнут, сразу перестанут есть, потеряют силы, тогда трудно их выводить. Снимая с гнезда полотенце, я всегда давал им корм. Птенцы в первый же день привыкли к этому и стали, как только их откроешь, сами требовать пищи, жадно раскрывая большие рты.

В первые дни дроздята были ужасно уродливы, но все же заинтересовали ребят моей хозяйки. Ребятишки стали ловить на лугу кузнечиков, собирать дождевых червей и все это тащили моим питомцам. Корм этот птенцам и приятный, и самый полезный. Как на дрожжах росли дроздята. Скоро они уже стали взбираться на край лукошка и встречали каждого входившего в комнату человека мелодичным, серебристым писком.

Прошло две недели. Дроздята стали большие, длиннохвостые — совсем как взрослые лиловые дрозды, только рты у них еще в углах оставались желтыми.

Жалко было мне запираить дроздят в клетку, и, мирясь с неудобствами, я предоставил им полную свободу в комнате. Они ловко ловили мух на окнах, прыгали по столу, подъедали крошки, а на ночь всегда усаживались на высокую русскую печку. Одно меня смущало: в доме у нас появился маленький сибирский котенок. Как ни мал он был, но держать кошку в одной комнате с птенцами небезопасно. Очень рано у кошек проявляются наклонности хищника.

Однако пока все шло благополучно. Уход за дроздятами к этому времени стал много легче. Их уже не надо было кормить из рук — они научились находить пищу сами. Уходя из дому, я ставил на пол посреди комнаты блюдце с мелкими кусочками сырого мяса. Что не съедали дроздята, то подбирал котенок.

Быстро подрастая, котенок стал интересоваться птицами, и, возвращаясь домой, я не раз с тревогой думал: «Живы ли дроздята?» Пора было прекратить это опасное сожительство, но я все медлил.

Однажды, вернувшись, я не нашел котенка в комнате. Обыскал все уголки, где котенок любил дремать, звал его по имени — все напрасно. Куда исчез котенок из запертой комнаты? И вдруг из-за шкафа послышалось слабое и жалобное мяуканье.

— Так вот ты где! Что ты там делаешь?

Щель между стеной и шкафом была настолько узка, что я не смог всунуть руку, чтобы извлечь оттуда котенка; он же на мой зов отвечал только мяуканьем, но не двигался с места. Решив,

что котенок, застряв в щели, не может сам выбраться, я отодвинул тяжелый шкаф. Взяв котенка на руки, погладил его, дал ему кусочек сырого мяса, но четвероногого шалуна и лакомку будто подменили. Есть-то он, правда, ел из моих рук, но все время шурился и беспокойно озирался по сторонам. А когда я посадил его к блюдечку, где еще оставались нарезанные кусочки мяса, котенок со страхом попятился назад. Что могло с ним случиться в мое отсутствие? Чем он так напуган?

И тут же все разъяснилось само собой. С печки легко соскользнул дрозденек и прямо с разлета сильно ударил котенка всем своим телом и клювом в мордочку. Тот отскочил

назад, выгнул спину, готовый к защите. Однако новый сильный удар другой птицы сбил котенка с занятой им позиции. Ошеломленный маленький хищник бросился наутек. Оба лиловых дрозда с громким писком щипали свою жертву клювами, били его в спину, пока перепуганный котенок не скрылся в свое надежное убежище — узкую щель между шкафом и стенкой.

Теперь, уходя из дому, я уже не боялся за жизнь своих питомцев. Нападение дроздов надолго сохранилось в памяти котенка. Хотя он сильно подрос и был раза в три больше преследующих его птиц, но по-прежнему боялся встречи с дроздятами и старался не оставаться в комнате, когда в ней не было людей, на которых он смотрел как на защитников.

Осенью я привез лиловых дроздов в столицу и подарил зоопарку. Один лиловый дрозд прожил в Москве 8 лет. Он улетел, выскользнув из рук сотрудника, при пересадке из зимнего помещения в летнюю вольеру.

ОРЛИНОЕ ГНЕЗДО

— Доставь мне удовольствие, Андрей,— просил я,— пойдём за улами, а к стати, и на козлов поохотимся. Если бы я знал ваши горы, как знаешь ты, я пошел бы один. Но обидно забраться на такую высь и не увидеть птиц.

— Увидишь! Как поднимешься до сплошного снега, там и уларов найдешь. Они сами себя свистом выдадут.

Этот разговор происходил в селении Сосновка, расположенном у подножия Киргизского хребта. Моим собеседником был колхозный пастух Андрей Уразовский.

Горный пастух не похож на пастухов Среднерусской равнины. Он пасет отару высоко в горах на субальпийских лугах. Пастух не ходит пешком за стадом, а ездит верхом на быстроногой киргизской лошадке. За поясом у него нож, за плечами — ружье. Охота для горного пастуха — любимое дело, только охотиться летом времени нет. Зато зимой он каждую неделю ходит в горы за козлами, а попутно бьет и уларов.

Улары, как вы уже знаете из моих рассказов о горной Армении, — крупные горные птицы. Они населяют альпийскую зону, редко спускаясь ниже верхней границы хвойного леса. В Киргизии живет гималайский, или темнобрюхий, улар.

Охота за уларами трудная. Не у всякого хватит выносливости забраться на такую высоту в горы. К тому же птица эта хотя и глупая, но очень пугливая и осторожная. Редко кому посчастливится не только убить, но даже увидеть улара.

Трудность охоты за уларами меня только подзадоривала, и я очень обрадовался, когда как-то вечером Андрей сказал, что завтра может пойти со мной на охоту. С вечера мы зарядили патроны, положили в мешок немного провизии, осмотрели, в порядке ли наш охотничий наряд: полушубки, шерстяные носки, специальные горные подковки. И на следующий день, встав на заре, мы направились в горы.

Дойдя до начала ущелья на берегу реки Кара-Балта, мы сделали привал, чтобы позавтракать. Андрей отрезал по большому куску свиного сала и по маленькому куску хлеба, так что ели мы не хлеб с салом, а сало с хлебом. Перед горной охотой нужно поесть сытно, но немного, не отягощая желудка, иначе на первом же километре подъема выдохнешься.

Внизу у селения совсем рассвело, а в ущелье царил холодный сырой полумрак. Поеживаясь от холода, мы разглядывали в бинокли ближайшие увалы, в надежде увидеть козерогов. Эти животные спускаются в ущелье только ранним утром, пока нет мух. Пригреет солнце, появятся мухи, и козлы немедленно уйдут выше в горы.

Вскоре Андрей заметил на сочном лугу табунчик пасущихся козерогов. Самки безмятежно щипали траву, а старый самец, украшенный рогами, стоял на вершине небольшой скалы и наблю-

дал за окрестностями. Если сторожевой козел заметит человека, то свистнет; сейчас же все стадо собьется в кучу и пойдет к неприступным вершинам.

При виде козлов Андрея охватил охотничий азарт. Очень удобно захватить добычу так близко от селения. Убьешь — дотащить домой ничего не стоит, а кроме того, и место для подхода удобное.

Мы с Андреем сговорились так: один из нас зайдет по балке выше стада и отрежет отступление козлам в горы; другой попытается подкрасться снизу и выстрелить по зверю на большом расстоянии на всякий случай — авось попадет в цель. Андрей поставил условием, что какого бы другого зверя мы ни подняли — ни в кого не стрелять, только в козлов.

Андрей пошел вперед, а я стал понемногу отставать. Мне надо было спугнуть табун снизу и нагнать его на Андрея. Не прошел я и полкилометра, слышу выстрел — громкое эхо прокатилось по горной долине. «Неужели Андрей на другое стадо козлов наскочил?» Спешу к нему. Андрей стоит смущенный, перезаряжает ружье. Выскочила у него из-под самых ног косуля, не удержался он, выстрелил, забыв про уговор, да к тому же еще промахнулся.

Козлы, конечно, после такого предупреждения нас ждать не стали. Поскакали через перешеек, где Андрей предполагал в засаде спрятаться, — только мы и слышали, как посыпались вниз камни и щебень. Махнули мы на них рукой и стали подниматься туда, где белели и искрились на солнце вечные снега.

Часа два лезли вверх и, наконец, добрались до скал в верхнем поясе гор. Неприступной стеной возвышалась темная, мрачная скала, покрытая снегом сверху, как шапкой. Обходя ее, мы слышали шорох сыплющегося сверху щебня. Стали мы рассматривать в бинокль темные расселины и уступы и вскоре обнаружили не только козлов и уларов, но киргиза-охотника с собакой на привязи.

Тут мы с Андреем разделились. Я пошел влево к охотнику, а он стал с другой стороны подходить к скале.

Поднявшись по склону на верхнюю часть утеса, я забрался в небольшое ущелье и стал наблюдать за пробиравшимся по узкой горной тропинке киргизом-охотником. Его поведение было мне совершенно непонятно. Собака, привязанная на длинном ремне к поясу охотника, шла впереди, а киргиз — за ней, не снимая ружья с плеч, но, видимо, все время чутко прислушиваясь.

Прошли они немного, вдруг зазвенел по скале щебень, посыпался вниз. Охотник быстро лег на тропинку, ухватившись руками за выступы. В тот же момент его собака рванулась вперед — вот-вот своего хозяина с уступа стащит. Но киргиз подозвал собаку, осторожно поднялся и снова пошел дальше. Через некоторое время повторилась та же история.

Я недоумевал: какой смысл с таким псом охотиться, ведь не для того же охотник его берет, чтобы каждую минуту смерть

за плечами чувствовать. Того и гляди, собака сдернет хозяина с узкой тропки и оба погибнут.

Тем временем охотник забрался на середину скалы, снял ружье и, прижав собаку к земле, стал стрелять. Раза четыре выпалил, видимо, промахнулся, но пятой пулей все же свалил козла и стал спускаться вниз, куда скатился убитый зверь. Посмотрел я в бинокль на то место, куда пули ложились,— вижу, там стоят еще три козла — не шелохнутся. Не успел охотник со своей собакой скрыться за камнями, как вновь зазвенел щебень, более десятка козлов пошли по уступам вверх и вскоре скрылись за перевалом.

Только теперь я понял, зачем киргиз таскал за собой собаку. От человека козлы убегают, а завидев собаку, забьются в укромное место и стоят неподвижно. Тут их всех перестрелять можно.

Я был так увлечен этой своеобразной охотой, что ничего не замечал вокруг. Когда же козлы ушли, я стал различать какие-то странные звуки: «Уль-уль, уль-уль» — как будто кто-то ударяет по пустой бутылке металлическим предметом. Звуки слышались с небольшой скалы, нависшей над самой моей головой. Пока я крутился на одном месте, пытаюсь заглянуть на скалу, с другой стороны ущелья совсем близко раздалось: «Уль-уль». Я поспешно повернул голову в эту сторону и увидел, что прямо на меня летит улар. Он уселся на ту же скалу, откуда раньше всего донеслись голоса уларов.

Еще секунда, и со всех сторон начали между собой переговариваться улары: «Уль-уль-уль-уль», а потом засвистели, как свистит степной кулик кроншнеп: «Уйлить, уйлить, уйлить». Разносится этот свист по всему ущелью, но самих птиц не видно благодаря окраске их оперения, похожей на цвет камня.

Но вот, слышу, посыпался щебень. Гляжу — прямо ко мне по карнизу идет крупный красивый улар. Вскинул я ружье, но птица в ту же секунду перелетела на нависшую надо мной скалу и исчезла из виду. Однако огорчаться мне не пришлось: на том же карнизе появился новый улар. Он только собрался перелететь через ущелье.

Я не стал ждать, выстрелил. Грохот раздался такой, будто обрушились скалы. Все улары сорвались с карнизов и устремились по косой линии вниз. За ними полетел и тот, по которому я стрелял. Видно было, что птица сильно ранена, летела она неуверенно, отставая от других. Пролетев немного, улар поднялся вверх, замер на секунду в воздухе и, сложив крылья, упал на каменистую россыпь.

Хорошо заметив место, куда упала птица, я стал спускаться вниз. По крутому склону спускаться еще труднее, чем подниматься. Каждый камешек надо ощупать, прежде чем решиться поставить ногу. Наверное, более получаса прошло, пока я добрался до каменистой россыпи, куда свалился убитый улар. Я сбросил заплечный мешок, ружье, патронташ, чтобы ничто не мешало, и принялся за поиски. Обошел кругом замеченное место, всматриваясь в навороченные камни, тщательно осмотрел каждый метр россыпи. Около часу проискал, а найти не могу — улар мой точно сквозь землю провалился.

Взяло меня сомнение: там ли я ищу, может быть, это другая россыпь?

Опять пришлось подниматься на гору, чтобы сверху проверить местность. Нет, россыпь та самая — вон корень арчи, который я еще раньше хорошо заметил из своей засады. Вооружившись биноклем, я стал просматривать россыпь. Через сильные стекла каждый камень осмотрел и наконец нашел. Сначала не сразу узнал я улара. Показалось, что сухая веточка торчит из-за камней, но присмотрелся — это не веточка, а птичья нога. И тут

же вижу: шевелится от ветерка сломанное перо на крыле птицы. Вновь я спустился на россыпь и подобрал убитого улара. Птица лежала среди крупных камней и сама казалась камнем — только торчавшая нога и выдавала ее присутствие.

Пока я укладывал добычу в заплечный мешок, на склоне горы появился Андрей. Он торопился спускаться. Солнце уже было низко. Особенно тревожило Андрея двигавшееся на нас с севера небольшое, но темное облако. Оно быстро росло, меняло свои очертания и цвет. Признаюсь, мне это облако не внушало опасений, но Андрей был другого мнения и настойчиво торопил меня.

Уйти от тучи мы так и не успели. Она закрыла солнце, и сразу в горах стало мрачно, сыро и холодно. Ветер стал дуть порывами. Все небо затянуло облаками. Одни из них, высокие, двигались плавно и медленно, другие быстро и низко неслись над нашими

головами и с каким-то шорохом, наталкиваясь на утес, начинали ползти вверх по горным ущельям.

Упали первые капли дождя, затем хлынул ливень, а за ним пошел снег. Наши полушубки намокли, покрылись тонкой ледяной коркой, она ломалась при каждом движении. Идти стало еще трудней. Кругом сплошной пеленой белел снег, земля под ним размокла, ноги скользили.

В полной темноте час спустя мы, наконец, добрались до арчового леса. Сбросили свои намокшие и обледеневшие вещи и поспешно принялись заготавливать на ночь топливо: тащили крупные стволы арчового валежника, раскачивали и валили на землю сухой. Вскоре огромный костер, разгоняя темноту

ночи, запылал среди лужайки.

Сладко спится на воздухе, но особенно хорошо отдыхать в горах после утомительной и трудной охоты. Кажется, не дышишь, а пьешь свежий ароматный воздух, и с каждым глотком в усталое тело вливаются новые силы.

На следующее утро я проснулся рано. В небе еще мерцали звезды. Тихо было кругом. Только далеко в ущелье кричал филин да снизу доносился глухой рокот горного потока.

Ночную тьму сменили предрассветные сумерки. Звезды как будто поднялись выше и побледнели, посветлело небо, и на нем четко выступили белые снеговые вершины. Первыми проснулись черные красноносые галки — клушицы. Целая стая клушиц, звучно перекликаясь, снялась с мрачного утеса, на котором ночевала, и вновь расселась по уступам. На зубчатом горизонте ярким пламенем вспыхнула снеговая вершина, за ней другая, третья... Не освещенные солнцем склоны уже не казались белыми, как прежде. Они поголубели от упавших на них теней. Ниже по черным расселинам клубился туман.

Холодно было выбираться из-под полушубка, но все же я встал и начал осматриваться кругом. Наш лагерь помещался на маленькой площадке горного выступа, края которого круто обрывались к Кара-Балте. Кое-где подымались деревья арчи.

Я разбудил Андрея.

— Посмотри-ка, куда мы залезли, знакомо тебе это место?

Андрей неохотно встал и с удивлением осмотрелся. Потом подошел к краю обрыва, заглянул вниз и резко отшатнулся, даже в лице изменился, как мне показалось.

— Что там? — спросил я и вскочил на ноги.

— Осторожно! — крикнул Андрей.

Я заглянул на край обрыва и так же, как Андрей, попятился назад. Мурашки забегали у меня по спине. Внизу под нами лежала пропасть. Глубоко-глубоко, на дне ее, пенилась Кара-Балта. Между темных скал парили крупные птицы.

— Как это нас занесло сюда! — дрогнувшим голосом сказал Андрей. — Ведь вчера в темноте стоило только сделать еще лишний шаг и... — Андрей махнул рукой. — Знаешь, где мы с тобой ночевали? Это место называется Орлиное Гнездо.

ЧО

Как-то зимой я получил письмо из Киргизии. Писал старый приятель — охотник Андрей. После обычного приветствия моей семье он сообщил интересную новость.

«Недавно, — писал он, — в наших горах убили интересного зверя, я никогда такого не видел. Величиной он немного меньше волка, рыжий, как лиса, и хвост у него, как у лисы, длинный и пушистый. Морда узкая, длинная, уши толстые и круглые, по-киргизски называют «чо». Как называют такого зверя по-ученому?»

Этого краткого описания для меня было достаточно. Рыжая окраска, толстые и круглые уши — эти признаки давали возможность предполагать в убитом звере красного волка.

Десять минут спустя я уже был на почте и дал телеграмму следующего содержания: «Срочно купи красного волка, сохрани шкуру и череп, оплатим пятьсот».

Ответ Андрея привел меня в уныние: «Зверя сдали на заготовку, череп брошен в горах, искал, не нашел».

Какая досада — упустить такую редкость, притом найденную в Средней Азии, где его обитание не вполне доказано и вызывает постоянные споры среди ученых! Но жизнь идет своим чередом, а время делает свое дело. Острая досада переходит в сожаление, сожаление — в воспоминание.

Прошла зима, потекло с крыш, оживленно зачирикали воробы. Как и всегда в это время года, меня потянуло из многолюдного города на свободу, к природе. Пять суток пути в скором поезде, и я вновь в Сосновке, где нет изнуряющей жары, где ночи прохладны, как на Севере. Первые увалы уже покрылись яркой молодой зеленью, а выше, где крутые склоны поросли темным арчовником, пятнами белел снег, в ущельях клубились туманы. Я вновь путешествовал, собирал птиц и млекопитающих, записывал свои наблюдения в дневник. Но в первое время мои походы ограничивались окрестностями селения, и я только с завистью поглядывал на вершины, казавшиеся мне недоступными.

Прошло несколько дней, я достаточно свыкся с разреженным горным воздухом, все выше поднимался в горы и, наконец, предпринял поход в Битью. Это ущелье уже издавна привлекало меня обилием животных, необыкновенной красотой и суровостью.

Мы с Андреем вышли из Сосновки ранним утром. Поселок еще спал. Сумерки окутали нас. Впереди шумела и пенилась Кара-Балта, от нее тянуло холодом. Двадцать километров — это не расстояние для людей, привыкших к дальним переходам по равнинам, но двадцать километров в горах — это не шутка. Нельзя спешить, необходимо бережно расходовать свои силы. И хотя нас тянет скорее вперед, мы медленно идем по ущелью, поднимаясь все выше и выше. Узкая тропинка извивается змеей то у самой Кара-Балты, то взбегает по крутому склону, чтобы вновь спуститься к потоку. Мы минуем легкие мостики, преодолеваем обвалы, загромоздившие дорогу, и с каждым пройденным часом приближаемся к цели. Но чем выше поднимаемся мы, тем уже становится ущелье. Местами оно переходит в узкий коридор, на дне которого ревет вода, катятся по руслу тяжелые камни, а по сторонам отвесные утесы, там, в голубой выси, прикрытые арчовым лесом. Выше арчовника широко раскинулись альпийские луга, над которыми вновь встают великаны утесы — белые зубчатые вершины их упираются в самое небо.

Труден и опасен был путь по Кара-Балте в то время. Горные обвалы иной раз совершенно загромождали дорогу, не позволяя двигаться дальше. Но и тогда по Кара-Балте шли скотоводы. Они стремились к перевалу, за которым широко раскинулась высокогорная долина Сусамыр — «дом отдыха для киргизской лошади». Худых, с разбитыми спинами, едва передвигавших ноги лошадок медленно гнали по ущелью. Местами там, где путь становился для утомленных животных слишком тяжел, их втаскивали на арканах по крутой дороге. Проходило время — и прохлада, здоровая пища, отсутствие оводов и мух делали свое дело. К осени табун красивых и бодрых лошадок спускался по ущелью.

Ныне из Чуйской долины вдоль по Кара-Балте проложена дорога. Упорный труд человека сделал Сусамырскую долину вполне доступной. А в то время...

Я никогда не забуду один сыпец. Громадный и крутой, на сотню метров он делал дорогу крайне опасной. Когда я приближался к нему, у меня всегда появлялось желание вернуться обратно. Едва вступал на него человек, как он, глухо рожача камнями, начинал двигаться вниз все быстрее и быстрее, пока не обрывался к потоку. Никаких промедлений, спешно бежать вперед, а иначе вместе с камнями вас унесет к отвесной стене и дальше, в Кара-Балту. Но вот сыпец позади.

Еще один предательский мостик, узкий, гнилой и скользкий от сырости и плесени. Стесненный обломками скал, под ним пенится и ревет поток. Три быстрых напряженных шага, вас обдаёт водяной пылью, и вы вне опасности. Риск позади.

Слева от нас начинается ущелье Битья. Перед входом в него мы отдыхаем. Рядом течет вода, в стороне ворчит побеспокоенный нами сыпец, над потоком свистит и поет синяя птица.

В Битье, в километре от ее выхода в ущелье Кара-Балты, жил киргиз-охотник Мурат. Я с ним еще не был знаком, но его хорошо знали жители Сосновки. Зимой он туда постоянно привозил мясо. Его прокопченная дымом юрта стояла на зеленой лужайке в глубине ущелья. Мы не застали хозяина дома — он с утра ушел за козлами. Нас встретил шестилетний живой и веселый черноглазый мальчик — сын Мурата.

Сбросив с себя заплечные мешки и ружья, мы устроились близ юрты на воздухе. У основания огромного камня, величиной с двухэтажный дом, запылал костер. Нам нужно было сварить ужин из пшена и убитых по пути кекликов. Когда все приготовления были закончены, каждый занялся своим делом. Я снимал шкурки с добытых птиц и заносил наблюдения в дорожную книжку, Андрей чинил свою обувь, а

кругом свистели сурки — их было множество, на сизых скалах перекликались альпийские галки.

Наш юный хозяин, оторванный от сверстников и вообще от людей, видимо, тяжело переживал свое одиночество и был очень рад нашему приходу. Он всем интересовался: нашими ружьями, патронами, инструментами, расспрашивал о назначении того или другого предмета. Его маленькая фигурка носилась от костра к юрте, от юрты к большому камню. Он вмиг натаскал дров, умело разложил костер, ошипал кекликов и разделал их мясо, а сейчас следил за огнем и болтал безумолку своим мягким говорком. С ним невозможно было скучать. За несколько минут он сообщил нам массу всевозможных новостей.

— Ты знаешь, отец для тебя яйцо достал!

И, не ожидая моего вопроса, он вмиг вскарабкался на огромный камень, сунул маленькую ручонку в глубокую трещину и показал мне сверху яйцо черного грифа. Через секунду малыш вновь был у костра, рассказывая, что два дня назад из соседнего ущелья к ним заходил охотник Казакнай и что сегодня отец ушел за козлами до рассвета, так как они уже два дня сидят без мяса.

Солнце скрылось за зубчатыми хребтами, и сразу в ущелье стало холодно, неуютно и сумрачно. Мы перебрались в юрту. Веселый огонек очага наполнил ее каким-то особенным запахом, теплом и светом. Ближе пододвинувшись к костру, мы его живительным теплом согревали озябшие руки. Спать не хотелось, и, пользуясь свободным временем, болтали о Москве, о горах, о насе-

ляющих их животных. Снаружи быстро сгущались сумерки, вскоре перешедшие в черную ночь. Но где же хозяин? Неужели он еще бродит в потемках по горным тропинкам?

В этот момент полог юрты резко откинулся в сторону и в свете костра появился Мурат. Небрежно сбросив на землю маленького живого козленка и повесив винтовку, он кинул нам короткое приветствие. Совсем молодой, плечистый, с коротко остриженными черными волосами и коричневым от загара лицом, он казался олицетворением здоровья и силы. Прямо на голые плечи была небрежно наброшена куртка из выделанной козлиной шкуры, за поясом торчали широкая рукоятка ножа и железные подковки с длинными шипами, которые охотники обычно используют при ходьбе по крутым склонам.

Живописный костюм и правильные черты лица невольно заставляли обратить внимание на этого человека. Но мрачный, неприветливый взгляд, крутая складка на переносице под сросшимися бровями производили не совсем приятное впечатление. Как видно, тяжело живет с ним его славному сынишке. И действительно, мальчуган сразу притих, забился в темное место, стараясь не попадаться на глаза отцу. Приход хозяина создал у всех какое-то тяжелое настроение. Сбросив с плеч куртку и сняв обувь, Мурат подсел к нам и мрачно смотрел на огонь. Все долго молчали.

— Как охота? — наконец проронил Андрей.

— Охота — на обед хватит, — раздраженно кивнул головой Мурат на козленка.

Опять наступило тягостное молчание.

— Козленка никто не тронет, — сквозь зубы процедил я и, поднявшись со своего места, поставил у костра большой котел с нашим ужином. — На десять человек хватит!

На мгновение глаза Мурата вспыхнули недобрым пламенем, но закон восточного гостеприимства и долг хозяина заставили его сдержаться. Молча мы принялись за еду, казалось, каждый из нас был поглощен этим занятием. Но куски положительно застревали в горле, и только Мурат с ожесточением уничтожал пищу — кости хрустели под его крепкими челюстями. Однако с каждым проглоченным горячим куском что-то менялось в его лице. Вот уже не горят его глаза, разглаживается складка на переносице, и лицо становится другим. На лбу его выступил пот, он как будто пьянеет от горячей пищи и неожиданно для всех начинает улыбаться, показывая белые зубы. Лицо его добреет, в глазах появляется огонек веселья.

Не дожидаясь нашей просьбы, он с иронией рассказывает о постигших его сегодня охотничьих неудачах. Когда козлы были совсем близко, вдруг из-под ног вылетел предательский камень. Табун шарахается в сторону, и все пропало. Опять целые часы подхода — умелого, осторожного, как у хищного зверя. Добыча почти в руках, и опять неудача. Ружье осекается один, другой, третий раз, и все труды и лишения дня пропадают напрасно.

Мы внимательно слушаем, стараемся не упустить ни одного слова и вместе с Муратом переживаем досаду. Перемена настроения киргиза-охотника сказывается на окружающих и особенно на его сыне. Гроза благополучно миновала, мальчик появляется среди нас и участвует в разговоре.

Мурат хорошо знал родные горы, до тонкости изучил повадки населяющих их животных и теперь с большой готовностью поделился со мной этими сведениями. Он рассказал, как ранней весной близко к его стоянке подходил барс, как несколько ночей он рывкал на соседних

скалах. Потом хозяин рассказывал о горных птицах — уларах, подражал их весеннему крику и, видя, что его слушают с большим вниманием, вдруг с изумительной точностью стал свистеть красным сурком. И как же бесподобно это ему удавалось! Так и казалось, что вот на обломке скалы, скатившейся на зеленую лужайку, стоит на задних лапах крупный, толстый и смешной зверек. Он кричит изо всех сил, захлебываясь так, что вздрагивает его тело, а голос слышно на много километров. В такт свисту закидывается назад его голова, подергивается хвост. Ему вторит ближайший сосед по норе, затем десятки других.

Зверек накричался вволю, взбудоражил сурков, козерогов, уларов — все живое, все предупреждены о близкой опасности, о приближении человека. И теперь он ушел в безопасную нору. Ну-ка, попробуй охотник после этого подойти к своей добыче!

— А знаешь,— обратился ко мне Андрей,— ведь это Мурат убил красного волка.

Я вспомнил тот досадный случай и попросил рассказать, как это произошло. Вот что я узнал со слов Мурата.

Поздней осенью охотники устроили большую охоту на козерогов. Человек пятнадцать окружили один из хребтов, где держалась группа животных, и стали гонять их с места на место. То здесь, то там гремели выстрелы; добыча обещала быть обильной. И вот острые глаза киргиза заметили четырех своеобразных хищников — они искали выход из окружения. Это были красные волки — «чо» по-киргизски. Звери подошли к Мурату на верный выстрел, и тот ждал удобного момента. Вот один из них останавливается и, не подозревая, что рядом опасность, смотрит в противоположную сторону, чутко вслушивается в нарастающий шорох в далеком ущелье. Мурат целится долго и, наконец, спускает курок винтовки. Грохочет выстрел, пуля пронизывает шею злополучного зверя, и он падает на землю. Остальные бросаются

врассыпную, но, отбежав от опасного места, вновь собираются в тесную группу и исчезают за скалами.

Слушая рассказ Мурата, мы засиделись до поздней ночи.

Спустя три дня мы с Андреем тем же путем возвратились в Сосновку. Опять скользкий мостик и ворчливый сыпец заставили пережить нас неприятные минуты. Мы шли не одни. За нами бежал маленький козленок, которого я приобрел у Мурата и назвал Майкой.

С тех пор прошло около года. Однажды в Зоологическом музее Московского университета мне показали шкуру интересного зверя. Ярко-рыжая окраска меха, длинный пушистый хвост, строение ушей и общие размеры позволяли предполагать, что шкурка принадлежит красному волку. Но при шкурке не было черепа, что мешало точному определению. Кто мог поручиться, что это не домашняя собака, размеры, окраска и другие внешние признаки которых столь изменчивы? Не было при шкурке и этикетки, указывающей, где и когда было добыто животное. Это совершенно обесценивало экземпляр с зоологической точки зрения. Сравнительно недавно она была обнаружена на Московском холодильнике среди большой партии других шкур сурков и лисиц, присланных из города Фрунзе.

«Странный зверь,— подумал сортировщик, осматривая шкуру от головы до хвоста.— Не то маленький волк, не то огромная лисица, а быть может, просто домашняя собака».

На всякий случай о своих сомнениях он сообщил в один из московских музеев. «Интересный, загадочный зверь,— думал директор музея.— Почти наверное красный волк, но все же не исключена возможность, что это беспородная собака. Жаль, очень жаль, что нет черепа». Также на всякий случай директор приобрел шкуру и позднее передал ее в музей университета. И здесь она вызвала недоумение. «По всем признакам шкура принадлежит красному волку»,— высказывались научные сотрудники, но нет черепа, нет этикетки,— а вдруг это собака?

Киргизия и сомнительная шкурка красного волка — я насторожился. Какое странное совпадение при большой редкости зверя. Ведь мне было хорошо известно о добыче одного красного волка в Кара-Балтинском ущелье Киргизии.

— Знаете,— вмешался я,— если этот зверь убит пулей и она пробила ему шею, то я, не сходя с места, могу снабдить его самой точной этикеткой и определить без черепа.

Мы, волнуясь, вывернули шкуру мездрой наружу. В области шеи она была пробита пулей. Сомнения рассеялись. Это был красный волк, убитый на Киргизском хребте горным охотником Муратом.

Но я мало сказал о распространении красного волка, о его образе жизни. К сожалению, об этом мы недостаточно знаем. Известно, что красный волк обитает в горах Центральной Азии и Восточного Китая, проникая к нам в Семиречье, в Южную Сибирь и в области рек Уссури и Амура. Вероятно, звери ведут стайный образ жизни, сообща нападают на крупных копытных животных.

В Московском зоологическом музее красный волк представлен только двумя экземплярами и рассматривается как большая редкость.

Из шкуры красного волка, убитого Муратом, сделано чучело. Его можно посмотреть в верхнем зале Зоологического музея, и если вы будете там, вспомните историю, о которой я только что рассказал.

ЧУБЧИК

С Чубчиком я познакомился в горах Ферганы. Была поздняя осень. Ореховые и яблоневые леса уже поредели и пестрели разноцветными заплатками осенней листвы. Временами моросил дождь, даже шел снег, но кратковременное ненастье снова сменяли золотые осенние дни.

Я приехал сюда ненадолго, однако обстоятельства сложились так, что мой отъезд пришлось отложить на неопределенное время.

Уже давно в нашей стране с целью обогащения фауны проводится широкая акклиматизация диких пушных животных. Сначала к нам были завезены из Америки ондатра и нутрия, обладающие ценным мехом. Выпущенные на свободу в тростниковые заросли крупных водоемов, они освоились с новыми условиями, и местами их акклиматизация дала блестящие результаты. Очень хорошо прижились эти животные, например, в Казахстане, в устье реки Или.

Для акклиматизации были использованы и другие животные, обитающие у нас, но имеющие ограниченную область распространения. Среди них не последнее место занимал уссурийский енот, или, как его правильнее называть, енотовидная собака. Это животное достигает размеров лисицы. По внешнему виду оно напоминает американского зверька енота, но в отличие от него ведет наземный образ жизни, поселяется в норах и относится к семейству собак.

Родина енотовидной собаки — болотистые пространства и широколиственные леса Японии, Китая и Кореи. Отсюда она проникает к северу до среднего течения Амура и в Уссурийский край.

Большие партии этих зверей с исключительно теплым мехом в свое время были выловлены в Уссурийском крае и выпущены в разных местах Советского Союза. Сотня енотовидных собак для акклиматизации попала в горные ореховые леса Ферганы.

Прожив несколько лет в новых условиях, енотовидные собаки сначала сильно размножились, но затем неожиданно исчезли. Тревожные вести об этом дошли до Москвы. С целью проверить слухи о неудавшейся акклиматизации енотовидных собак я и приехал в этот благодатный уголок Средней Азии.

Осмотр нор, где прежде жили енотовидные собаки, показал, что норы обитаемы, но кто из зверей в них живет — сейчас нельзя было определить точно. Я отправил в Москву телеграмму с просьбой срочно прислать на место охотников со специальными норными собаками. С помощью этих собак можно было безошибочно установить, какие именно звери обитают в норах.

Дожидаюсь приезда охотников, я бродил по лесам, лакомился фруктами и орехами, охотился за горными курочками — кекликами. И только вечером возвращался на пасеку, где поселился на это время.

Ждать долго не пришлось. Как-то раз, подходя к дому, услышал хриплый собачий лай. В разных концах усадьбы к деревьям были привязаны собаки. Около собак, злобно рвавшихся друг к другу, суетились люди. Тут-то я впервые и увидел Чубчика.

Это была смешная маленькая собачонка — величиной чуть побольше крупной кошки. Если бы не живые черные глаза, подкупавшие своей смышленостью, вряд ли я обратил бы внимание на такую непривлекательную собаку. Представьте себе желто-

пегого пса с удлиненной головой, коротким обрубок вместо хвоста и грубой шерстью, почти щетиной, торчащей во все стороны. Одно ухо висело книзу, другое задорно стояло торчком.

Но несмотря на свое внешнее уродство, Чубчик был замечательной собакой. Как бы извиняясь, природа наградила его большой понятливостью и по-львиному смелым сердцем.

Так называемые жесткошерстные фоксы — порода собак, к которой принадлежал Чубчик, — специально выведены человеком для норной охоты. Несмотря на маленький рост, они обладают сильными челюстями и исключительной выносливостью.

От них требуется выгнать из норы, задержать или задушить и вытащить наружу барсука или лисицу. Жесткошерстные фоксы с азартом лезут в любую нору, смело вступают в бой с ее обитателем, не обращая внимания на раны, полученные во время схватки, и громким лаем дают знать охотнику о местонахождении зверя под землей.

Кровавые, беспощадные драки, кончающиеся гибелью одного из противников, — это их стихия. Они грызутся насмерть и с другими собаками, причем, как правило, маленький фокс может справиться с большой собакой.

Чубчик был ярким представителем неукротимой породы жесткошерстных фоксов. Я полюбил его за беспредельную смелость. Привлекало меня в этом псе также и то, что обычная для жесткошерстных фоксов свирепость совмещалась у него с добродушием и мягкостью нрава в отношении людей.

При помощи фоксов в первые же дни удалось точно установить, что енотовидные собаки больше не живут в здешних местах. Все норы оказались заселенными барсуками. На них и решили поохотиться прибывшие с собаками охотники.

Неприятная, жестокая эта охота. С неприязнью я вспоминаю о ней, но все же расскажу о тех эпизодах, героем которых был Чубчик.

Представьте себе крутой горный склон, поросший яблонями, алычой и барбарисом. Внизу с глухим рокотом струится горный поток Ходжа-Ата; он то пенится, извиваясь среди темных скал, обдаёт брызгами берег, то притихает, выбегая из теснин на широкий простор. Но мы не замечаем суровой красоты горной природы. Все внимание поглощено работой собак в норах барсуков.

Уже больше часа из-под земли доносится приглушенный собачий лай. Это работает в норе фокс Левко. Он крупнее остальных фоксов, зол до крайности, но не обладает хорошими рабочими качествами: не

умеет загнать зверя в тупик. Вот и сейчас Левко уже долгое время без толку сидит в норе. Лай слышится то с одной, то с другой стороны — значит, зверь то и дело перемещается в своем подземном жилище. Где копать, где вскрывать нору — непонятно, и охотники бездействуют, проклиная глупого пса.

Все с нетерпением ждут, когда пустобрех, наконец, вылезет наружу. На смену ему уже приготовлен маленький Чубчик. С Чубчика сняли ошейник, держат его на руках, и пес дрожит всем телом от нетерпения. Его глаза устремлены на темное отверстие входа, голова медленно склоняется то вправо, то влево. Он чутко ловит приглушенные звуки и, видимо, сообразив своим собачьим умом, что Левко работает плохо, начинает скулить и рваться.

Наконец, из норы, утомленный бесцельным облаиванием барсука, появляется Левко. Не успели охотники взять его на привязь, как Чубчик выскользнул из рук и устремился к норе. И тут произошло то, чего мы никак не ожидали. Левко вцепился зубами в горло Чубчика, и обе собаки, свившись в клубок, покатались под гору. Охотники кинулись за ними, зная, что такая драка может окончиться их гибелью.

Мы нашли собак у подножия холма. Левко беспощадно душил Чубчика. Не было возможности разжать страшные челюсти фокса. Чубчик слабо хрипел, мышцы его ослабели, в закатившихся глазах угасала жизнь.

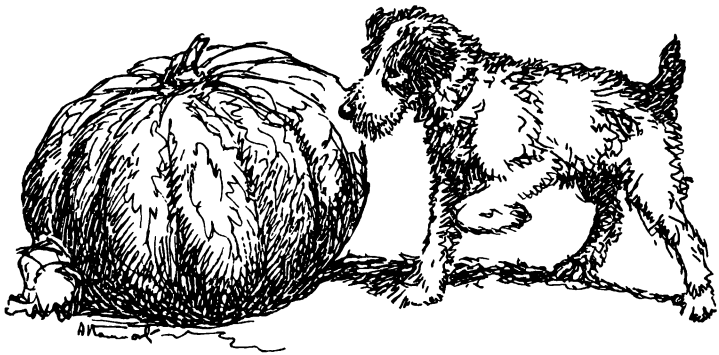
В этот критический момент у меня мелькнула счастливая мысль: схватив обеих собак, я бегом кинулся к потоку и погрузил голову ненавистного Левко в воду. Пес пускал пузыри, захлебывался, извивался, но, видимо, сам был не в состоянии разжать челюсти. Однако скоро Левко потерял сознание, и тогда с помощью кинжала мы смогли, наконец, развести сжатые челюсти.

Обе собаки без признаков жизни лежали на земле.

Возмущенный происшедшим, я не интересовался судьбой Левко. Все мои усилия были направлены на то, чтобы вернуть к жизни Чубчика. И вот, наконец, он открыл глаза, а спустя полчаса, еле передвигая ноги и качаясь из стороны в сторону, брел за мной к пасеке. Пес оказался живучим как кошка, и, не присмотрев за ним, он бы улизнул в лес, туда, где продолжалась охота, где привязанные собаки злобно лаяли на воскресшего «утопленника» Левко.

После этой истории я взял Чубчика под свое покровительство, хотя это псу и не нравилось: он не любил бездействовать. Я отстаивал перед охотниками свою точку зрения, считая, что такую собаку, как Чубчик, надо сохранить для охоты на лису. Лисица не может усидеть в норе при натиске хорошей собаки, выскакивает наружу, где и попадает в руки охотника. Напротив, барсук бешено защищается, предпочитая погибнуть, но не выйдет из своего подземного жилища. Много собак гибнет при охоте на барсуков.

Однажды я остался на пасеке один. Все ушли на охоту в горы. Сажу за столом под открытым небом, попиваю чай с душистым

медом. Чубчик тут же спит у моих ног и во сне взлаивает, наверное, во сне с барсуком дерется. Вдруг я вижу: зашевелилась одна из тыкв, положенных на завалинке дома. Покачается она в разные стороны и опять встает на старое место. Что за диво? Почему тыква словно живая вертится?

Пошел я осторожно к завалинке и вижу, что в тыкве сидит большая туркестанская крыса. Прогрызла она в тыкве дыру, залезла внутрь и лакомится сочной мякотью.

«Ну,— думаю,— пакость такая, теперь не уйдешь. Заряд не пожалею, а тебя живой не выпущу». (Надо сказать, что крысы сильно испортили собранную мной коллекцию птиц и млекопитающих, и я на них был зол.)

Заткнул я прогрызенное отверстие тряпкой, положил тыкву на лужайку возле дома, а сам пошел в комнату за ружьем. Иду обратно, вкладываю в ружье патрон, смотрю — возле тыквы крутится Чубчик. Ему крысу не видно, но чует пес, что в тыкве сидит зверь.

И я решил, что стрелять не буду, пусть Чубчик сам с крысой расправится, а то пес соскучился без охоты. Выдернул я из дыры тряпку, отошел назад, чтобы не мешать Чубчику, и стал наблюдать. Выскочила крыса наружу и, как увидела собаку, поднялась на задние лапы и зубы оскалила. Только Чубчик на нее кинулся — крыса вцепилась зубами ему прямо в нос. Пес трясет головой, старается освободиться и не может.

Тут я не выдержал — вмешался. И получилось так, что оказал я Чубчику медвежью услугу. Взял я палку да сбоку поддал крысу. Она отлетела от Чубчика шагов на пять. Пес тут же бросился на врага и мигом задушил грызуна.

Взглянул я на победителя и ахнул: половины носа у пса как не бывало; осталась у крысы в зубах. Засуетился я, расстроился: жалко собаку, а Чубчик помахивает обрубок хвоста, смотрит мне в глаза и будто хочет сказать, что охота на крыс ему все-таки очень понравилась. Покрутился он около меня, раза два слизнул языком кровь и отправился домой досыпать.

Ну и Чубчик! Ну и урод! Наверное, другая собака, лишившись половины носа, целый час бы визжала, а он и внимания не обратил.

На той же неделе случилось несчастье. Во время охоты на барсука погибла самая лучшая рабочая собака Ледка. Загнав барсука в отнорок, она, пока охотники раскапывали нору, не выпускала зверя из тупика. Но в последний момент барсук решил прорваться, залез под собаку, да так прижал ее к верхнему своду норы, что у Ледки грудная клетка захрустела. Барсук задушил собаку, но и сам застрял. Так и откопали барсука с мертвой Ледкой на спине.

Жалко мне было Ледку, а охотники посмеиваются — чего жалеть. Такова, дескать, судьба всех рабочих фоксов. Редко какая-нибудь собака при такой опасной охоте может выжить больше двух лет.

Потеряв Ледку, охотники снова стали таскать на охоту Чубчика. Я больше не хотел принимать в этом участия, предпочитая бродить с ружьем по горам.

Но как-то раз прихожу домой, а мой хозяин-пасечник и говорит:

— Знаете, а ведь Чубчик пропал.

— Как пропал?

— Да не знаю точно. Говорят, обвал случился, и собаку в норе завалило. Пробовали раскапывать — ничего не вышло: корни да камни мешали. Ну и бросили. А жалко собаку!

Как я это услышал, места себе не могу найти. За что ни возьмусь — все из рук валится. Жду вечера, когда вернутся охотники. Но охотники ничего нового не рассказали. Говорят, собаку откопать невозможно. Оставили они это гиблое дело и в течение целого дня охотились на других барсуков.

Однако на следующий день по моему настоянию охотники показали нору, в которой завалило Чубчика. Лег я на землю, приложил к ней ухо и слышу под землей редкий глухой лай! Бедный пес! Бросили его на гибель, а он, верный своему долгу, все еще лает, старается не упустить барсука. Ну и Чубчик!

«Нет,— думаю,— не допущу, чтобы такой пес голодной смертью погиб!»

Пришел я домой и спрашиваю пасечника, где сейчас в лесу работают киргизы из лесничества. Мне было известно их искусство копать землю. Пасечник рассказал, где их надо искать, и я тотчас отправился в лес. Однако на поиски ушло немало времени, и только к вечеру я пришел домой в сопровождении двух здоровенных парней.

Раннее утро следующего дня застало нас за напряженной работой. Размахнется рабочий широким чекменем, всадит его до отказа и отбросит целую кучу земли. А мы топорами вырубаем корни, выворачиваем камни — освобождаем путь. И в минуты передышки прислушиваемся к лаю. Он уже едва слышен — слабый такой. Видимо, собака совсем обессилела без воздуха, воды и пищи.

Часа четыре продолжалась раскопка, но все же мы добились своего — извлекли из-под земли Чубчика. Сколько радости было! Но пес даже как будто был обижен, что его оторвали от барсука. Немного отдышавшись на воздухе и попив воды (есть ему было некогда), он опять полез в нору. С раздражением схватил я его за шиворот, посадил в мешок и понес домой. Охотники хотели и барсука вытащить из норы. Однако я не дал. Чубчик уцелел, пусть и барсук живет на доброе здоровье, он тоже сражался храбро.

Через несколько дней охотники тронулись в Москву; но не прямо, а с заездом на маленькую станцию близ Сырдарьи, где предполагали поохотиться за фазанами.

Там опять с Чубчиком случилось несчастье. Я узнал об этом позже из рассказов вернувшихся охотников.

Во время фазаньей охоты собаки подняли кабана. Как ни мал был Чубчик, но сердце имел львиное и не испугался страшного зверя. Вцепился пес зубами в зад кабана, да так крепко, что повис на нем. Зверь кинулся в камыши и утащил с собой Чубчика. Долго искали охотники собаку, не нашли и уехали в Москву без нее.

Как кабан отделался от фокса, никому не известно, только спустя неделю Чубчик забежал в отдаленный поселок, а оттуда его доставили на станцию. Вскоре в Москву пришла телеграмма: «Найден Чубчик».

Ну и Чубчик, ну и урод! Побольше бы таких уродов на свет родилось!

ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Много воды утекло с тех пор, как я в последний раз посетил Киргизию.

Высоки киргизские горы, неприступны скалы, круты серые осыпи... «Не по возрасту стала мне эта страна», — решил я и даже

мечтать о ней перестал. И вдруг весной 1951 года обстоятельства сложились так, что мне опять привелось побывать в горах Киргизии.

В самом начале мая мой спутник Анатолий Николаевич Желоховцев и я сошли с поезда на станции Фрунзе с твердым решением как можно скорее покинуть столицу Киргизии и проникнуть в горы.

Стояло тихое раннее утро. В зелени садов и парков чутко дремал город, да на горизонте сквозь дымку маячил хребет Алатау. Как знакомо, как близко сердцу все это!

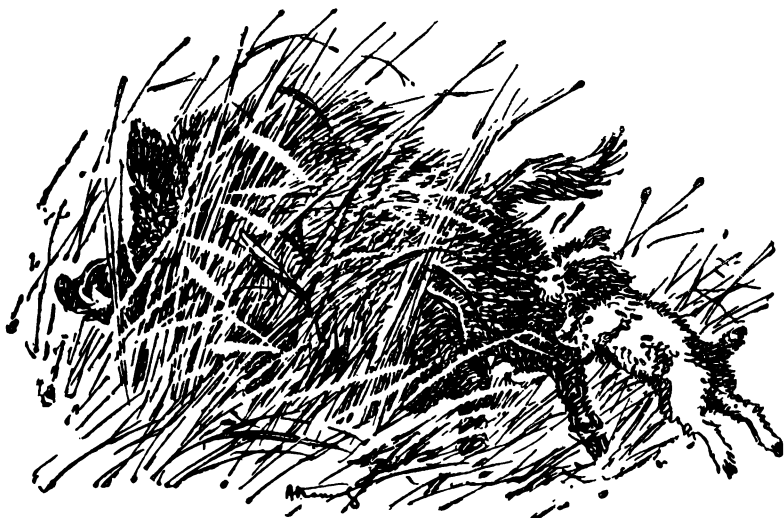
— Сегодня перебросить вас не сумеем, — развел руками один из наших знакомых, когда мы попытались достать машину, чтобы немедленно перебраться на лесной кордон в горы. — Но завтра это сделаем, — успокоил он нас.

Таким образом, неожиданно у нас оказалось много свободного времени.

Целый день бродили мы по тенистым аллеям города, побывали в парках, посетили знакомых. Как все изменилось здесь за последние десять лет! Разросся, украсился город. Там, где в глубине садов когда-то скрывались глинобитные домики, поднялись каменные здания, улицы соединились с сетью шоссейных дорог, прорезающих страну во всех направлениях.

— Как ближе пройти к вокзалу? — спросил я как-то киргизскую девочку. Признаюсь, старая привычка пользоваться жестикующей при объяснении с киргизским населением отразилась на моей речи. Но тут же я убедился, что в этом не было никакой необходимости.

— Если вы очень спешите, — сказала она, — то я вам советую сесть на шестой автобус. Он останавливается на противополож-

ном углу, и, самое большее, минут через десять доставит вас на вокзальную площадь.

— Нет, нет, мне некуда торопиться,— поспешил я убедить свою собеседницу.— У меня избыток свободного времени, но, гуляя, все же хотелось бы идти по направлению к вокзалу, а не в противоположную сторону.

— Ах, вот как! Ну, тогда слушайте...

И девочка обстоятельно и толково рассказала, как лучше пройти к вокзалу.

Невольно перед моими глазами встали картины старой Киргизии.

Когда наша экспедиция появлялась в селениях, ребята прятались по закоулкам и оттуда с любопытством и страхом следили за каждым движением незнакомых людей. Не видно было и женщин. Только мужчины выходили навстречу. Сколько раз мне приходилось наблюдать, как по дороге к базару верхом на лошади едет муж,

а жена идет пешком сзади и несет на спине вещи или ребенка.

Все это в далеком прошлом.

А вот передо мной новая Киргизия. Громадный город утопает в зелени, его улицы покрылись асфальтом. Несоизмеримо вырос, стал культурным народ Киргизии.

Наступала темная южная ночь. Где-то звенели струны гитары, да в садах в центре огромного города, соревнуясь друг с другом, свистели и шелкали соловьи.

«Как жалко, что не поют соловьи в центре нашей столицы Москвы»,— думал я.

Но вот и горы Киргизии, глубокое и прохладное ущелье Туюк, вот и кордон лесничества. Небольшой русский домик стоит поодаль от прочих построек на дне ущелья при слиянии трех горных речушек. Шумя и пенясь, вырываются они из узких щелей и, слившись в общий поток, стремительно несут свои воды вниз по долине. По сторонам в сотне метров круто поднимаются безлесные холмы, поросшие сочной высокой травой, а выше их сменяют арча да остроконечные темные ели. Глухо рокочут на дне потока тяжелые камни, порой туман заползает в ущелье, а в самом верху на фоне голубого неба блестят и искрятся под лучами солнца зубчатые снеговые вершины.

Утро давно настало, но в глубокой долине еще долго царят холод и сумрак. Что-то суровое, но оздоравливающее и незабываемое в этой картине.

Прошло с неделю, как мы поселились в ущелье Туюк, но ни я, ни мой спутник не решались еще подниматься высоко в горы. Разреженный воздух и у кордона давал себя чувствовать. Мы поздно вставали утрами, не спеша пили горячий чай и, когда, наконец, лучи солнца заглядывали в глубину ущелья, отправлялись в ближайшие окрестности лесного кордона. При этих небольших прогулках Анатолий Николаевич собирал насекомых, а я особенно интересовался птицами. К сожалению, их было не очень много, и мне хотелось как можно скорее подняться в альпийскую зону. Чем больше мы свыкались с горным воздухом, тем чаще поглядывали на вершины гор, где среди альпийских лугов поднимались сизые скалы, прикрытые сверху шапкой вечного снега.

Давно намеченный подъем в горы мы осуществили во второй половине мая. Стоял утренний полумрак, когда мы покинули наше жилище и вьючной дорогой направились по ущелью. Вот она поднимается по крутому склону левого берега, достигает вершины небольшого увала, затем ныряет в лощину и приводит нас к мостику. Настил его полуразрушен, оброс мхом и плесенью, но еще прочно держится на двух толстых стволах арчи, перекинутых с камня на камень. Под мостом пенится и ревет поток, наполняя воздух холодной водяной пылью. Такие уголки — излюбленные места гнездования белобрюхих и черных оляпок. Вся жизнь этих необычных птичек протекает на береговых камнях быстрых горных речушек. Избегая ярких лучей солнца, они охотно скрываются под мостами, со звонким криком вылетая оттуда при появлении человека.

С непривычки мы осторожно вступаем на мост, перебираемся на противоположную сторону и идем берегом до тех пор, пока нависшие над водой скалы не загораживают дорогу. И тогда по такому же мостику вновь приходится перебираться на левый берег речушки и, следуя дальше, с каждой минутой подниматься все выше и выше в горы.

В горах нет однообразия, и вам не бывает скучно. На каждом повороте речки картина меняется. «А что за теми скалами?» — всматриваетесь вы в нависшие над водой камни и незаметно проходите к ним около сотни метров. Водопад и флейтовый свист синей птицы вновь привлекают ваше внимание. Вы откладываете передышку и идете дальше.

Так, в осмотре все новых замечательных уголков природы, в наблюдении за птицами незаметно проходит час за часом. За это время вы достигаете сначала верхней границы леса, а затем альпийской зоны и снега. Здесь хрюканьем и свистом вас встречают колонии серых сурков. «Хру-уить, хру-уить, хру-уить, хру-уить...» — раздается со всех сторон громкий крик зверьков. Поднявшись на задние лапы, они кричат что есть силы, готовые, однако, каждую секунду скрыться в свою глубокую нору.

Солнце давно перевалило за полдень и стало спускаться к западу. Мы решили повернуть обратно. Надо было успеть до наступления темноты добраться до лесного кордона. Когда мы спустились со скал и достигли субальпийских пастбищ, нам повстречался уже пожилой киргиз-охотник. Узкой тропинкой, пробитой на крутом склоне, он медленно поднимался на лошади в гору; следом за ним шла худая собака.

— Ты куда? — после приветствия спросил я охотника.

— Капканы смотреть, — ответил он, проезжая мимо. — Четыре капкана смотреть будем и назад придем, тебя нагоним, — повернувшись в седле, пояснил охотник.

Пройдя еще километра полтора, мы решили передохнуть и уселась на склоне. Здесь нас и нагнал киргиз.

— Вы Фрунзе на охота пришел? — остановившись против нас на тропинке и не слезая с лошади, спросил он.

— Нет, не из Фрунзе, из Москвы мы, — ответил я.

— Из Москвы? — удивился охотник. — Москва хороший, только далеко, ой, как далеко, долго ехать надо. Хороший Москва, а гора нет, илек (косуля) нет, теке (козерог) нет — далеко, а охота наша гора пришел, — усмехнулся он.

В знак согласия я только кивнул головой.

— Моя кибит тоже далеко, колхоз меня гора пускай, барса лови, — продолжал он. — Я тоже охотник, охота гора пришел.

Из дальнейших слов охотника я узнал, что он каждый год в этих горах ловит капканами барсов и живыми сдает их заготовительной организации в городе Фрунзе. Сейчас он проверял последние четыре капкана, поставленные на лесных тропинках среди горного ельника.

Обитатель скал, барс, и вдруг в ельниках — это меня заинтересовало.

— Да ты слезай с лошади, рядом садись, я хочу расспросить тебя о том, как ты барсов ловишь, как охотишься.

— Спасибо, лошадь сидим хорошо, — улыбаясь и показывая белые зубы, отказался он. И, продолжая оставаться в седле, он рассказал, что уже пять дней ставит в горах капканы на барса. В прошлом году охотник поймал пять хищников, но в это лето ему пока не везет: еще ни один барс не попал в настроженную ловушку. Впрочем, не везет и его товарищу, который вместе с ним поселился в лесной избушке и ставит капканы в соседнем ущелье.

— Почему же ты на барсов капканы в ельниках ставишь? — продолжая недоумевать, спросил я. — Ведь барс не в лесу, а значительно выше, вон где живет! — С этими словами я указал

собеседнику на серые скалы; сверху и по сторонам их белел и искрился снег.

— Живет и спит камень,— вновь улыбаясь, кивнул головой охотник, тоже указывая на скалы,— а илек (косуля) лови в лес ходит.— И он, ломая русскую речь, рассказал о жизни и повадках пятнистого хищника, причем познакомил меня с такими деталями, о которых я не имел никакого понятия.

По словам охотника, в тех районах, где встречаются горные ельники и где в изобилии обитают косули, в мае барсы редко охотятся в скалах за козерогами. Талый снег в это время непрочен лежит на крутых склонах и после захода солнца покрывается скользкой ледяной коркой: ходить по нему даже ловкому хищнику барсу становится небезопасно. Но именно здесь и предпочитают держаться группы козлов-козерогов. Они кормятся на альпийских лужайках и, пробивая копытами корку, свободно пересекают участки непрочного и опасного снегового покрова. При всякой тревоге козлы по узким карнизам проникают на отвесные скалы. Трудно бывает в это время поймать добычу горному хищнику. Бросаясь на козерога, он, иной раз промахнувшись, скользит и катится по крутому склону. Трудность охоты и вынуждает барса временно переключаться на охоту за косулями. Незадолго до захода солнца он покидает свое логово в скалах и спускается в горные ельники. Здесь хищник то крадется, используя для подхода лесные тропинки, то подстерегает косуль на переходах. В такой обстановке овладеть добычей, конечно, сравнительно просто и безопасно.

— А тебе приходилось видеть, как барс ловит илека? — спросил я охотника.

— Глазами смотри не был, а следы видел. Следы все расскажи, как было.— И он живо и интересно рассказал, как эта крупная

кошка ловит свою добычу и чем приемы ее охоты отличаются от приемов охоты волка.

Волк иной раз подолгу преследует свою жертву, а нагнав, наносит ей клыками страшные раны и пытается разорвать горло.

Барс охотится по-другому. Его короткие ноги не дают возможности преследовать. Медленно подползает на брюхе хищник, терпеливо выжидает за камнем. Единственный прыжок обычно решает удачу охоты. И, рассказывая об этом, охотник широко развел руками, желая показать, как барс раскидывает свои когтистые лапы, бросаясь на жертву. Конечно, при единственном прыжке барса в момент нападения это имеет большое значение.

Меня поразила большая наблюдательность простого охотника. Охотясь за дикими животными и отлавливая зверей живыми, он не только до тонкости изучил их повадки и образ жизни, но сумел объяснить и связать их биологические черты с особенностями строения. Интересно, что почти то же самое я не один раз рассказывал своим студентам, стараясь подчеркнуть разницу в строении и биологии представителей собак и кошек. Обычно единственный, но зато точно рассчитанный прыжок кошки я сопоставлял с продолжительной и настойчивой погоней за добычей волка.

— Ну, а когда барса поймал, в мешке его вниз везешь? — спросил я своего собеседника. Мне было хорошо известно, что именно так киргизы-охотники перевозят в горах пойманных барсов.

— Высоко в горах на руках тащим, а хороший дорожка лошадь везем, — ответил он.

— А ведь, наверное, интересно барса в горах выследить, а потом живьем взять зверя? — вновь задал я вопрос.

— Интересно, конечно, — кивнул головой охотник, — трудно только — совсем бабай стал. Пять — десять дней гора вверх до снега ходи, потом вниз ходи — только одного барса поймай.

Действительно, сколько умения, труда и выдержки нужно вложить охотнику, чтобы выследить и поймать осторожного хищника. Невольно я с уважением, почти с восхищением смотрел на своего собеседника, на его простенькое ружье, на привязанные к седлу капканы, на тонконогую карюю лошадку с блестящими выпуклыми глазами и широкой грудью. «Вот он, горный охотник, — думал я. — Часть его жизни протекает у линии вечного снега, где порой ниже вас ползут тучи, в скалах свистят улары да по едва приметным тропинкам бесшумной походкой осторожно бродит пятнистый хищник». Признаюсь, от всего этого повеяло романтикой.

Но этот уже пожилой человек с короткой седой бородкой и кирпичным от загара симпатичным лицом, видимо, иначе — просто, по-деловому — смотрел на свое занятие. Правда, он любил охоту, любил суровую природу гор, и, когда колхоз посылал его ловить барсов, он, не задумываясь, оседлывал лошадку и отправлялся в знакомые издавна уголки ущелья Туюк.

— Ну, пора нам домой, кош (прощай), — протянул я ему руку, а потом невольно потрепал гриву и упругую шею лошади. — Лошадка у тебя замечательная, хоть на любую выставку, а вот собака — смотреть жалко, никуда не годится. Взгляни, ведь у нее все ребра пересчитать можно.

— Лошадь корма много, — кивнул охотник на горные увалы, сплошь покрытые яркой молодой зеленью. — Собака ленивый. Суур (сурок) кругом много. Поймай суур — жирный будет, не лови — худой будет, — улыбаясь, объяснил он.

Наш новый знакомый стал спускаться к горному озеру, близ которого стояла избушка охотников.

На заходе солнца, когда мы, пересекая субальпийскую зону гор, приближались к дому, меня поразило одно обстоятельство. Множество больших ярко-красных цветов поднималось среди

высокой травы по сторонам тропинки; их не было утром, когда мы шли в горы. Они распустились за этот необычно теплый и яркий день и сейчас повернули свои головки к заходящему солнцу.

«Прощайте, чудные, сказочные горы Киргизии»,— мысленно говорил я, бросая взгляд на зелень лугов, на серые скалы, на снеговые вершины.

ВОКРУГ ИССЫК-КУЛЯ

Наступил новый, 1956 год. К первому января я закончил занятия со студентами, и у меня выдался целый месяц свободного времени. В прошлом каникулярное время я обычно использовал для изучения зимовок птиц на берегах Каспия. Выезд туда намечался по плану и в текущем году. Но ехать в Закавказье как-то не было настроения. Опять Ленкорань, Кумбаши, остров Сара — эти места мне уже несколько надоели. Ведь наши птицы проводят зиму не только под Ленкоранью. «Не поехать ли на Иссык-Куль, на киргизское горное озеро, где круглый год не замерзает вода и где скопляются в холодное время года утки, лебеди и разнообразные мелкие птицы? Остроконечные снеговые вершины, голубая вода, и небо, и яркое солнце...»

6 января я сел в поезд. Пять суток дороги. Мимо окна уплывают назад мутные снежные дали, мелькают телеграфные столбы и обнаженные деревья заградительных железнодорожных посадок. Скучно. Не на чем остановить взгляд, сосредоточить внимание.

Потом столица Киргизии, пышно расцветший за последнее время большой город Фрунзе.

— Если вас устроит, мы охотно выделим для поездки крытую грузовую машину, дадим опытного водителя и прикрепим научных сотрудников,— любезно предложили мне в Киргизской Академии наук.

Еще бы! Кто откажется от такого удобства! Не случайный транспорт, а специальная машина, так сказать, дом на колесах. Предвыездная суета, бензин, закупка продуктов и, наконец, долгожданный момент — наш водитель Александр Никитич садится в кабину.

— Готовы? — кричит он в приоткрытую дверь.

— Поехали.

Дверь кабины хлопает. Захлебываясь, гудит мотор, и машина выезжает со двора академии. Потом одна за другой мелькают улицы и аллеи города.

— Вот это наша прямая дорога, ею до самого Иссык-Куля поедем,— говорит мне Александр Никитич, выезжая на трассу.

Кругом зимний ландшафт. Занесенные снегом поля и хатки, голые деревья садов, бойкие сороки, вдали искрятся великаны-горы. Поселки с небольшими перерывами тянутся вдоль шоссе

дороги. Часа три быстрой непрерывной езды, и горы совсем близко. Слева течет река Чу. Она отделяет Казахстан от Киргизии. Ее бурная вода с шумом рвется среди камней и обрывов и, покрывшись белой пеной, стремится дальше. Поднимаясь вверх по течению, мы, наконец, проникаем в Боамское ущелье. По сторонам крутые увалы, местами отвесные скалы нависают над нашей дорогой, а внизу мечется и ревет в тесном русле беспокойная Чу. Но что за странность? Несмотря на непрерывный подъем в гору, снега с каждым километром становится меньше. На северных склонах он лежит редкими пятнами, южные совершенно бесснежные.

Вот сквозь стекло кабины замечаю большую летящую птицу. Широко раскрыв длинные узкие крылья и не производя ими никакого движения, она скользит в воздухе. «Бородатый ягнятник», — мелькает у меня догадка. Как давно я не видел этого горного летуна и как мечтал когда-то добыть хоть один экземпляр для своей коллекции!

— Александр Никитич, голубчик, останови! — прошу я нашего шофера.

Машина резко сокращает скорость. Не дождавшись остановки, выскрываю наружу, вскидываю ружье и нажимаю гашетку. Гремит выстрел, раскатывается по ущелью. Бородач виляет, как бы увертываясь от просвистевших близко дробинок, а затем равнодушно скользит дальше в боковое ущелье. А я, одновременно и сожалея и радуясь, провожаю его восхищенным взглядом. На фоне черной скалы хорошо видны ярко-рыжее брюхо, длинная голова с вытянутым загнутым клювом, красный глаз и свисающая борода. Необыкновенная, чудная птица горных ущелий! Издали долетает характерный звук, напоминающий звук высоко летящего самолета, это вибрируют длинные перья скользящего в воздухе хищника. Но учтите, что бородатый ягнятник не вредная птица. Его пища в основном состоит из костей погибших диких и домашних копытных животных. Несколько позднее мне указали гнездо ягнятника; оно помещалось на скале, недалеко от места, где я его встретил. Значит, это была местная птица. И как хорошо, что мой выстрел не поранил и не убил ее!

Около часа спустя ущелье стало шире. Рядом с дорогой стоит путевая столовая — Хитрый домик, или Лисий хвост, так называют его проезжие посетители. А их много. Каждый считает своим долгом позавтракать в уединенной столовой. В домике светло и уютно. Высоко над горами поднялось солнце; теплом и светом оно заливает ущелье, врывается в окна.

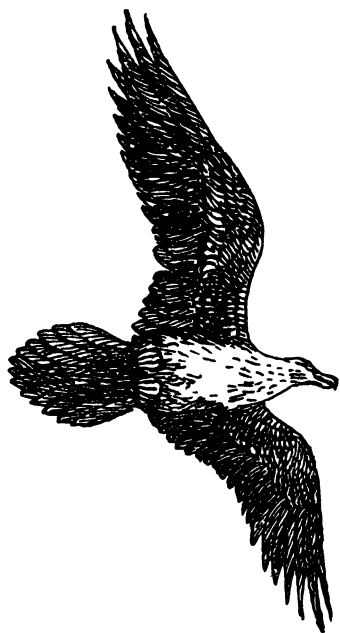
— Ты что тут делаешь? — спросил я маленькую девочку, стоящую рядом с прилавком. — Наверное, отпускаешь обеды?

— Нет, не я. Мама. Мама — буфетчица, а я просто так.

— Как зовут тебя, где ты живешь?

— Катей зовут, здесь и живу, — ответила девочка.

— Хорошо здесь, верно? Горы какие, и смотри, сорок-белобок на дворе много! Нравится тебе жить в этом ущелье?

Долго длилось молчание.

— Так как же, Катя, нравится или нет? — повторил я вопрос.

— Не нравится, скучно: девочек нет, одна и одна,— возразила моя собеседница.

«А ведь и правда», — уже стыдясь своего вопроса, подумал я. Один ребенок в глухом ущелье и на 40 километров нет ни единого малыша-сверстника. Действительно, «скучно».

— Ну ничего, Катя, скоро в школу, тогда скучно не будет,— сказал я девочке на прощание, пожимая маленькую руку.

Мы двинулись дальше. Еще несколько километров — и снег исчез совершенно. Кругом совсем не

зимняя обстановка. Яркие лучи солнца заливают широкую долину Чу, искрятся в бурной ее воде, в ручейках и озерах. Тепло. Среди зарослей колючей облепихи летают мелкие насекомые, с верхушки на верхушку перепархивают поразительно пестрые птицы — краснобрюхие горихвостки, да по камням среди бурых потоков суетятся тесно связанные с текучей водой птички — белобрюхие оляпки.

Но вот солнце начинает склоняться к западу и скрывается за вершинами снеговых утесов. Мы спешим. Нужно успеть заправить машину в Рыбачьем и, покрыв еще 24 километра, достичь небольшого аула. Там мы решили сделать двухдневную остановку, познакомиться с животными окружающей местности, собрать коллекцию птиц и зверьков. И наша машина вновь развивает большую скорость, за ней вьется облачко дорожной пыли, и далеко позади среди гор каким-то провалом темнеет мрачное в эту пору Боамское ущелье.

Аул Торайгир, где мы сделали первую остановку для проведения стационарных работ,— небольшой населенный пункт. Из ближайшей горной речушки сюда попадает вода и нарушает общий пустынный характер местности: здесь раскинулись фруктовые деревья, тянутся высокие вербы. Примерно в километре от поселка широко расстилается водная гладь Иссык-Куля. Его низкие берега покрыты песком да камнем, местами растет облепиха. К северу от аула до самых гор, постепенно повышаясь, простирается каменная пустыня — одни камни да плиты и совсем мало растений. Уже после первой прогулки по окрестностям

Торайгира мне стало скучно. Не собирать же только горных рогатых жаворонков! Бесчисленное количество этих замечательных птичек спускалось с высокогорий, чтобы на бесснежных участках провести зиму. Идешь по открытой местности и почти непрерывно слышишь их мелодичные голоса и видишь светлых длиннокрылых птичек. Крупными стаями они поднимаются в воздух впереди вас и, пролетев короткое расстояние, вновь рассаживаются на серую почву. Правда, интересно понаблюдать такое скопление пернатых, но только недолго.

— Давай уедем отсюда, побываем в скалах и проведем хоть один день вон в том ущелье,— обратился я к спутнику, сотруднику академии Ахмату, указывая на север.

— Конечно, поедем,— поддержал он меня, и часа два спустя наш шофер, Александр Никитич вел машину к намеченной цели.

Впрочем, была и другая серьезная причина спешного отъезда, почти бегства, в ущелье. Дело в том, что второй наш спутник, аспирант Марат, был в ауле своим человеком. У него оказалось здесь много родни и знакомых. Друзья, тети и дяди наперебой зазывали к себе желанного гостя Марата и его приятелей, то есть нас. И чтобы не обидеть гостеприимных друзей Марата, мы решили сбежать из аула и уединиться в одном из ущелий; местное население называло его Чон-кок-джар. Там в зимнее время в глиняных домиках жило несколько семей скотоводческого колхоза; в одном из них мы и решили провести долгую и скучную зимнюю ночь. Но этот домик пока еще далеко впереди. Гудя, машина медленно поднимается по пустынным увалам все выше и выше.

— Горные курочки! — толкает меня в бок водитель, указывая куда-то в сторону.

Стая птиц срывается с места и, наполняя воздух своеобразными криками, летит над каменистой степью.

— Какие горные курочки, это саджи! — шепчу я и жадными глазами провожаю летящую стаю.

Да, саджи! Вспоминаю раскаленные пустыни Казахстана, бесплодные, выжженные солнцем солончаковые степи и голоса

быстро летящих стай. Да, это саджи! И вдруг поднимаются в воздух еще и еще стай птиц, одни летят в одном направлении, другие — в противоположном. Слышны голоса и звон крыльев быстро летящих пернатых.

Саджа — величиной с голубя, длиннокрылая, окрашенная в нежный палевый цвет птица. Пальцы ее маленьких ножек напоминают звериную лапку. Не случайно местами ее называют копыткой. Это типичный житель наших безводных азиатских степей и пустынных пространств Монголии. В этих местах они живут круглый год, питаюсь на свободных от снега участках опавшими семенами и молодыми побегами пустынных растений и не боясь ни горячего солнца, ни лютых морозов.

Около трех часов потратили мы, пытаясь добыть для коллекции несколько ценных для нас экземпляров, но все безуспешно. Нелегко поймать зимой эту быстрокрылую, осторожную и крепкую птицу.

Солнце спускалось к западу, когда мы достигли в ущелье домиков скотоводов и, отпустив машину обратно в аул, занялись сборами коллекций. Но вскоре стало темнеть. На смену теплomu, почти жаркому, дню надвигались холодные сумерки. Казалось, волны ледящего воздуха спустились с гор по ущелью вместе с потоком текущей воды, постепенно заполнили долину, покрывая ледяной коркой небольшие озерки и лужи. Потом наступила яркая звездная и студеная ночь.

— Ахмат, Ахмат,— пытался разбудить я глубокой ночью приятеля.— Ну проснись, наконец! Слышишь, как лает собака?— Гневный собачий лай то удалялся в сторону речки, доносясь снизу и издали, то приближался к самому домику. В такие моменты он становится каким-то особенно напряженным и злобным.— Да проснись же, Ахмат! Слышишь, как мычат коровы, как в загоне мечутся овцы? Я убежден, что со стороны речки подходят волки. Надо же разбудить нашу хозяйку, разбудить пастухов-скотоводов. Выстрелить, что ли?

— Не надо стрелять,— ответил мой спутник.— Разбудишь людей. Ведь есть же сторож — собака!

Без ружья я вышел наружу, вынул карманный фонарик и, нажав кнопку, стал размахивать им в воздухе. Видя поддержку, собака с лаем кинулась вниз к речке. Потом лай прекратился. Внизу журчала вода, да, вероятно, от ночного ветра шевелились и невнятно шуршали камыши и прошлогодняя сухая трава. Ко мне доверчиво подошла большая собака.

— Ну что, не пустил волка? Молодец, пес! — потерял я грубую шерсть заслуженной киргизской овчарки.

А четвероногий помощник, видя во мне — постороннем человеке — своего друга, продолжал всматриваться в темноту и обрезанными ушами чутко улавливать ночные звуки. Стало холодно. Я возвратился домой и вскоре уснул.

Под утро меня вновь разбудил лай собаки. Я взял ружье и спустился к реке. Кругом стояла тишина раннего холодного утра.

Только в густых зарослях облепихи возбужденно циркала крошечная птичка — крапивник да вддали перекликались между собой бородатые куропатки. Постояв немного, я пошел вверх по течению, осматривая песчаные берега и наледи. Вскоре мой взгляд упал на большой круглый след зверя: он, несомненно, принадлежал волку.

— Знаешь, Ахмат, мое предположение полностью оправдилось: на речке я нашел свежий след волка, — сказал я товарищу за утренним чаем. — Он шел с севера, вниз по ущелью. Замечательные собаки у вас в Киргизии. Ведь один пес почти без помощи человека сумел не подпустить волка, и, быть может, не одного, к загону с баранами. Всю ночь он оттеснял серого разбойника к речке. Такой собакой скотоводу можно гордиться. Признаться, среднерусские собаки неспособны на подобный подвиг. Правда, наш волк покрупнее, посерьезнее вашего. Но зато собаки боятся его больше всего на свете. И вполне понятно, ведь, например, под Рязанью за зиму волки наполовину уничтожают собак в каждой деревне.

Когда после завтрака мы вышли наружу, чтобы идти на охоту, солнце успело выглянуть из-за гор и чуть пригревало озябшую землю. На куче соломы я увидел ту самую сторожевую собаку. Она чутко дремала после беспокойной ночи.

Охота затянулась до полудня. Студеное утро сменилось не по-зимнему жарким днем. Потом за нами пришла машина, чтобы перебросить в аул Торайгир. Назавтра мы наметили отъезд к востоку по северному берегу Иссык-Куля.

Утро шестнадцатого января. Машина в полной готовности стоит во дворе. Гудит мотор — пора выезжать.

— Кончилась хорошая жизнь! — сокрушенно вздыхает Марат. «Всякая жизнь хороша», — думаю я.

— Поехали! — кричит из кузова Александр Никитич и осторожно выводит машину на улицу, переезжает арык и, достигнув трассы, набирает скорость.

Направо широко раскинулось озеро, налево тянется горная цепь Кунгей-Алатау. Прощай, гостеприимный аул Торайгир!

Километрах в тридцати от аула удачным выстрелом мы добыли крупного интересного хищника. Мне было ясно, что это сокол. Но какой?..

— Послушай, Ахмат, ведь это не сокол-сапсан, не балобан, что же это такое?

— Сам не могу понять, не наш сокол, такого я не видел,— пожал плечами мой собеседник.

Я долго думал, потом вскочил, приоткрыл кабину и крикнул Ахмату:

— Догадался! Это редчайший сокол — алтайский кречет!

— Смотрите-ка туда. Неладное там творится,— прерывая нашу беседу, показал на восток Александр Никитич. К этому времени мы привыкли к нашему шоферу и стали звать его просто Сашей.— Дует санташ. Он непременно нас захватит,— продолжал он, всматриваясь в черную тучу.

И действительно, на восточном горизонте черная туча закрыла небо; исчезли неясные очертания гор.

— Постой, друг! — поднял Саша руку, останавливая встречную грузовую машину.— Снег далеко? — спросил он незнакомого шофера.

— За конским заводом в Чолпон-Аты лежит пятнами, а в Григорьевке уже все снегом покрыто,— ответил он.

— А дальше?

— Дальше снег выше пояса; между Сары-Булаком и Тюпом занесено совершенно, целую ночь меня трактор ташил.

— Что же делать? — обратился к нам Саша.

— Давайте доберемся до знакомого рыбака в Средние Урюхты,— предложил Ахмат.— Там места интересные, сплошные заросли облепихи, у него переждем, пока дорогу расчистят.

Все согласились, и машина двинулась.

Но перед тем как рассказать о нашем дальнейшем путешествии, я расскажу о ветрах, периодически дующих на озере Иссык-Куль.

Ветер улан, или боам, дует с запада из ущелья, по которому течет река Чу. Он дует зимой и летом и поднимает в воздух такую массу пыли и мелких камней, что останавливаются проезжие машины, а люди, потеряв ориентировку, бродят словно в потемках. Чтобы предохранить себя от мелких летящих камней, на глаза надевают очки с толстыми стеклами, а на тело ватную телогрейку. Однако этот ветер действует на коротком расстоянии и вскоре теряет силу. От него легко укатить на машине, сделав километров сорок по направлению к востоку.

Более неприятен и опасен ветер санташ. Он дует с востока по несколько дней сряду и проникает до самых западных оконечностей озера. Санташ в переводе на русский язык — «миллион камней». Почему его так называют? Быть может, достигая значительной силы, он, как и улан, поднимает в воздух и несет массу мелких камней?

Нет, его называют так по другой причине.

Санташ — историческое название. Оно связано с преданием о нашествии Чингис-хана на Среднюю Азию. Рассказывают, что, проникая в Иссык-Кульскую котловину через одно из восточных ущелий, полководец приказал каждому своему воину положить камень. Когда тем же путем войско Чингис-хана после завоевания возвращалось обратно, каждый уцелевший воин взял по камню. На месте осталась масса — «миллион камней». Их число соответствовало числу воинов, погибших за время похода.

В первый день пребывания на озере я как-то осматривал его северный берег. Меня интересовало, не зимуют ли здесь кулички? Но ни птиц, ни их следов не было видно. Меня поразило одно обстоятельство. В одном месте на протяжении сотни метров я нашел семь черепов человека. Я осмотрел их. Они не носили никаких повреждений и, судя по целым и ровным зубам, принадлежали сравнительно молодым людям. Кто они, и при каких обстоятельствах погибли?

— Послушай, Ахмат, чем объяснить это? — спросил я приятеля, а потом еще нескольких человек, но так и не получил исчерпывающего ответа. Только один старый киргиз позднее разъяснил мне загадку.

— Два ветра, улан и санташ, сразу сильно гулял. Много рыбак тогда тонул.

Но, пожалуй, вернусь к продолжению нашего путешествия.

В тот день нам не удалось добраться до знакомого рыбака. Не доезжая Чолпон-Аты, мотор машины перестал работать.

— Аккумуляторы что-то шалят, — объяснил Саша. — Придется здесь на часок задержаться, привести все в порядок, пока тепло и нет снега.

Воспользовавшись остановкой, я взял ружье и направился к берегу озера. Там широкой полосой протянулись густые заросли облепихи. Вскоре моему примеру последовал и Ахмат. Но на берегу не оказалось ничего для меня интересного. Стайки уток, красноголовых и красноносых нырков, покачивались на широких волнах озера, да пара лебедей-кликунов отдыхала на отмели. При моем появлении лебеди, тревожно перекликаясь, вошли в воду и поплыли прочь от берега. За ними уплыли и утки. Поглядев им вслед, я повернул назад, углубился в чащу и стал тщательно исследовать труднопроходимые заросли.

Вот масса мякоти ягод покрывает почву: наверное, на кустах кормились семенами какие-то зерноядные птицы. А вот свежая норка какого-то грызуна, да, впрочем, не одна, а множество норок, — осматриваю я землю вокруг куста облепихи. Вероятно, янтарные ягоды полезны для организма и привлекают сюда разнообразных животных.

И вдруг из-под самых ног в воздух взлетает крупная птица — филин. Часто взмахивая широкими крыльями, он сначала поднимается над деревьями, а затем исчезает из виду.

— Ахмат, я поднял филина, не надо его стрелять! — кричу товарищу, заслышав, как он где-то поблизости продирается сквозь заросли.

Спустя минут десять наталкиваюсь на множество ушастых сов. Они то и дело вылетают из чащи деревьев и, пролетев короткое расстояние, вновь садятся на ветви. Видимо, благодаря обилию грызунов совы нашли в этой местности благоприятную обстановку для своих зимовок и с наступлением дня укрываются в тенистых и труднопроходимых зарослях облепихи. Но и ушастые совы сейчас меня мало интересуют. Зачем стрелять этих полезных птиц, если они не представляют интереса для музейной коллекции!

Но вот вскоре я слышу какие-то необычные, вернее, незнакомые мне голоса. Осторожно подвигаясь вперед и держа ружье наготове, наконец, замечаю и самих пернатых. Крупнее нашего снегиря, но окрашенные в ровный розовый или серый цвет, эти птицы объедают ягоды и негромко перекликаются между собой. После моего выстрела две незнакомки падают вниз. Отыскивая их, я и здесь нахожу мякоть ягод. Видимо, семена облепихи — их основная пища в зимнее время. Птицы оказываются розовыми чечевицами. Летом они населяют горные ельники, а зимой спускаются вниз и держатся в зарослях.

Настойчивый сигнал нашего шофера уведомляет, что машина в исправности и пора ехать дальше.

Действительно, как и говорил шофер встречной машины, вскоре за поселком Чолпон-Ата похолодало. Еще километров десять пути, и на полях появились первые пятна снега. В сумерки мы спустились с холма и пересекли широкую долину. Она была усыпана галькой, по ее середине протекал горный ручей. Когда мы поднялись на высокий холм противоположного берега, нам представилась зимняя панорама. Поля, видневшиеся вдали деревеньки, кусты по краям дороги — все было покрыто сплошной пеленой снега.

Мы заночевали в поселке Григорьевка. Выдалась тихая, звездная и морозная ночь. После ужина я накинул меховую тужурку и вышел на улицу. Где-то на краю селения гудела машина, лаяли собаки. И мне странным и непривычным показалось, как звонко скрипит снег под ногами запоздавшего пешехода.

На рассвете 17 января мы тронулись далее на восток. Неподалеку от поселка Ананьево машину захватила пурга. И когда к полудню мы достигли поселка Средние Урюхты, метель разыгралась на славу. Оставив машину под навесом скотного двора колхоза, проваливаясь в глубокий снег и то и дело теряя дорогу, мы, наконец, добрались к домику знакомого моим спутникам рыбака. Свирепый ветер санташ и на этот раз доставил массу неприятностей и бед человеку. У нас он отнял много драгоценного

времени. Три дня задержались мы в гостеприимном домике рыбака, пытаясь и в условиях снежной метели не прекращать работы. Но санташ очень мешал исследованиям. В течение двух суток он беспрерывно дул с большой силой с востока на запад, бросая в лицо хлопья мокрого, тяжелого снега. Они залепляли глаза, набивались в ружейные стволы. В ночь на 19 января ветер стих и снег прекратился. Но это не улучшило условий наших исследований.

Когда ранним утром я вышел из дома, меня поразила мрачность окружающей обстановки. В белой снеговой раме неприветливо и беспокойно плескалась почти черная вода залива. На холодных волнах, четко выделяясь светлыми пятнами, покачивались стайки зимующих лебедей и оторванные от берега белые лыдинки. Мне стало как-то не по себе — неуютно и холодно. Я повернул к дому. Метель намела у его стен большие сугробы. Сплошная пелена снега покрывала также заросли облепихи. Только местами среди снежных холмов поднимались не занесенные снегом деревья. «Пожалуй, здесь больше нечего делать, надо спешно пробиваться на восток, к Пржевальску», — думал я, оглядывая беспокойную воду озера и покрытую сугробами землю.

Впрочем, я не сказал об одной серьезной детали. Водитель машины Саша сегодня чувствовал себя не вполне здоровым. Он оказался тоже охотником и, несмотря на бушующую метель, еще вчера утром выпросил у хозяина дробовое ружье и отправился на охоту за утками. Прошел зимний день, стемнело, а Саша не возвращался. «Ну где его в потемках нелегкая носит?» — беспокоились мы. В напряженном ожидании товарища, казалось, бесконечно долго тянулся вечер. Лай собак и оклики около дома заставили нас встрепетнуться. Но это оказался не Саша. Верховые киргизы искали своих двух охотников. «У нас тоже пропал человек», — объяснили мы им, выйдя наружу и размахивая зажженным фонарем в темноте.

Наконец, около десяти часов возвратился Саша. Вес облепленный снегом, прозябший, но довольный и возбужденный, он принес тяжелую кряковую утку и интересную для нас птицу — бекаса-отшельника. А сегодня, после вчерашней прогулки, Саша лежал в постели, пытаясь убедить всех, что он чувствует себя достаточно хорошо и что ему просто приходится ждать, когда высохнут его валенки и рабочий костюм. «Что ж, не беда, пересидим и этот денек», — примирились мы и, пробивая траншеи в глубоком снегу, направились в разные стороны в надежде найти среди снеговых заносов еще что-нибудь интересное.

Наша попытка увенчалась успехом. Как оказалось, вальдшнепы, утки, обычные наши бекасы, бекасы-отшельники и пастушки, несмотря на метровый слой снега и холод, упорно продолжали держаться близ текучей воды родников, где была возможность отыскать пищу.

Утром 20 января мы покинули рыбацкий домик, чтобы следовать дальше.

— Приезжайте летом,— сказал на прощание гостеприимный хозяин Михаил Коныч.— Летом здесь благодать: нет ни комаров, ни жары, купание хорошее, на лодке по озеру покататься можно.

Двадцатое января — самый тяжелый день во всей нашей поездке. Неудачи начались с утра и закончились ночью. Не более 30 километров отъехали мы по шоссе к востоку, как нас остановила милиция.

— Я майор милицейской службы,— козырнув, представился нам толстый симпатичный киргиз.— Ехать дальше нельзя, навстречу идут отары баранов, так что назад прошу повернуть,— решительно, но как бы оправдывая свое запрещение, добавил он.

— Нам сейчас ни в Сары-Булак, ни в Тюп не надо. Доедем до первого населенного пункта к знакомому и там будем пережидать, когда дорогу расчистят,— солгали мы.

— Это, пожалуй, можно. Только стойте на месте, когда бараны пойдут навстречу,— предупредил он, и мы мирно расстались.

И действительно, вскоре на шоссе появились бараны. Отары двигались сплошной массой, заполняя шоссе и, так как вокруг был глубокий снег, не имели возможности свернуть в сторону. Да, впрочем, им там и нечего было делать. Прошлогодня сухая трава, кустарники, кое-где небольшие стога сена — все было покрыто сплошным снежным покровом. Голодные животные торопливо бежали вперед, хватая по пути утерянные клочки сена, брошенную тряпку. Позади каждой отары в тяжелых бараньих тулупах ехали мрачные всадники-скотоводы; за ними на розвальнях везли разобранные кибитки, домашнюю утварь; по сторонам бежали сторожевые овчарки.

Тяжелое время для скотоводческих колхозов выдалось в ту зиму. Небывало глубокий снег в январе 1956 года покрыл обычно бесснежные высокогорные пастбища, и стада баранов неожиданно остались без подножного корма. Занесенными горными тропками спешили спуститься скотоводы со своими стадами. Но в зоне еловых лесов многие натолкнулись на особенно глубокий снег, сквозь который так и не сумели пробиться к берегам Иссык-Куля. Другие с большими потерями все же достигли шоссейной дороги и сейчас, напрягая последние силы, спешили к бесснежному западу. Так, пережидая, вернее пропуская, идущих навстречу баранов и используя для движения промежутки времени между прохождением отар, мы двигались вперед черепащим шагом. Только к полудню машина достигла поселка Сары-Булак. До Пржевальска оставалось не более 35 километров, но очень трудной дороги.

— Вот они, чертовы ворота,— показал на восток наш водитель.— Этой низиной и дует проклятый санташ. Каждую зиму он несколько раз совсем заметает дорогу.

Восточные оконечности двух хребтов — Кунгей-Алатау и Терской-Алатау — в этом месте подходят друг к другу особенно

близко. Между ними залегает широкая речная долина. Сейчас она представляла собой снеговую пустыню. На безоблачном небе светило ослепительно ярко солнце, под его лучами искрился снег да с востока дул низкий ветер — поземка, продолжая и без снегопада заносить дорогу. Машина не продвинулась и 200 метров от поселка Сары-Булак, как застряла в глубокой рывтине. Мы пытались ехать вперед, завывал мотор, но буксующие колеса зарывались в рыхлый снег, и машина оставалась на месте. Бросая под колеса сено и раскачивая кузов, с невероятным трудом нам удалось преодолеть препятствие и выбраться из глубокой ямы.

Однако торжествовать приходилось недолго. Машина, напрягая все силы, проползала несколько метров и попадала в новую предательскую колею, откуда выбраться было еще труднее.

Впрочем, стоит ли описывать наши мучения? Они продолжались несколько часов кряду и вымотали из нас последние силы. Наконец, впереди появился трактор. Закопченный тракторист уверенно вел его через занесенные поземкой рывтины и ухабы. Вот трактор делает крутой поворот, бросает нам спасательный металлический трос, и мы чувствуем, как машина медленно, но уверенно выбирается из ненавистой ямы на сравнительно ровное место.

К сожалению, это далеко не конец наших мучений — их много еще впереди. Трактор бросает нас, вытащив из ямы, и, попыхивая, спешит по своим неотложным делам. А мы вновь прочно завязаем в глубоком снегу и, уныло поглядывая вдаль на дорогу, вновь ожидаем случайной подмоги.

Темнело, когда с помощью другого трактора нам наконец удалось преодолеть занесенную снегом дорогу и добраться до селения Тюп. Здесь скопилось много машин. Одни шоферы мечтали пробиться к Сары-Булаку, другие стремились в противоположную сторону.

— Ну как там, занесло очень сильно или можно все же проехать? — обратились к Саше сразу несколько шоферов.

В ответ Саша сокрушенно махнул рукой.

— Добрую половину бензина спалил и все-таки только с помощью трактора до моста дотащился, — пояснил он. — А вы из Пржевальска? Как там дорога? — спросил он в свою очередь.

— Примерно с километр дорога никуда не годится, а дальше снега немного, не только на грузовой — на «Москвиче» можно проехать.

«Еще целый километр никуда негодной дороги. Что же делать?» — невольно все призадумались.

— Так как, здесь ночевать или дальше поедем? — ко всем одновременно обратился водитель. — Ну, заночуем сегодня в Тюпе, а завтра что будем делать? Ведь и завтра пробиваться придется?

— Давайте сегодня закончим с мучением, с плохой дорогой, — предложил Ахмат.

— Даешь Пржевальск! — весело подхватил Саша и полез в кабину.

В полукилометре за поселком Тюп все шоссе оказалось забитым грузовыми машинами. Они стояли, что называется, впритык друг к другу, ожидая, когда передние преодолеют занесенные снегом глубокие рытвины, выйдут на твердую почву и откроют путь задним.

Бесконечно медленно тянулось в ожидании время. Вечер сменился ночью. Множество ярких звезд загорелось на холодном небе. Мороз крепчал с каждой минутой. До локтей заколенили руки, в валенках мерзли ноги. Казалось, не будет конца страданиям. Но именно холод заставил попавших в беду людей общими силами выволочь первую машину из ямы и с напутственными приветствиями отправить к Пржевальску. За первой последовала вторая, за ней третья. Примерно через полтора часа пришла и наша очередь. Вот машина выбирается из низины, медленно поднимается по склону холма и оказывается, наконец, на сравнительно хорошей дороге. Саша набирает скорость, и мы, прозябшие до костей, торжествующие, летим в студеную зимнюю ночь к Пржевальску. Там тепло, там кров, там конец мучениям!

Пржевальск — замечательный городок. В нем много старых древесных насаждений, среди них правильными рядами расположены чистенькие одноэтажные домики. Улицы города — это аллеи. Громадные пирамидальные тополя тянутся по ним, да старые кудрявые березы широко раскинули свои кроны. Здесь и там белеют домики; к каждому из них прилегает обширный фруктовый сад.

Несмотря на позднее время, родственники Марата радушно приняли неожиданных странников. Чистенькие комнаты их небольшого домика засияли электрическим светом, в кухне зазвенела посуда: хозяйка спешила обогреть и накормить поздних гостей. А мы тем временем у горячей печки отогрели ноги и руки и счастливые, смеясь не зная чему, уселись за обеденный стол. Было так тепло и уютно! Весело вспоминая о минувших невзгодах, мы пили горячий чай с необыкновенно вкусными пирожками и ели чудные, нежные яблоки. «Не было бы счастья, да несчастье помогло». «А ведь и верно — счастье в контрастах», — думал я поздней ночью, сладко засыпая в теплом домике моих новых путевых знакомых.

На другое утро я проснулся с петухами. Привычка вставать спозаранку не изменила мне и после пережитых трудностей. Расстелив газету на широком подоконнике, я стал не спеша снимать шкурки с птиц, добытых накануне. Вскоре ко мне подошел сынишка хозяев и молча стал наблюдать за работой.

— Ты в каком классе учишься?

— В четвертом...

— Вот стоишь, смотришь, время теряешь, а уроки когда? Уроки сделал?

— Уроки? Уроки сделал, — продолжая стоять, ответил он. На секунду оторвавшись от дела, я взглянул на своего собеседника. Коротко стриженные рыжие волосы, многочисленные веснушки и серьезные — вернее, строгие — глаза делали это некрасивое лицо замечательно симпатичным и привлекательным. Все еще спали; в комнате мы были вдвоем, и мне захотелось поболтать с мальчуганом.

— Тебя как зовут?

— Как зовут? Зовут Рафаэль.

— А учишься как?

— Учусь? Учусь хорошо.

Лаконичны вопросы, лаконичны и ответы. Разговор не клеился. Позднее оказалось, что Рафаэль не отличался болтливостью. Но все же мне удалось выяснить, что у них есть собака, она охраняет сад, и что на чердаке живут домашние голуби. Однако голубей трудно кормить, птицы поедают много зерна, быстро плодятся, и поэтому голубят приходится отдавать другим мальчикам.

— Двух пискунов отдадим завтра, они в кухне сидят, — пояснил Рафаэль и, сорвавшись с места, принес двух еще не летающих, но уже подросших и покрытых перьями птенцов.

Они неуклюже топтались по полу и пищали, как пищат молодые голуби. В этот момент рядом появился выхоленный белый кот.

— Смотри, Рафаэль, кошка пискунов задавит, — предупредил я мальчугана.

Но он отнесся к этому равнодушно. Оказалось, что белый кот не трогает ни пискунов, ни взрослых домашних птиц, а охотится

за мышами на чердаке и в сарае. Кстати, меня поразила приплюснутая голова этой домашней кошки. Как и другие кошки, встреченные мной в восточных частях Иссык-Куля, плоской головой они удивительно напоминали дикую кошку — манула.

Рассвело. На смену студеной ночи пришло ясное холодное утро. Под лучами яркого солнца искрился снег, скрипели полозья проезжающих мимо розвальней. Потом солнце поднялось выше, согрело озябшую землю. Закапало с крыш. Крупные стаи крошечных горных птичек — корольковых выюров — облепили свисающие ветви берез, поедая их семена.

— Послушай, Ахмат, неужели мы будем сидеть в Пржевальске? Времени у нас мало, а мы без толку сидим в большом городе.

— А зачем сидеть? Если хотите, поедем в древесный питомник. Это не так далеко, и еловые леса там совсем рядом.

И вот мы опять на машине; она везет нас к горам, где в ущельях темнеют массивы тьянь-шаньской ели. Машина доставила нас к подножию; дальнейший путь мы совершили пешком. Медленно поднимались дорогой все выше и выше и, насколько не изменяет мне память, к двум часам дня достигли лесного питомника. Там жил знакомый Ахмату лесничий. Его домик стоял на поляне. Вниз от него раскинулись искусственные насаждения лиственных древесных пород, выше начинались тьянь-шаньские ельники. В домике

лесничего мы и решили остановиться до завтра, чтобы обследовать местность, ознакомиться с птичьим населением ельников в зимнюю пору.

Много снега выпало в этом году. На ровных лесных полянах его было по пояс. В лесу бураны намели огромные сугробы, скрыв небольшие овраги, лесные ручьи, бурелом. Ходьба оказалась чрезвычайно трудной и даже опасной. Мы воспользовались торной дорогой (ею местные жители возили с субальпийских лугов заготовленное сено) и все-таки проникли в глубину

елового леса и к его верхней границе.

Мертвая тишина царит зимой в горном хвойном лесу. Как бы дремлют запорошенные снегом ели, подолгу не услышишь птичьего голоса. Только изредка появится стайка непоседливых птичек — корольков и синиц. Негромко перекликаясь нежными голосами, попискивая, они перепархивают с ветки

на ветку, подвешиваются вниз головой, шуршат в древесной коре. Но вот стайка переместилась на группу соседних деревьев и исчезла из виду. И тогда в сонном лесу вновь воцаряется холодное безмолвие и неподвижность. На широкой поляне между ельников, у занесенного горного ключика, птиц значительно больше. Промерзшие ягоды барбариса и шиповника и журчание ручейка привлекают пернатых обитателей субальпийских лугов и горного леса. Стайки королевских вьюрков, розовые чечевицы да арчовые дубоносы прилетают сюда к водою.

Хорошо было на этой полянке в дневные часы, когда высоко поднималось яркое солнце и под его лучами становилось тепло! Синело небо, на склонах темнели остроконечные ели да искрился снег.

Переночевав у лесничего, на другой день мы возвратились в город и утром 23 января, простившись с гостеприимными родственниками Марата, тронулись в обратный путь по южному берегу озера Иссык-Куль. Утро было ясное и морозное. Нам так хотелось как можно скорее оставить позади зиму, увидеть не покрытую снегом, живую землю! Дорога на южном берегу озера оказалась прекрасной: справа от нас широко раскинулось озеро, слева тянулись горные хребты. Делая редкие остановки и ограничиваясь наблюдением сквозь стекло кабины, мы стремимся сегодня покрыть возможно большее расстояние: ведь 25 января нам необходимо возвратиться во Фрунзе. И наша машина с большой скоростью катится к западу.

С каждым часом снегу становится меньше. Наконец, он почти исчезает. Темная земля, покрытая сухой, прошлогодней травой да редким мелким кустарником, тянется по обеим сторонам вдоль дороги. После глубокого снега хочется побродить здесь с ружьем, но нам необходимо не слишком поздно добраться до селения Борскаул, где также живут родственники Марата и где мы рассчитываем провести эту ночь.

Солнце склоняется к западу. Потом наступают ранние сумерки. Вот впереди машины над серой степью плавно скользит какая-то крупная птица. Это болотная сова вылетела за добычей. Она поднимается высоко в воздух, а затем, часто взмахивая крыльями, бьется на одном месте, сверху высматривая грызуна. А вот на телеграфном столбе сидит другая сова — крупный филин.

Тараша глаза, он подпускает машину на несколько метров. На фоне светлого неба хорошо видны его контуры, длинные ушные перьев.

Потом ночь в гостеприимном домике, утро и опять дорога.

Двадцать четвертое января мы провели на колесах. Сначала мы двигались вдоль берега, затем обогнули безлесные горы с пологими склонами и опять приблизились к берегу. Много водяных птиц проводят здесь зиму. Темными пятнами они покрывают неподвижную воду заливов, табунами поднимаются в воздух. Но и тут мы не делаем остановки. Надо спешить.

Спускается солнце, начинается темнота. Коротки южные сумерки; на смену надвигается ночь.

— Давайте остановимся в Боамском ущелье, ведь это последнее теплое место! — предлагаю я на другое утро, после ночлега в Рыбачьем. Мои спутники соглашаются.

В ущелье как-то особенно тепло. Яркие лучи солнца заливают поредевшие заросли облепихи, обрывы, обнаженную землю. Над протоками перепархивают пестрые горихвостки, порой из-под самых ног вылетает фазан. Даже трудно поверить, что где-то лежит снег, бушуют метели. Но пора двигаться дальше. Еще три часа быстрой езды по дороге, и мы вновь попадаем в иные условия. Между Боамским ущельем и Фрунзе — типичный зимний ландшафт. Занесенные снегом поля и селения, на дорогах грачи и вороны. Потом столица Киргизии — Фрунзе и длинный путь по железной дороге.

В купе я один. Просматривая путевые заметки и подолгу просиживая у окна, гляжу на покрытые снегом пространства и вспоминаю чудную Иссык-Кульскую котловину. В памяти воскресают аул Торайгир, рыбацкий домик на берегу мрачного и холодного озера, его хозяин Михаил Коныч, метель, Тюп, Пржевальск, потом запорошенные снегом горные ельники. Много необычных картин, впечатлений, много не похожих друг на друга новых людей. И все это за такое короткое время — за 20 дней.

По стране пустынь — Туркмении

НА МАШИНЕ

В свою жизнь я побывал в разнообразных уголках нашей Родины. Но мне не удавалось посетить Туркмению. А ведь это интересная страна. Большая часть ее огромной территории занята безводными пустынями, и, зная другие наши пустыни — Аральские Каракумы и Кызылкумы, было интересно сравнить их природу с природой пустынь нашего крайнего юга. Ведь последние расположены южнее северной Индии. Посетить Туркмению был и другой повод. Читателю он может показаться неосновательным и даже смешным. Только в Туркмении и Таджикистане водится у нас пустынная куропаточка. Маленькая, красивая птичка с оперением, будто бы запорошенным туркменской пылью, она обитает в невысоких предгорьях. Я никогда не видел пустынных куропаток на воле, и для меня, натуралиста, это был повод, чтобы поехать в Туркмению, а шесть томительных дней пути по железной дороге — не препятствие, чтобы от этого отказаться. Случай вскоре представился, и сейчас я расскажу о своей поездке по Туркмении.

Раннее московское утро второй половины марта. С чемоданом в руке, с рюкзаком за плечами и ружьем в чехле спешу на вокзал. За ночь выпал такой снег, что мои ноги, одетые в легкую обувь, утопают в сугробах; резкие порывы совсем не весеннего ветра бросают в лицо колющий снег. Долгожданная весна — и вдруг метель, холод. Ну и север! Скорей в метро, в теплый вагон поезда, скорей к югу, к солнцу!

Однообразна и скучна дорога. За окном серое небо и белый снег, а в вагоне сумерки — медленно тянется время.

На третий день пути я поднялся на рассвете и посмотрел в окно. Насколько хватает глаз, назад медленно ползла безжизненная степь, сплошь укутанная снежным покровом. На горизонте она сливалась с мглистым небом. Временами мелькнет бьющийся на ветру чахлый кустик, проползут мимо стекла клубы паровозного дыма, и опять та же безбрежная холодная равнина.

Но что это в пустой, запорошенной снегом степи? Собака? Нет — это злосчастный волк в капкане. Волоча тяжелый капкан, хромая и падая, он медленно пробивается сквозь снежные сугробы в сторону от железнодорожной линии. Несколько секунд, и все это далеко позади, но впечатление останется на всю жизнь. Я ложусь на полку, закрываю глаза и стараюсь заснуть. Но мне не спится, и в голове вновь встает только что промелькнувшая картина: безбрежная снежная равнина, стужа и ветер, и волк в капкане.

Мугоджары — пустынные горы. За окном все та же зима, и кажется, что нас окружают не холмистые увалы, а огромные сугробы снега. На платформе закутанные в овчинные шубы фигуры, лисьи шапки, красные от холода и ветра лица. С грохотом поезд несется вниз, минует последние холмы и обрывы и стремится вперед, в глубину степи.

За станцией Аральское море все меняется, как в сказке. Исчезает снег. Его сменяют поросшие кустарником пески, серая полынная степь и желтые камыши, а над ними стаи уток. В окна поезда, наконец, заглядывают лучи солнца. С каждым километром к югу все ярче, теплее. Обнаженная земля пахнет горькой полынью, в голубом небе льется песня пролетного жаворонка. Еще двое суток езды. Мы минуем Кызыл-Орду, Арысь, Ташкент, Самарканд и продвигаемся все дальше к югу. Снег, холод позади.

Совсем по-летнему тепло в Ашхабаде. Цветет сирень и колючее иудово дерево. На станции — летние костюмы и уже успевшие загореть лица.

Несколько дней подготовки к выезду, и мы покидаем город. Наша полуторка, поднимая мелкую пыль, беспрепятственно катится сначала по бездорожной, ровной как стол пустыне вдоль хребта Копетдаг, а затем круто поворачивает к югу, к загадочным холмам Батхызского заповедника.

На второй день пути мы наблюдали и добыли интереснейшую для нас, орнитологов, птицу. 26 апреля 1878 года в нашей стране в районе Ташкента, близ станции Чинар, был впервые добыт индийский сокол — лаггар. Но включению индийского сокола в список видов птиц нашей фауны мешало одно существенное обстоятельство. На ноге у птицы сохранилась так называемая ногавка — особый ремешок, одеваемый на ручных соколов, используемых для соколиной охоты. Сама ли птица залетела в нашу страну или ее завезли и случайно выпустили охотники-соколятники, оставалось тайной.

И вот в то время как на полуторке мы совершали свой путь, видимо, залетевшая из Афганистана величайшая редкость — индийский сокол, — сидя на телеграфном столбе, беспечно закусывал пойманным грызуном-песчанкой.

— Смотрите, впереди какой-то сокол, — обратил один из нас внимание на сидящую птицу.

Машина быстро подкатила к этому месту, прозвучал мой выстрел, и замечательный сокол попал нам в руки.

Обрадованные драгоценной добычей, мы не заметили, как кончилась унылая равнина и началось холмистое предгорье. На подъемах напряженно гудит мотор, машина едва ползет, и мы медленно, но упорно поднимаемся все выше и выше, потом со стремительной быстротой скатываемся в долины и вновь вползаем по крутым извилистым склонам. Зима забыта, до новой зимы нам не видеть снега. Кругом, насколько хватает глаз, высокие холмы, глубокие долины, и все это покрыто зеленой травой выше пояса, яркими тюльпанами и маками, а над головой — безоблачное синее небо, жгучее солнце и бесчисленные голоса поющих жаворонков. И кажется, ничто не сравнится с этой картиной, с этим беспредельным степным простором.

Но наши мысли стремятся вперед, к далекому горизонту, где в голубой дымке то едва маячит, то четко выступает невысокий горный хребет Гяз-гядык. Его темные ущелья и светло-желтые пятна освещенных солнцем обрывов притягивают нас своей неизвестностью, и чем ближе мы к нему приближаемся, тем сильнее возрастает нетерпение.

Машина пересекает развеянные пески, потом солончаковую степь, справа от нашего пути остается соленое озеро, и вот, наконец, мы на месте. Но вместо отдыха после долгого, утомительного переезда мы беремся за ружья — и в горы, где все так ново, так незнакомо.

Полдень. С ружьем наготове я медленно шел по дну ущелья. В этот жаркий час в нем было особенно душно — ни ветерка, ни живительной тени. Воздух как будто застыл, немилосердно пекло солнце. Но не замерла жизнь. На желтых обрывах, захлебываясь, кричали горные поползны, выше, в каменной россыпи, клохтал кеклик, около трещин суетились скворцы. Меня тянуло выше, где склон ущелья порос развесистыми деревьями фишашки, под тенью которых можно было укрыться от горячего солнца. Однако я не спешил. Затаив дыхание и осторожно передвигая ноги, я внимательно всматривался в каждый чахлый кустик, в темные трещины среди нагроможденных камней, в зелень травы, лентой извивавшейся вдоль ручейка по дну ущелья.

Вскоре я нашел обладателя голоса, который привлек мое внимание и заставил насторожиться.

Я только что взобрался на обломок скалы, преграждавшей мне дорогу, как из-под нее вылетели две пустынные куропатки и стремительно понеслись вперед. Стоя на обломке каменной глыбы, я с трудом сохранял равновесие. Не желая упустить добычу, я поспешно вскинул ружье и выстрелил. В тот же момент одна из птиц комочком свалилась на дно ущелья. Я торжествовал. Но, увы, недолго. На месте падения я не нашел ценной для меня добычи — как сквозь землю провалилась. Вероятно, раненая в крыло куропатка укрылась в надежном месте, и только выбитые дробью перья свидетельствовали о ее недавнем здесь присутствии. Однако я не хотел с этим мириться и тщательно стал обыскивать каждый кустик, камень, каждое углубление в почве. Зная окраску оперения птицы, столь похожую на окраску камня, я уже не доверял глазам и ощупью проверял метр за метром. Это продолжалось очень долго.

Тщетные поиски раненой птицы завели меня в низкую, довольно просторную пещеру. Здесь царил полумрак. Яркие лучи солнца проникали сквозь узкие, глубокие трещины, наполняя пещеру местами розовым, местами голубым полусветом. В этом освещении я увидел змею, поразившую меня своими крупными размерами. Приподняв голову и переднюю часть длинного тонкого тела, она неподвижными, стеклянными глазами следила за моими движениями. Большие размеры змеи и форма ее головы ввели меня в заблуждение. Я решил, что это незнакомый для меня неядовитый полоз. Змея недолго оставалась неподвижной. Близкое присутствие человека нарушило ее покой. Медленно подползла она к нависшему выступу, и спустя несколько секунд ее длинное тело почти целиком исчезло под камнем.

Вот тут-то я не выдержал и наделал глупостей, за которые чуть не поплатился жизнью. Быстро на четвереньках я приблизился к выступу, схватил змею за хвост и осторожно стал тянуть ее обратно. Она оказалась довольно сильной, сопротивлялась, пытаясь залезть возможно глубже, а я все с большей силой тянул ее наружу. Неожиданно сопротивление прекратилось, и змея, издавая не то громкое шипение, не то кошачье фырканье, появилась в пещере. В тот же момент я, наконец, понял, с каким видом змеи имею дело, и отскочил назад, насколько было возможно в низкой пещере.

Передо мной, расширив шею, в мягком фантастическом полусвете медленно покачивалась в воздухе голова кобры. Это было замечательно эффектно, красиво, но змея была раздражена, шипение становилось громче, она была готова укусить меня своими ядовитыми зубами. Я схватил ружье, которое, к счастью, оказалось близко, наскоро прицелился и спустил курок. Пещера наполнилась грохотом, огнем и дымом. Казалось, горы рушились. Длинное тело змеи в тот же миг свилось в большой клубок и в судорогах покатило по каменным плитам ко мне, прямо

под мои колени. Я вновь отскочил в сторону и, как оказался снаружи, не вполне помню.

К счастью, все обошлось благополучно. За свою неосмотрительность я отделался дешево — большой шишкой, стукнувшись впопыхах головой о нависший свод пещеры.

Убитая змея еще долго продолжала биться, свиваясь в клубок, дрожала, а я сидел у входа в пещеру, следил за ее движениями и радовался, что все хорошо кончилось. А если бы я растерялся, что бы я стал делать, не имея ничего под руками? Наконец, когда змея почти перестала двигаться, я палкой извлек ее наружу. Это был великолепный экземпляр длиной в 1 метр 60 сантиметров.

После столкновения с коброй я решил быть более осторожным. Однако легко обещать, но не так-то просто выполнить обещание. Природа щедро наградила страну солнца — Туркмению — всевозможными животными, которых человеку нужно опасаться. Укус крошечного зеленого москита, проникающего даже в городские квартиры, очень часто влечет за собой появление на теле человека пендинской язвы, укус малярийного комара может передать вам страшную тропическую лихорадку. Легче избежать, но приходится остерегаться также скорпионов, фаланг и ядовитых змей. Конечно, змеи обитают не только в Туркмении. Они отнюдь не редки и в других местах, но змеи Туркмении, так сказать, вне конкуренции. Укус красавицы кобры крайне опасен, но почти так же опасны маленькая песчаная змейка золотистой окраски — эфа и огромная серая змея — гюрза. Это поистине чудовище среди змеиного царства, одна внешность которого вызывает отвращение. Но бояться москитов, малярийных комаров и ядовитых змей — значит, не познакомиться с природой замечательной Туркмении. Нельзя ведь в жару во избежание укуса натягивать высокие сапоги — ноги таскать

в них не сможешь, или надевать на лицо сетку от комаров, когда и без того душно.

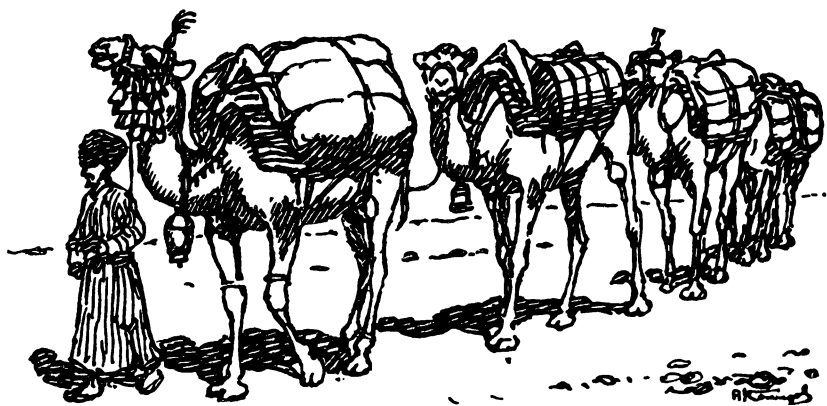
На другой день после инцидента с коброй я ходил осторожно: наступишь, пожалуй, случайно на одну из спящих змей, и, конечно, та с перепугу схватит за голую ногу. Но невозможно же все время смотреть под ноги, когда кругом так много интересного! И, отказавшись от столь стесняющих предосторожностей, я вновь бродил по зарослям, лазал по каменистым россыпям и обрывам. Однако уже в ближайшие дни я опять пережил чрезвычайно неприятные минуты, столкнувшись на этот раз с гюрзой.

Однажды я возвращался высокими тамарисковыми зарослями к нашему лагерю. Солнце уже скрылось за горизонтом, и долина была окутана полумраком. Временами в кустарниках кричал и хлопал крыльями фазан, вслед вторил другой, из-за реки Мургаб глухо доносилось буханье филина. Я наслаждался прохладой наступающей ночи, отдыхал от ослепительно яркого света жгучего солнца. И вдруг что-то мягкое, бьющееся и холодное заставило меня судорожно отдернуть ногу. Я наступил на змею. В тот же момент я увидел на светлой солончаковой почве крупную гюрзу, с шипением уползавшую в заросли. Если бы я успел, с каким удовольствием всадил бы в нее заряд дроби, но, увы, было поздно и слишком темно.

Спустя день наша машина быстро шла вдоль подножия желтого глинистого обрыва. Слева от дороги на много километров тянулся глубокий пустой арык, края которого заросли колючими кустарниками и камышом. На одном из поворотов я настойчиво застучал в кабину. Это был условный знак во время нашего путешествия. В тот же момент машина резко сбавила ход и остановилась. Не теряя времени, я вскинул ружье и выстрелил. Новая и интересная для нас птица была убита. Я спешно соскочил на землю, чтобы поднять добычу, но ее не оказалось на месте — она свалилась в трещину почвы. Ради предосторожности, перед тем как сунуть туда руку, я низко наклонился и заглянул в темную щель. В ту же секунду я отпрянул назад, и как будто электрический ток пробежал по моему телу. Совсем близко от моего лица, готовая укусить, рядом с убитой птицей лежала гюрза. На этот раз, не жалея сил и времени, мы лопатами вскрыли убежище змеи. Но от ударов по сухой почве поднялась пыль. Она мешала видеть змеиную голову, и удары не достигали цели. Тогда я переждал несколько секунд, пока пыль рассеялась. Каково же было мое удивление и разочарование, когда под прикладом ружья оказалась пустая почва. На сей раз гюрза благополучно ушла от меня.

КОЛОКОЛЬЦЫ

В тот день наша машина по-настоящему застряла в одном туркменском селении. Выхав на рассвете, мы рассчитывали

пересечь пустынную местность и обследовать окрестности колодца Мелихан-кую, расположенного примерно в 100 километрах к югу. Сначала все шло хорошо. Время от времени расспрашивая о дороге случайных встречных и делая частые остановки, чтобы ознакомиться с местностью, мы двигались прямо к югу и около полудня въехали в селение Ханаб. В переводе на русский язык это название означает Ханская вода. Путевое счастье в Ханской воде нам изменило: хотя весь поселок представлял собой только одну улицу, протянувшуюся с запада на восток метров на полтора, мы умудрились запутаться, потратили более двух часов драгоценного времени на расспросы и на бессмысленное катание по единственной его улице. Но так и не удалось попасть к намеченному колодцу. Но расскажу все по порядку.

— Вон до того, то есть до последнего, дома доедете, там, пересекая арык, дорога повернет направо, прямо на юг; ею и надо ехать,— объяснили нам у кузницы, расположенной на краю селения.

К нашему огорчению, арык на противоположном конце селения оказался глубоким и небезопасным для переезда. Скрипя и охая, полуторка спустилась вниз, а затем, завывая от чрезмерного напряжения, кое-как выбралась на противоположную сторону.

— Куда вы? Этой дорогой никуда не проедете,— остановил нас незнакомый туркмен.— Километра три дорога еще ничего, ехать можно, а дальше начнутся большие пески, по ним вам на этой машине все равно не проехать. Поезжайте назад. Кузницу видели там? У кузницы дорога повернет влево, пересечет арык; она и приведет вас к колодцу Мелихан-кую.

И наша машина вынуждена была вторично преодолеть серьезное препятствие. Мы спустились в арык, выбрали на противоположную его сторону и вскоре остановились у кузницы. Около нее собралось человек десять проезжих туркмен. На расспросы о дороге, как стоворясь, они дружно замахали руками.

— Нельзя здесь на машине проехать! В 10 километрах начнутся большие пески, да и сама дорога вскоре совсем исчезнет.

— Но где же тогда дорога к колодцу?

— Там дорога, только той дорогой ездят к Мелихан-кую, — указывали они по направлению восточной окраины селения.

Все члены нашей маленькой экспедиции сурово молчали и ждали решения шофера. Он долго молчал. Потом как бы неохотно повернул машину, не спеша проехал всю улицу и остановился у знакомого арыка. Однако и тут вторично нас сумели убедить, что здесь нет дороги, пригодной для езды на автомашине. Старик аксакал с длинной белой бородой и бронзовой кожей лица, с гордой осанкой сидел на маленьком сереньком ослике и доказывал невозможность проехать к колодцу этим путем. Он говорил так убедительно, что шофер, повинувшись его словам, тотчас повернул машину и спустя некоторое время опять остановился у кузницы.

Но воздержусь от лишних деталей. В течение двух часов машина совершала короткие переезды из одного в другой конец селения Ханаб или в нерешительности стояла то у глубокого арыка на восточной окраине, то у злополучной кузницы. Это было настоящим мучением. Каждый раз, когда машина вновь появлялась на улице, местные ребята встречали ее таким беспредельным весельем, криками и жестикуляцией, что мы не находили места и не знали, куда провалиться.

Вдруг где-то позади послышался звон колокольцев, и все обернулись. К нам медленно приближался небольшой караван верблюдов. Споры о дороге прекратились. Верблюды поравнялись с машиной. Нагруженные тюками и плоскими бочонками с водой, они пересекли арык и мерным шагом пошли прямо на юг в том направлении, куда всеми мыслями стремились и мы на своей полуторке. В такт широким шагам «кораблей пустыни» поскрипывали вьюки, плескалась в бочонках вода, да одни глухо, другие тягуче и мелодично звенели колокольцы. Что-то уверенное и независимое ощущалось в мерной поступи животных, в их высоко и горделиво поднятых головах. Как зачарованный стоял я под знойным небом Туркмении, вспоминая прошлые экспедиции по пустыням, смотрел вслед уходящим верблюдам и, как сказочную музыку, воспринимал звон певучих колокольцев. Они пели древнюю песню пустыни.

Нас выручил мальчуган-школьник. Он уселся в кабину рядом с шофером и проводил на одну из дорог, уходящую к югу. Правда, как я уже говорил, нам не удалось попасть к колодцу Мелихан-кую, но зато мы исчезли с улицы селения, где одно присутствие машины вызывало у жителей и смех и веселье.

МАЛЕНЬКИЙ СМЕЛЬЧАК

Однажды в самом начале мая, во время путешествия по пустыням Туркмении, обстоятельства сложились так, что мы были

вынуждены задержаться в городе Мары. Неожиданно выяснилось, что наши запасы бензина подходят к концу. Без пополнения горючего нечего было и думать пускаться в дальнейший путь, тем более что впереди на много километров простиралась пустынная, ненаселенная местность. Скорее пополнить запасы бензина и двигаться дальше — было единственным нашим желанием. Однако, как часто бывает в подобных случаях, возникли препятствия.

— Поздно уже, все заперто, бензин получите завтра, — был лаконичный ответ на складе.

Во время экспедиционной работы дорог каждый час, у нас же в ожидании горючего пропадали целые сутки. Какая досада!

«Ну что ж, используем этот день для отдыха», — с таким решением мы выехали подальше от города, поставили машину близ большого арыка, натянули широкий тент от солнца и разбили палатки. Казалось, на этот раз можно всласть отоспаться и отдохнуть после длительных и утомительных переездов. Да не тут-то было: наши расчеты не оправдались. Об отдыхе и сне нечего было и думать. Чем выше поднималось солнце, тем больше насекомых собиралось у лагеря. К полудню бесчисленное количество мух с жужжанием носилось между палатками, ни на минуту не давая нам покоя. Я попытался скрыться от них в палатке, однако в ней оказалось настолько душно, что через пять минут я, обливаясь потом, выбрался наружу и предпочел оставаться на воздухе. В конце концов, потеряв всякую надежду найти укромное убежище и заснуть, я отошел в сторону от лагеря.

Не могу сказать, чтобы природа в окрестностях была привлекательна, но все же лучше бродить под палящими лучами среднеазиатского солнца, нежели оставаться в лагере и, не имея возможности ничем заняться, непрерывно отгонять назойливых насекомых.

В километре от нашей стоянки среди желтой, выжженной солнцем полупустыни поднимались развалины древней крепости. Несколько высоких полуразвалившихся строений с куполообразными крышами было обнесено остатками древней стены.

Я направился к этому месту, заранее зная, что там найду что-либо для себя интересное: в трещинах глиняных сооружений Средней Азии постоянно обитают стенные ящерицы — геконы, проводят день летучие мыши, гнездятся птицы.

Через 20 минут я у цели. Тщательно осматриваю все, что может привлечь внимание зоолога. Высокая стена разрисована глубокими трещинами. Местами из нее выглядывают стебельки высохших растений, белеет клочок ваты — это воробьиные гнезда. А вон выше темнеет отверстие давно вывалившегося кирпича; под ним на освещенном солнцем пыльном фоне стены белые потеки помета какой-то птицы. Интересно, кто там гнездится?

К сожалению, гнездо помещается довольно высоко, и добраться до него не так-то просто. Пользуясь выбоинами, я

осторожно поднимаюсь все выше и выше и, наконец, заглядываю в глубину гнездового помещения. Но кругом так много яркого света, а в глубине выбоины такая черная тень, что я ничего не вижу и, закрыв глаза, жду, когда они отвыкнут от окружающего освещения. Однако положение мое крайне неустойчиво: я стою на одной ноге, придерживаясь одной рукой за край выбоины, другой — опершись на гладкую поверхность стены, и с трудом сохраняю равновесие. «Долго ли я смогу оставаться в таком положении?» — соображаю я и не успеваю мысленно ответить на свой вопрос: что-то с весьма чувствительной силой бьет меня по виску, и я, потеряв равновесие, срываюсь с места и лечу вниз, поднимая при падении облако мелкой удушливой пыли.

Встав на ноги и не обращая внимания на жесткие ссадины, я растерянно осматриваюсь, но что за диво — кругом ни души. Еще секунда недоумения, близкого к суевенному страху, и все объясняется. Вдалеке я замечаю быстро летящую от меня маленькую сову — домового сычика. Она садится на остатки древней стены и, повернувшись ко мне,

начинает выделывать смешные телодвижения. Птица то быстро вытягивается во весь рост — столбиком, становясь тонкой и длинной, то приседает, сжимаясь в комочек, вертит головой

и выкрикивает свое громкое: «Кук-куку-вау», «кук-куку-вау», «вау-вау».

Теперь все ясно, и недавние секунды растерянности и недоумения вызывают улыбку. Этот энергичный и смешной сычик дал мне заслуженную затрещину за то, что я ворвался в его владения и пытался добраться до его детенышей.

Отряхнувшись от пыли, потирая ушибленную ногу и оглядываясь назад, я пошел, прихрамывая, в сторону. Я ожидал вторичного нападения, но не страх, конечно, а иное чувство — признание правоты сычика и уважение к нему — заставило покинуть место, где помещалось гнездо с птенцами маленького смельчака.

А успокоившийся комочек энергии, покрытый светлыми перьями, продолжал сидеть на своем сторожевом посту и наблюдать оттуда, как непрощенный гость удалялся от развалин древней крепости. Если бы сычик мог мыслить, как человек, он был бы уверен, что это он прогнал врага от своих птенцов.

Мне всегда хочется изобразить сычика не совсем обычно: с длинноствольным ружьем за спиной, с огромным кинжалом и с многочисленными мертвыми мышами, привязанными хвостами к поясу. Ведь домовый сычик — настоящий спортсмен-охотник, а его дичь — всевозможные мыши, полевки, песчанки и тушканчики. И ловит он их не только для того, чтобы утолить свой голод или накормить многочисленное потомство. Сычик — азартный охотник и бросается на свою добычу потому, что просто не в состоянии равнодушно видеть бегущую мышь или прыгающего на длинных задних ногах тушканчика, у которого к тому же на конце хвоста, как приманка, пляшет в темноте плоская белая кисточка.

Сейчас я и расскажу о результатах своего осмотра многочисленных сычиных убежищ, где пара этих птиц отдыхала и пряталась от яркого дневного солнца.

Говоря откровенно, в то время при осмотре убежищ я не руководствовался научными интересами. Просто я решил поймать пару домовых сычиков, обитавших в нескольких полуразвалившихся древних строениях, одиноко стоявших вдали от селения. Однако обстоятельства сложились так, что я не сумел поймать ни одного сычика. Зато собрал много интересных данных о питании сычиков, о значении их как истребителей грызунов-вредителей и выяснил наличие в этой местности таких зверьков, о присутствии которых ранее не имел сведений.

В полдень, захватив с собой легкую лестницу, я отправился к древним развалинам. Вот темное отверстие, уходящее под остатки крыши здания. В эту жаркую пору там почти наверное скрывается от яркого света маленький ночной охотник. Бесшумно приближаюсь к этому месту, осторожно подставляю лестницу и засовываю в отверстие руку. «Ага, есть», — соображаю я, ощутив под рукой что-то мягкое и пушистое. Но, увы, это не сычик, а его охотничий трофей — интересный вид тушканчика,

которого мне ни разу не удалось не только поймать в ловушку, но и встретить в этой местности.

Так, осматривая и ощупывая укромные уголки, где иногда бывают сычики, я собрал 15 различных грызунов и двух полевых воробьев с оторванными головами. Одно жалко — большинство интересных для меня зверьков поймано не в последнюю ночь и издает уже неприятный запах. Вероятно, энергичный сычик ловил их не только для того, чтобы утолить голод, а так — ради спорта.

Если бы сычик охотился за полезными животными, его нужно было бы отнести к самым вредным хищникам. Ведь вред волка особенно велик потому, что, ворвавшись в стадо, он убивает десятки животных, тогда как в состоянии съест не более одного барана. В противоположность волку маленький хищный зверек ласка считается исключительно полезным животным. Если ласку, предварительно накормив досыта, пустить в комнату с мышами, она перекусит всех зверьков.

Такой же азартный охотник и наш сычик. К счастью, он ловит грызунов-вредителей, и мы должны отнести его к полезнейшим нашим птицам.

Пусть рассказ о смелом сычике не пройдет бесследно для читателей. Уверен, что, познакомив с этой милой и смешной птичкой, я сумею завоевать к ней симпатию. Однако будет неплохо, если симпатия к нашему герою подкрепит еще знанием пользы, которую он приносит сельскому хозяйству.

Далеко к югу, пересекая степные пространства и пески, уходят полезащитные полосы. Растения еще так молоды, что вся полоса едва выделяется среди высокого ковыля и полыни. Только здесь и там среди щетки подрастающих молодых деревьев торчат вешки — бесчисленное множество их образует зигзагообразную линию и уходит к югу до самого горизонта. Ведь не случайно заботливая рука доставила их из богатых лесом районов и вкопала среди степных просторов. Это не вешки, указывающие несуществующую дорогу, а наблюдательные пункты для полезных пернатых. Среди этих птиц, пожалуй, на самом

первом месте должен быть поставлен наш знакомец — смешной и смелый домовый сычик.

Вооружитесь хорошим биноклем и в вечерние сумерки тщательно осмотрите окрестности. На одной из воткнутой в землю жердей или на одиноко стоящем дереве, я убежден в этом, вы найдете нашего сычика. Неподвижно сидит он и своими зелеными кошачьими глазами всматривается в серую степную почву. Глазастый сторож не пропустит, не оставит живой ни одной мыши или полевки.

Если вы захотите проверить справедливость моих слов, вкопайте небольшой столбик среди вашего огорода. Хомяки, полевки и песчанки перестанут портить посевы и овощи — энергичный ночной хищник выловит их почти всех до единого.

Полезен он также и в жилище человека. Сычик часто гнездится под крышами жилых построек, в конюшнях и хлебных амбарах колхозов. Ведь не случайно его называют домовым сычиком. Мышевидные грызуны и воробьи, привлеченные сюда зерновыми запасами, — основная его пища.

Как же полезен домовый сычик в неволе. Содержа его в амбаре или на чердаке, вы создаете ему обстановку, в какой он предпочитает селиться на свободе. Живя в неволе, он уничтожает мышей и крыс не хуже домашней кошки, проявляя при этом исключительное умение и смелость.

Как-то в мою квартиру проникла крупная серая крыса. Сначала я пытался поймать ее капканами, расставляя и тщательно маскируя их. Однако в течение недели попытки избавиться от назойливого вредителя не увенчались успехом. Сообразительный зверь умело обходил ловушки. Отказавшись от капканов, я достал кошку. Но и этот испытанный помощник в борьбе с домашними грызунами потерпел поражение. После нескольких жестоких укусов, нанесенных крысой, кошка предпочитала наблюдать за крысой издали.

Тогда я обратился за помощью к двум домовым сычкам, жившим у меня в вольере. Мирясь с «визитными карточками» сычиков, я выпустил их в комнату. Громкий, отвратительный визг крысы разбудил меня в ту же ночь. Вцепившись когтями, две смелые маленькие птицы душили крупную крысу и тянули ее в разные стороны. Не зажигая света, я выждал, когда сопротивление грызуна прекратилось.

Не менее полезны для сельского и лесного хозяйства и наши совки. Питаются они грызунами и насекомыми, только предпочитают ловить свою добычу не в полях и в открытой степи, а в лесах.

К сожалению, полезные домовые сычки, странные голоса которых часто внушают страх суеверным людям, и ныне подвергаются несправедливому гонению. Пусть же поймут мои читатели, что это пережитки далекого прошлого и что нужно беречь полезных пернатых. Суеверный страх перед ночными птицами пусть отойдет в область предания, как ушел безвозвратно страх перед

лешими, чертями и ведьмами, рассказы о которых ныне даже у детей вызывают снисходительную улыбку.

ЗЕМ-ЗЕМ

Зем-зем — какое странное название. Кажется, что за ним скрывается совсем маленькое животное, быть может, способное кусаться или, пожалуй, ущипнуть больно-больно, но не причинить вам вред или серьезную боль. Однако, как мы убедимся позднее, это только так кажется. Зем-зем что-то иное, столь не соответствующее своему названию. Туркмены называют так ящерицу, но ящерицу не обычную, маленькую, которую мы привыкли встречать в наших полях и лесах, а ящерицу огромных размеров — истинного великана среди наших ящериц. Русское население Туркмении часто называет ее пустынным крокодилом, а правильное научное название — серый варан. Размеры варана по сравнению с другими нашими ящерицами действительно огромны. Животное в метр длиной принято считать средних размеров, экземпляры в полтора метра — крупными.

В Туркмении варан обитает повсеместно — в песчаных и глинистых пустынях среди зарослей тамариска и саксаула, в невысоких предгорьях и не только в безводных, но и в изобилующих водой местностях. Особенно часто встречаются вараны там, где почва степей и пустынь пестрит выдутыми ветром ямами, древними сухими арыками, берега которых бывают сплошь изрыты норами черепах и тонкопалых сусликов. В покинутых жилищах этих животных, расширяя их и углубляя, проводит варан зиму и наиболее жаркое время дня летом.

Впрочем, я не собираюсь подробно описывать жизнь варана, но мне хочется поделиться воспоминаниями о встречах с этими животными на воле.

Быстро катится наша машина по дорогам пустыни Каракум. Ныне такие дороги в Каракумах не редкость. Местами дорога исчезает, она занесена движущимися песками, но машина с разгона пересекает трудное место и вновь выходит на твердую почву. Почти непрерывно на пути попадаются животные.

Вот впереди небольшая группа антилоп-джейранов. Обеспокоенные нашим появлением, они останавливаются, зорко следят за машиной. Пока она далеко и, видимо, не внушает им опасения. Через сильные стекла бинокля хорошо видны их стройные фигурки, почти сливающиеся с песчаной почвой, большие глаза, черные копытца и рожки. Расстояние между нами и животными быстро сокращается, и вот один из джейранов, семена ногами, пускается наутек, а за ним и весь табунчик, поднимая желтую пыль, бежит от нас все дальше и дальше, пока не исчезнет за песчаными холмами на горизонте.

Исчезли джейраны, и наше внимание тотчас привлекает небольшой зверек — тонкопалый суслик. Он неожиданно появ-

ляется в глубокой колее дороги и, вместо того чтобы свернуть в сторону, прекратив этим мнимое преследование, начинает соревноваться с машиной в скорости. Сначала это ему удается. Колеса завязают в песке. Мы двигаемся сравнительно медленно, и зверек успевает значительно опередить нас. Но силы вскоре ему изменяют. Он бежит все медленнее, а машина, выйдя на более твердый грунт, продвигается вперед быстрее. Наконец наступает критическая минута: мы нагоняем животное. И тогда суслик на быстром бегу резко изменяет направление, ныряет в дорожную пыль, и она скрывает его от наших взоров. Этот прием, конечно, может обмануть лисицу или другого хищника, но не спасти от колес быстро идущей машины. Счастье зверька, если он случайно избежит гибели и проскользнет назад. И тогда расстояние между нами увеличивается с двойной скоростью. Перепуганный суслик улепетывает в обратном направлении, а мы продолжаем свой путь дальше.

Глинистая равнина остается позади; ее сменяет холмистая степь, заросшая высокой травой и крупными маками. Вдали отдельные цветы сливаются, и кажется, что по зеленым просторам здесь и там разбросаны ковры, то совсем бледные, розовые, то ярко-красные.

И вот среди зеленых просторов на смену тонкопалому суслику появляется маленькая птичка — варакушка. Она спешит на свою родину к северу и не желает свернуть с нашего пути. Маленькой птичке со слабыми крылышками, видимо, легче лететь низко над глубокой колеей дороги, где нет ветра, и, вместо того чтобы свернуть в сторону, она упорно скользит по воздуху впереди движущейся машины, то значительно опережая ее, то трепеща крылышками перед самыми колесами.

При быстром движении автомобиля окружающая картина вновь вскоре меняется. По сторонам опять ровная степь, оголенная глинистая почва и участки сыпучих песков. Впереди в колее дороги появляется гигантская ящерица — варан. Сначала он пытается опередить машину, но затем круто сворачивает с дороги и, хотя машина уже прошла мимо и удаляется, еще долго бежит по степи, извиваясь всем телом, пока на его пути не попадает полуразрушенная нора, где он и укроется.

Мы решили поймать варана. Это оказалось совсем нетрудно. Новый варан появляется на дороге, машина сбавляет скорость, я соскакиваю на землю и, насколько хватает сил, бегу за улепетывающей ящерицей. Варан утомляется, бег его становится медленнее — уйти невозможно. И тогда он круто поворачивается ко мне и готовится к защите. Задохнувшись от быстрого бега, я уже медленным шагом приближаюсь к варану, и оба мы, возбужденные и утомленные, несколько секунд стоим один против другого. Мой противник, несколько приподнявшись на передних лапах, раздувает и без того широкую шею, шипит, то и дело высовывая длинный язык, бьет по земле, как плетью, длинным хвостом. Его поза, его поведение — сама угроза. Но этот прием

напрасен. Я и без того не решусь подойти слишком близко. Мне хорошо известны сильные челюсти этой ящерицы, ее мертвая хватка. Вместо открытого нападения я прибегаю к хитрости. Я знаю, что хвост варана — его ахиллесова пята, и начинаю ходить вокруг животного, сначала медленно, потом все скорей и скорей. Варан поворачивается за мной, но чем быстрее я двигаюсь, тем его движения становятся менее уверенными. Он явно растерян и не знает, что предпринять. Наконец, пользуясь замешательством ящерицы, я быстро хватаю ее за конец хвоста и приподнимаю над землей. В таком положении варан беззащитен. Он то бьется, пытаясь освободиться, то бессильно повисает вниз головой в воздухе. Торжествуя, несу свою добычу к машине.

Но однажды варан — это в общем совершенно безобидное животное — напугал меня так, что я больше часа не мог овладеть собой. Ощущение было чрезвычайно сильное, и, хотя длилось всего 2—3 секунды, я надолго его запомнил.

В тот памятный день я рано покинул наш лагерь и, когда солнце стало мучительно жечь, поспешил обратно. Скрываясь в тени, я шел вдоль глинистого обрыва, который местами не превышал моего роста. Комья обвалившейся глины затрудняли движение, но я устал от яркого света и продолжал путь у самого обрыва.

На одном повороте я заметил тело пресмыкающегося, которое тотчас скрылось в полуразрушенной норе, помещавшейся вровень с моим лицом в глинистом обрыве. Я осторожно приблизился к этому месту, но животного не было видно. Тогда я издали сунул в нору выломанный гибкий прут тамариска. Из глубины послышалось угрожающее шипение. «Наверное, это змея», — мелькнула у меня мысль. Без лопаты я не мог извлечь пресмыкающегося и, нарвав травы и сделав из нее большой комок, туго забил выход. Лагерь рядом, и я, конечно, вернусь сюда с ло-

патою, чтобы раскопать нору.

Тщательно осмотрев забитое отверстие и убедившись, что все в порядке, я сделал несколько шагов вперед, и тогда произошло то, чего я меньше всего ожидал.

У самого лица я услышал громкое шипение и в тот же миг ощутил сначала прикосновение, а затем и тяжесть холодного тела на своей голой шее. Пытаясь сбросить его, я сделал неверный шаг и, споткнувшись, упал в рытвину. Животное оказалось подо мной; оно извивалось и шипело — я был уверен, что это ядовитая змея, гюрза. Лишь несколько позднее, когда мне, наконец, удалось

отскочить в сторону и встать на ноги, я увидел, что это не змея, а безобидный варан, который стремглав кинулся от меня наутек. Он был страшно напуган. Я тоже долго не мог успокоиться, вновь и вновь вспоминая все детали, и мне казалось, что холодное тело жжет мою шею. Со стороны все это могло показаться смешным. Я готов был смеяться сам, но руки мои продолжали трястись, а зубы выбивали частую дробь. Наконец, я поднялся, чтобы покинуть место происшествия, но направился не к лагерю, а к речке, где холодной водой обмыл лицо и шею.

Мои спутники так и не узнали об этом случае.

Однако как же все это произошло?

Нора оказалась сквозной. Она начиналась на обрыве и, сделав полукруг в 2 метра, вновь выходила наружу — в обрыве же. Таким образом, забив травой вход, я оставил свободным выход. Испуганное и раздраженное животное, конечно, пыталось улизнуть незаметно, но я был слишком близко и мешал этому. Выскочив из предательского убежища в самый последний момент, варан и попал мне на шею.

Вскоре после случая с вараном мы остановились близ одного кишлака. В день отъезда нам подарили варана. Его поместили в пустую бочку, прикрыли брезентом, и в этом помещении он совершил с нами длительное путешествие. В дальнейшем варан оказал нам большую услугу.хлопот с ним почти не было, но приходилось помнить, что с нами едет кусачий четвероногий спутник.

В один прекрасный день варан решил выбраться из темницы и упал с кузова на землю. Однако вместо того чтобы разумно воспользоваться свободой, он залег под колеса. Мы извлекли его оттуда и выпустили, отнеся в сторону. Но наш спутник, видимо, считал машину наиболее безопасным местом и на этот раз залез под кузов. После долгой возни мы достали его оттуда и вновь поместили в бочку.

Совместное путешествие продолжалось. Но вот однажды мы расположились на ночь у маленького городка Тахтабавар. На берегу реки Мургаб был разбит лагерь. Вечером рабочий разостлал у машины широкий брезент, и мы, растянувшись на нем после утомительного дня, мгновенно заснули.

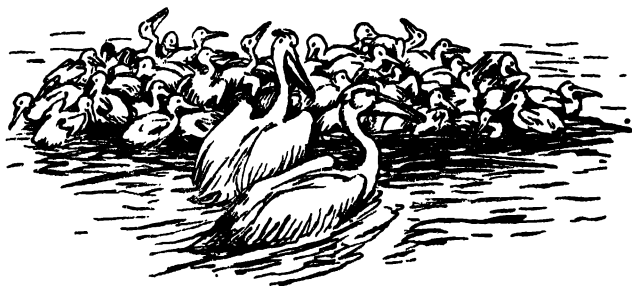
Ночью я проснулся, как мне показалось, от выстрела. Безусловно, выстрел прозвучал над самым моим ухом, но кто же мог стрелять? Мои спутники крепко спали, кругом никого не было видно. Я сел на своей постели и чутко прислушался. Было тихо, ярко светила луна, рядом журчал мутный Мургаб. Иногда выскочит из воды крупная рыба, шлепнется обратно, по сонной воде пойдут круги, и опять тишина. Кто же стрелял? Не сон ли это? Я поднялся на ноги и обошел машину кругом. К моему удивлению, часть наших вещей лежала на земле в беспорядке, кабина оказалась открытой. Несомненно, здесь хозяйничал посторонний. Я разбудил товарищей. Уже беглый осмотр убедил нас в том, что лагерь ночью посетили воры: все патроны были ссыпаны в одну сумку, другие вещи связаны в узлы. Но кто мог помешать краже, когда мы все крепко спали? И тут я вспомнил нашего четвероногого спутника. Бочка оказалась открытой. Несомненно, вор в поисках добычи сунул руку в темницу варана и потревожил ящерицу. Могучий удар хвоста животного о стенку бочки разбудил меня и во сне показался мне выстрелом. Шум заставил, видимо, воров скрыться. Все экспедиционное имущество, за исключением котелка с жареной бараниной, было цело. Варан оказал нам громадную услугу. Что стали бы мы делать с нашими ружьями без единого патрона?!

Экспедиция приближалась к концу. Шофер, не жалея своих сил, день и ночь гнал машину полным ходом. Вот, наконец, мы совсем близко; впереди виден дым от труб Ашхабада, слева от нашего пути лежат последние бугристые пески. Я настойчиво стучу в кабину, удивленный шофер выключает мотор и высовывает из кабины голову. Вместо объяснения я открываю бочку и, схватив варана за хвост, осторожно бросаю его в сторону. Машина движется дальше, скорость ее возрастает с каждой

секундой. Мы спешим в Ашхабад, домой. А наискось от дороги, извивая свое длинное тело и блестя чешуей на вечернем солнце, тоже домой, к родным пескам, бежит наш спутник зем-зем.

Маршрут закончен — мы в Ашхабаде. Днем уже не жара, а настоящее пекло. Пора возвращаться в Москву, к прохладе. Ранним утром самолет отделяется от земли. Десять летных часов, и мы — дома. Здесь еще весна; на березках только распускаются душистые молодые листочки.

РАЗБОЙНИКИ

Широка и, кажется, бесконечна дельта великой русской реки Волги. Ниже Астрахани от мощного русла ответвляются бесконечные протоки, быстро несущие мутную воду в Каспий. Низкие болотистые берега их заросли тростниковыми крепями да водолюбивыми кудрявыми ивами.

Местами протоки так узки, а береговые деревья так развесисты, что вода струится под тенистым зеленым сводом. Но вырвутся протоки к мелким култукам взморья, и вашим глазам представится необъятный простор. Здесь и там среди водной глади выступают низкие островки, вдали зеленеет на косах ивовая поросль, желтеют пятна прошлогоднего тростника.

Давно освоена дельта реки человеком, но и поныне сохранилась ее небогатая, но своеобразная фауна. Дикие кабаны табунами бродят в тростниковых зарослях, нередко выдра, а водяных птиц сколько — представить трудно! Дельта — настоящее царство всевозможных голенастых птиц, серых гусей, уток. Черные бакланы, долговязые цапли, колпицы, каравайки образуют здесь крупные гнездовые колонии. Иной раз десятки гнезд покрывают одну развесистую иву. А сколько таких деревьев на лесном участке, избранном птицами для гнездовья! И когда вы бесшумно скользите по быстрой протоке на легкой лодочке, вы непрерывно видите летящих птиц. Вот потянулась за пищей стая коричневых караваек, образовав угол; не спеша туда же летят кваквы, медленно взмахивая широкими крыльями; как будто воздушный кораблик, плывет в воздухе чудная белая цапля.

Еще больше птиц на взморье. Здесь гнездятся гуси, черно-головые и серебристые чайки-хохотуньи, кудрявые пеликаны; сюда на отмели и косы прилетают кормиться голенастые птицы, гнездящиеся на лесных островах дельты. Раскатистым хохотом крупных чаек, гусиным гоготом и шумом взлетающей пеликаньей стаи встречает взморье появление человека.

Вот впереди лодки из зарослей ивняка выплывает пара гусей. Осторожные птицы совсем близко, но не взлетают в воздух и, тревожно озираясь, быстро плывут вперед. Едва удерживаясь, на спине гусыни примостились четыре пуховичка-гусенка. Близость человека, наконец, заставляет взрослых гусей подняться на крылья, и пуховички остаются одни. Но гусята-малыши не беспомощны. Они проворно ныряют и благополучно уходят от нашей лодки.

Вдали, справа, на блестящей водной поверхности темнеет большое пятно. Издали его можно принять за островок, но пятно движется, изменяет контуры. Еще две-три минуты — и вам хорошо видно, что это крупная стая серых гусей. Некоторое время они, высоко подняв головы, плывут вперед, но затем, когда расстояние между ними и лодкой сокращается, с шумом и гоготом поднимаются в воздух. Сначала беспорядочной массой, потом, выстроившись углом, птицы низко летят над водной гладью и вдруг, достигнув зеленой косы, круто взмывают вверх. Миновав косу, стая опять опускается к воде и постепенно исчезает на далеком горизонте.

Что там такое? Невидимые нити, что ли, преградили дорогу летящим птицам, почему они взмыли вверх над косой? На этот раз там ничего нет, но в зеленой чаще ивовых зарослей легко укрыться вместе с лодкой охотнику, а осторожность никогда не мешает.

В центре птичьего царства, в дельте Волги, помещается Дамчикский кордон Астраханского государственного заповедника. Уютный и во всех отношениях замечательный уголок; кто хоть раз побывал там, никогда его не забудет. Едете вы на лодке широкой и быстрой протокой, как будто вдали от людей. По сторонам тростники да ивы, иногда взлетит цапля или под натиском потревоженного кабана затрещат заросли. Одним словом, настоящая глушь и безлюдье окружают вас.

И вдруг впереди лодки, сквозь зелень прибрежных деревьев мелькнет красивый голубой домик, за ним другой, еще и еще — целый поселок чистеньких голубых зданий. Теперь, когда кордон рядом, вы обнаруживаете одну особенность: все домики стоят не на земле, как в обычном селении, а на высоких сваях.

Жилые постройки, общежитие и комнаты для приезжих, столовая, лаборатории, продуктовый ларек — все есть в голубом поселке. Даже коровы, собаки и куры есть в этом селении, только нет улиц. Их заменяют деревянные мостики на сваях и сама протока, на берегу которой стоит катер, да в маленькой бухточке — флотилия лодок.

Проводимые в заповеднике исследования, запрещение охоты на обширной территории и активное воздействие человека на природу имеют большое значение для сохранения в дельте Волги местной фауны, для увеличения численности ряда ценных зверей и птиц. Кабан в дельте, например, обычное животное. В высоких и густых зарослях его нелегко увидеть, но вы можете поднять несколько кабанов с лежек и быть свидетелем, как обеспокоенные звери ломаются сквозь густую чашу.

А сколько белых цапель сейчас в заповеднике!

Не так давно эти великолепные птицы были почти полностью истреблены во многих частях нашей страны. Длинные красивые перья — эгретки, отрастающие на спине у цапель, оказали им плохую услугу. В дореволюционной России белых цапель добывали в самый разгар их размножения ради драгоценных перьев, и чудная птица вскоре стала у нас большой редкостью. Постоянное преследование и стрельба из ружей научили эту птицу держаться особенно осторожно. А если не заметит иной раз цапля опасности, налетит случайно на охотника, то всеми силами пытается ускользнуть от губительного выстрела. Мало того, что она изо всех сил машет крыльями, но и ногами работает, как будто пытается ими оттолкнуться от воздуха. Посмотришь на выкрутасы птицы — смешно и жалко ее станет.

Сейчас большие белые цапли во множестве гнездятся в Астраханском заповеднике, здесь они стали самыми обыкновенными птицами и, как мне кажется, в значительной мере утратили осторожность. Много раз налетали на меня белые цапли совсем близко, но ни одна из них со страху в воздухе выкрутасов не делала. Увидит, на одно мгновение шею вытянет, голову набок склонит и несколькими взмахами широких крыльев отбросит себя далеко в сторону и опять спокойно летит своей дорогой.

Одним словом, зверям и птицам привольно и спокойно живется в заповеднике. Пройдет все лето, а местная птица и выстрела не услышит.

Однако как у человека, так и у четвероногих и крылатых обитателей дельты бывают невзгоды, огорчения, есть и враги.

Иной раз спрячешься среди тростников и сидишь неподвижно — хочется близко кабана понаблюдать. Да не тут-то было! Назойливо пищат комары, лезут в глаза, в уши, кусают шею. Сначала немного, а потом все больше и больше собирается около вас этих маленьких беспощадных мучителей. Какие уж там наблюдения! Сохранять полную неподвижность становится невозможно — заедают комары, да и кабан не дурак. Слышит, множество комаров в одном месте гудит, значит, там что-то живое прячется, подходить опасно. И, осторожно зайдя против ветра, чуткий зверь несколько раз втянет в себя воздух, затем с шумом выдохнет его, выражая этим недоверие, и кинется прочь сквозь заросли.

В иные годы комаров на кордоне бывает великое множество, и тогда они не дают житья животным и людям.

«Помни о смерти», — невольно вспоминаю я краткое латинское изречение, читая на дверях кордона другую надпись: «Не забывай о комарах». Такое напоминание для рассеянного человека здесь весьма кстати. Ведь комары в жилище — это величайшее мучение. В каждой квартире и в лабораториях на окнах рамы с мелкой металлической сеткой, а столовая вообще представляет собой большую вольеру, сквозь которую свободно продувает освежающий ветер, но не в состоянии проникнуть назойливые насекомые.

Но что комары! Почтище комара мучитель обитает в заповеднике. Серую ворону вы уже, наверное, все знаете. Вредная, невыносимая птица, и хотя она вредна везде, где водится, но вороны Астраханского заповедника вне конкуренции — настоящие разбойники.

Они не дают покоя гнездящимся птицам, мешают работать ученым. Десятки смысленных птиц целыми днями торчат на кордоне. Видимо, для них кордон — это сборный пункт, где к тому же всегда есть надежда чем-нибудь поживиться. Они снуют по крышам, топчутся у кухни, осматривают лодки, в которых на кордон доставляется рыба. Чуть кто зазевался — проворные птицы ташат все съедобное.

«Цып-цып-цып»,— сзывая своих кур, выходит на крыльцо старушка с кастрюлькой какой-то каши. Она высыпает ее в деревянное корытце, но, на беду, столкнувшись с соседкой, перекидывается с ней несколькими фразами. Такой оплошности вполне достаточно. Несколько ворон, энергично дергая и толкая глупых

кур, в одно мгновение уничтожают кашу.

— Бабушка,— кричу я издали,— бабушка, вы кого накормили?

— Как, милый, кого? — курочек.

— Не курочек, а ворон накормили,— показываю я на птиц, сидящих на крыше.

— Ах ты, господи, опять все съели! — волнуется старушка.— А я-то разболталась, все забываю, что кругом эти воры.

Но мелкие кражи вороватых птиц на кордоне — полбеды. Вред, приносимый колониально гнездящимся цаплям, каравайкам, колпикам и бакланам, гораздо больше.

«Карр-карр»,— деловито кричит одна из ворон, и по этому сигналу все ее товарки, расхаживающие среди построек и отдыхающие на крышах, покидают кордон. «Испугались кого-нибудь, что ли?» — подумал я, впервые наблюдая такое поведение вороватой компании. Но птицы вели себя так совсем по другой причине.

От кордона отчалила лодка и, гонимая кормовым веслом, быстро заскользила вниз по течению. Она направлялась туда, где на деревьях ивы разместилось крупное поселение бакланов и цапель. Но где же улетевшие из кордона вороны? Они уже далеко впереди. Сидя на вершинах растущих на берегу ив, вороны деловито следят за вашим маршрутом. «В какую колонию направляться?» — бросают они на вас пытливые взгляды. И если при разветвлении протока вы свернули вправо, то и вороны летят в том направлении; до места вы их уже не увидите.

«Карр-карр-карр»,— торжествующим приветствием встречают они вас у самой колонии. Что, мол, долго копался на своей лодке — скорей к делу!

Над быстрой протокой повисли ветви крупных ив; здесь и там среди зелени темнеют массивные гнезда. На них сидят какие-то крупные черные птицы. Это бакланы насиживают яйца. Появление лодки их беспокоит.

Вот, вытянув длинную шею и следя диким зеленым глазом за непрошенным гостем, один из бакланов покидает яйца. Тяжелая птица неуклюже срывается с ветви; усиленно взмахивая крыльями, спускается почти до самой воды и, наконец, летит в сторону. «Карр»,— торжествующе кричит одна из ворон и, на мгновение усевшись в оставленное гнездо, схватывает яйцо и поспешно улетает с ним в лесную чащу.

«Карр»,— орет вторая ворона и уже тащит второе яйцо из гнезда баклана. Примеру двух первых успешно следует еще одна птица. Совсем иной, раздраженный, крик четвертой вороны явно показывает, что она опоздала,— яиц в гнезде не осталось. Она срывается с места и с криком преследует товарку, утащившую последнее яйцо кладки.

Каждая ворона съедает свою добычу в определенном месте. В сухое лето, когда воды мало, яйца расклеиваются на земле среди леса. Десятки зеленоватых, ярко-голубых, как южное небо, белых и пестрых скорлупок яиц валяются здесь на так называемых «кормовых вороньих столиках».

«Карр»,— рядом с вашей лодкой садится на иву ворона. Это значит, яйцо выпито, можно начинать сызнава. Ворона смотрит на вас с таким доверием, с такой надеждой! И действительно, вы заслуживаете этого, ведь вы ее настоящий помощник.

Замахнувшись длинным шестом, я как-то пытался отогнать обнаглевшую птицу. К сожалению, я не достиг цели. Нахальный разбойник, вероятно, решил, что это движение предназначено не для нее — вороны, а для бакланов, продолжавших упорно сидеть на яйцах. Разве можно при таких условиях часто посещать птичьи колонии? Ведь там вас встретит десяток, а то и два жадных, дерзких и энергичных хищников, видящих в человеке своего соучастника. Проникновением в колонию вы, вопреки своему желанию, обязательно погубите несколько гнезд.

Если бы знал читатель, как мне хотелось схватить ружье и сделать по воронам несколько выстрелов. Ведь эти умные птицы, узнав о сокрушительном действии огнестрельного оружия, начинают бояться его больше всего на свете.

Как-то в селении Вострецово, расположенном на реке Большой Уссурке в Уссурийском крае, куда я только что прибыл, я увидел интереснейших для меня птиц — большешлювых ворон. Десятки их доверчиво бродили по улицам, садились на спины свиней, отдыхали на заборах и крышах. Я немедленно извлек из чехла ружье, чтобы добыть хоть одну для своей коллекции. Но, увы! Все попытки окончились неудачей. Как будто зная мое намерение, вороны тотчас разлетелись куда попало и перестали посещать селение.

Тогда я вышел в окрестности и, пряча ружье, пытался приблизиться к птицам. Два дня я потратил на эту охоту и не добыл ни одного экземпляра. Почему же так осторожны оказались птицы? Да потому, что ранней весной один из местных охотников, пристреливая свое ружье, сделал по воронам несколько удачных выстрелов.

Я убежден, что, истребляя серых ворон путем отстрела, можно добиться блестящих результатов. Одного появления с ружьем будет достаточно, чтобы разогнать жадную стаю разбойников. И в то же время ценных гнездящихся птиц можно приучить, чтобы они не реагировали на ружейный выстрел. Разве я на практике не видел таких примеров?

Передо мной встает такая картина. Далекий север, холодное суровое море, крик морских чаек. Нет ветра, но после ночного шторма тяжелые, свинцовые волны с белыми гребешками одна за другой катятся по водной поверхности, с грохотом разбиваются о прибрежные скалы. Я стою над береговым обрывом, вслушиваюсь в рокот прибоя, смотрю на небо, по которому быстро бегут лохматые клочки облаков, где-то позади кричат гуси, доле-

тает бодрый гогот серого гуся и унылый гогот гуся-гуменника.

С тревогой вслушиваюсь в голоса крикливой гусиной стаи. Как уныло здесь, когда нет солнца. Но вот птицы исчезают вдаль, затихает их крик, а вслед за ними медленно наползает туман, скрывая от глаз беспокойное море, береговые скалы, каменистую тундру. «Уу-ах, уу-ах», — в стороне громко кричит гагара, и ее крик сквозь туман доносится, как будто из другого мира. И вдруг совсем близко оглушительный пушечный выстрел обрывает ход моих мыслей. Невыносимый от неожиданности звук пронизывает нервы.

Близ местного маяка стоит пушка. В туманные дни через каждые 20 минут раздается пушечный выстрел. Это маяк предупреждает проходящие пароходы о близости опасных подводных скал, о близости острова. Но для нас интересно другое. Под самым стволом орудия на гнезде спокойно сидит гага. Она занята высиживанием яиц, и ее не тревожат пушечные выстрелы. Неподалеку от этого места, на ровном участке тундры, во множестве гнездятся сизые чайки, полярные крачки, короткохвостые поморники. Воинственно они встречаются каждого человека. Туча белых, сизых и темных птиц, наполняя воздух резкими криками, вьется над самой головой пришельца, бросается с высоты, взмывает вверх, чтобы вновь через секунду повторить нападение. Появление человека их беспокоит, мешает насиживать яйца, но до пушечной стрельбы им нет дела.

— А в Москве народу! От огней, наверное, как днем светло, — возвращает меня к действительности мой юный спутник Аркадий.

— Да, народу много. В праздник вся Москва гудит, по улице не пройдешь. Зато у вас здесь тишина, простор, — окидываю я уходящую вдаль протоку.

— Народу много, а куда хочешь, туда и пойдешь, а тут простор, а пойти некуда, — отвечает Аркадий. — Камыши, вода кругом.

— Знаешь, Аркаша, — успокаиваю я его, — человек никогда не бывает доволен тем, что имеет. Попадешь надолго в Москву, вспомнишь эту протоку: рыбы-то в ней сколько, сазаны какие!

Вот я на берегу Баренцева моря был. В плохую погоду там просто тоска безысходная. Волны режут, ветер воет, и самому волком завывать хочется. А местные рыбаки, как уедут оттуда, с тоски места найти не могут. Я раз встретил такого рыбака в чудном уголке на Кавказе и после его жалоб спрашиваю: «Да что у вас там хорошего, здесь-то разве плохо?» — «Все бы ничего, земля плодородная, фрукты, да чайки не кричат, и без крика чаек жизнь немила».

Но вернемся к воронам Астраханского заповедника. «Проезд запрещен», — гласят надписи на берегах многих протоков, где издавна большими колониями гнездятся голенастые птицы. Конечно, таким путем удастся сократить гибель птенцов и яиц от энергичных и находчивых хищников. Но это только полумера.

Ворона — одна из немногих птиц, вред которых чрезвычайно велик.

ВОДА ОДОЛЕЛА

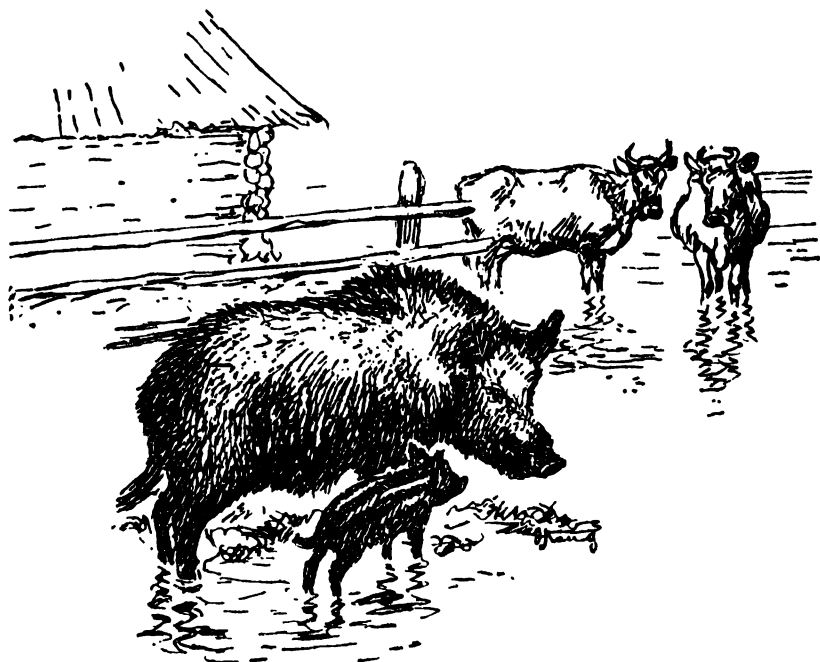
— Ты знаешь, папка,— как-то сказал мне сын,— я видел дикую свинью с поросенком. В самый разлив они приплыли в Дамбинскую яму, где на крошечном островке стоял домик лесника, и стали жить с домашними свиньями и коровами.

— Наверное, ты что-нибудь напутал,— усомнился я.— Беспородные домашние свиньи часто бывают поразительно похожи на кабанов; наверное, ты с такой одичавшей свиньей столкнулся.

Но сын так горячился и доказывал свою правоту, что я не мог ему не поверить. Он только что вернулся из Астрахани от дяди, с которым много поездил по дельте Волги.

Меня этот случай очень заинтересовал. Ведь я хорошо знаю кабанов, знаю, насколько осторожны эти сообразительные животные, как они боятся человека,— и вдруг дикая свинья сама пришла к человеку!

— Знаешь, папка,— продолжал сын,— старая свинья людей совсем не боится, но от них в стороне держится. Как подойдут к ней близко, полосатый поросенок за нее спрячется, а свинья сгорбится, ошетинится, недобро смотрит, того и гляди бросится.

Спрашивает сынишка у лесника: «Как это она не побоялась человека, сама к вам пришла?» А тот смеется: «Не сама пришла, беда пригнала, не пошла бы, да вода одолела. Вот как спадет вода, свинья с поросенком опять в камыши уйдет, здесь не останется».

Лесник прав. Вода заставит не бояться и человека. Глуп заяц, труслив до крайности, а и тот в лодку к Мазаю прыгал, когда вода одолела. И я вспомнил один давнишний случай с кабаном. Но перед тем как рассказать читателям об этом трагическом случае, я расскажу то, что видел в Астраханском заповеднике, расположенном в дельте Волги.

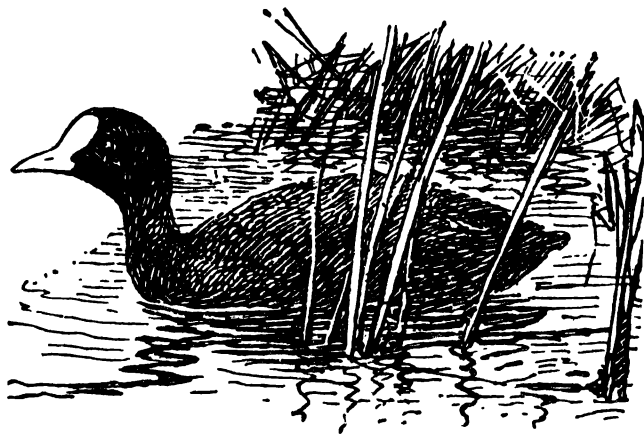
Я посетил заповедник в год, когда воды было мало, и на этот раз не видел настоящего бедствия. Вода прибывала медленно, за сутки ее уровень повышался на сантиметр, и о паводке никто серьезно не думал. Но и такой слабый подъем все же отразился на некоторых птичьих колониях взморья.

Пока не было ветра, на небольших косах загнездились крупные чайки — обыкновенные и черноголовые хохотуны. Несколько десятков гнезд располагалось близко одно от другого, в них в это время лежали яйца. Только в немногих гнездах успели появиться пуховички.

И вдруг подула моряна, и хотя ветер не достиг значительной силы, но за три дня вода поднялась настолько высоко, что большинство гнезд оказалось затоплено. Над погибшей колонией кружились крупные белые птицы, наполняя воздух то жалобным криком, то своеобразным громким хохотом.

Вода грозила затопить и пеликаньи гнезда. Издавна эти птицы гнездятся в этих местах, но, не в пример другим птицам, не умеют избегать гибели от сильных подъемов воды во время моряны. И сколько труда затратили сотрудники заповедника, чтобы обеспечить пеликанам нормальное размножение, — представить трудно!

Например, кряковая утка в дельте обычно откладывает яйца на высоких деревьях в гнезда ворон и коршунов. Сидит такая

утка на яйцах, воды не боится, и комары до нее не добираются. Глупый же пеликан, хотя и есть места более надежные, упорно продолжает гнездиться на крошечных камышовых островках, где его птенцам при подъеме воды верная гибель. Вот и в предыдущую зиму сколько труда было затрачено, чтобы для птиц создать надежные места гнездования! Еще по льду навозили на взморье громадное количество камышовых снопов, соорудили большой плот, закрепили на месте толстыми кольями. Удался плот на славу, десяток коров на нем поместить можно — тесно не будет.

Закончили энтузиасты работу, представили, как весной загнездятся десятки громадных птиц и как спокойно им будет на надежном плоту растить молодь, и решили на следующий год еще такой плот построить.

Настала весна, прилетели пеликаны, устроили гнезда, отложили яйца — только не на прекрасном новом плоту, а опять на маленьких камышовых кочках. Издали такие гнезда совсем незаметны. Видишь только большое светлое пятно среди водной глади. Это 15—20 пеликанов сидят на гнездах, скрывая их своей массой.

В последней декаде мая посетили мы пеликаньи колонии на взморье и поняли, что многим из них грозит гибель. Моряна нагнала в кулдук воды, уровень ее поднимается с каждым часом — вот-вот начнет топить гнезда. Приехали на другой день — уже первые жертвы есть. В самых низких гнездах от воды пеликанята погибли. Что делать? На двух небольших камышовых кочках сгрудились 25 крупных и маленьких пеликанят и, видимо, не предполагают, что им грозит гибель. Тесно на кочках, ступить некуда, а тут еще около десятка взрослых пеликанов на гнездовья взобраться пытаются — того и гляди все погубят.

— Затопит? — спрашиваю я местного наблюдателя-охотника Сашу.

— Обязательно затопит, — отвечает он, а сам, видимо, старается выход найти из создавшегося положения. Подумали мы, подумали и пришли к следующему выводу. Если пеликанят до завтрашнего дня оставить, они все погибнут. Значит, нечего бояться делать с ними какие угодно опыты. Перевезем сейчас их на искусственный плот, а завтра, если взрослые не найдут их и кормить не будут, заберем всех на кордон и раздадим ребятам на выкормку, благо попавшихся в вентери шук девать некуда, выбрасывать приходится. Этими шуками и полсотню пеликанов выкормить можно.

На этот раз в лодке нас было четверо. Высадили мы двух наших спутников-ленинградцев на искусственный плот, туда же сложили все вещи и отправились к пеликаньей колонии. Выбрался я на кочку, хватаю пеликанят за шею, за клювы и передаю Саше, а он их, как мешки, в лодке укладывает. Только птенцы на месте не сидят, пытаются за борт выбраться и спешат освободиться от съеденной пищи. Широко открывает пеликаненок рот, покрутит головой и выбросит наполовину переварившуюся рыбу. В одно

мгновение всю лодку испачкали, и такой от нее невыносимый запах пошел, что дышать нечем. Скорей бы перевезти птенцов и лодку вымыть, а тут некоторые пеликанята с гнезда соскочили и вплавь пытались уйти от нас — беспокойных посетителей. Пришлось за ними гоняться.

Поразило меня, что совсем голые и, казалось бы, беспомощные пеликанята умели отлично плавать. Шлепнется птенец с гнезда в воду, шею вытянет и, заработав ногами, плывет в сторону. Почему не знаю, но напоминали они мне волжский колесный пароход; что-то было между ними общее.

Наконец, мы переловили всех пеликанят, доставили их к новому месту и выгрузили на искусственный плот. Старые же птицы тем временем возвратились к опустевшей колонии и, не зная, что предпринять, расселись на камышовые островки.

— Будут там сидеть и птенцов не найдут, — говорит Саша, — давай-ка раскидаем камыш, чтобы от гнезд и следа не осталось.

Опять возвратились мы к бывшей колонии и, работая веслами, уничтожили оба маленьких островка. После этого, воспользовавшись моряной, подняли косой парус и, гонимые свежим ветром, укатали к кордону.

Перетащив пеликанят, я, откровенно говоря, мало надеялся на удачу. Наверное, придется ребятам кордона заменять птенцам их родителей. Искусственный плот помещался по меньшей мере в 300 метрах от гнездовых островков, а птицы в этом отношении ужасно капризны. Иной раз найдешь гнездо какой-нибудь чересчур осторожной птицы, осматривая, дотронешься до него руками, и птица бросит яйца. В данном же случае мы просто наразбойничали: от бывших гнезд следа не оставили, птенцов перетащили за 300 метров. Какая уж там надежда, что их «старики» найдут и выкормят!

Однако опыт увенчался успехом. На следующий день на плоту рядом с птенцами сидели два взрослых пеликана, а через день и все родители, дети которых были спасены от затопления.

Как видите, в некоторых случаях можно вмешиваться в птичью жизнь, не вызывая дурных последствий. Перевозя пеликанят на новый плот, мы способствовали его дальнейшему заселению. Ведь в будущем эти пеликанята обязательно загнездятся на плоту, где протекло первое лето их жизни.

— Резиновые яйца вода затопила, — зайдя ко мне, сказал мой юный приятель.

— Как затопила? — удивился я. — Ведь это не пеликанята. Гнездо-то на целых 2 метра над головой висит.

— Не знаю, как случилось, но в гнезде воды полно, и яйца под водой лежат.

Ничего не понимая, я сел в лодку и через несколько минут был уже у знакомого места. Здесь над узкой протокой, метра на два от водной поверхности, на конце ветви ивы висело гнездо

ремеза. Около него суетилась крошечная птичка. Она выдергивала из гнезда строительный материал и перелетала с ним на соседнее дерево. Там взамен погибшего гнезда она уже строила новое. Встав в лодке на скамейку и пригнув нависшую ветку, я сунул палец в гнездо птицы. Яйца действительно лежали под слоем воды.

Как же могло случиться, что в гнезде вода?

Ремез — крошечная, близкая к нашим синицам птичка. В конце мая из пушинок, окружающих семена камыша и тополя, он сооружает теплое гнездышко, издали похожее на серовато-белую рукавичку. Висит такая рукавичка над речкой, покачиваясь от ветра на гибкой ивовой веточке. Много ремезов водится в дельте Волги; много и гнезд удастся встретить при поездках на лодке по протокам заповедника.

Несколько дней строили два ремеза замеченное мной гнездышко. Наконец, кончили строительство, и самка стала откладывать белые яйца. Но не успела птичка закончить кладку, как гнездо вдруг погибло,

и погибло оно не от подъема воды, затопившей гнезда чаек и пеликанов. Яички были затоплены «кукушкиными слезками».

Есть у нас насекомые цикадки — ивовые пенницы. Большими колониями живут их личинки на деревьях ивы, выделяя на ветки и листья пену. Собирается она в капли, стекает по веткам ивы и, наконец, капает с дерева. Народ называет ее «кукушкиными слезками».

Видимо, неудачно построил крышу своего гнезда ремез: одна за другой капли, стекая по нависшей веточке, проникали в гнездо и затопили яички.

Посетил я как-то дельту в разгар наводнения и видел, как борются животные с водой за свою жизнь.

Неузнаваема дельта Волги во время половодья. На взморье, куда ни глянешь в голубую даль, кругом вода. Только на горизонте маячит невысокая зеленая полоска кустов и деревьев. И в знойный полдень вас непреодолимо потянет туда, к твердой почве, под тень развесистых ив. Но лучше не поддавайтесь соблазну. Вдали

не земля, а затопленный лесистый остров. Сквозь зеленую лесную чашу медленно струится вода, да среди древесных стволов, обвитых побуревшей растительной ветошью, лениво покачивается на сонной волне занесенный сюда валежник. А над всем этим на ярком голубом небе белые цепи облаков. Глянешь кругом на безбрежную воду, на небо — ширь-то какая!

Грандиозна картина разлива, но страшное это время для четвероногих обитателей дельты. Беспощадна вода — сколько диких поросят гибнет при летнем паводке!

Вот слабый ветер едва надувает наш косой парус, но легкая лодочка быстро бежит, с журчанием рассекая воду, прямо на восходящее солнце. Далеко впереди на блестящей водной поверхности движутся какие-то черные точки. Их несколько — крупная впереди, мелкие следуют за ней. «Наверное, утка с утятами», — решаем мы. Вот они достигают желтого пятна, плавучего камыша, и среди него становятся едва заметны. А лодка с каждой секундой сокращает расстояние, и вдруг всем становится ясно, что это не утиный выводок — да и что ему делать среди открытой воды. Это что-то другое, какие-то крупные животные. Мы изменяем направление, и послушная кормовому веслу лодка скользит к желтому пятну.

Где-то в глубине дельты высокая вода подняла копну сухого слежавшегося тростника; быстрое течение подхватило ее, крутя, понесло по узким протокам и, наконец, выбросило на широкий простор взморья.

— Кабаны, свинья с поросятами! — кричит стоящий на носу лодки босоногий мальчуган, и все встают, наклоняются под парус и смотрят в том направлении.

Застигнутые водой, звери пытаются спастись вплавь, а сейчас отдыхают на ненадежном плавучем острове. Поросята выбрались на тростник и, провалившись ногами сквозь стебли, несколько погрузились в воду. Вытянувшись все в одном направлении, они лежат неподвижно, как будто затаились среди тростника и боятся выдать движением свое присутствие. Положение взрослой свиньи еще плачевнее. Тростник не держит ее тяжелого тела, и она, подмяв его под себя, отдыхает в воде, высунув над поверхностью лишь свою длинную голову.

Лодка огибает островок и удаляется в сторону. Кабан — не заяц, помочь нельзя. Свинья не дает поймать поросенка, еще чего доброго бросится его защищать, перевернет лодку. Пусть отдыхают. Удивительная это вещь — материнский инстинкт. Могучий зверь — дикая свинья, прекрасный пловец, не желает ради спасения своей жизни бросить на гибель детенышей.

Лодка продолжает свой путь, все дальше уходя от неподвижной группы. Все молчат, и у всех одна дума: только бы поросята выдержали, доплыли бы до берега.

Дорогой читатель!

Кем бы Вы ни были — школьником или взрослым человеком, Вы, несомненно, получили большое удовольствие, прочитав книгу известного советского зоолога и писателя Евгения Павловича Спангенберга «Встречи с животными» (это вторая книга, выпущенная Издательством Московского университета, первая — «Записки натуралиста» — вышла в 1986 г.). Вы смогли погрузиться в прекрасный мир просторов нашей страны, свежего ветра и высокого неба дальних дорог, ощущения слитности с окружающим, увлекательной, нередко трудной экспедиционной работы, интересных и памятных встреч с людьми и животными.

О чем эта книга? Ее жанр определить довольно трудно. Это не путевые заметки и дневники, хотя многое в ней написано на их основе и композиционно она построена по географическому принципу. Это не просто рассказы о природе и животных, хотя в ней описаны многочисленные встречи с животными и один из героев в ней, несомненно, природа. Это не только рассказы о встречах с людьми, хотя жизнь автора, проходившая по большей части в многочисленных и разнообразных экспедициях, изобиловала такими встречами, и они, естественно, отражены и в книге. Думается, что главный герой этой книги — нечто трудноуловимое и трудноопределимое, что вбирает в себя и людей, и природу, и животных, то бесконечно дорогое каждому, что можно назвать духом родной страны, духом родины. Не здесь ли кроется секрет того, что книга с равным интересом и увлеченностью читается и детьми и взрослыми? Более того, прочитав книги Е. П. Спангенберга в десяти-двенадцатилетнем возрасте и снова открыв их в зрелые годы своей жизни, Вы со свежим интересом и увлеченностью переживете знакомые Вам с детства события, найдете в них новые глубины, оставшиеся недоступными при первом детском восприятии, и закроете книгу с желанием вернуться к ней вновь, и не один раз. И это вполне естественно, так как книги Е. П. Спангенберга по праву входят в золотой фонд отечественной классической литературы о путешествиях и природе наряду с произведениями Пржевальского, Козлова, Арсеньева, Плавильщикова, Огнева, Формозова и других путешественников, охотников и натуралистов.

Евгений Павлович Спангенберг (1898—1968) родился в самом конце прошлого века, и вся его нелегкая жизнь прошла в многочисленных, зачастую очень тяжелых экспедициях. Она была исполнена неустанныго труда, направленного на изучение природы и фауны нашей страны. И огнем, подогревавшим его исследовательский энтузиазм, побуждением его плодотворной научной деятельности, удостоенной, в частности, Государственной премии, были огромный интерес и любовь к природе и всему живущему. Инте-

рес и любознательность питают энергию исследователя, или, как хорошо говорили в прошлом веке, испытателя природы, для которого она объект изучения. Такие исследователи были всегда. Именно их усилиями осуществляется прогресс науки. Но настоящая любовь к предмету своего интереса, как всякая истинная любовь, всегда добра и щедра и вызывает желание поделиться с другими своим чувством, радостью общения с природой и животными. Однако не всякий способен образно и живо передать свои чувства и впечатления. Для этого необходим талант рассказчика, талант писателя. Евгений Павлович Спангенберг, не будучи профессиональным писателем, в полной мере обладал писательским дарованием, которое осознал в себе уже в зрелые годы. Но он никогда не считал себя профессиональным писателем и не анализировал таинство литературного творчества. Лишь в одном месте можно найти намек на то, что специалисты могли бы назвать творческим методом: «Не могу писать о том, что вижу, что меня окружает. Нужно забыть это, вновь воскресить в памяти после долгого перерыва, прочувствовать, и тогда писать будет легко и свободно» («По пустыням и озерам Казахстана»). И, тем не менее, его книги по самым строгим требованиям можно назвать высокохудожественными произведениями. Прекрасный и в то же время простой, легкий, естественный, свободный и образный язык его прозы, лишенный нарочитости, пышных, но маловыразительных эпитетов, позволяет вам как бы увидеть то, о чем пишет автор. При этом разнообразные места и ландшафты нашей страны описываются ненавязчиво, скупыми штрихами, но так, что становятся привычными и близкими, как если бы вы сами путешествовали по ним, прониклись их своеобразной красотой и полюбили. И это ощущение сродненности возникает всегда и независимо от того, идет ли речь о дальневосточной тайге, грандиозной панораме Иссык-Куля, тугайных зарослях Казахстана или безбрежных тростниках дельты Волги. Это ощущение будит в вас желание двигаться, желание путешествовать, желание увидеть все самому, по-своему пережить то же, что пережил автор.

Неудивительно поэтому, что на книгах Е. П. Спангенберга выросло не одно поколение наших зоологов, и пишущий эти строки в том числе. И многие из тех, кого я теперь знаю как своих коллег-зоологов, прочитав, как и я, в детстве книги Спангенберга, зажглись, благодаря таланту их автора, интересом и любовью к природе и животным и сделали их изучение и охрану делом своей жизни.

При чтении прозы Спангенберга огромное удовольствие доставляет эстетизм автора. Для него не существует красивых или некрасивых животных или тем более животных отвратительных. Для него по-своему прекрасны каждый зверь, каждая птица. Не всем своим животным-героям автор дает описания и внешние характеристики, как, например, «сказке-птице», утке-мандаринке (рассказ «Толька»). Но в каждом образе вы чувствуете мастерски переданную красоту, будь то мощь дикой свиньи, самоотверженно ведущей к спасению от половодья свой выводок («Вода одолела») или

стремительный бег бесстрашно нападающей киргизской овчарки, встреча с которой чуть было не кончилась трагически («Собаки»).

Тогда, в 50-е годы, в нашей стране немногие голоса, призывавшие к охране природы, звучали одиноко и не встречали такой широкой, как сейчас, и в том числе официальной поддержки. Был создан и осуществлялся развернутый план активного преобразования природы. Обиходными были выражения «наступление на природу», «покорение природы», отражавшие моральные нормы отношения к ней, находившие материальное подкрепление в бурном росте нашей хозяйственной техники, особенно гидростроительной. Однако с конца 60-х и особенно в 70-х годах стали все более очевидными и отрицательные последствия бесконтрольного использования природных ресурсов на основе распространенного тогда представления о их неисчерпаемости.

Современному, особенно молодому читателю, выросшему в обстановке осознания необходимости охраны природы, наверное, небезынтересно будет узнать, что Спангенберг писал совсем в другое время, при совсем другом отношении к ней. Отношение к природе стало постепенно меняться. Этому в немалой степени способствовали и такие объективные процессы, как концентрация все большей части населения нашей страны в искусственной среде городов и как следствие возникшая противоположная тенденция: стремление в природу, стремление проводить свой досуг на природе. Ныне мы являемся свидетелями формирования нового, более бережного отношения к природе. Принят закон об охране природы. Возникает новая мораль в отношении к ней, выразившаяся, в частности, в распространении понятия «природа — наш дом». Нельзя, тем не менее, не сказать, что это понятие весьма неполно отражает то отношение, которое объективная экологическая необходимость требует сейчас от нас. Ведь дом предполагает возможность выйти из него наружу. Но куда мы можем выйти с нашей планеты!?

В связи с колоссально возросшей деятельностью современного человека, принявшей глобальные, планетарные масштабы, настало время согласованных международных усилий по сохранению природы. Сделаны первые шаги в этом направлении. Международным союзом охраны природы принята программа «Всемирная стратегия охраны природы». Однако залогом ее успешного осуществления должно стать формирование бережного отношения к природе. Суть его заключается в неотторжимости человека от природы, как органической части биосферы среди других равно важных ее частей. Человек всегда, независимо от того, понимал он это или нет, составлял единое целое с природой, и сейчас одна из важнейших задач — осознание этого как объективной закономерности, как условия существования.

Замечательно, что в прозе Спангенберга мотив слитности с природой, органическая тяга к общению с ней звучит сильно и отчетливо. И в этом отношении его книги чрезвычайно современны сейчас и еще долго не утратят своей актуальности. Это книги не

только для юношества, как они мыслились автору. Его книги адресованы самым широким кругам читателей.

Зоолог по профессии, Спангенберг обращает внимание прежде всего на животных. Но животные для него в первую очередь личности, и лишь потом объект исследования. Личности, к которым он относится с пониманием и уважением, со знанием особенностей их поведения, потребностей и проблем. И здесь необходимо затронуть весьма важную и иногда трудную для понимания тему творчества писателя.

Автор — охотник и профессиональный зоолог-коллекционер. В его рассказах звучат выстрелы, отнимающие жизнь. А ведь он с детства бесконечно любит животных. Как совмещаются в человеке любовь к животным и охота на них? Непросто ответить на этот вопрос. Но вспомним, что древний человек был охотником и оставил нам в наследство стремление к охоте. Охота была для него необходимостью, источником существования, дававшим пищу, одежду, кров. Не отделяя себя от животного, считая его равным себе, зачастую даже обожествляя, древний человек, убив тотемное животное, просит прощения у его духа и в обращении к нему оправдывает свой поступок необходимостью. Так же, согласно традиции, поступает современный индеец или эскимос, добывший моржа, потомка его тотемного животного-родоначальника, Матери-моржихи, давшей жизнь и племени моржей, и его собственному племени. И всегда в душе человека боролись укоры совести с сознанием необходимости совершенного. Те же самые чувства мы находим и у автора: «Что рассказывать о том, как метким выстрелом вы добыли даже самую ценную дичь. Ведь наряду с кратковременным торжеством где-то глубоко в вашем сознании копошится неприятное чувство — сожаление о загубленной жизни» («Немного о наших куницах»). Профессиональная работа автора требует добычи птиц для зоологических коллекций. Это необходимость. Это его работа. Но вот его чувства после неудачного выстрела по бородачу, крупной хищной птице среднеазиатских гор: «А я, одновременно сожалея и радуясь, провожаю его восхищенным взглядом... И как хорошо, что мой выстрел не поранил и не убил ее!» («Вокруг Иссык-Куля»).

Разумеется, благополучие современного охотника-спортсмена не зависит от результатов охоты, но древний предок оставил ему в наследство охотничью страсть и стремление к общению с природой как неосознанное воспоминание, потребность в единении с ней. «Для меня не имеет значения, — пишет Спангенберг, — если я возвращусь домой без пары уток ... я и так получил огромное удовольствие, стоя на зоре. Если бы не стрельба по быстро летящей птице, которую, признаться, люблю до страсти, и не хорошие ружья, к которым я также равнодушен, я бы давно бросил охоту и ограничился наблюдением животных в природе» («Две зимы»). Современная культурная, правильная охота дает возможность удовлетворять оба эти стремления без ущерба для животного мира, но во всем должна быть соблюдена разумная мера: «...Можно

охотиться ради промысла, можно и со спортивными целями, и лес рубить тоже можно, но все надо делать с умом, по-хозяйски. Из родной страны гнать огнем и мечом нужно врага, а не родную природу» («Толька»).

И еще одно маленькое пояснение. В тексте книги встречаются рассуждения о полезности и вредности некоторых зверей и птиц, вкрапленные в виде небольших кусочков, по характеру заметно отличающихся от стиля, изложения писателя, совершенно чуждого одностороннему потребительскому отношению к животным. Не удивляйтесь, это подневольная дань ушедшему времени, о котором говорилось на предыдущих страницах. Времени, когда человек брал на себя право решать, кого истреблять, а кого оставлять в живых. Времени, когда большинство хищных птиц, например, считались вредными и подлежали отстрелу. Но не бывает безусловно вредных или безусловно полезных животных. И автор, конечно же не разделявший этих позиций, где только мог, старался проводить биологически правильную трактовку понятий «полезное» или «вредное животное».

О многом еще можно было бы написать, раздумывая над книгами Евгения Павловича Спангенберга. Но мне хотелось бы вернуться к теме, затронутой в начале этого небольшого послесловия. К теме родины, которая ненавязчиво, но явственно и постоянно звучит в его прозе.

Чувство родины в основе своей чувство врожденное или приобретаемое еще в раннем детстве. Привязанность к родине не привилегия человека, она присуща также многим животным и особенно ярка у перелетных птиц, стремящихся вернуться на гнездовья в родные места. И каждый человек стремится на свою родину, тоскует в разлуке с нею и вновь старается посетить места своего детства. Но специфически человеческое чувство Родины, патриотизм, формируется уже при осознании того, почему человек любит свою страну. А для этого он должен знать о ней как можно больше, в том числе возможно больше о ее природе, ибо сознательная любовь к Родине, настоящий патриотизм, начинается с любви к ее природе и невозможен без этой любви.

Заключая, хочу сказать, что я от души завидую всем, впервые открывшим «Встречи с животными». И кто знает, может быть, эта книга окажет влияние на судьбу кого-то из ее юных читателей, как уже определила судьбу многих, выбравших прекрасный путь зоолога-натуралиста, исследователя родной природы и ее защитника.

Кандидат биологических наук
М. В. ГЕПТНЕР

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ПО УССУРИЙСКОМУ КРАЮ

На Большой Уссурке	5
Голубые красавицы	19
Справочное бюро в природе	23
Амурский полоз	27
Мягкотелые черепахи	32
Толька	38
Дядя Вася	54

ПО ЗАКАВКАЗЬЮ

Один день в Ленкорани	68
Колючий шакал	72
История первой краснозобой казарки	77
Дикие кошки	79
Котята	87
Две зимы	91
У страха глаза велики	97
Вспышка гнева	104
Там, где зарождается суеверие	108
Назойливая птица	112
День в скопином гнезде	116
Загадочные птицы	122
На горном перевале	125

ПО ПУСТЫНЯМ И ОЗЕРАМ КАЗАХСТАНА

Замечательный осел	143
Загадочные обитатели пустого дома	149
Остров Иринбет и его обитатели	152
Дикое Пятнышко	164
Волки	170
Ит-ала-каз	176
Зоологические промахи	181
Саксаулочка	186

В ГОРАХ КИРГИЗИИ

Глазастые хищники	198
Синяя птица, или лиловый дрозд	200
Орлиное гнездо	204
Чо	210
Чубчик	216
Десять лет спустя	222
Вокруг Иссык-Куля	230

ПО СТРАНЕ ПУСТЫНЬ — ТУРКМЕНИИ

На машине	247
Колокольцы	252
Маленький смельчак	254
Зем-зем	260

В ДЕЛЬТЕ ВОЛГИ

Разбойники	266
Вода одолела	274

Научно-художественное издание

Евгений Павлович Спангенберг

ВСТРЕЧИ С ЖИВОТНЫМИ

Заведующий редакцией *А.Г. Гаврилов*

Редактор *И.М. Шагинова*

Художники *А.Ю. Ракша, В.Ю. Новиков*

Художественный редактор *Т.А. Коленкова*

Технический редактор *Л.М. Матюшина*

ИБ № 8091

Изд. № Е-583. Сдано в набор 05. 09. 86. Подп. в печать 11. 11. 86. Л-66488. Формат 60х90¹/₁₆. Бум. кн. журн. № 2. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Объем 18 усл. печ. л. 18,25 усл. кр.-отт. 19,46 уч.-изд. л. Тираж 160000 экз. (2-й з-д 60001—110000). Зак. № 746. Цена 1 р. 30 к.

Издательство "Высшая школа", 101430, Москва, ГСП-4, Неглинная ул., д. 29/14.

Отпечатано в Московской типографии № 6 Союзполиграфпрома, 109088, Москва, Южнопортовая ул., 24.

1 p. 30 к.

